ДРЕВНЯЯ ІСТОРІЯ

Томъ пятый

ДРЕВНЯЯ ІСТОРІЯ
ОБЪ ЕГІПТЯНАХЪ
О КАРѲАГЕНЯНАХЪ
ОБЪ АССІРІАНАХЪ
О ВАВІЛОНЯНАХЪ
О МИДЯНАХЪ, ПЕРСАХЪ
О МАКЕДОНЯНАХЪ
И О ГРЕКАХЪ.

СОЧИНЕННАЯ
Чрезъ Г. Ролленя, бывшаго Ректора Парижскаго Университета, Профессора Элоквенціи, и прочая.
А съ Французскаго переведенная
чрезъ
ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО
ПРОФЕССОРА
и Члена
САНКТПЕТЕРБУРГСКІЯ ІМПЕРАТОРСКІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Імператорской Академіи Наукъ 1760 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЯТАГО ТОМА.
Древняя Історія о ПЕРСАХЪ и ГРЕКАХЪ.

Последованіе десятыя книги.
Глава третія.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КНИГА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ

Історія о двухъ Діонисіяхъ Тираннахъ Сиракузскихъ.

Глава первая.

Глава вторая.

КНИГА

ОГЛАВЛЕНІЕ

КНИГА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ

глава первая.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КНИГА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ

КОНЕЦЪ

ПРЕДУ-

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

отъ Автора.

Хотя Общество и не ожидаетъ отъ меня оправданія въ поспѣшности, съ коликою я ему служу; однако, мнится, самъ я долженъ дать ему отвѣтъ въ моемъ трудѣ, и притомъ изъяснить, какъ, вмѣсто одного токмо То́ма моея Исторіи, въ чемъ состоитъ годовая дань, платимая ему отъ меня обыкновенно, я готовлюсь въ сей настоящій годъ пода́ть ему оныхъ два совокупно. Вотъ же и есть ужé одинъ, который вышелъ; да и надѣюсь, что къ Августу мѣсяцу имѣетъ за симъ послѣдовать и другой. Можетъ здѣлаться причина къ удивленію, и также къ сомнѣнію, отдаетсяль чрезъ то

довольное почтеніе Обществу, когда съ такою скоростію подается ему книга за книгою, не показываясь, что былоль употреблено все надлежащее время къ выработанію тѣхъ книгъ, и къ пристойному исправленію оныхъ.

Мнѣ моглобъ быть печально, ежелибъ мнили быть во мнѣ такому нерадѣнію, которое я почитаю прямо противнымъ должности Писателевой. Не меньшежъ мнѣ былобъ и то болѣзненно, когдабъ приписывали сію борзость благополучному плодоносію и обилію моего разума, также способности къ сочиненію, и къ грунту знанія собраннаго издавна. Я себя не узнаваю, или весьма признаваю мало по симъ начертаніямъ.

Правда, да и Обществу не имѣетъ быть противно сіе мое признаніе, что, дабы возотвѣтствовать его благосклонности и ожиданію, я отдаю себя всего моей работѣ,

ботѣ, и поставляю единственнымъ моимъ дѣломъ, чтобъ мнѣ на нея полагать все мое время и прилѣжаніе, а отдалить бы отъ себя съ великою срогостію всякое другое упражненіе, потому что она кажется мнѣ находящеюся въ порятке Провидѣнія: но и причину я имѣю думать по успѣху, данному ей понынѣ отъ Бога, что къ сему точно Онъ меня зоветъ, и сей токмо трудъ на меня возлагаетъ.

Чтожъ произведено далѣе въ сей годъ мое дѣло за обыкновенную мѣру; то здѣлалось отъ знатныхъ помоществованій, полученныхъ отъ многихъ книгъ, изъ которыхъ я вынялъ главнѣйшіе матеріи, повѣствуемые въ обоихъ Тóмахъ, слѣдующихъ за Четвертымъ. Такимъ образомъ, лехко можно быть Авторомъ, и много сократить времени, когда находится цѣлая часть дѣла здѣлана отъ превосходныхъ художниковъ; такъ что надобно токмо

мо оное себѣ присвоить и употреблять за свое собственное. Симъ способомъ я на́чалъ поступать сперва́ са́маго ; и кажется, что Общество не ставитъ мнѣ того въ худо.

Сверьхъ сихъ помоществованій я нахожу еще другія, кои не меньше для меня важны и полезны ; да и прошу Общество снесть терпѣливно, что я ему здѣсь оныя объявлю, потому что возблагодареніе мое не можетъ долѣе молчать. Я имѣю пріятность, препровождать съ четыре сряду мѣсяца въ близости отъ Парижа въ нѣкоторой веселой деревнѣ, въ которой я имѣю все, чего ни пожелаю, какъ для труда, такъ и ради отдохновенія. Тамъ находятся дружныи люди, тамъ взаимныи разговоры, здоровый воздухъ, гуляніе и гульбища, поля́ расцвѣщренныя, бе́регъ рѣки́ всегда привлекающій, видъ красный, который представляетъ ежечасно новое увеселеніе ; а

сіе

сіе ужé всему прочему есть приправою, полная и совершенная вольность.

Два брата [Г. Аббатъ и Г. Маркій Асфелды] которыи оба ра́вно себя отмѣнили, каждый въ своемъ званіи, достоинствомъ рѣдкимъ и твердымъ, мнѣ также тотъ и другой несказанною бываютъ помощію въ моей работѣ. Одинъ, дѣлавшій и выдержавшій осады, купно и находившійся при многихъ сраженіяхъ [Общество вѣдаетъ, съ какимъ успѣхомъ] позволяетъ, чтобъ я ему читалъ главные битвы, упоминаемые мною въ моей Історіи, и чрезъ то не допускаетъ меня ко многимъ погрѣшностямъ и грубымъ ошибкамъ; да и точно къ такимъ, какихъ множество Поліби́й находитъ въ писаніяхъ Философа Каллісѳена, который слѣдовалъ за Александромъ великимъ въ славныи его походы, и не кстати вплелся описывать военныя дѣйствія сего побѣдителя, въ коихъ онъ ничего не смыслилъ, не взявъ

Поліб. кн. 12. стран. 662. 666.

мудрыя предосторожности, чтобъ спрашиваться о томъ у искусныхъ въ семъ дѣлѣ мужей.

Другой братъ, са́мый древній и присный мой другъ, который [сверьхъ глубокаго знанія въ Богословіи и въ Священномъ Писаніи, въ чемъ онъ превосходно искусенъ, свѣдущъ-еще-весьма́ въ Греческихъ нашихъ и Латінскихъ Історікахъ, и такъ, какъ всякой другой изъ извѣсныхъ мнѣ, и о которомъ кажется, что онъ ничего не позабылъ читаннаго имъ] имѣетъ терпѣливность читать, и паки прочитывать всѣ мои труды, прежде нежели они выдутъ въ свѣтъ, и не отрицается давать мнѣ свои примѣчанія, и собщать свои мысли, и рассужденія; да и снабдѣваетъ онъ меня всѣмъ тѣмъ превосходнымъ. Я чувствую, что искренняя дружба, кою онъ мнѣ являетъ отъ давняго времени, возбуждаетъ его попремногу ко всѣмъ симъ трудамъ, чтобъ въ совер-

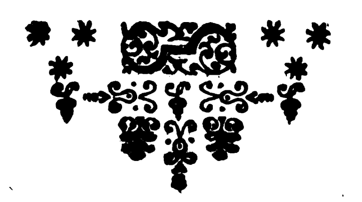
шенство

шенство привесть мою работу: но я ему долженствую учинить сїе засвидѣтельствованїе, что любовь къ Обществу, которая есть главнымъ характеромъ сихъ обоихъ братовъ, имѣетъ въ томъ большее еще участїе; а сїя чувственность его, не токмо не умаляетъ нимало моея благодарности, но еще оную дѣлаетъ искреннѣйшею, и, смѣю сказать, благоговѣйнѣйшею.

Да рассуждается жъ по сему, коль деревня * Коломба долженствуетъ мнѣ быть * Голубка. прїятнымъ обиталищемъ, и совокупно полезнымъ! Хотѣлъ бы я, чтобъ пребывало еще и нынѣ обыкновенїе, какъ то въ старину было, оглавлять свои сочиненїя мѣстомъ, въ которомъ оныя сложены: я поставилъ бы въ заглавїи моихъ: ИЗЪ КОЛОМБИНСКАГО МОЕГО ДОМУ: E' Columbario meo. ибо господинъ сего хочетъ, чтобъ мнѣ оный почитать моимъ. Я ему желаю въ награжденїе не толь земнаго тука, коль небесныя росы; а желаю ему отъ всего мо-

его

его сéрдца. Щасливъ бы я былъ несказанно, ежелибъ я могъ чемъ нибудь поспѣшествовать, чтобъ ему съ утѣшеніемъ видѣть любезныхъ своихъ чадъ растущихъ при его очахъ, и преспѣвающихъ отчасу болѣе въ разумѣ, въ добронравіи, и въ благодати, предъ Богомъ и предъ человѣки.



ДРЕВНЯЯ

ДРЕВНЯЯ ІСТОРІЯ

О

ПЕРСАХЪ

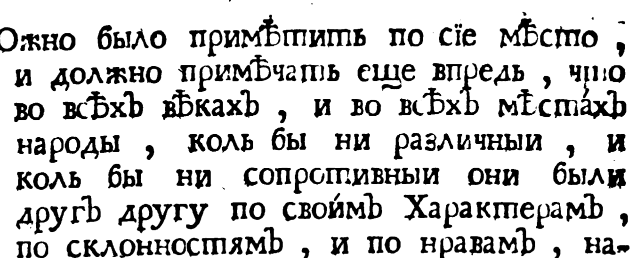
И

ГРЕКАХЪ.

ПОСЛѢДОВАНІЕ ДЕСЯТЫЯ КНИГИ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ

О ЗАКОНѢ.



МОжно было примѣтить по сїе мѣсто, и должно примѣчать еще впредь, что во всѣхъ вѣкахъ, и во всѣхъ мѣстахъ народы, коль бы ни различныи, и коль бы ни сопротивныи они были другъ другу по своймъ Характерамъ, по склонностямъ, и по нравамъ, находятся всѣ-на-все соединены въ одномъ существеннѣйшемъ пунктѣ, а именно: Во внутреннемъ чувствїи служенїя должнаго превыспренному Существу, и во внѣшнихъ дѣйствїяхъ, служащихъ къ показанїю того чувствїя снаружи. Въ какой бы кто землѣ себя ни поставилъ, найдетъ онъ тамъ священнослужителей, жертвенники, жертвы, празднованїя, законныи обряды, храмы, или мѣста́ посвященныя благоговѣнїю всенародному. Повсюду видимо есть

у народовъ почтеніе къ божеству, и страхъ Онаго, покореніе и честь засвидѣтельствуемая Тому, наконецъ общее и явное признаніе о всесовершенномъ ихъ Ему подчиненіи во всѣхъ нуждахъ, приключеніяхъ, и бѣдствіяхъ. Будучи неспособны проникнуть сами собою въ будущее, и удостовѣриться объ успѣхѣ, видятся они, что прилѣжно вопрошаютъ божество чрезъ Его Отвѣты, и чрезъ другія подобныя способы, и всячески стараются заслужить себѣ покровительство Его молитвами, обѣтами, и жертвоприношеніемъ. Сею точно Верьховною Властію печатлѣютъ они ненарушимо торжественныя трактаты: Ею утверждаютъ свои клятвенныя обѣщанія: Ей чрезъ проклятіе отдаютъ и оставляютъ казнь за злодѣянія, и за вѣрности нарушеніе, до коихъ не достигаетъ познаніе и человѣческая сила. Во всѣхъ особенныхъ нуждахъ, въ путешествіяхъ, въ сочетаніяхъ, и въ болѣзняхъ божество призывается. Имъ начинаются и окончаваются всѣ пированія. Ни одна не объявляется война, ни одно не поставляется сраженіе, ни одинъ не предпріемлется подвигъ не призвавъ прежде Его по́мощи; а слава въ успѣхѣ всегда Ему возносится всенароднымъ возблагодареніемъ, и приношеніемъ са́мыхъ драгихъ корыстей, кои всегда отдѣляются отъ прочихъ, какъ по праву принадлежащіе божеству.

Не видно различія въ грунтѣ сея вѣры. Чтожъ нѣкоторыи, исказившись худою Філософіею, хотя и дерзаютъ по временамъ восставать на сіе ученіе; однако они то́тчасъ опровергаются общенароднымъ воплемъ, и пребываютъ одни безъ содружества, и безъ послѣдователей. Вся тягость всенародныя власти упадаетъ на нихъ, такъ что ставится цѣна за ихъ го́ловы: да и почитаются они повсюду проклятыми людьми, и язвою Общества гражданскаго, съ коими не можно быть въ твердости никакому сообщенію.

Согласія толь общаго, толь единовиднаго, и толь постояннаго во всѣхъ народахъ вселенныя, ни польза страстей, ни ложное умствованіе нѣкоторыхъ Філософовъ, ни власть, ни образецъ нѣкоихъ Государей, не могли никогда привесть въ слабость и въ разность мнѣній: но сіе согласіе не могло произойти, какъ токмо отъ перваго нача-

ла,

ла, которое есть частію человѣческаго состава, какъ токмо отъ внутренняго чувствія изображеннаго въ глубинѣ сердца Зиждителемъ его существа, і какъ токмо отъ первоначальнаго преданія, стольkожъ древняго, сколько и самый міръ.

Сіе есть начало и источникъ закону древнихъ, по истиннѣ достойному человѣка, ежелибъ онъ могъ удержаться въ простотѣ и чистотѣ сихъ первыхъ оснований. Но заблужденія разума, и пороки сердца, смертоносныи плоды растлѣннаго человѣческаго естества, весма странно исказили сіи основанія. Остался токмо недолговременный свѣтъ, и искры блещущіе, коихъ общее поврежденіе не могло погасить, но не могущіе разогнать глубокую и мрачную тьму, которая почитай повсюду распространилась, и приноситъ токмо несщаточное, безмѣсное, безумное, сумозбродное, своевольное во нравахъ и бесчинное; словомъ, представляетъ токмо зборъ вырoдочный заблужденій и непотребствъ.

Есть ли что удивительнѣе сихъ основаній, утверждаемыхъ Цицерономъ? „(a) Прежде всего надлежитъ быть „удостовѣрену, что-есть превыспреннее Существо, кое „правитъ всѣми приключеніями въ свѣтѣ, и располагаетъ „все по своей власти, и по самодержавному благоволенію: „Оно подаетъ всякое благо въ изобиліи роду человѣче„скому: Оно проницаетъ и познаваетъ все, что есть самое „тайное и сокровенное въ глубинѣ нашего сердца: Оно „награждаетъ благихъ, и казнитъ злодѣевъ по достоин„ству ихъ. Прямое средство, къ полученію мило„сти отъ божества, и къ угожденію Ему, не „состоитъ въ употребленіи богатства и великолѣпія при „служеніи Тому; но въ томъ, чтобъ Оному приносить серд-

(a) Sit hoc iam a principio perſuaſum Ciuibus: Dominos eſſe omnium rerum ac moderatores deos, eaque quae gerantur, eorum geri iudicio ac numine; eoſdemque optime de genere hominum mereri; et, qualis quisque ſit, quid agat, quid in ſe admittat, qua mente, qua pietate, religiones colat, intueri; piorumque et impiorum habere rationem . . . Ad diuos adeunto caſte. Pietatem adhibento, opes amouento.

Cic. de leg. lib. 2. n. 15. 19.

„ це чистое и непорочное, и имѣть къ нему искреннее „ и глубокое почтеніе„.

Сіи мнѣнія толь высокія и толь богочестивыя происходили отъ рассужденія нѣкоторыхъ въ особности людей, кои прилѣжно рассматривали сердце человѣческое, и восходили къ первымъ началамъ его учрежденія, соблюдаемымъ еще въ благополучныхъ останкахъ. Но все тѣло закона, разумъ празнованій и ихъ обрядовъ, душа богословіи языческія, которою Пииты владѣли, и ей учили, еще и са́мый образецъ боговъ, коихъ наглые страсти, дѣла блазненныя, и злодѣянія мерскія, были прославляемы въ пѣсняхъ, и представляемы нѣкоторымъ образомъ къ подражанію, и къ почтенію народному: все сіе поистиннѣ не могло просвѣтить умъ человѣческій, ни обучить ихъ добронравію.

Сіе примѣчанія достойно, что въ са́мыхъ великихъ торжествованіяхъ языческаго закона, въ тайнахъ са́мыхъ священныхъ и почтенныхъ, не токмо чтобъ видно что ни будь было, которое приводилобъ къ добродѣтели, къ богочестію, къ отправленію должностей са́мыхъ существенныхъ въ общей жизни; но еще напротивъ того, власть уставовъ, повелительная сила обыкновенія, присутствіе властителей, собраніе всѣхъ государственныхъ чиновъ, образецъ отцовъ и матерей, все сіе привлекало отъ младенчества цѣлый народъ къ нечистому служенію, и къ злобожію, подъ именемъ, и какъ подъ охраненіемъ, са́маго закона. Сіе мы увидимъ вскорѣ.

По сихъ общихъ рассужденіяхъ объ язычествѣ, время вступить въ подробность всего, что касается особливо до закона древнихъ Грековъ. Я приведу сію матерію, безконечную по себѣ само́й, въ четыре токмо Члена, изъ которыхъ будутъ 1) Празники; 2) Ідольскіи Отвѣты, Предзнаменованія, и Прорицанія; 3) Игры, Потѣхи, и Подвиги; 4) Зрѣлища и театральныя Представленія. Я изъ каждаго Члена возьму только то, что мнѣ покажется достойнѣйшимъ Читателева любопытства, и будетъ имѣть больше сходства съ Історіею. Здѣсь я не повѣствую о Жертвахъ, для того что я описалъ ихъ индѣ довольнымъ образомъ.

Способ. ...къ учин. Т. I.

ЧЛЕНЪ

ЧЛЕНЪ ПЕРВЫЙ

О ПРАЗНИКАХЪ.

Отправлялось въ разныхъ городахъ Греціи, а особливо въ Аѳинахъ, необьятное число Праздниковъ: я предложу здѣсь токмо оныхъ три, кои съ наибольшимъ торжествованіемъ препровождаемы были, а именно: празникъ Панатенейскій, празникъ бакхусовъ, и празникъ Элевзінскій.

§. I.

ПАНАТЕНЕЙСКІЙ.

Сей Празникъ отправлялся въ Аѳинахъ въ честь Мінервѣ, богинѣ защитницѣ сего города, которому она дала свое * имя, также и Празнику, о которомъ идетъ слово. Установленіе его есть самое древнее. Онъ назывался сперва просто, Атенейскій: но отъ того времени, какъ Тезей соединилъ въ одинъ городъ разныи Аттіческіи городки, сталъ онъ именоваться Панатейскимъ. были сего Празника два рода: большой и малый, которыи оба отправляемы были почитай съ такимижъ обрядами: малый ежегодно, а большой по прошествіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ.

* Ἀθῆναι.

Представляема была въ сей Празникъ троякая борьба: Бѣганіе и Ристаніе, Гімніческая, и Мусікійская; въ сію послѣднюю включена была и Піитіческая. Десять человѣкъ Начальниковъ, выбранныхъ изъ десяти поколѣній, предсѣдательствовали на сихъ подвигахъ, опредѣляли имъ форму, и раздѣляли награжденія. Празникъ сей продолжался чрезъ многіи дни.

По утру въ первый день дѣлалось пѣшее бѣганіе, на коемъ соперники имѣли каждый въ рукахъ по свѣчѣ съ огнемъ, которую они переметывали изъ рукъ въ руки по перемѣнно, не прерывая своего бѣга. Начинали они свой бѣгъ изъ Церамікa, Аѳинейскаго предмѣстія, и перебѣгали весь городъ вдоль. Прибѣгшій прежде всѣхъ къ предѣлу не погасивъ своея свѣчи, преодолѣвалъ тѣмъ самымъ, и получалъ

лучалъ воздаяніе. Послѣ обѣда, ристаніе было такоежъ на коняхъ.

На Гімнической борьбѣ, Атлеты выходили послѣ бѣганія и ристанія. Мѣсто сея потѣхи было на берегу Іліссa небольшія рѣчки, текущія сквозь городъ, и падающія въ море въ Пиреѣ.

Первый былъ Перікль, который установилъ Мусікійскую борьбу. На ней воспѣваемы были похвалы Гармодію и Арістогітону, избавившимъ Аѳины отъ Тіранніи Пізістратідовъ; а потомъ, присовокупили къ тѣмъ похвалу Тразібулу, выгнавшему тритцать тірманновъ. Споръ происходилъ очень жаркій не токмо между Музыкантами, но и между Пiитами; да и было очень славно, ежели кто тамъ объявленъ будетъ побѣдителемъ. Извѣсно, Эсхіль умеръ съ печали, что пальма присуждена была Софоклу, который былъ весьма его моложе.

За сими препираніями слѣдовалъ общій ходъ, въ коемъ везомъ былъ съ великою свѣтлостію и въ великолѣпномъ обрядѣ Покровъ шитый золотомъ, на которомъ были искусно изображены военныя Палладины дѣйствія противъ Тітановъ и Гігантовъ. Сей Покровъ привязанъ былъ къ кораблю звавшемуся именемъ богининымъ. Корабль оный, украшенный парусами и тысящію веселъ, былъ препровождаемъ землею отъ Цераміка до Элевзінскаго капища, не лошадями или возовою скотиною, но махінами, закрытыми знатно въ днищѣ его, которые приводили въ движеніе весла, и влекли оный.

Філостр. въ Герод. Софіст. кн 2. стран 550.

Шествіе было благолѣпное и величественное. Напреди шли престарѣлыи люди, кои несли въ рукахъ масличинные вѣтьви, θαλλοφόροι; а выбирались самыи осанистыи люди и здоровыи. Госпожи Аѳинейскіе, и сіи также престарѣлые, шли за ними съ такимижъ вѣтьвями.

Средовѣчныи и сильныи люди находились во второмъ ряду. Они были воружены, имѣя въ рукахъ щиты и копья; а за ними шли пришельцы, поселившіися въ Аѳинахъ, и несли въ рукахъ мотыку, орудіе способное къ копанію земли. По нихъ слѣдовали жены Аѳинейскіе равныхъ же лѣтъ, препровождаемые пришельческими женами, которые несли ведра и кувшины употребляемые на черпаніе воды.

Третій

Третій рядъ состоялъ изъ молодыхъ людей обоего пола, выбранныхъ изъ лучшихъ въ городѣ фамилій. Юноши были въ шлемахъ увѣнчанныхъ, и пѣли особливую пѣснь въ честь богинѣ. Отроковицы несли корзины *, въ коихъ лежали священные утвари, потребные къ сей церемоніи; а покрыты онѣ были Покровомъ, чтобъ лица ихъ не видѣть народу. Хранившій сіи утвари, долженствовалъ, за долго прежде нежели прикоснется къ онымъ, и раздастъ ихъ дѣвицамъ Аѳинейскимъ, быть въ крайнемъ воздержаніи, (a) „или лучше, какъ то говорилъ Демостенъ, вся „его жизнь, и всѣ поступки долженствовали являться „совершеннымъ образомъ добродѣтели и чистоты„. *Κανηφόρον.

Ставлено сіе въ великую честь дѣвицѣ, которая выберется къ сей благородной и благолѣпной службѣ; а въ несносное бесчестіе, ежели которая почтена будетъ того недостойна. Мы уже предложили, что Гиппархъ учинилъ сіе бесчестіе сестрѣ Гармодіевой, и что-самое-то возбудило крайнимъ образомъ согласившихся умысломъ на Пізістратідовъ. За Аѳинейскими дѣвами шли дѣвицы пришельческіе, несшіе для тѣхъ подсолнешники и стулы.

Дѣти малыи, обоегожъ пола, были въ замкѣ при томъ шествіи.

Повелѣно было пѣть въ сей высокой церемоніи онымъ, кои называемы были ῥαψῳδοί, стіхи Гомеровы: а сіе показываетъ непреоборимо имѣвшееся почтеніе къ сочиненію сего Пиита, еще и при законныхъ обрядахъ: былъ то Гиппархъ, сынъ Пізістратовъ, который первый ввелъ сіе обыкновеніе.

Я уже объявилъ индѣ, что на Гимническихъ борьбахъ сего Празника, Провозвѣсникъ провозгласилъ, народъ Аѳинейскій опредѣлившимъ золотую корону славному врачу Гиппократу въ возблагодареніе за знатную услугу, показанную государству во время моровыя язвы. Том. III. древн. Іст. стран. 306.

Въ сей Праздникъ, народъ Аѳинейскій отдавался самъ и вся республіка подъ защищеніе Мінервѣ, богинѣ хранительницѣ

(a) Οὐχὶ προειρημένον ἡμερῶν ἀριθμὸν ἁγνεύειν μόνον, ἀλλὰ τὸν βίον ὅλον ἡγνευκέναι.

Demosth. in extrema Aristocratia.

тельницѣ города, и просилъ у нея всякаго благосостоянія и щастія. Отъ времянъ битвы Марафонскія, упоминаемы были въ сихъ всенародныхъ ихъ молитвахъ Платеяне, да и присовокуплены они были во всемъ къ Аѳинянамъ.

§. II.

ПРАЗНИКЪ БАККУСОВЪ

Служеніе Баккусу принесено изъ Египта въ Аѳины. Уставлены были многіи Праздники въ честь сему богу: дважъ особливо, которыи были знатнѣйшіи прочихъ, называемыи: **большое и малое празнество** Баккусу. Малое было нѣкоторымъ родомъ пріуготовленія къ большому. Сей отправлялся на чистомъ полѣ, около осеннихъ временъ и назывался Lenea, отъ слова Греческаго, которое значитъ тиски, или пресъ. Большой обыкновенно именовался Dionysia отъ одного изъ именъ сего бога; и торжествуемъ былъ въ городѣ при наступленіи весны.

Δηνὸς.

Въ оба сіи Празника увеселяемъ былъ народъ потѣхами, зрѣлищами, и театральными представленіями; а сіе дѣлалось при великомъ множествѣ людей, и съ крайнимъ великолѣпіемъ, какъ то можно будетъ видѣть въ послѣдованіи. Тогда точно Піиты препирались между собою о воздаяніи за Поезію, подвергая рассужденію судей, опредѣленныхъ на то нарочно, сочиненія свои какъ Трагическія, такъ и Комическія, которыя представляемы были и народу.

Сіи Празники продолжались чрезъ многіи дни. Посвященныи сему богу показывали все то подражаніемъ, что угодно было Піитамъ вымыслить о Баккусѣ. Покрывались они звѣриными кожами; имѣли въ рукахъ Тірсы, тоесть палки, обвитые листами блюща травы; были у нихъ бубны, роги, сиповки, и другіи Інструменты очень громогласныи; носили на головахъ вѣнки изъ блюща, изъ Віноградняго листа, и отъ другихъ деревъ посвященныхъ Баккусу. Одни представляли Сілена, другіи Пана, третьи Сатіровъ; а всѣ наряжены по маскарадному, и были въ личинахъ. Многіи ѣхали на ослахъ; а иныи вле-

кли

кли козъ (*) на принесеніе въ жертву. Мущины и женщины, онымъ образомъ бывши наряжены, выходили явно днемъ и ночью, притворяясь пьяными, также дѣлая пляску нѣкоторымъ непригожимъ способомъ, и бѣгали толпами по горамъ и по лѣсамъ вопія нелѣпо, и воя страшно, а особливо женщины, которые казались неистовѣйшими мущинъ, и будучи всѣ не въ себѣ, и въ нѣкоторомъ сумозбродствѣ (**) взывали великимъ воплемъ бога, коего отправляемъ былъ празникъ: ἐυοὶ Βάκχε, или ὦ Ἴακχε, или Ἰ ὁ βάκχε, или Ἴ ὦ βάκχε.

За сею сонмицею бакхантъ слѣдовали самые лучшіе и почтенные породою въ городѣ отроковицы, называемые κανηφόροι, для того что онѣ несли на головахъ корзины покрытые Віноградным листомъ и блющемъ.

Присовокупляли ко всему тому другіи обряды крайно срамныи, и достойныи бога, который хотѣлъ себѣ такова почтенія. Всѣ смотрители вступали въ тѣжъ расположенія, и восхищались отъ тогожъ духа. Повсюду была токмо пляска, пьянство, бесчиніе, и все что самое необузданное своеволіе можетъ вымыслить прескверная го. Вотъ что весь народъ, почитавшійся мудрѣйшимъ изъ всея Греціи, не токмо сносилъ, но еще удивлялся тому, и самъ тожъ дѣлалъ. Я говорю весь народъ: ибо (а) Платонъ, предлагая о бакханаліяхъ, говоритъ именно, „что онъ видѣлъ весь городъ Аѳины погруженъ „въ піанствѣ„.

Тітъ-Лівій намъ объявляетъ, что когда сіе своеволіе бакханалій вкралось тайно въ Римъ; то дѣлались тамъ самыи ужасныи непорядки при покровеніи мрака нощ- Лів. кн. 39. чис. 8. 18.

 наго:

(*) Приносили въ жертву козъ, для того что онѣ повреждали Віноградныи кусты.

(**) Сіе самое сумозбродство, или яросное неистовство и подало причину, что сей празникъ называемъ былъ Orgia Ὀργὴ, тоесть, гнѣвъ, ярость, неистовство, остервѣненіе.

(a) Πᾶσαν ἐθεασάμην τὴν πόλιν περὶ τὰ Διονύσεα μεθύουσαν.

Lib. 1. de leg. pag. 634.

наго : да и требовали благоговѣйныя и ненарушимыя тайны ужаснымъ проклятіемъ отъ посвящающихся симъ нечистымъ и мерзоснымъ тайнамъ. Когдажъ Сенатъ о томъ увѣдомился; то онъ остановилъ происшествіе вдаль злобожнаго сего празника подъ са́мымъ жестокимъ наказаніемъ ; и выгналъ совершенно оный сперва изъ Рима , а пото́мъ и изъ всея Италіи. Сіи образцы намъ показываютъ „ (a) сколько негодный законъ , покрывающій до-„ стойнопочитаемымъ именемъ божества са́мыя скверныя „ злодѣйства , можетъ ослѣпленія здѣлать разуму чело-„ вѣческому.„

§. III.

ПРАЗНИКЪ ЭЛЕВЗІНСКІЙ.

Во всей древности языческой нѣтъ славняе празника Цереры Элевзінскія. Обряды сего празнованія были по пре-
кн. 10. восходству называемы тайны , будучи , какъ говоритъ
стран. 670. Павзаній , столько выше всѣхъ другихъ , сколько боги выше человѣковъ. Нача́ло и установленіе ихъ приписываютъ само́й Церерѣ , которая, при царствованіи Эрехтея, прибывши въ Элевзінъ , небольшой городокъ Аттіческій, для сысканія дочери своея Прозерпіны, которую Плутонъ похитилъ , и увидѣвши , что страна была голодомъ изморена , подала на то скорое лѣкарство изобрѣтеніемъ сѣять хлѣбъ, которое она подарила обывателямъ. „ (b) Она „ не токмо научила какъ чредить оный сѣвъ , но еще по-„ дала основанія къ добродѣтели , къ благости , къ тихо-„ сти , и къ людскости : отъ чего сіи тайны и называ-„ ются

(a) Nihil in ſpeciem fallacius eſt , quam praua religio , vbi deorum numen praetenditur ſceleribus.

Liuius. ibid. n. 16.

(b) Multa eximia diuinaque videntur Athenae tuae peperiſſe , atque in vitam hominum attuliſſe : tum nihil melius illis myſteriis , quibus ex agreſti immanique vita exculti ad humanitatem et mitigati ſumus , initiaque vt appellantur , ita re vera principia vitae cognouimus.

Cic. lib. 2. de leg. n. 186

„ ются θεσμοφόρια, и initia; да и симъ точно первымъ „ и благополучнымъ наученiямъ баснословная древность при- „ писывала характеръ тихости, скромности, и учтивства, „ которое особливо въ Аѳинахъ пребывало„.

Сiи тайны были раздѣлены на малые и большiе тайны, изъ которыхъ первые служили прiуготовленiемъ къ другимъ. Малые отправлялись въ мѣсяцѣ Антестерiонѣ, который сходствовалъ съ нашимъ Ноябремъ; но большiе, въ мѣсяцѣ боедромiонѣ сходствующемъ съ Августомъ нашимъ. Аѳиняне одни въ оные были приниманы. Каждый полъ, каждый возрастъ, и каждый чинъ имѣлъ въ нихъ право. Пришельцы отнюдь не допущаемы къ нимъ были. Надлежало, чтобъ Геркулесъ, Касторъ, и Поллуксъ были приняты присвоенiемъ отъ Аѳинянъ, дабы имъ быть допущенымъ къ нимъ; да и допущены они только къ малымъ тайнамъ. Я останусь токмо при большихъ, кои отправлялись въ Элевзинѣ.

Хотѣвшiи посвятиться онымъ, долженствовали очищаться прежде малыми тайнами, измываясь въ рѣкѣ Iлiсѣ, говоря нѣкоторые молитвы, принося жертву, а особливо препровождая жизнь въ воздержанiи чрезъ нѣкоторое опредѣленное время. Употребляемо было сiе время на ученiе основанiямъ ихъ и первымъ правиламъ священнаго устава великихъ таинъ.

Когда время придетъ къ посвященiю; то ихъ впускали въ капище, а церемонiя была ночью, дабы вложить въ нихъ бóльшее почтенiе и страхъ. Тамъ дѣлались вещи удивительные. Были тамъ видѣнiя, слышимы чрезвычайныи гласы, великое сiянiе свѣта разганяло вдругъ тьму, а пропадая вскорѣ потóмъ, умножало страхъ нощный: привидѣнiя, громы, трясенiе земли, еще больше распространяли ужасъ. Прiемлемый, оледенѣвая съ страха, и льясь весь пóтомъ, слушалъ въ трепетѣ чтенiе нѣкото-

Teque, Ceres et Libera, quarum facra, ficut opiniones hominum ac religiones ferunt, longe maximis atque occultiffimis ceremoniis continentur: a quibus initia vitae atque victus, legum, morum, manfuetudinis, humanitatis exempla hominibus et ciuitatibus data ac difpertita effe dicuntur. Id. Cic. in Verr. de fupplic. n. 186.

рыхъ таинственныхъ книгъ, буде онъ могъ въ семъ состояніи что ни будь слышать. Сіи нощныи обряды были поводомъ ко многимъ непорядкамъ, кои жестокая заповѣдь молчанія, наложенная на посвятившихся, покрывала, (а) какъ то объявляетъ святый Григорій Назіанзинъ. Какія не имѣетъ силы суевѣріе надъ разумомъ человѣческимъ, когда уже мечтаніе рассвирѣпѣетъ? Предсѣдательствующій при обрядѣ называемъ былъ Іерофантъ, который имѣлъ одежду особливую: ему не позволено было вступать въ брачное сочетаніе. Первый, кой отправлялъ сію должность, а его сама Церера поставила, былъ Эвмолпъ, котораго преемники для сего называемы были Эвмолпідами. Онъ имѣлъ трехъ товарыщей: одинъ держалъ свѣчу; другой, знатно опредѣленъ произносить таинственныя слова, а третій служилъ при жертвенникѣ.

Λαδȣ́χος. Κήρυξ.

Сверьхъ сихъ служащихъ и начальствующихъ, былъ изъ первыхъ градоначальниковъ приставленъ, надзираніе имѣть надъ исправнымъ наблюденіемъ обрядовъ въ семъ празникѣ. Онъ называемъ былъ Царемъ. Сей былъ одинъ изъ девяти Архонтовъ. Должность его была, приносить моленія и жертвы. Народъ къ нему придавалъ четырехъ помощниковъ: изъ сихъ одинъ выбирался изъ фамиліи Эвмолпідовъ, вторый изъ Церікскія, а два послѣдніи изъ двухъ же другихъ фамилій. Наконецъ, еще десять человѣкъ служебниковъ помогали имъ въ приношеніи жертвъ, отъ чего они и имѣли свои имена.

Βασιλεύς

Ἐπιμεληταί.

Ἱεροποιοί.

Аѳиняне посвящали своихъ дѣтей обоего пола симъ тайнамъ очень заблаговременно; и почлибъ они себя какъ за законопреступниковъ, ежелибъ попустили имъ умереть не промысливши онымъ сего преимущества. Общее мнѣніе состояло въ томъ, что бутто сія церемонія была обязательствомъ къ препровожденію жизни чистѣйшія и порядочнѣйшія, что бутто привлекала она особливое покровительство отъ богинь *, коимъ въ служеніе отдавались,

* Цереры Прозерпіны

(а) Ὀυδὲν Ἐλευσῖν ταῦτα, καὶ οἱ τῶν σιωπωμένων, καὶ σιωπῆς ὄντων ἀξίων, ἐπόπται.

Нѣтъ сего ни въ Єлевзінѣ, какъ утверждаютъ сокровенностей, и вещей молчанія тамъ достойныхъ Самовидцы.

Слов. о Свящ. Свѣтѣ.

лись, и что будто она была средствїемъ къ полученїю на очомъ свѣтѣ блаженства полнѣйшаго, и достовѣрнѣйшаго; вмѣсто того, что непосвященныи, сверьхъ бѣдствїй, коихъ надлежало имъ опасаться въ сей жизни, были осуждаемы, послѣ какъ они сойдутъ въ преисподняя, пребывать вѣчно и въ грязи и въ гнусности. Дїогенъ-Цїникъ не вѣрилъ тому ничему; а когда прїятели просили его, за страхъ такова нещастїя, чтобъ онъ посвятился предъ смертїю, какъ! говорилъ онъ, Агезїлай и Эпамїнондъ имѣютъ быть въ болотѣ и въ навозѣ, а самыи подлыи Аѳиняне, длятого что они были посвящены, будутъ имѣть отмѣнное мѣсто въ блаженныхъ островахъ? Сократъ не большежъ тому вѣрилъ; и можетъ быть, что-то-было-однóю изъ причинъ, которые здѣлали вѣру его подозрительною. Дїог. Лаерт. кн. 6. страп. 389.

Непосвященный не могли входить въ Цереρино капище; да и объявляется Титомъ-Лївїемъ, что двое изъ Акарнанянъ, когда вошли туда въ празникъ, слѣдуя за народомъ, хотя то и ненарочно, и безъ всякаго злаго умысла, умерщвлены были безъ милосердїя. Уголовнымъ также почиталось законопреступленїемъ, разглашать явно тайности и тайны сего празника. Для сего точно Дїагоръ Мелянинъ былъ осужденъ, а за-голову его поставлена была цѣна. Едва-было не лишился жизни Пїитъ Эсхїлъ, за то, что онъ говорилъ очень ясно о семъ въ нѣкоторой изъ своихъ Трагедїй. Сїежъ самое привело въ бѣдствїе Алцїбїада. (а) „бѣгали какъ отъ проклятаго, и „отлученнаго, ктобъ ни нарушилъ сїю (*) тайность„. Павзанїй, на многихъ мѣстахъ, на которыхъ онъ говоритъ объ Элевзїнскомъ капищѣ, и объ обрядахъ тамъ дѣлающихся, вдругъ останововляется; да и сказываетъ, что онъ не Лїв. кн. 31. чисп. 14. кн. 1. стран. 26. 71.

 можетъ

(a) Est et fideli tuta silentio
Merces. Vetabo, qui Cereris sacrum
Vulgarit arcanae, sub iisdem
Sit trabibus, fragilemque mecum
Soluat phaselum.
Horat od. 2. lib. 3.

(*) Весьма подобна тайность древняя сїя нынѣшней новой, наблюдаемой прозвавшимися шпетно или нечестиво Франмасонами, тоесть вольнозодчими.

можетъ больше объявить, потому что онъ видѣлъ во снѣ, что сіе ему запрещаемо было.

Празникъ сей, самый славный во всей языческой древности, продолжался чрезъ девять дней. Оный начинался въ пятыйнадесять день мѣсяца боедромiона. По нѣкоторыхъ церемонiяхъ въ первыи дни, и по принесенныхъ жертвахъ богинямъ, въ четвертый день подъ-вечеръ дѣлалось шествiе корзины, коя была везома на (a) „колесницѣ волами, и очень тихо, а препровождаема великимъ сонмомъ Аѳинейскихъ женщинъ„. Онѣ имѣли таинственные корзинки, наполненные разными вещами, кои были очень сокровенны, и покрыты багрянымъ покровомъ. Сiя церемонiя представляла корзину, въ кою Прозерпiна положила цвѣтки, сорванныи ею тогда, когда Плутонъ ея похитилъ.

Пятый день былъ называемъ, день свѣтовъ, потому что въ наступающую потомъ дни ночь мущины и женщины несли въ рукахъ свѣчи, подражая дѣйствiю Цererину, которая засвѣтивши свѣточъ отъ огня горы Этны, пошла скитающаяся, и заблуждающая по всѣмъ мѣстамъ ищучи своея дочери.

Шестый день былъ самый славный изъ всѣхъ. Онъ назывался Іаккусъ: сей есть тотже самый Бакхусъ, сынъ Юпiтеровъ и Цереринъ. Несомъ былъ Кумиръ сего бога съ великою церемонiею. Увѣнчанъ оный былъ Смiрною; а въ рукахъ у него была свѣча. Шествiе начиналось изъ Церамiка, шло по градскимъ улицамъ, и продолжалось даже до Элевзiна. Дорога, по которой туда шли, называлась, путь священный, переправлялись чрезъ рѣку Цефiзъ по-мосту. Шествiе сiе было многолюдное, и обыкновенно въ немъ находилось до тритцати тысячъ человѣкъ. Капище Элевзiнское, къ коему оно приходило, было весьма пространно, и могло вмѣщать сiе многолюдство; а Страбонъ говоритъ, что мѣста въ немъ было столько, сколько на театрѣ, о которомъ извѣсно, что на немъ умѣщалось превеликое множество людей. По

Герод. кн. 8. гл. 65.

кн 9. стран. 395.

всей

(a) Tardaque Eleusinae matris voluentia claustra.
Virgil. Georg. lib. I. ver. 163.

всей дорогѣ гремѣлъ звукъ трубъ, и многихъ другихъ громогласныхъ Інструментовъ. Пѣты были Гімны въ честь богинямъ; а пѣсни и пѣніе сіе было съ плясаніемъ, и съ оказаніемъ чрезвычайныя радости. Дорога, о которой я уже объявилъ, по священному пути, и чрезъ рѣку Цефізъ, была на то дорога обыкновенная. Но отъ того времени, какъ Лакедемоняне, въ Пелопоннесскую войну, укрѣпили Децелію; то Аѳиняне принуждены были препровождать сіе шествіе моремъ: однако Алцібіадъ возобновилъ древнее обыкновеніе.

Седмый день былъ посвященъ на потѣхи и Гімническіе битвы. Мздовоздаяніе побѣдителю состояло въ мѣрѣ ячменя, знатно для того, что Церера прежде въ Элевзінѣ научила сѣять ячмень, и оный кушать. Слѣдующіи оба дня были опредѣлены на нѣкоторыи особливыи обряды, которыи не важны, и невеликаго примѣчанія достойны.

Въ продолженіе сего празника, запрещено было, подъ жестокою казнію, брать подъ караулъ, ктобъ онъ нибылъ, и заключать въ темницу, также и подавать судіямъ прошенія. Онъ исправно отправлялся по прошествіи каждаго пятилѣтія, тоесть, по прошествіи четырехъ лѣтъ полныхъ въ пятое; да и не объявляетъ Історія, чтобъ онъ когда былъ отложенъ и не празнованъ, кромѣ токмо, когда Александръ великій взялъ городъ Тебы. Аѳиняне, изготовившись уже со всѣмъ празновать тогда великіе тайны, пришли въ толикую печаль для паденія сего города, что они не могли, толь въ крайней горести, торжествовать празникъ, исполненный радости и веселія. Сей празникъ былъ еще и при Хрістіанскихъ Кесаряхъ. Валентіанъ принялъ намѣреніе уничтожить оный: но Претекстатъ, Проконсулъ, или Анѳіпатъ греческій, представилъ ему толь сильно и умилительно, какое можетъ здѣлаться приключеніе всему народу чрезъ уничтоженіе сего празника, что онъ тотъ оставилъ по прежнему. Думаютъ, что то-уже Ѳеодосій великій, который уничтожилъ его всеконечно, также и други всѣ языческіи обряды.

Плут. въ Алек. стр. 671.

Зосім. Істор. кн. 4.

ЧЛЕНЪ

ЧЛЕНЪ ВТОРЫЙ.

О ПРЕДЗНАМЕНОВАНІЯХЪ, ІДОЛЬСКИХЪ ОТВѢТАХЪ, И О ПРОЧЕМЪ ПОДОБНОМЪ.

Весьма много находится повѣстей въ древней Исторіи объ Идольскихъ отвѣтахъ, о предзнаменованіяхъ, прорицаніяхъ, и гадательствахъ. Не начинали никогда войны, не посылали на житье переведенцовъ, не предвосприимали, вобще и особенно, никакова дѣла, которое былобъ нѣсколько важно, не вопросивши прежде боговъ. Такое обыкновеніе было общее у всѣхъ народовъ, какъ у Египтянъ, и у Ассиріанъ, такъ у Грековъ и у Римлянъ: сіе бесспорно показываетъ, какъ что уже я говорилъ, что оно происходило отъ древняго преданія, и имѣло свое начало въ самомъ законѣ и въ служеніи истинному богу. И повсппиннѣ, нѣтъ сомнѣнія, чтобъ, прежде потопа, богъ не объявлялъ человѣкамъ благоволенія своего различными образами, какъ то онъ дѣлалъ послѣ своему народу; иногда самъ собою и лицемъ къ лицу, иногда чрезъ службу Ангеловъ, или пророковъ вдохновенныхъ; а иногда въ явленіяхъ и во снѣ. Когда дѣти Ноевы разошлись по разнымъ землямъ; то они туда съ собою принесли сіе преданіе, которое сохранялось всегда, но повредилось и исказилось тьмою Идолослуженія. Никто изъ древнихъ не показываетъ толь сильно нужды въ вопрошеніи боговъ обо всемъ предзнаменованіями и отвѣтами, коль Ксенофонтъ; а утверждаетъ онъ сію нужду, какъ то уже я объявлялъ индѣ не однократно, на основаніи происходящемъ отъ свѣта самаго чистаго разума. Представляетъ онъ на многихъ мѣстахъ, что человѣкъ, самъ собою, не знаетъ часто, что ему полезно, или вредно; что не токмо не можетъ онъ проникнуть въ будущее, еще и настоящее уходитъ у него изъ глазъ, толь видѣніе его недалеко и кратко; что останавливаютъ его, въ самыхъ большихъ предпріятіяхъ, самыя легкія препятія; что божеству токмо единому всѣ вѣки открыты, и оно токмо можетъ подавать

давать

давать достовѣрное знанїе о будущихъ приключенїяхъ; что-богъ токмо силенъ есть подать успѣхи его предпрїятїямъ; да и праведно надлежитъ вѣрить, что-онъ снабдѣваетъ своимъ свѣтомъ и защищенїемъ служащихъ Ему чистымъ сердцемъ, призывающихъ Его во всякое время постояннѣйше и вѣрнѣйше, и вопрошающихъ у Него усерднѣйше и искреннѣйше.

§. I.

О ПРЕДЗНАМЕНОВАНIЯХЪ.

Коль великїй стыдъ разуму человѣческому, что-сїе начало толь свѣтлое привело человѣка къ умствованїямъ толь недостойнымъ и бѣднымъ о всемъ, что-касается до науки Авгурскїя [птицезрительныя] и Аруспїческїя [утробозрительныя], и дало ему воспрїять съ слѣпымъ почтенїемъ отроческїе бездѣлицы самые смѣшные! Не достойноль смѣха, мнить, что-самыя важныя государственныя дѣла зависятъ отъ пѣнїя или крика птичья, отъ правыя или лѣвыя стороны, на коей-птица усмотрена, отъ жадности цыплятъ къ корму, отъ зрѣнїя на утробу животныхъ, отъ добраго состоянїя, и отъ цѣлости печени, которая, по ихъ мнѣнїю, пропадала вдругъ иногда, и не оставляла ни слѣда ни знака, гдѣ-она была, илибъ тамъ когда находилась? Надлежитъ присовокупить ко всѣмъ симъ суевѣрнымъ наблюденїямъ нечаянные встрѣчи, слова выговоренныя не нарочно, и потомъ приложенныя къ доброму, или худому предзнаменованїю, предчувствованїя, дива, уроды, затмѣнїя, кометы, всѣ чрезвычайныя явленїя, внезапныи случаи, и бесчисленные другїе подобные вещи.

Какъ-могло случиться, что-толикое множество великихъ Мужей, прославленныхъ Военачальниковъ, преискусныхъ Политiковъ, и еще-притомъ премудрыхъ Фiлософовъ, прямо попустилось въ грѣзы толь безмѣсные? Особливо Плутархъ, впрочемъ толь достойный почтенїя, мнѣ очень жалокъ по своему себя порабощенїю употребленїямъ самымъ безумнымъ языческихъ церемонїй, и по смѣшному своему вѣроятїю снамъ, знакамъ, и дивамъ. Онъ нѣгдѣ признается, Плут. въ пирог. кн. 2.

Совопрош. 3. страж. 635.

вается, что-онъ-долго не ѣлъ яицъ ради нѣкотораго видѣннаго сна, котораго онъ не рассудилъ заблаго намъ обьявить.

Щиц. кн. 1. о Дївінац. ч. 5.
Танж. ч. 52.
Танж. ч. 77.

Са́мыи благоразумныи между язычниками знали совершенно, что́-надлежало думать, о всемъ касающемся до гадательныя науки; да и говорили они о томъ между собою, а часто и явно, съ са́мымъ крайнимъ презрѣнїемъ, и такъ, что-мо́жно было чувствовать въ томъ все смѣшное. Като́нъ, оный важный Це́нсоръ [надзиратель нравовъ] не вѣрилъ, что... одинъ такой прорицатель могъ видѣть другаго безъ смѣха. Аннїбалъ удивился простотѣ Прузїевой, которому онъ совѣтовалъ вступить въ битву, а тотъ не захотѣлъ длятого, что-усмотрѣлъ-неща́сливые внутренности въ жертвѣ. Какъ! говорилъ онъ ему; вы больше въ томъ вѣрите печени скотской, нежели мнѣ старому Полководцу? Марце́ллъ, который былъ пять кратъ Консуломъ, и имѣлъ Авгурскїй чинъ, говорилъ, что-онъ-до́брое нашелъ средство, чтобъ не бояться нещасливаго летанїя птицъ, а именно, держать свою качалку или каляску закрыту на́крѣпко отвсюду.

Записк. Акад. де бел. летр. Том. I. страж. 291.

Цїцеронъ показываетъ свое мнѣнїе безъ всякаго укрывательства, и безъ опасенія. Никто не́-былъ въ бо́льшемъ состоянїи говорить о томъ приличнѣе, коль онъ, по обьявленїю Г. Морїна въ діссертацїи его о семъ. Будучи принятъ въ собранїе Авгурское, зналъ онъ всѣ ихъ тайности самые сокровенные, и имѣлъ всѣ возможные способности къ изслѣдованїю сея науки совершенно; да и видно сїе по двумъ его книгамъ оставленнымъ намъ о Дївінацїи [гадательствѣ, или прорицанїи], въ коихъ, можно сказать, онъ всю сїю вычерпалъ матерїю. Во второй, въ которой возражаетъ брата своего Квїнта, стоявшаго за Авгуровъ, опровергаетъ онъ всѣ его худыя доказательства толь сильно, толь хитро, и толь съ нѣжнымъ насмѣянїемъ, что не оставляетъ ничего, чегобъ еще́ желать о томъ можно было; да и доказываетъ доводами сильнѣйшими одинъ другаго никчемугодность сея науки, ложь ея, прекословїя, и невозможность. (a) „Но сїе весьма уди-
„ вително,

(a) Errabat multis in rebus antiquitas: quam vel v... ..., vel doctrina, vel vetustate immutatam videmus. Retinetu... ... ad opinionem

„ вительно, что при всемъ томъ онъ осуждаетъ, и не „ похваляетъ Полководцовъ и Градоначальниковъ, которыи, „ при важныхъ случаяхъ, презрѣли предзнаменованія; и „ содержитъ, что сіе употребленіе, коль оно ни негодное, „ по его мнѣнію, долженствовало однако быть въ почтеніи „ ради закона, и длятого, что тому народъ вѣрилъ. „

Все, предложенное мною по сіе мѣсто, показываетъ, что язычество было раздѣлено на два рода людей, которыи почитай равно опровергали свой законъ, одни почтеніемъ суевѣрнымъ и слѣпымъ, засвидѣтельствуемымъ отъ нихъ прорицаніямъ, а другіи неблагоговѣйнымъ презрѣніемъ, какимъ они смѣялись надъ тѣми.

Основаніе первыхъ, утвержденное съ одной стороны на незнаніи и на невозможности человѣческой въ дѣлахъ жизни, а съ другой на Предвѣденіи божіемъ, и на всемогущемъ его Провидѣніи, было праведное: но заключеніе, какое они изъ того производили, и прилагали къ прорицаніямъ, находилось ложнымъ. Они долженствовали показать достовѣрнымъ, что само - божество уставило оныи наружныи знаки на объявленіе своихъ намѣреній, и что Оно обязалось быть въ томъ неложнымъ и непремѣннымъ при всѣхъ случаяхъ. Но ничего того не бывало, и нѣтъ. Сіи птицезрѣнія и утробозрительства суть плодъ и изобрѣтеніе незнанія, продерзости, любопытства, и всѣхъ человѣческихъ страстей, длятого что человѣкъ хотѣлъ вопрошать бога, и принудить его къ отвѣщанію ему на всѣ его прихоти, и на предпріятія самыя несправедливыя.

Другіи, которыи въ самой вещи не вѣрили ничему тому, что Авгурская преднаписывала наука, наблюдали сіи ребячьи церемоніи съ хитрости, дабы способнѣе поработить сердца народовъ, и весть ихъ къ своимъ намѣреніямъ суевѣріемъ. Но презрѣніемъ къ прорицаніямъ, и внутреннею

vulgi, et ad magnas vtilitates Reipublicae mos, religio, disciplina, ius augurum, collegii auctoritas. Nec vero non omni supplicio digni P. Claudius, L Iunius Consules, qui contra auspicia nauigarunt. Parendum enim fuit religioni, nec patrius mos tam contumaciter repudiandus. Diuinat. lib. 2. n. 70. 71.

тренною достовѣрностію о лжи ихъ, приведены они были къ тому, что-не-признавали уже божіяго Провидѣнія, и презирали самый Законъ, почитаемый ими за неразлучный отъ всѣхъ сихъ безмѣстій, которыя подлинно дѣлали оный смѣшнымъ и недостойнымъ всякаго благосмысленнаго человѣка.

Одни и другіи симъ образомъ поступали для того, что, не познавши Творца, и не употребивши въ свою пользу природнаго свѣта, по которому долженствовали они Его познавать и покланяться Ему, заслужили быть преданы собственной своей тмѣ, и въ умъ неискусенъ: а ежелибъ и насъ не просвѣтилъ истинный Законъ; тобъ и мы нынѣ пребывали въ тѣхъ же самыхъ суевѣріяхъ.

§. II.

ОБЪ ИДОЛЬСКИХЪ ОТВѢТАХЪ.

Никакая земля не была столь богата, ни столь обильна такими Отвѣтами, сколь Греція. Я буду предлагать токмо о знатнѣйшихъ.

Додонскій Отвѣтъ, а городъ Додона былъ Молосскій въ Эпірѣ, великую имѣлъ славу. Юпитеръ самъ дѣлалъ тамъ Отвѣты, то говорящими дубами (*), то голубицами, кои имѣли также свой языкъ, иногда мѣдными и звонкими тазами, а иногда устами жерцовъ и жрицъ.

Павзан. кн. 9. стран. 602. 604. Отвѣты Трофоніевы въ Беоціи, хотя Трофоній былъ токмо и простый герой, имѣли великуюжъ славу. Послѣ многихъ передовыхъ церемоній, какъ-то по измытіи себя въ рѣкѣ, по принесеніи жертвъ, по питіи воды называемыя Летейскія,

---

*) Привязывали къ вершинѣ дубовъ нѣкоторыя орудія; которыя, бывши качаемы вѣтромъ, или какимъ другимъ способомъ, издавали глухій звукъ. Сервій объявляетъ, что-тожъ самое слово, въ Тессалійскомъ языкѣ значитъ голубицу и прорицательницу: а сіе и подало причину къ баснословному преданію о словесныхъ голубицахъ. Лехко было здѣлать звукъ въ чашахъ или тазахъ мѣдныхъ нѣкоторымъ невидимымъ образомъ, и приложить знаменованіе къ оному глухому звону, такое, какое было угодно.

Лешейская, длятого что отъ нея все приходило въ забвеніе, надлежало сходить въ его пещеру по маленькимъ лѣсенкамъ въ самое уское отверстіе. Когда кто сойдетъ ужé туда въ низъ; то онъ находилъ тамъ ещé другую пещеру, въ кою входъ былъ также очень узокъ. Надобно было тамъ лечь на-землю; взять въ обѣ руки нѣкоторый составъ изъ-меду, и имѣть оный тамъ необходимо; просунуть ноги въ отверстіе малыя пещеры: тогда тотчасъ всякъ почувствуетъ, что онъ повлечется туда сильно и скоро. Тамъ-то будущее объявлялось; однако не всѣмъ одинакимъ образомъ: одни видѣли, а другіи слышали. Выходили оттуду въ крайнемъ внутреннемъ возмущеніи и внѣ себя; а сажаемы вышедшіи были на стулъ Мнемосіны, богини Памяти. Великая нужда была въ ея помощи, чтобъ опамятоваться въ толикомъ смущеніи, и вздумать, кто-что видѣлъ, или слышалъ, положивъ, что было чтонибудь видимо или слышимо. Павзаній, который самъ вопрошалъ сей Идольскій Отвѣтъ, и испыталъ всѣ сіи обряды, оставилъ намъ пространное тому описаніе. Плутархъ присовокупляетъ ещé нѣкоторые особливые околичности, которые я опускаю, чтобъ не наскучить долготою. Плут. о дух. Сократ. стран. 590.

Капище и Молбище Бранхідово, находившееся близъ Мілета, а названное отъ Бранха сына Аполлінова, были очень стары, и въ крайнемъ почтеніи у всѣхъ Іонянъ и Дорянъ Азіатіческихъ. Ксерксъ, по возвращеніи своемъ въ Греціи, велѣлъ сжечь оное капище, послѣ какъ жерцы выдали ему сокровище. Сей Государь, въ награжденіе за то, попустилъ имъ поселиться въ срединѣ Азіи, чтобъ ихъ защитить отъ мщенія Греческаго. По окончаніи войны, Мілетяне возобновили сіе капище съ толикимъ великолѣпіемъ, которое, по Страбонову объявленію, превосходило всѣ находящіяся въ другихъ храмахъ Греціи. Когда Александръ великій побѣдилъ всеконечно Дарія; то онъ раззорилъ до подошвы городъ, въ коемъ жерцы Бранхідскіи жили, и гдѣ ихъ потомки пребывали ещé дѣйствительно, дѣлая казнь дѣтямъ за нарушеніе вѣрности, и за святотатство родителей. Герод. кн. 1. гл. 157. Страб. кн. 14. стран. 634.

Тацітъ объявляетъ вещь весьма странную, но не весьма вѣроятную, объ Отвѣтѣ Кларосскомъ, бывшемъ въ городѣ Тацит. лѣтопис. кн. 2. гл. 54.

родѢ Іоніческомъ въ малой Азіи, не подалеку отъ Колофона. „Германікъ, говорилъ онъ, вопрошалъ Кларосскаго „Аполліна. Тамъ не женщина, какъ въ Делфахъ, отвѢщаетъ, но человѢкъ мужеска пола, выбираемый изъ нѢкоторыхъ фамілій, и почитай всегда изъ Мілета. Надобно ему только сказать число и имена вопрошающихъ, „потомъ уходитъ онъ въ вертепъ, а почерпнувъ воды „изъ ручья тамъ текущаго, ОтвѢтъ даетъ Стіхами на „все, что вопрошающіи имѢютъ на мысли, хотя наичаще „онъ есть крайній неучъ, и не умѢетъ составлять Стіховъ. Сказывали, что онъ прорекъ Германіку скорую „смерть, но словами мрачными и закрытыми, какъ-то „обыкновенно ОтвѢтамъ.„

Я миную великое число другихъ ОтвѢтовъ, и прихожу къ самому славному и знатнѢйшему изъ всѢхъ: всякъ чувствуетъ, что я говорю о Делфійскомъ АполлінѢ. Онъ былъ тамъ почитаемъ подъ именемъ Пітійскаго; а прозванъ симъ званіемъ отъ змія Пітона, коего преодолѢлъ и умертвилъ, или отъ греческаго слова, знаменующаго, вопрошать, πυθέσθαι, для того что тамъ его вопрошали. Отъ чего и жрица Делфійская называема была Пітія, и потѢхи, отправляемые тамъ, также Пітійскіе.

Делфы былъ старый городъ Фоцідскій въ Ахаіи. Онъ стоялъ на косогорѢ, и посрединѢ горы Парнасса, построенный на небольшомъ равномъ мѢстѢ, а окруженный стремнинами укрѢпляющими оный безъ помощи отъ художества. Діодоръ говоритъ, что находилась на горѢ ПарнассѢ разсѢлина, изъ которыя выходило куреніе, приводящее къ скаканію козъ, и входящее въ голову. НѢкоторый пастухъ, будучи любопытенъ познать причину дѢйствія толь чрезвычайнаго, приближился къ оной, и почувствовалъ вдругъ, что напали на него наглыя движенія; да и произнесъ онъ слова, коихъ безъ сомнѢнія не разумѢлъ, но которыя прорицали будущее. Другіи здѢлали равный же опытъ. Слухъ разсѢялся тотчасъ по всѢмъ окольнымъ мѢстамъ. Не стали больше приближаться къ оной разсѢлинѢ безъ почтенія. Заключили, что было нѢчто божественное въ оныхъ куреніяхъ. Жрица учреждена для воспріятія въ себя онаго дѢйствія. Поставили надъ разсѢлиною треножный столъ, называемый Латинами cortina

кн. 14. стран. 427. 428.

cortina, можетъ быть отъ кожи, покрывающія оный. Съ него-то жрица давала отвѣты. Около сея разсѣлины нечувствительно здѣлался городъ Делфы. Построено тамъ капище, которое въ послѣдующія времена здѣлалось превесьма великолѣпнымъ; а слава сего Молбища помрачила почитай, или уже превосшла попремногу всѣ другіи Отвѣты. Cortina.

Довольно было сперва одноя Пітіи. Она всѣхъ могла тогда удовольствовать, кои приходили вопрошать; а число ихъ не многое еще было. Потомъ, когда Отвѣтъ пришелъ въ превеликую славу, выбрана была другая, которой бы всходить на треножный столъ по-перемѣнно съ первою; а напослѣдокъ и третія, чтобъ не-было остановки въ случаѣ смерти и болѣзни. Были и другіи служебники, кои препровождали Пітію въ Святилище, а изъ нихъ самыи знатныи называемы были * Пророками. Сіи точно учреждали жертвоприношенія, и оныя разсматривали. Къ нимъ и съ прошеніями приходили, которыя иногда предлагаемы были устно, а иногда подаваемы на-письмѣ: отъ нихъ и отвѣты получались, какъ то я объявлю въ послѣдованіи. *προφῆται.

Впрочемъ, не надлежитъ сливать Пітію съ Сівиллою Делфійскою. Древніи намъ представляютъ сію послѣднюю женщиною скитающеюся, которая таскалась съ мѣста на мѣсто, и сказывала тамъ свои прорицанія. Она была совокупно Сівиллою Делфійскою, Эретрійскою, Вавілонскою, Кумейскою, и многихъ другихъ городовъ, потому что она имѣла пребываніе во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ.

Пітія не могла прорицать, ежели она не будетъ прежде упоена паромъ исходившимъ изъ Святилища Аполлінова. Сей чудесный паръ не упоевалъ во всякое время, и при всякомъ случаѣ. Богъ оный не всегда имѣлъ охоту къ вдохновенію ея. Сперва дѣлалъ онъ то однажды въ годъ. Упросили его потомъ, чтобъ ему дѣлать вдохновенною Пітію единожды по всякій мѣсяцъ. Всѣ на то дни не-были пригодны; а были и такіи, въ которыи не позволено было вопрошать. Во время сихъ нещасливыхъ дней данъ былъ Александру Отвѣтъ достойный примѣчанія. Прибылъ онъ въ Делфы, чтобъ вопросить бога; а жрица, которая утверждала, что-не-можно было тогда вопрошать, да и не хотѣла итти въ капище. Александръ, бывши горячъ во всемъ, чего онъ хотѣлъ, схватилъ ея за- Плут. въ Алекс. стр. 671.

руку

'Ανίκη-τος εἶ ὦ παῖ.

руку и повлекъ туда силою, а она и закричала: ахъ, чадо! не можно тебя осилѣть, или: ахъ, чадо! ты непобѣдимъ.

Александръ услышавъ сіи слова закричалъ съ своей стороны, что-ему-ненадобенъ другой отвѣтъ, и что-онъ-доволенъ-симъ, который услышалъ.

Пітія, прежде нежели взойдетъ на треножный столъ, пріуготовлялась къ тому задолго жертвами, очищеніями, тридневнымъ постомъ, и многими другими обрядами. богъ оный возвѣщалъ свое пришествіе трясеніемъ Лавроваго дерева, которое было предъ дверьми капища, и приведеніемъ въ трясеніе всего капища съ основанія.

Какъ скоро „ (a) паръ божественный, на подобіе огня „ проницательнаго, разольется по внутренностямъ жрицы- „ нымъ; то видно было, что ея волосы становились ды- „ бомъ на головѣ: взоръ ея былъ свирѣпый, изъ устъ пѣ- „ на текла, дрожаніе внезапное и наглое нападало на все „ ея тѣло: она чувствовала всѣ болести (*) какіе бывають

(a) Cui talia fanti
Ante fores, subito non vultus, non color unus,
Non comptae mansere comae; sed pectus anhelum,
Et rabie fera corda tument, maiorque videri,
Nec mortale sonans afflata est numine quando
Iam propiore Dei.

Virg. Aeneid. l. 6. v. 46. 51.

(*) Между многими знаками, данными богомъ въ писаніи на различеніе его Отвѣтовъ съ демонскими, неистовство, какое Віргілій приписываетъ Пітіи [et rabie fera corda tument] есть одинъ также знакъ. „ Я есмь, говоритъ Господь, который показываю ложъ „ прорицаній отъ гадателей, и принуждаю прорицателей быть „ въ движеніяхъ неистовящихся людей: КТО ИНЪ РАССЫПАЕТЪ „ ЗНАМЕНІЯ ЧРЕВОВОЛШЕБНИКОВЪ, И ВОЛШБЫ ОТЪ СЕРДЦА? „ Ісаіи гл. 44. стіх. 25. вмѣсто того, что Характеръ собственный и постоянный Пророковъ истиннаго бога, былъ такой, чтобъ давать отвѣты божескіи голосомъ равнымъ и умѣреннымъ, и еще-съ-благородною-тихостію и спокойствіемъ. Другой знакъ различающій былъ такой, что демоны давали свои отвѣты въ мѣстахъ тайныхъ, удаленныхъ, и въ темныхъ пещерахъ; а богъ подавалъ свои днемъ, и предъ всѣми людьми. НЕ ОТАЙ ГЛАГОЛАХЪ, НИ ВЪ ТЕМНѢ МѢСТѢ ЗЕМЛИ; Ісаіи гл. 45. стіх. 19.

„ютъ у особы распаленныя неистовствомъ и яростію„. Она говорила по временамъ нѣкоторыя слова́ бормотаніемъ, кои Пророки подхватывали собирая въ совокупленіе прилѣжно. Они ихъ располагали, и соединяли потребнымъ составленіемъ. Когда уже́ она пребудетъ нѣкоторое извѣсное время на треножномъ столѣ; то они ея снимали оттуду, и отводили въ ея келейку, гдѣ она пребывала обыкновенно чрезъ многіи дни отдыхающая отъ утружденія: а „часто скорая смерть, говоритъ Луканъ, „была мздовоздаяніемъ, или казнію за ея неистовое ошалѣніе„. кн. 5.

Numinis aut poena est mors immatura recepti
Aut pretium.

Пророки имѣли подъ собою Піитовъ, которыи полагали отвѣты Стіхами; а Стіхи сіи часто были очень худыи: сіе и подало причину говорить, что-удивительно, ка́къ Аполлінъ, который былъ предсѣдателемъ у Музъ, давалъ худое вдохновеніе своей жрицѣ. Но Плутархъ намъ объявляетъ, что-бо́гъ сей не составлялъ Стіховъ въ отвѣтахъ. Онъ разогрѣвалъ токмо мечтаніе въ Пітіи, засвѣчалъ въ ея сердцѣ оный живый свѣтъ, который показывалъ ей все будущее. Слова́, произносимыя ею въ жарѣ ея восторга, не имѣли ни соединенія, ни сочиненія, и не исходили, чтобъ такъ сказать, какъ токмо выскачками изъ ея се́рдца, или лучше изъ * утробы; но уже́ Пророки собирали оныя съ прилѣжаніемъ, и отдавали Піитамъ, чтобъ ихъ соста́вить Стіхами. Впрочемъ, Аполлінъ оставлялъ то ихъ разуму и природнымъ талантамъ. Сіежъ са́мое должно сказать и о Пітіи, когда она сама сочиняла Стіхи, хотя сіе было и рѣтко, однако иногда случалось. Грунтъ Отвѣта былъ вдохновенъ Аполлиномъ; а способъ изображенія жрицынъ: однако часто Отвѣты даваны были не Стіхами.

* Ἐγγαστριμυθός.

ИСПЕРВА НЕ ОТАЙ ГЛАГОЛАХЪ. Ісаіи гл. 48. стіх. 16. Итакъ, богъ попустилъ демону подражать своимъ Отвѣтамъ токмо такъ, что наложилъ на него такіе нужности, которыми можно было разпознавать истинныи Отвѣты отъ ложныхъ.

Обыкновенный характерь Отвѣтовь быль (а) „сомни-„тельство, мрачность, и, ежели можно такь говорить, „звитіе и заплетеніе; такь что одинь отвѣть могь слу-„жить многимь приключеніямь различнымь, и часто-еще „сопротивнымь„. При вспомоществованіи сея хитрости, демоны, какь не могущіи знать сами собою будущихь ве-щей, покрывали тамь свое незнаніе, и обманывали лехко-вѣріе язычниковь. Когда Крезь, приготовившись уже со всѣмь нападеніе учинить на Мидянь, вопросиль Отвѣть Делфій-скій обь успѣхѣ сея войны; то ему тоть отвѣтствоваль, что „перешедь за рѣку Галісь, опровергнеть онь великую „державу„. Что за державу? свою, или непріятельскую? Сіе надлежало ему самому отгадывать: но какой бы успѣхь ни воспослѣдоваль, Отвѣть во всякомь случаѣ сказаль прав-ду. Сіежь самое должно разумѣть и обь отвѣтѣ оть того бога Пірру.

Aio te, Aeacida, Romanos vincere posse.

Предложень оный здѣсь по-Латінски, для того что со-мнительнаго знаменованія, скланяющагося равно, что-какь Пірь можеть Римлянь побѣдить, такь и Римляне подобножь Пірра, не возможно изобразить (*) переводомь. При вспомо-женіи подобныхь обоюдностей богь оный всегда выкручался изь трудностей, и никогда не бываль чрезь то ложнымь.

Однако, надобно признаться, что иногда отвѣть давань быль ясно и сь околичностями не сомнительными. Я уже предложиль вь Исторіи о Крезѣ хитрость, какую сей Государь употребиль, дабы удостовѣриться обь истин-ности

(a) Quod si aliquis dixerit multa ab idolis esse praedicta, hoc sciendum, quod semper mendacium iunxerint veritati, et sic sententias temperarint, vt, seu boni, seu mali quid accidisset, vtrumque possit intelligi.

Іеронім. на гл. 42. Ісаїи.

Да и приводить онь два примѣра: Крезовь и Пірровь.

(*) Правда, Автору не возможно было перевесть сего латінскаго стіха на Французскій свой языкь стіхомь же такь, чтобь сомнитель-ство на обѣ стороны клонилось: ибо Французскій языкь не можеть употребить такь называемое вь Грамматикѣ неопредѣленное изоб-раженіе. Но на нашемь Славенскомь можно то здѣлать, равно какь на Греческомь и на Латінскомь. Вь примѣрь полагаю сейже самый Латінскій стіхь Славенскимь стіхомь:

МОЖНО РОГЬ, О! ПІРРЬ, ТЕБѢ РИМЛЯНАМЬ СЛОМИТИ.

носпи Отвѣтовъ; а хитрость та была такая, что онъ чрезъ Пословъ своихъ вопрошалъ, что онъ бы Крезъ дѣлалъ въ нѣкоторое назначенное время. Отвѣтъ Делфійскій отвѣтствовалъ стихами, что онъ варитъ Черепаху съ Агнцомъ въ мѣдномъ сосудѣ; а сіе такъ и было. Цесарь Траянъ употребилъ равнуюжъ хитрость въ рассужденіи бога Геліополя, пославъ къ нему запечатанное (*) письмо, на которое онъ требовалъ отвѣта. богъ сей, ему въ отвѣтъ, велѣлъ отослать бѣлую бумагу свернутую и запечатанную исправно. Траянъ получивши, сталъ въ удивленіи, видя толь подобный отвѣтъ на письмо посланное отъ него, и въ которомъ онъ зналъ самъ и одинъ, что-ничегó нé было написано. „(a) Способность, съ какою демоны мо„гутъ преноситься въ одно мгновеніе óка на различныя „мѣстá, дѣлаетъ, что-оні́ могли дать собою оба оныи „отвѣта, которыи я предложилъ, и предвозвѣстить въ „другой землѣ, что они видѣли въ одной„. Сіе есть мнѣніе Тертулліаново. Макроб. кн. 1. Сатурнал. гл. 23.

Чтожъ сказываются такіи отвѣты, по которымъ точно збылось; то можно думать, что богъ, дабы наказать слѣпую и святотатственную удобовѣрность язычниковъ, попустилъ, чтобъ иногда демоны знали будущее, и прорекали оное ясно. Сіе божіе Строеніе, хотя оно весьма выше разума человѣческаго, часто объявляется въ божественномъ Писаніи.

Есть вопрошеніе, надлежитъ ли Отвѣты, о которыхъ часто упоминается въ языческой Історіи, причитать демонскому дѣйствію, или просто хитрости и плутовству человѣческому. Нѣкоторый Врачь Голанецъ, именемъ фанъ-Дале, содержалъ сіе послѣднее мнѣніе; а Г. Фонтенель, бывши-еще-тогда въ молодости, утвердился

(*) Ярлычки запечатанныи, и полагаемыи на жертвенникъ богу не открывая оныхъ, былъ одинъ изъ способовъ, какимъ вопрошали Отвѣтъ.

(a) Omnis ſpiritus ales. Hoc et Angeli, et daemones. Igitur momento vbique ſunt: totus orbis illis locus vnus eſt: quid vbi geratur, tam facile ſciunt, quam enunciant. Velocitas diuinitas creditur, quia ſubſtantia ignoratur . . . Ceterum, teſtudinem decoqui cum carnibus pecudis Pythius eo modo renunciauit, quo ſupra diximus, momento apud Lydiam fuerat. Tertull. in Apolog.

ся также на ономъ, думая, что [сіе самъ онъ говоритъ] равно́ для Хрістіанскія Истинны, быть отвѣтамъ отъ демонскаго дѣйствія, или отъ человѣковъ лстецовъ. Отецъ балтъ, Іезуїтъ, Профессоръ святаго Писанія въ Страсбургскомъ Универсітетѣ, возразилъ ихъ обоихъ сочиненіемъ весьма твердымъ, въ которомъ онъ доказываетъ непреодолѣемо единодушнымъ согласіемъ Учителей церьковныхъ, что демоны прямо дѣйствовали въ отвѣтахъ, и нападáетъ въ немъ сильно и съ успѣхомъ на продерзосную смѣлость Врача Анабаптіста, который, приводя подъ сомнѣніе способность и смотреливость оныхъ святыхъ Учителей, старался подъ рукою загладить въ разумѣ вѣрныхъ высокую Ідею, какую они долженствуютъ объ нихъ имѣть, и поколебать власть толь достойную почтенія, которая въ затрудненіе приводитъ всѣхъ удаляющихся отъ древняго мнѣнія, что до преданія. Но ежели есть достовѣрное и постоянное; то прямо есть сіе, о которомъ здѣсь слово, потому что оно утверждаемо и засвидѣтельствуемо всѣми Отцами Святыми, и всѣми церьковными Писателями всѣкъ вѣковъ, которыи всѣ признали демона начальникомъ и заводчикомъ Ідолопоклоненія вобще, и въ особливости Ідольскихъ отвѣтовъ.

Сіе мнѣніе не препятствуетъ впрочемъ вѣрить, чтобъ часто не́-было лжи и подлога отъ жерцовъ и жрицъ въ отвѣтахъ Ідольскихъ. Демонъ не отецъ ли, и не господинъ ли лжи? Мы видѣли въ Греческой Історіи, что не единократно Делфійская жрица бывала подкупаема мздоимствомъ. Симъ образомъ присовѣтовала она Лакедемонянамъ, по́мощь пода́ть Аѳинянамъ изгоняющимъ Тіранновъ; такимъ же, велѣла согнать съ престола Демарата, чтобъ посадить на его мѣсто Клеомена; онажъ пріуготовила отвѣтъ, чтобъ подтвердить Лізандрово ухищреніе, когда онъ старался перемѣнить въ Спартѣ преемничество царствованія: а я очень склоненъ повѣрить, что-и-Темістоклъ, чувствовавшій коль есть важно и полезно дѣйствовать на́-морѣ противъ Персовъ, вдохнулъ богу отвѣтъ, данный имъ, чтобъ защищаться деревянными стѣнами.

Плутар. въ Демост. страв. 854. Демостенъ, вѣдая прямо, что Отвѣты часто были подущаемы страстію или корыстію, и имѣя основательное подозрѣніе о Філіппѣ, что-онъ ихъ заставливаетъ говорить

рить въ свою пользу, сказалъ разумно, что Пітія філиппствуетъ; да и привелъ онъ на память Аѳинянамъ и Тебанцамъ, что Періклъ и Эпамінондъ, вмѣсто чтобъ слушать и увѣряться бездѣльнымъ Идольскимъ отвѣтамъ, пустому точію устрашенію для подлыхъ и трусливыхъ, спрашивались токмо съ разумомъ, и слушались онаго въ воспріятіяхъ намѣреній, и въ исполненіи оныхъ.

Тотже отецъ балтъ рассматриваетъ съ такимъ же успѣхомъ второй пунктъ распри, который касается до замолчанія Отвѣтовъ. Фанъ-Дале, дабы поразить съ нѣкоторою пользою Истинну толь славную Іисусу-Хрїсту, разрушителю Идолопоклонства, исказилъ мнѣніе Отцовъ Святыхъ говоря ложно на нихъ, что будто они утвердили замолчаніе Отвѣтовъ точно въ самое рождество Іисусъ-Хрїстово. Мудрый защитникъ Отцовъ Святыхъ показываетъ ихъ научающихъ всѣхъ, что Отвѣты замолчали по рождествѣ Іисусъ-Хрїстовѣ, и по проповѣди благовѣстія его, не вдругъ, но исподоволь, и потому какъ его познавали люди, и какъ его спасительное ученіе рассѣвалось въ мірѣ. Единодушное мнѣніе Отцовъ Святыхъ подтверждено безпорочнымъ засвидѣтельствованіемъ отъ великаго числа язычниковъ, кои согласны съ Отцами Святыми во времени, въ которое Идольскіи отвѣты быть перестали.

Коея чести не дѣлало нашему Святому Закону сіе молчаніе заповѣданное Отвѣтамъ побѣдою Іисусъ-Хрїстовою! Каждый изъ Хрїстіанъ имѣлъ сію силу. Тертулліанъ, въ одной изъ своихъ Апологій говоритъ, что язычники не могутъ того учинить при Хрїстіанинѣ, и соглашается, чтобъ умертвить онаго, который бы не принудилъ сихъ дателей отвѣтовъ признаться, что они токмо демоны. Лактанцій намъ объявляетъ, что каждый Хрїстіанинъ, знаменіемъ токмо крестнымъ дѣлалъ ихъ нѣмыми. Всѣмъ извѣсно, что когда Іуліанъ отступникъ прибылъ въ Дафну, предмѣстіе Антіохійское, дабы вопросить Аполлина; сей богъ, не смотря на всѣ жертвы принесенные отъ сего Кесаря, пребылъ безотвѣтенъ и нѣмъ, да только сказалъ вопрошающимъ у него о причинѣ молчанія, что надобно имъ жаловаться на нѣкоторыхъ умершихъ, погребенныхъ тутъ въ близости. Сіи мертвыи были Хрїстіанскіи Мученики, а между прочими Святый Вавила.

Тертулл. въ Аполог.

кн. объ истинн. премуд. гл. 27.

Сіе торжество Хрістіанскаго Закона, долженствуетъ насъ вразумить, коль великое мы имѣемъ одолженіе Іисусу - Хрісту, и совокупно, какой имѣ весь родъ человѣческій, прежде его, былъ преданъ. (a) „Видимы „были у Карѳагенянъ отцы и матери, лютѣйшіи самихъ „звѣрей, отдающіи безъ всякія жалости своихъ дѣтей, „и также городы опустошаемыи ежегодно имѣмъ, что „истребляема была изъ нихъ самая цвѣтущая юность, „отъ послушанія варварскому повелѣнію ихъ Отвѣтовъ и „боговъ. Выбираемы были, по ихъ изволенію, на жертву „изъ всякаго состоянія, пола, возраста, и чина. Сіи „кровопитныя дѣйствія были почитаемы именемъ жертвъ, „и служили имъ къ умилостивленію ихъ боговъ. Какое „больше зло, вопіетъ Лактанцій, моглибъ они имъ здѣлать „въ самомъ своемъ неистовомъ гнѣвѣ, какъ-отнимать „такимъ образомъ у своихъ поклонниковъ все чувствіе „людскости, какъ-приводить ихъ къ тому, чтобъ они „сами убивали собственныхъ своихъ дѣтей, и какъ чтобъ „имъ оскверня́ть святотатственные свои руки толь про„клятымъ отцеубійствомъ?

Бесчисленныя плутовства, бесчисленные лжи открытые ясно въ Делфахъ, и вездѣ индѣ, не отворили глазъ человѣкамъ, ни уменьшили нимало силы Отвѣтовъ. Она пребывала больше нежели чрезъ двѣ тысячи лѣтъ, и превознесена толь, что не можно тому повѣрить, сіежъ во мнѣніи самыхъ великихъ Людей, Філософовъ самыхъ просвѣщенныхъ, Государей самыхъ сильныхъ, и общие у всѣхъ народовъ совершенно выцвѣченыхъ, и которыи ставили себя больше другихъ благоразумными и преискусными. Можно

(a) Tam barbaros, tam immanes fuiffe homines, vt parricidium fuum, id eft tetrum atque execrabile humano generi facinus, facrificium vocarent. Cum teneras atque innocentes animas, quae maxime eft aetas parentibus dulcior, fine vllo refpectu pietatis extinguerent, immanitatemque omnium beftiarum, quae tamen foetus fuos amant, feritate fuperarent. O! dementiam infanabilem. Quid illis ifti dii amplius facere poffent, fi effent iratiffimi, quam faciunt propitii? Cum fuos cultores parricidiis inquinant, orbitatibus mactant, humanis fenfibus fpoliant.

Lactant. lib. I. cap. 21.

жно рассудить о сей силѣ по великолѣпію капища Делфійскаго, и по безмѣрному богатству, кое туда снесено легковѣріемъ народовъ и Государей. Герод. кн. 2. гл. 180. и кн. 5. гл. 62.

Когда капище Делфійское згорѣло около 58 Олімпіады; то Амфіктіоны, оныи славныи греческіи Судіи, взяли на себя сіе, дабы создать другое. Наняли они Архітектора за трі-ста талантовъ, тоесть, за-сто за восемдесятъ тысячъ рублей. Городы Греческіи долженствовали дать сію сумму. На Делфійскихъ жителей положена четвертая часть сея суммы, которыи собирали оную со всѣхъ сторонъ, еще-просили ея и въ иностранныхъ государствахъ. Амазісъ, тогда Егіпетскій Царь, также и Греки, жившіи въ Егіптѣ, помогли имъ знатною суммою. Алкмеоніды, фамілія сильная въ Аѳинахъ, взялись за совершеніе зданія, и построили оное великолѣпнѣйшее, нежели какъ чаяли по образцу, для того что они тутъ много прибавили отъ себя.

Гігесъ Лідійскій Царь, и Крезъ, одинъ изъ преемниковъ его, обогатили Делфійское капище невѣроятнымъ числомъ даровъ. Смотря на нихъ многіи другіи Государи, многіи городы, и еще-многіи-богатыи люди, наносили туда, напрерывъ одинъ предъ другимъ, треножныхъ столовъ, сосудовъ, простыхъ столовъ, щитовъ, вѣнцовъ, колесницъ, статуй золотыхъ и серебряныхъ всякія величины, числомъ и цѣною безмѣрныхъ. Одни Крезовы золотыи дары Делфійскому капищу стоили, по Геродотову численію, больше двухъ сотъ пятидесяти четырехъ талантовъ, тоесть, больше ста пятидесяти двухъ тысячъ четырехъ сотъ рублей нашими деньгами; а серебреныхъ можетъ быть не на меньшуюжъ цѣну было. Большая часть изъ сихъ даровъ пребывала еще въ цѣлости въ Геродотово время. Діодоръ Сіцілійскій, присовокупляя къ нимъ и отъ другихъ Государей, полагаетъ всѣ ихъ въ десять тысячъ талантовъ, тоесть, въ шесть мілліоновъ рублей. Герод. кн. 1. гл. 50. 51. Діод. кн. 16. страж. 453.

Между золотыми истуканами, кои Крезъ посвятилъ Делфійскому капищу, была статуа изображающая и хлѣбницу его; а причина сему была слѣдующая. Когда Аліаттъ, отецъ Крезовъ, сочетался вторымъ бракомъ, и прижилъ дѣтей отъ вторыя супруги; то мачиха тщалась известь своего пасынка, дабы соблюсть скипетръ одному изъ своихъ Плут. Піѳійск. оращ. страж. 401.

дѣтей.

дѣтей. Обязала она хлѣбницу запечь отраву въ одномъ изъ своихъ хлѣбовъ, кои надлежало положить на столъ молодому Царевичу. Хлѣбница ужасшись толикаго злодѣянія [да и не должно ей было ни по какой мѣрѣ показывать въ томъ свою услугу] увѣдомила о томъ Креза. Хлѣбъ съ ядомъ былъ положенъ на столъ дѣтямъ тоя самыя Царицы; а смерть ихъ утвердила скипетръ законному наслѣднику. Когда онъ восшелъ на престолъ; то восхотѣлъ возблагодарить своей благодѣтельницѣ, и поставилъ въ честь ей золотую статуу въ капищѣ Делфійскомъ. Но, можетъ быть кто вопроситъ, женщина толь подлаго состоянія достойналь была такія великія чести? Подлинно достойна, отвѣтствуетъ Плутархъ, и еще достойнѣе, нежели всѣ оныи побѣдители и Герои толь славныи, которыи стали быть славными по множеству человѣкоубійства и кровопролитія.

Не удивительно, что толь безмѣрное богатство было искушеніемъ сребролюбію человѣческому, и подвергало Делфы многому грабленію. Не упоминая о древнѣйшихъ, Ксерксъ, вшедшій въ Грецію съ цѣлымъ милліономъ войска, попытался завладѣть корыстію сего капища. больше ста лѣтъ спустя, Фоцеане, сосѣди Делфамъ, разграбляли оный часто. Желаніе получить сіи богатые корысти, былъ третій поводъ къ набѣгу учиненному отъ Галловъ на Грецію подъ предводительствомъ бренновымъ. богъ, защитникъ Делфамъ, ежели въ томъ вѣрить Історіямъ, оборонялъ иногда свой храмъ чудесными дивами; а иногда также, или то по бессилію, или за нерадѣніемъ и недосугами, отдавалъ оный на грабленіе. Неронъ, при посѣщеніи своемъ славнаго сего капища во всемъ Свѣтѣ, нашедши по своей угодности пять сотъ преизрядныхъ мѣдныхъ статуй изображающихъ какъ славныхъ людей, такъ и боговъ, а статуи тѣ посвящены были Аполліну [золотые и серебреные знатно уже были упрятаны] взялъ ихъ оттуду, и положивъ на суда велѣлъ за собою отвесть въ Римъ.

Ежели кто любопытенъ знать основательнѣе все, что касается до Ідольскихъ отвѣтовъ и до богатства, бывшаго въ Делфійскомъ капищѣ; то можетъ тотъ видѣть нѣсколько рассужденій о семъ напечатанныхъ въ извѣстіяхъ

или

или запискахъ такъ называемыя Академіи де бель-летръ [словесныхъ наукъ въ Парижѣ] изъ которыхъ я много взялъ сюда по моему обыкновенію. Том. III.

ЧЛЕНЪ ТРЕТІЙ.

ИГРЫ, ПОТѢХИ, И ПОДВИГИ

Потѣхи и Подвиги были частію ихъ закона, и включаемы были почитай во всѣ празнованія у древнихъ; а по сему должно имъ имѣть здѣсь свое мѣсто. Хотя когда разсуждается объ ихъ первоначаліи, хотя разсматривается ихъ цѣль; не долженствуетъ казаться удивительнымъ, что были они толь въ великомъ употребленіи у самыхъ лучшихъ народовъ,

Геркулесъ, Тезей, Касторъ и Поллуксъ, и самыи великіи Герои въ древности, не токмо были сами имъ заводчики, или возобновители, но еще ставили себѣ въ славу отправлять оныи, присутствовать на нихъ, подвизаться и получать успѣхъ. Будучи побѣдителями страшилищъ, и всенародныхъ непріятелей, не думали они о себѣ, что тѣмъ себя уничтожатъ, когда желали себѣ побѣдъ одержаваемыхъ на сихъ Подвигахъ, или чтобъ новыи вѣнцы, коими увѣнчаваемы были на Играхъ всенародныхъ, могли затмить старыхъ сіяніе и присноцвѣтную зелень. Чего ради мы и видимъ, что сіи Подвиги и Потѣхи были матеріею къ Стіхамъ самымъ славнымъ Піитамъ, которыи, получая себѣ бессмертную славу красотою своихъ сочиненій, хотѣли зделать бессмертными въ славѣ и тѣхъ, коихъ они побѣды похваляли. Сія есть причина превеликой охотѣ, которая распалила во всей Греціи желаніе толь жаркое, слѣдовать стопамъ древнихъ Грековъ, и прославлять себя также, какъ и они, сими всенародными Подвигами.

Побужденіе еще твердѣйшее, и находящееся въ самой природѣ сихъ Подвиговъ и народовъ прилѣжавшихъ къ онымъ, привело ихъ въ употребленіе. Греки, бывши съ природы храбры, и охотники до обученій тѣлу и разуму въ ихъ юношествѣ, ввели сіи обученія, и привели ихъ въ

честь, дабы прїуготовить молодыхъ людей къ военному дѣлу, и нѣмижъ бы укрѣпить ихъ здравіе, здѣлать бы ихъ сильнѣйшими, способнѣйшими къ трудностямъ, твердѣйшими въ сраженіяхъ, въ коихъ блиско другъ съ другомъ сходились, для того что не-было-еще огненнаго оружїя, и гдѣ тѣлесная сила обыкновенно опредѣляла побѣду. Сіи Атлетическія обученія были имъ вмѣсто того, что нашему Дворянству есть танцованіе, фехтованіе *, ** волтіжированіе **, и конная ѣзда: но они не довольствовались одною пріятностію, или стройностію тѣла, и осанки; имъ надобна притомъ была-еще сила.

* шпажная битва.
** скачка и обороны тѣла.

Правда, сіи обученія, толь славныя по ихъ заводчикамъ, и толь полезныя для своея цѣли, которую себѣ въ нихъ сперва предлагали, подали причину учащимъ тому юность, самимъ же имъ дѣлающимъ то съ бóльшимъ успѣхомъ, величаться тѣмъ и оказываться, да и попускаться въ то всеконечно, дѣлать изъ того излишества, присовокуплять къ тому поправленія отъ искусства, приводить къ нападенію однихъ на другихъ по пустому ревнованію, и привесть все оное въ художество такихъ людей, которыи, не имѣя другаго упражненія ни другаго достоинства, представляли себя въ зрѣлище народу, и старались его тѣмъ увеселить. Такимъ же почитай образомъ мы видимъ и нашихъ танцмейстеровъ, которымъ первоначально и природно надлежало токмо показывать юношеству какъ ходить, и выступать пріятно, восходящихъ на театры, отправляющихъ танцы въ комедіантскомъ платьѣ, скачущихъ и прыгающихъ по козью движеніями притворными и излишными.

Мы увидимъ въ послѣдованіи, какое благоразумныи люди имѣли мнѣніе о такихъ Атлетахъ, и объ Учителяхъ борьбы и битвы.

Были четыре торжественные Потѣхи въ Греціи: ОЛІМПІЧЕСКАЯ, названная отъ Олимпіи, инако называемыя Пиза, гóрода Элидскаго въ Пелопоннесѣ, при которомъ отправлялась Потѣха пóслѣ полныхъ четырехъ лѣтъ въ честь Юпітеру Олімпійскому. ПІТІЧЕСКАЯ, посвященная Аполліну, по прозванію Пітійскому *, ради Змія Пітона, убитаго имъ, и отправляемая въ Делфахъ также по полномъ четверолѣтіи. НЕМЕЙСКАЯ, которая прозвана отъ Немеи

* даются еще многіе причины сему имени.

Немеи города и лѣса Пелопоннесскаго, и была учреждена, или возобновлена, Геркулесомъ, послѣ какъ онъ умертвилъ Льва въ Немейскомъ лѣсѣ: сія отправлялась по каждыхъ двухъ годахъ. Наконецъ ІСТМІЧЕСКАЯ, отправлявшаяся на Коріноскомъ Істмѣ по прошествіи каждыхъ четырехъ лѣтъ въ честь Нептуну, коея Тезей былъ возобновитель; а продолжалась она и по паденіи Коріноа. Но дабы присутствовать на сихъ зрѣлищахъ съ большею тишиною и безопасностію; то было чрезъ все время ихъ продолженія перемиріе въ Греціи, такъ что всѣ непріятельскія дѣйствія переставали. Павзан. кн. 3 стран. 88.

На Потѣхахъ сихъ, отправляемыхъ съ невѣроятнымъ великолѣпіемъ, и привлекающихъ со всѣхъ сторонъ ужасное множество смотрителей и подвизающихся, давана была въ награжденіе токмо простая корона: изъ дикія Масличины на Олімпіческихъ, Лавровая на Пітіческихъ, изъ цвѣтныя Петрушки, но зеленыя, на Немейскихъ; а изъ цвѣтныяжъ Петрушки, однако сухія, на Істміческихъ. Заводчики сихъ Потѣхъ хотѣли чрезъ то дать знать, что честь одна долженствовала быть того концемъ, а не подлая и бездѣльная корысть. Чегожъ не могли дѣлать люди привыкшіи дѣйствовать на семъ основаніи! Чего ради мы и видѣли, что, во время Персідскія войны, Тігранъ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ Полководцовъ въ Ксерксовой армѣ, услышавъ, какое было мздовоздаяніе Грекамъ на Потѣхахъ, обратился къ Мардонію, который былъ главнымъ во всемъ войскѣ, да и закричалъ въ крайнемъ удивленіи: (а) Что то, Мардоній! съ какими людьми спускаете вы насъ сражаться? Они не чувствительны къ корысти, и бьются токмо для полученія славы! Сіе восклицаніе, которое Ксерксъ принялъ за исполненное боязливыя трусости, напротивъ того исполнено было разума и разсужденія. Герод. кн. 8. гл. 26.

По семужъ самому основанію въ Римѣ, гдѣ при другихъ случаяхъ жалованы были золотыи и многоцѣнныи вѣнцы, давали всегда непремѣнно тому, который бы спасъ животъ гражданину, корону изъ дубоваго токмо листа. Плин. кн. 6. гл. 4.

 „О! Нравы

(а) Παπαί, Μαρδόνιε, κοίους ἐπ' ἄνδρας ἤγαγες μαχησομένους ἡμέας, οἳ οὐ περὶ χρημάτων τὸν ἀγῶνα ποιεῦνται, ἀλλὰ περὶ ἀρετῆς.

„О! Нравы, достойныи вѣчныя памяти, вопіетъ Плі„ній при предложеніи сего похвальнаго обыкновенія, О! „Величество поистиннѣ Римское, что-не-восхотѣло оно „оцѣнить службу не имѣющую подлинно цѣны, что-не„соединило съ нею другаго награжденія, кромѣ чести, и „что-по должности удалило накрѣпко отъ нея всякое по„бужденіе прибытка и пользы! О! mores aeternos, qui tanta opera honore ſolo donauerint; et cum reliquas coronas auro commendarent, ſalutem ciuis in pretio eſſe noluerint, clara profeſſione ſeruari quidem Hominem nefas eſſe lucri cauſſa.

Изъ всѣхъ Греческихъ Потѣхъ, Олімпіческіе бесспорно были самые первые; а сіе для трехъ причинъ. Онѣ были посвящены Юпітеру, величайшему изъ боговъ: уставлены Геркулесомъ, величайшимъ изъ Героевъ: наконецъ, отправлялись онѣ съ бо́льшимъ оказаніемъ и великолѣпіемъ, нежели всѣ прочіе, и привлекали бо́льшее число смотрителей, кои на оные стекались со всѣхъ сторонъ.

Павзан. кн. 5. стран. 297. Ежели вѣрить Павзанію; то женскій полъ не-былъ туда допущаемъ: была опредѣлена смертная казнь на тѣхъ, которые дерзнулибъ тамъ показаться; да и во все время продолженія Потѣхъ, запрещено имъ было и блиско являться при тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ отправлялись, и переправляться за рѣку Алфей. Одна токмо осмѣлилась нарушить сей уставъ, которая нарядившись въ мужеское платье, вперлась къ тѣмъ, кои обучали Атлетовъ. Призвана она была на судъ; да и получилабъ казнь назначенную уставомъ: но судьи, ради ея отца, ради братовъ, и для ея сына, которыи всѣ одержали побѣду на Олімпіческихъ Потѣхахъ, простили ея въ преступленіи, и животъ ей даровали.

Сей уставъ есть очень согласенъ съ Греческими нравами, у коихъ госпожи были весьма воздержны, казались рѣдко вьявь, имѣли въ домѣ покой особливый называемый Гінекей, и не садились никогда за столъ кушать съ мужескимъ поломъ, когда были чужіи люди. И поистиннѣ, благопристойность требовала, чтобъ имъ не быть допущеннымъ къ нѣкоторымъ Потѣхамъ, какъ-то къ борьбѣ и къ Панкраціо, на которыхъ Атлеты сражались нагіи.

Тотже

Тотже Павзаній говоритъ на другомъ мѣстѣ, что одна жена, жрица Церерина, имѣла почетное мѣсто на сихъ Потѣхахъ, и что зрѣлище не было запрещено и дѣвицамъ. Я не могу догадаться о причинѣ толикаго разнорѣчія, и толикаго непостоянства, которое еще мнѣ кажется быть и невѣроятнымъ. кн. 6. стр. 382.

Греки не сравнивали ничего съ побѣдою получаемою на сихъ Потѣхахъ: они ея почитали за самый верьхъ славы, и не думали, чтобъ Смертному можно было далѣе произвесть свои желанія. (a) „Цицеронъ насъ увѣряетъ что, „она была для Грековъ то, что древнее Консульство, во „всемъ своемъ сіяніи съ первоначалія, было для Римлянъ„. Онъ же говоритъ на другомъ мѣстѣ, что, (b) „побѣду „одержать при Олімпіи, почитай было, какъ-то „Греки помышляли, нѣчто бóльшее и славнѣйшее, нежели удостоиться въ Римѣ чести Тріумфа„. Но Горацій говоритъ о сихъ побѣдахъ еще сильнѣйшими словами: „(c) онъ не боится сказать, что онѣ превозносили побѣ-„дителей выше человѣческаго состоянія: они, по его, „были уже не человѣки, но боги„.

Мы увидимъ въ послѣдованіи чрезвычайные чести воздаемые побѣдителямъ, изъ которыхъ одна есть самая славная, а именно, назначать годъ именемъ побѣдившаго. Ничто поистиннѣ не могло больше побуждать къ толикому стремительству и къ издержкамъ, коль достовѣрность о здѣланіи бессмертнымъ своего Имени, которое чрезъ все послѣдованіе вѣковъ долженствовало находиться во всѣхъ мѣсяцословахъ, и въ дѣлахъ здѣланныхъ въ годъ побѣды. Должно присовокупить къ сему побужденію радость о знаніи, что ихъ похвалы будутъ прославлены

 самыми

(a) Olympiorum victoria, Graecis Consulatus ille antiquus videbatur. Tuscul. quaest. Lib. 2. n. 41.

(b) Olympionicam esse, apud Graecos prope maius fuit et gloriosius, quam Romae triumphasse. Pro Flacco n. 31.

(c) Palmaque nobilis
Terrarum dominos evehit ad deos. Od. 1. l. 1.
Sive quos Elea domum reducit
Palma caelestis. Od. 2. Lib. 4.

самыми славными Піитами, и имѣютъ быть матеріею разговоровъ въ самыхъ чесныхъ собраніяхъ: ибо Оды такіе были пѣны во всѣхъ домахъ, и находились частію веселія на пированіяхъ. Кое поощреніе можетъ быть сильнѣйшее для людей, ищущихъ человѣческія токмо славы!

Я здѣсь буду предлагать о Потѣхахъ только Олімпіческихъ, которые продолжались пять дней; а опишу, коль возможно, кратко все, что принадлежитъ до разныхъ Пóдвиговъ бывшихъ на сихъ Потѣхахъ. Г. бюретъ отчасти потрудился надъ сею матеріею во многихъ рассужденіяхъ напечатанныхъ въ Извѣстіяхъ Академіи словесныхъ наукъ * въ Парiжѣ, въ коихъ у него видимы чистота, ясность, и изрядство стіля соединеннаго съ глубокимъ ученіемъ. Я присвояю себѣ, не опасаясь, все богатство моихъ товарыщей; а что я предложилъ уже объ Олімпійскихъ Потѣхахъ, то по большой части выбрано инсе изъ примѣчаній покойнаго Г. Аббата Масіо на Піндаровы Оды.

* де бельлетръ.

Пóдвиги составлявшіи лучшую часть великолѣпія и торжествованія на всенародныхъ Потѣхахъ, были слѣдующіи, а именно, Кулачный бой, борьба, Панкрацій, блюдце, бѣганіе. Присовокупляется къ симъ еще Скаканіе, Метаніе, и Обручъ [trochus]: но какъ сіи не весьма были важны, и не толь славны; то я довольствуюсь здѣсь токмо объявленіемъ объ нихъ. Чтожъ бы знать по надлежащему всѣ обстоятельства сихъ утружденій и Потѣхъ; то должно не обходимо предложить прежде о томъ, что касается до Атлетовъ.

§. I.

ОБЪ АТЛЕТАХЪ.

Имя Атлетовъ происходитъ отъ Греческаго слова ἆθλος; что значитъ Трудъ и Пóдвигъ. Давалось сіе имя тѣмъ, которыи нарочно обучались препираться о мздовоздаяніи на всенародныхъ Играхъ. Наука, которая ихъ обучала симъ Пóдвигамъ, называлась Гімнастіка отъ наготы Атлетовъ.

Которыи опредѣляемы были къ Атлетіческому художеству, ходили отъ самыя своея юности въ Гімназіи или Палестры, кои были нѣкоторый родъ нашихъ [Французскихъ] Академій,

Академiй, и содержаны нарочно для того на всенародномъ иждивенiи. Тамъ молодыи люди были подъ управленiемъ разныхъ учителей, которыи употребляли самыя дѣйствительныя средства на ожесточенiе ихъ тѣла къ понесенiю трудностей на всенародныхъ Попѣхахъ, и на обученiе ихъ сраженiямъ. Препровождали они свою жизнь превесьма жестокимъ образомъ. Пища ихъ въ первыя времена была, „ фиги „ сухiе, орѣхи, не весьма сѣвшiйся сыръ, и хлѣбъ чер„ ствый и тяжелый, μάζα. Вiно имъ всеконечно было за„ прещено, а воздержанiе особливо приказано„. Все сiе Горацiй такъ изображаетъ.

Наук. о Пiит. стих. 412.

Qui ſtudet optatam contingere metam,
Multa tulit, fecitque puer, ſudauit, et alſit,
Abſtinuit venere et vino.

Святый Апостолъ Павелъ приводитъ въ примѣръ Атлетовъ прекланяя Коринѳянъ къ трезвому и говѣйному житiю, близко города которыхъ отправлялись Iстмическiе Попѣхи. ВСЯКЪ ЖЕ [объ Атлетахъ говоритъ онъ] ПОДВИЗАЯЙСЯ, ОТЪ ВСѢХЪ ВОЗДЕРЖИТСЯ: И ОНИ УБО ДА ИСТЛѢНЕНЪ ВѢНЕЦЪ ПРИМУТЪ, МЫ ЖЕ НЕИСТЛѢНЕНЪ. 1. Корiнѳ. гл. 9. стих. 25.

„ (a) Тертуллiанъ употребляетъ тужъ мысль къ ободренiю „ Мучениковъ уподобленiемъ того, къ какимъ надежда по„ бѣды претерпѣнiямъ приводила Атлетовъ, и воззрѣнiемъ „ на несносныя утружденiя, коимъ они были подвержены, „ также на непрестанное принужденiе себя, съ которымъ „ они препровождали самыя лучшiя лѣта своея жизни, и на „ добровольное лишенiе всего того, что наибольше и наи„ сильнѣйше льститъ страсти„. Правда, что-потомъ Атлеты не проходили толь жестокую жизнь; а вмѣсто того стали быть лакомцами, и жить въ крайней нѣгѣ, что-все-весьма было далеко отъ перваго житiя.

Атлеты, прежде вступленiя въ дѣйство, мазались масломъ *. и терлись такими мастьми, которые могли сообщить тѣлу великую гибкость. Покрывались они сперва нѣкото-

* люди, кои сiю исполняли должность называемы были Aliptae

(a) Nempe enim et Athletae ſegregantur ad ſtrictiorem diſciplinam, vt robori aedificando vacent; continentur a luxuria, a cibis laetioribus, a potu iucundiore; coguntur, cruciantur, fatigantur.

Tertull. ad Martyr.

нѣкоторымъ родомъ перевязи и запона, или передника, чтобъ благопристойнѣе выпти на сраженіе: но потомъ, приключеніе нѣкоему Атлету, который отъ паденія онаго передника лишился побѣды, подало случай принесть въ жертву и предпочесть устыдѣніе выгодѣ, отверженіемъ сего покровенія тѣлу. Сія нагота была употребляема у Атлетовъ въ нѣкоторыхъ токмо Подвигахъ, какъ-то во время борьбы, Кулачнаго бою, Панкраціа, и Пѣшаго бѣганія. Пребывали они въ Гімназіяхъ, какъ въ нѣкоторомъ искусѣ, чрезъ десять мѣсяцовъ, чтобъ достигнуть до совершенства непрестаннымъ трудомъ во всѣхъ Подвигахъ, при присутствіи такихъ людей, которыхъ туда, видѣть то, приводило любопытство, или привлекала празность. А когда празнованіе Олімпическихъ Потѣхъ наступало; то труды усугубляемы были Атлетамъ, коимъ надлежало на нихъ выходить.

Прежде нежели будутъ они допущены биться; то надлежало сносить имъ другіи опыты. Чтожъ до рода; то принимались токмо Греки: до нравовъ; симъ надлежало быть беспорочнымъ: до состоянія; надобно было родиться вольнымъ человѣкомъ. Не допущали никакова чужестраннаго къ тѣмъ, коимъ должно было сражаться на Олімпическихъ Играхъ: а когда Александръ сынъ Амінта Царя Македонскаго, явился препираться о мздовоздаяніи; то соперники, безъ всякаго почтенія къ Царскому достоинству, воспротивились сперва сильно его допущенію, почитая его, какъ Македонянина, и слѣдовательно какъ Варвара, и какъ иностраннаго имъ человѣка; такъ что, не могъ онъ быть принять отъ Предсѣдательствующихъ на оныхъ Потѣхахъ, какъ токмо тогда, когда онъ доказалъ ясно, что родъ его происшелъ съ начала изъ Аргоса. (Герод. кн. 5. гл. 22.)

Предсѣдательствующихъ на сихъ Играхъ называли **Агонотетами, Атлотетами, и Гелланодіками.** Вписываны были въ списокъ имена и страны Атлетовъ, кои, чтобъ такъ сказать, записывались какъ въ военную службу: а при начатіи Потѣхъ Крикунъ провозглашалъ явно въ слухъ всѣмъ тѣ ихъ имена. Приводили ихъ къ присягѣ, что оні будутъ исправно наблюдать всѣ преднаписанныи уставы во всякомъ родѣ Подвига, и что-не-учинятъ они ничего, какъ прямымъ такъ и посторроннимъ образомъ, въ противности

пивность порядку и учрежденію Потѣхъ. Обманъ, ухищреніе, и явная и излишняя наглость были всеконечно запрещены сражающимся; а правила, повсюду индѣ въ общемъ употребленіи пребывающаго, что, „*равно побѣдить „своего непріятеля обманомъ или храбростію„, отнюдь на сихъ Играхъ не было. Не надлежитъ сливать здѣсь проворство Атлета, обыкшаго ко всѣмъ гибкостямъ своего искусства, которымъ онъ можетъ увертываться когда надобно, провесть своего соперника показываясь хотѣть иное, и употребить тотчасъ въ свою пользу самое малое преимущество, съ подлымъ обманомъ другихъ, которыи, не взирая ни мало на предписанныи уставы, употребляютъ средствія самыя несправедливыя на преодолѣніе своихъ соперниковъ. Жребій объявлялъ и опредѣлялъ порядокъ онымъ, коимъ, во всякомъ родѣ Подвиговъ, надлежало препираться о мздовоздаяніи.

* Virtus an dolus, quis in hoste requirat?

Время уже намъ спустить нашихъ Атлетовъ въ битву, и рассмотрѣть разныи роды сраженій, въ которыхъ они подвизались.

§. II.

О борьбѣ.

Борьба есть самый древній Подвигъ изъ всѣхъ, которыи намъ извѣсны, для того что оный былъ въ употребленіи во времена Праотцевъ: свидѣтельствуетъ о семъ борьба Ангелова съ Іаковомъ, который сильно выдержалъ нападеніе отъ Ангела, такъ что сей, видя что не могъ преоборотъ толь жестокаго Атлета, принужденъ былъ здѣлать его хромымъ, прикосновеніемъ къ становой жилѣ у стегна, которая тотчасъ и засохла. Быт. гл. 32. ст. 24.

Борьба у Грековъ, такие какъ и у другихъ народовъ, дѣлалась съ начала съ большею простотою, съ меньшимъ искусствомъ, и способомъ природнѣйшимъ; такъ что тягость тѣла и сила мышицъ имѣли въ томъ больше участія, нежели хитрость. Тезей присовокупилъ къ тому искусство вымышленнѣйшее, правильнѣйшее, исправнѣйшее, и порядочнѣйшее. Да и первый онъ былъ, который учредилъ общія училища называемыя Палестрами, въ которыхъ мастеры обучали молодыхъ людей.

борцы, прежде нежели схватятся, терли себѣ жестокимъ образомъ тѣло, и мазали оное масломъ; а сіе способствовало къ тому, что придавалась сила и гибкость членамъ. Но понеже сіи намащенія, дѣлая у борцовъ кожу очень слискою, отнимали способность схватиться и сомкнуться съ успѣхомъ; то они имѣли способъ на сію неудобность, именножъ, иногда катаніемъ себя по песку Палестры, а иногда посыпаясь взаимно самымъ мѣлкимъ пескомъ же, хранимымъ на сіе въ Ксістахъ, тоесть въ преддверіяхъ и въ присѣнкахъ у Гімназій.

Когда борцы такимъ образомъ пригоговятся; то уже они схватывались. Отбираемы они были по-парно; а иногда дѣлались многіе борьбы совокупно. Надлежало необходимо, для окончанія такія борьбы, на которой держались твердо на ногахъ, пошибить своего противника съ носка, и повергнуть его на-землю. Для сего употребляли они силу и искусство: сіе было такъ, что схватывались взаимно руками, отскакивали назадъ, и прискакивали въ передъ, изгибались, перевертывались въ составахъ, хватались за шиворотки, давили шеи другъ у-друга даже до отнятія духа, перехватывались поперегъ, встряхивались, изгибались вкось и на бока, поднимали каждый другаго вверьхъ, сшибались лбами какъ бараны, и перевертывали одинъ у того шею. При сихъ оборотахъ и ухищреніяхъ между борцами, знатное было преимущество, когда кто осилѣетъ ноги у своего соперника, что называется по нашему **сшибить съ ногъ, или подхватить на носокъ**. Сіе самое дало причину сказать Плавту въ Комедіи своей **Псевдолѣ** [**обманщикѣ**] говоря о винѣ: (а) „оно есть хитрый борецъ; что тотчасъ хватается за-ноги.„ Впрочемъ Греческое слово, ὑποσκελίζειν и πτερνίζειν, а Латинское, supplantare, показываютъ, что сія хитрость состояла въ томъ, чтобъ наклонившись схватить соперника за подошву ноги, и приподнявши къ верьху бросить его на-землю.

Такова была борьба, въ которой Атлеты сражались стоя на ногахъ; а окончавалась она паденіемъ или опроверженіемъ одного изъ борющихся. Но ежели случится, что пошибеный

(a) Captat pedes primum, Luctator dolosus est.

пошибеный Атлетъ привлечетъ за собоюжъ своего соперника; то борьба паки начиналась; а боролись уже они лежа на пескѣ, катаясь одинъ на другомъ, и схватываясь премногими способами, пока одинъ изъ нихъ, выбившись прямо на верьхъ, не принудитъ своего соперника просить Чура, и признаться побѣжденнымъ. Былъ и третіи родъ борьбы называемый ἀκροχειρισμός, для того что Атлеты схватывались только концами перстовъ, не обнимаясь вплоть какъ на прежнихъ двухъ: сей подвигъ служилъ предначинаніемъ прямой борьбѣ. Состоялъ онъ въ томъ, что борцы сжимали себѣ накось персты, давили оныи сильно, другъ друга толкали ладоньми, вертѣли себѣ персты, щепоти, и другіи ручныи составы, не помогая симъ разнымъ движеніямъ никакимъ другимъ членомъ; а побѣду одерживалъ принудившій своего сверсника просить Чура.

Надлежало сражаться трижды сряду, и повергнуть на землю на меньшой конецъ дважды своего Соперника, дабы достойну быть Пальмы побѣдоносныя.

Находится въ Гомерѣ описаніе борьбы Ияксовы съ Улиссомъ; въ Овидіи, Геркулесовы съ Ахелоемъ; въ Луканѣ Геркулесовыжъ съ Антеемъ; въ Тебаидѣ Стаціевой, борьба Тидеева съ Агиллеемъ. Иліад. кн. 23. стих. 708. и пр. Ст. д прев. кн 9. стих. 31. и проч. Фар ал. кн. 4. стих. 612. кн 6. числ. 847. Пазан. кн. 6. страм. 353.

Атлеты, получившіи у Грековъ наибольшую славу за борьбу, вопервыхъ Мілонъ Кротоніатскій, о которомъ Историю я уже объявилъ индѣ съ нѣкоторымъ пространствомъ, и по немъ Полидамъ. Сей последній, бывши одинъ и не воруженъ, убилъ на горѣ Олимпѣ Льва самаго свирѣпаго, взявъ себѣ въ образецъ Геркулеса. Въ другой разъ, когда онъ схватилъ Тельца за заднюю ногу; то сіе животное не могло у него вырваться изъ рукъ, не оставивъ копыта въ рукѣ у сего Атлета. Будежъ онъ когда держался сзади за колесницу; то возница тогда тщетно уже понуждалъ бичемъ коней, чтобъ имъ итти впередъ. Даріи Нотъ Персидскій Царь, увѣдомившись о сей ужасной Полидамовой силѣ, восхотѣлъ его видѣть, да и призвалъ онаго въ Сузу. Вывели на него трехъ воиновъ изъ тѣлохранителей сего Государя, и изъ тѣхъ, которыхъ Персы называли бессмертными, да и почитались они самыми храбрыми изъ всѣхъ другихъ; нашъ Атлетъ сразился съ ними съ тремя, и ихъ убилъ.

§. III.

О КУЛАЧНОМЪ БОЮ.

Кулачный бой есть битва кулаками, отъ чего оная и называется. Бьющіися перевивали свои руки оружіемъ нападательнымъ называемымъ Цесты [кистени]; а головы свои покрывали нѣкоторымъ родомъ Тафей, особливо на защищеніе висковъ и ушей, какъ частей наибольше подверженныхъ ударамъ, и на то, чтобъ разы не толь сильно ударяли. Цесты были нѣкоторый родъ кистеней, или голицъ состоящихъ изъ многихъ ремней, покрытыхъ полсами мѣди, желѣза, или свинцу. Служили они къ укрѣпленію Атлетскихъ рукъ, и къ тому чтобъ удары были сильнѣйшіи.

Иногда Атлеты сперва самаго вступали въ стычку, и бились жестоко. А иногда проходили у нихъ целыи часы только въ томъ, что они другъ друга стращали, и взаимно утруждались непрестаннымъ маханіемъ рукъ попустому, каждый бія токмо воздухъ, и стараясь симъ способомъ не допустить къ себѣ своего Соперника. Когдажъ они бились прежестокимъ образомъ; то особливо смотрѣли того, чтобъ повредить голову, или лице; чего ради сіи части тѣла и берегли они больше всего, то утертываясь отъ разовъ, то отшибая ихъ прочь. Когда Атлетъ бросится всѣмъ своимъ стремленіемъ, и всею жестокостію своего тѣла на Соперника, чтобъ его здавить; то было удивительное въ нихъ проворство къ поспѣшному и легкому отбѣжанію отъ того: а сіе дѣлало, что неопасный Атлетъ падалъ на землю, и чрезъ то терялъ побѣду.

Коль ни великое имѣли бьющіися остервѣненіе одинъ на другаго; однако, обессилѣвши отъ долгаго сопротивленія, принуждены они были нѣсколько отдыхать. Итакъ, оставляли они по согласію бой на нѣкоторое малое время, въ которое они собирались съ силами, и потъ съ себя отирали, въ коемъ они были какъ въ морсу: послѣ чего паки они начинали бой, и продолжали оный, пока ужѣ одинъ изъ двухъ, опустившій руки съ слабости и бессилія, дастъ знать, что онъ преодолѣнъ болѣзнію, или крайнимъ

нимъ упружденіемъ, и что-онъ-не-хочетъ больше биться: а симъ самымъ и признавался побѣжденнымъ.

Между Гімническими битвами, Кулачный бой былъ жесточайшій и бѣдственнѣйшій, потому что, сверьхъ напасти быть безъ руки или безъ ноги, Атлеты могли еще и жизни лишаться: иногда они упадали мертвы, или умирающіи на песокъ. Подлинно, сіе случалось рѣдко, и токмо тогда, когда побѣжденный долго не хотѣлъ признаться побѣжденнымъ: но обыкновенно выходили они съ битвы такъ, что-все ихъ лице было разбито; да и почитай признать ихъ не возможно по оному было, и выносили съ собою печальныи знаки сильнаго своего сопротивленія, какъ-то горбы, подбитіе глазъ, выбитіе оныхъ вонъ, также зубовъ и челюстей разбитіе, или какое еще другое преломленіе знатнѣйшее.

Находятся въ Пиитахъ какъ Греческихъ, такъ и Латінскихъ многія описанія Кулачнаго бою. Въ Гомерѣ, Эпеевъ съ Эвріаломъ: въ Теокритѣ, Поллуксовъ съ Амікомъ: въ Аполлоніи Родійскомъ, тотже бой Поллуксовъ съ Амікомъ: въ Віргіліи, Даретовъ съ Энтелломъ: въ Стаціи, и въ Валеріи Флаккѣ, многихъ бойцовъ.

Иліад. кн. 23. Идил. 22. Аргонавтік. кн. 2. Энеид. кн. 5. Теваид. кн. 6. Аргонавтік. кн. 4.

§ IV.

О ПАНКРАЦІИ.

Панкрацій былъ названъ отъ двухъ Греческихъ словъ πᾶν κράτος, означающихъ, что, для полученія въ немъ успѣха, вся тѣлесная сила была нужна. Онъ состоялъ изъ борьбы, и изъ Кулачнаго бою, которыи въ немъ соединялись, для того что Панкрацій занималъ у одноя скочки и перевертки, а у другаго искусство какъ ударить мѣтко, и увертываться отъ ударовъ. Въ борьбѣ не позволено было дѣйствовать кулаками, ни въ Кулачномъ бою схватываться: но въ Панкраціи не токмо имѣли право употреблять всѣ скочки, и всѣ хитрости употребляемые въ борьбѣ; но еще-можно было имѣть помощь отъ кулаковъ и отъ ногъ, притомъ и отъ зубовъ, и отъ ногтей, дабы побѣдить своего Соперника.

Павзан. кн. 8. стран. 520.

Сія битва была самая жестокая, и всѣхъ прочихъ бѣдственнѣйшая. Нѣкто Панкратістъ на Олімпіческихъ Попѣхахъ [имя ему было Арріхіонъ или Аррахіонъ] видя, что-онъ-скоро будетъ задавленъ отъ своего Соперника, бывши отъ него ухваченъ за горло, у котораго онъ поимался за - ногу, переломилъ ему большой палецъ; а отъ болѣзни самыя острыя принужденъ сей былъ просить у него Чура въ то самое время, какъ Арріхіонъ самъ кончался. Агоноѳеты увѣнчали Арріхіона, и провозгласили его побѣдителемъ, хотя уже онъ былъ и мертвъ. Філостратъ намъ оставилъ описаніе очень живое на картинѣ, представляющей сію битву.

Ікон. кн. 2. изображен. 6.

§. V.

О БЛЮДЦѢ, ИЛИ КРУШКѢ.

Кружокъ былъ нѣкоторый родъ тарѣлки, фігуры круглыя, здѣланный иногда изъ-дерева, но чаще изъ камня, изъ свинцу, или изъ другаго металла, какъ-то изъ желѣза и изъ мѣди. Подвизающіися въ сей битвѣ назывались Діскоболы, тоесть, метатели блюдца. Прилагательное имя κατωμάδιος, тоесть, носимое на плечѣ, которое Гомеръ приписываетъ сему інструменту, даетъ довольно знать, что-онъ-былъ-толикія тягости, что руки одни не довольны къ пренесенію онаго съ мѣста на мѣсто, и что-только-плеча могли держать чрезъ нѣкоторое время такое бремя.

Іліад. кн. ψ. стіх. 431.

Конецъ сего Подвига, какъ-то почитай и всѣхъ другихъ, состоялъ въ томъ, чтобъ укрѣпить тѣло, и здѣлать человѣка сильнѣйшимъ, и способнѣйшимъ къ ношенію тяжелаго оружія, и къ употребленію онаго. На войнѣ часто были принуждены носить бремена, которыя намъ нынѣ кажутся не удобь носимы, какъ въ рассужденіи запасовъ, фашінъ, палісадъ, такъ и лѣсницъ, по которымъ надлежало лѣсть на-стѣны, и въ рассужденіи того, когда многіи изъ осаждающихъ, чтобъ сравниться съ вышиною стѣны, становились другъ другу на плеча.

Атлеты хотящіи метать блюдце, становились въ такой прицѣлъ, который сильно могъ послать оное вверьхъ,

а именно,

а именно, выставливая одну ногу въ передъ, на которую они опрокидывали все свое тѣло. Потомъ, качая руку обремененную Крушкомъ, вертѣли оный вкругъ долго почитай горизонтально, чтобъ его кинуть сильняе: послѣ чего кидали они тотъ рукою, мышцею, и, чтобъ такъ сказать, всѣмъ тѣломъ, который и шелъ нѣкоторымъ образомъ столько, сколько ему дано на то силы. Побѣдителемъ былъ тотъ, который кинулъ свое блюдце далѣе всѣхъ прочихъ.

Живописцы и Ваятели самыи славныи въ древности, стараясь представить въ точной природѣ прицѣлъ Дїсковоловъ, оставили потомству разныя всесовершенныя изображенїя по своему искусству. Квїнтїлїанъ весьма прославляетъ нѣкоторую статуу сего рода, которую славный Мїронъ сработалъ съ несказаннымъ раденїемъ. (a) что есть толь выработанное, говоритъ онъ, и которое лучшебъ изображало всѣ нагибы Атлета подвизающагося въ метанїи блюдца, коль Дїсководъ Мїроновъ.

§. VI.

О ПЕНТАТЛѢ.

Греки называли симъ именемъ собранїе пяти Подвиговъ Агонїстїческихъ. Самое общее мнѣнїе о томъ, что составляло Пентатлъ, включаетъ въ него борьбу, бѣганїе, скаканїе, блюдце, и Дротикъ. Думаютъ, что сїя битва оканчивалась въ одинъ день, а иногда и въ одно утро: но чтобъ получить за нея мздовоздаянїе, кое было одинакое, то надлежало быть Побѣдителемъ во всѣхъ тѣхъ разныхъ удальствахъ.

Два оставшїяся упражненїя, а именно, Скаканїе и Дротикъ, изъ которыхъ первое состояло въ томъ, чтобъ перескакивать чрезъ нѣкоторое мѣсто, больше или меньше широкое; а другое, чтобъ бросить Дротикъ на нѣкоторое разстоянїе, и въ назначенную цѣль: сїи оба упражненїя,

(a) Quid tam distortum et elaboratum, quam est ille Discobolos Myronis. Quintil. lib. 2. cap. 13.

жненія, говорю я, посп҃ѣшествовали къ приведенію въ совершенство воина, къ поданію ему проворства на сраженіяхъ, и досужства въ метаніи Дротиковъ и другихъ Стрѣлъ.

§. VII.

О БѢГАНІИ.

Между различными упружденіями себя, въ которыхъ упражнялись съ толикою охотою Атлеты, чтобъ имъ быть видимымъ на всенародныхъ Играхъ, бѣганіе было изъ первыхъ: симъ точно начинались Олімпіческіе Потѣхи; и сія токмо забава дѣлала сперва все оныхъ празднованіе.

Вобще называли Стадіею у Грековъ то мѣсто, на которомъ Атлеты забавлялись между собою бѣганіемъ, и гдѣ они не играя сражались за мздовоздаяніе. И понеже долгота мѣста, опредѣленнаго на Атлетическіе забавы, была токмо сперва въ Стадію; (*) то она и получила имя отъ собственныя своея мѣры, и назвалась Стадіею: не знаю, точиоль она имѣла сіе пространство, или была долѣе; да и объявляли симъ наименованіемъ не токмо пространство, чрезъ которое перебѣгали Атлеты, но еще-и-иное, кое занимаемо было смотрителями битвъ Гімническихъ. Мѣсто, на которомъ Атлеты сражались, называлось Скамма, для того что было ниже и глубже всего прочаго. Съ обѣихъ сторонъ Стадіи, и на самомъ концѣ, былъ валъ, или нѣкоторый родъ осыпи, заставленныя стулами и скамьями, на которыхъ сидѣли смотрители. Три части знатнѣйшіе были въ Стадіи, именножъ, входъ, средина, и конецъ.

Входъ

(*) Стадія есть путевая Греческая мѣра, которая, по свидѣтельству Геродотову кн. 2. гл. 149, была въ шесть сотъ футовъ, то-есть, цб-сто саженъ; а по Плініеву кн. 2. гл. 23, въ шесть сотъ въ двадцать пять футовъ. Сихъ обоихъ писателей можно согласить неравностію Греческаго, и Римскаго фута: сверьхъ того, долгота Стадіи считаема была различно, по различію временъ и мѣстъ.

Входъ въ Стадію, откуду начинали бѣгъ Атлеты, былъ означенъ сперва простою лінѣею, проведенною по ширинѣ Стадіи; потомъ употребили нѣкоторый родъ загражденія *, состоявшаго въ простой верьви, протянутой * Carcer.
предъ колесницами и лошадями, или предъ людьми, которымъ должно бѣжать.

Средина Стадіи была достойна примѣчанія токмо по сей околичности, а именно, полагаемо путь обыкновенно было мздовоздаяніе Побѣдителямъ. Святый Златоустъ взялъ отсюду преизрядное сравненіе. Какимъ образомъ Цари, бесѣд. 55.
говоритъ онъ, во время ристанія на коняхъ, и въ другихъ Подвигахъ, предполагаютъ средѣ Стадіи на зрѣніе подвизающихся вѣнцы имъ опредѣленные: такимъ точно способомъ Господь, чрезъ служеніе Пророковъ, положилъ посредѣ теченія почесть, приносимую хотящимъ доблественно оную получить. на Матѳ. гл. 16.

На концѣ Стадіи былъ Предѣлъ, который оканчивалъ стремленіе бѣгущихъ. Въ бѣганіи на колесницахъ и на коняхъ, надлежало обратиться не однократно около Предѣла не останавливаясь, чтобъ прибѣжать потомъ на другой край Стадіи, съ котораго началось бѣжаніе.

Три рода было бѣганій: бѣганіе въ колесницахъ; бѣганіе на коняхъ; и бѣганіе простое, или пѣшее. Я начну послѣднимъ, какъ простѣйшимъ, природнѣйшимъ, и древнѣйшимъ.

1. О ПРОСТОМЪ, ИЛИ ПѢШЕМЪ БѢГАНИИ.

Бѣгуны всѣ становились въ одну лінѣю, сколькобъ ихъ ни-было, получивши жребіемъ мѣсто, на которомъ должно всякому стоять. (a) „Въ ожиданіи знака къ бѣжа-„нію, они предначинали оное, чтобъ такъ сказать, ра-

 „зными

(a) Tunc rite citatos
Explorant acuuntque gradus, variasque per artes
Instimulant docto languentia membra tumultu.
Poplite nunc flexo sidunt, nunc lubrica forti
Pectora collidunt plausu, nunc ignea tollunt
Crura, breuemque fugam hec opino fine reponunt.
Statius. Thebaid. lib. 6. v. 587. etc.

„зными движеніями, кои возбуждали ихъ гибкость и легость: ожидали они того иногда прискакивая, и по немногу перебѣгая, что-все-было-опытомъ проворства и борзости ногъ„. Когда знакъ дастся; то они побѣгутъ къ Предѣлу съ толикимъ устремительствомъ, что-едва око могло за ними слѣдовать; а сія скорость и могла токмо имъ подать побѣду: ибо Агонистіческіи уставы запрещали, подъ бесчесным наказаніемъ, получать себѣ оную всякимъ другимъ непристойнымъ средствіемъ.

Въ простомъ бѣжаніи по Стадіи, надлежало токмо перебѣжать однажды длину онаго пространства, коего на краю почесть ожидала Побѣдителя, тоесть, кто прибѣжитъ прежде. Въ бѣжаніи, называемомъ Δίαυλος [двойная лысть, или лытка] Атлеты перебѣгали дважды долготу Стадіи; тоесть, прибѣжавши къ Предѣлу, возвращались назадъ къ Началу. Наконецъ, былъ и третій родъ бѣганія, называемаго Δολιχὸς [протяжный], которое было самое долгое изъ всѣхъ, какъ то его и имя означаетъ, и которое состояло изъ многихъ діавловъ. Перебѣгали иногда двадцать четыре Стадіи [четыре версты четыре ста саженъ] прибѣгая къ Предѣлу, и назадъ отбѣгая, и обращаясь двенатцать разъ около Предѣла, кой былъ на концѣ.

Были въ древности, какъ у Грековъ, такъ и у Римлянъ, бѣгуны прославившіися своею скоростію. Удивлялись, говоритъ Пліній, какъ чему нибудь чудесному, что Філіппідъ перебѣжалъ въ два-дни 1140 Стадій [двѣсти двадцать восемъ верстъ] отъ Аѳинъ до Лакедемона. Но Анистисъ изъ сего послѣдняго города, и Філонідъ бѣгунъ Александра Великаго, перебѣгали въ день по 1200 стадій [240 верстъ] изъ Сиціоны въ Элисъ. Бѣгуны сіи называемы были ἡμεροδρόμους [обыденныи путники] какъ-то видно на томъ мѣстѣ, гдѣ Геродотъ говоритъ о Філіппидѣ. При Консулствѣ Фонтеевомъ и Віпсановомъ во время Нероново, нѣкоторый отрокъ, въ девять лѣтъ отъ рожденія, перебѣжалъ 75000 * стопъ полтретья-аршинныхъ отъ полудня къ вечеру. Пліній прибавляетъ, что-были въ его время бѣгуны, перебѣгающіи въ Цірке пространство 160000 ** стопъ полтретья-аршинныхъ. Удивленіе толь ужасной скорости еще-бóльшее будетъ, [продолжаетъ онъ же]-ежели рассудится, что

Пліи. кн. 7. гл. 20.

Герод. кн. 6. гл 106.

* 120 верстъ.

** больше 212 верстъ.

Валер. Макс. кн. 5. гл. 5.

когда

когда Тіберій поспѣшалъ въ Германію, къ брату своему Друзу кончающемуся; то онъ не могъ туда прибыть меньше сутокъ, хотя расстоянія было токмо на 200000 полтретья аршинныхъ * стопъ, а бѣжалъ онъ въ трехъ ** токмо почтовыхъ калягкахъ, да и съ самымъ крайнимъ поспѣшеніемъ.

* 268 верстъ.
** былъ съ нимъ одинъ проводникъ, да одинъ служитель.

2. О РИСТАНИИ НА КОНЯХЪ.

Простое ристаніе на конѣ съ однимъ всадникомъ хотя не толь было славно у древнихъ; однако упражнялись въ немъ знаменитые Особы, еще-и-самыи Цари, да и получали себѣ чрезъ оное славу, когда они были Побѣдителями. Первая Піндарова Ода прославляетъ такую побѣду одержанную Гіерономъ Сіракусскимъ Царемъ, которому Піитъ даетъ Тітлу Κέλης, тоесть, Побѣдитель ристаніемъ конскимъ. Сіе самое имя дается конямъ съ однимъ всадникомъ, Κέλητες. Иногда всадникъ рыщущій имѣлъ заводную другую лошадь. Сіи кони называемы были desultorii [скакуны] а всадники desultores [скакальщики]; для того что, по нѣсколькомъ числѣ бѣговъ, перемѣняли они коня, и перескакивали искусно съ одного на другаго. На сіе надобно было имѣть удивительное досужство, а особливо въ то время, когда еще-не-были въ употребленіи стремена. Сіи кони были безъ сѣдла; а тѣмъ самымъ перескачка была еще труднѣйшею. „(a) Находились также и въ армеяхъ изъ сихъ всадниковъ, называемыхъ desultores [скакалщиками, прыткими], которыи перескакивали съ лошади на другую, когда нужда того требовала: обыкновенно были они Нумідійцы.

3. О БѢГАНІИ ВЪ КОЛЕСНИЦАХЪ.

Сей родъ бѣганія былъ изъ всѣхъ искусствъ, и изъ всѣхъ Подвиговъ на Потѣхахъ у древнихъ, славнѣйшій, и приводящій

(a) Nec omnes Numidae in dextero locati cornu, sed quibus desultorum in modum binos trahentibus equos, inter acerrimam saepe pugnam, in recentem equum ex fesso armatis transultare mos erat: tanta velocitas ipsis, tamque docile equorum genus est.

Liu. lib. 23.

водящій въ бóльшую честь. Не будетъ удивительно, что сіе такъ было, когда-рассудится объ его первоначаліи. Видно ясно, что-оно-происходило отъ постояннаго обыкновенія Государей, Героевъ, и сáмыхъ великихъ Мужей, биться на войнѣ изъ колесницы: одно чтеніе Гомера подаетъ сему премногое множество примѣровъ. Положивъ такое обыкновеніе, всякъ видитъ, что-приличествовало онымъ Героямъ имѣть возницъ весьма искусныхъ, которымъ бы править коней, потому что отъ сего особливо искусства зависѣла побѣда: чего ради и поручаема была въ древнія времена сія должность Особамъ сáмымъ знатнымъ, отъ чего происходило благородное ревнованіе, чтобъ тѣмъ превзойти одному другаго, и нѣкоторая необходимость, чтобъ тому обучаться, и упражняться въ томъ, для полученія успѣха. Благородство Особъ, кои употребляли колесницы, приводило въ благородность, какъ-то-всегдá бываетъ, упражненіе имъ собственное. Другія обученія были свойственны или простымъ воинамъ, какъ-то-борьбá, и бѣганіе, или простымъ всадникамъ, какъ-то-скачка на коняхъ: напротивъ того, употребленіе колесницъ на войнѣ было всегда оставлено Государямъ и Военачальникамъ.

Итакъ, всѣ приходящіи на Олимпическіе Потѣхи бѣгать въ колесницахъ, были знатные Особы или по ихъ богатству, или по природѣ, или по военнымъ дѣламъ, или по великимъ дѣйствіямъ. Сами Цари желали сея славы съ великою горячестію, вѣдая, что-имя Побѣдителя на сихъ Подвигахъ не уступало ничемъ Завоевателю, и что-Олимпійская побѣдоносная Пальма умножала-еще бóльше сіяніе Скипитра и Діадимы. Піндаровы Оды намъ объявляютъ, что-симъ образомъ мнили о томъ Гелонъ и Гіеронъ Сиракусскіи Цари. Діонисій, государствовавшій тамъ долгое время спустя послѣ нихъ, произвелъ еще далѣе ихъ сіе честолюбіе. Филиппъ, Царь Македонскій, велѣлъ изображать на монетахъ сіи побѣды; да и казалось, что-онѣ-ему-стольκожъ были прелестны, сколько и одерживаемые имъ надъ государственными непріятелями. Всѣмъ вѣдомъ отвѣтъ Александра великаго въ рассужденіи сего. Когда его пріятели вопрошали у него, не изволитъ ли онъ явиться на тѣхъ Потѣхахъ для полученія себѣ

Плут. въ Алекс. стран. 666.

себѣ почести за бѣганіе: хочу, говорилъ онъ, ежели мнѣ тамъ будутъ Цари Соперниками. Однако сіе объявляетъ, что онъ не уничтожалъ сихъ Нодвиговъ, если найдутся тамъ Соперники достойныи его.

Въ колесницы запрягали обыкновенно по-двѣ, или по четыре лошади рядомъ: bigae, quadrigae. Иногда впрягали въ оные мсковъ вмѣсто лошадей; а въ такомъ случаѣ колесницы оные называемы были ἀπήνη [калякки, телѣги.] Піндаръ въ пятой Одѣ первыя книги, прославляетъ нѣкоего Псаумиса, кой одержалъ тройственную побѣду, а именно, бѣганіемъ въ колесницѣ заложенной четырьмя лошадями, τετρίππῳ; бѣганіемъ въ калякѣ, въ кою впряжены были мски или лошаки, ἀπήνῃ, и ристаніемъ простымъ на конѣ, κέλητι. Сіе означается заглавіемъ Оды.

Сіи колесницы, по нѣкоторому опредѣленному знаку, начинали свой бѣгъ отъ мѣста, называемаго cerceres, [загражденіе]. Жребій опредѣлялъ имъ мѣсто; а сіе было не безъ важности для побѣды: ибо надлежало обращаться около Предѣла; то который былъ на лѣвой сторонѣ, тотъ находился ближе, нежели кои стояли на правой, и слѣдовательно долженствовали они большій кругъ обѣжать. Видно изъ многихъ Піндаровыхъ мѣстъ, а особливо изъ онаго Софоклова, которое я вскорѣ приведу, что обѣгали двенатцать разъ кругомъ Стадіи. Окончавшій скоряе двенатцатый кругъ, былъ Побѣдителемъ. Сила искусства состояла въ томъ, чтобъ быть на самомъ способномъ разстояніи для обращенія кругомъ Предѣла. Ибо, ежели возница преизлишно приближался; то могъ онъ тамъ въ трѣски разбиться съ колесницею: а буде онъ преизлишно жъ отдалялся; то Соперникъ его ближайшій могъ ему пресѣчь дорогу, и его выпередить.

Всякъ чувствуетъ, что такія въ колесницахъ бѣганія не дѣлалися безъ всякаго бѣдствія. Ибо (a) „какъ движе„ніе колесъ было очень стремительное, и что надлежало „бѣжать подлѣ самаго Предѣла; то, чуть лишь кто ошибется взять въ мѣру свой кругъ, колесница расшибалась

(a) Metaque feruidis euitata rotis. Horat. od. 1.

лась въ дребезги, а возница могъ бѣдственно быть пораненъ, какъ-то видно изъ Электры Трагедіи Софокловы, который дѣлаетъ удивительное описаніе бѣганію въ колесницахъ, гдѣ десять человѣкъ препирались совокупно. Ложный Орестъ, въ двенатцатый и послѣдній кругъ, который долженствовалъ опредѣлить побѣду, не имѣя уже больше одного Соперника, коего емубъ побѣдить, потому что всѣ прочіи приведены уже въ несостояніе, получилъ такое нещастіе, что-онъ переломилъ одно колесо о Предѣлъ: а когда упалъ съ колесницы, и запутался въ вожжи; то лошади его влекли нагло, и разметали по штукамъ. Однако, сіе случалось очень рѣтко. Для убѣжанія отъ сего точно бѣдствія, Несторъ подаетъ слѣдующіи совѣты сыну своему Антілоху, который отправлялся препираться о мздовоздаяніи за бѣганіе въ колесницѣ. „Приближи, любезный мой сынъ, говорилъ онъ ему, къ „Предѣлу твоихъ лошадей толь блиско, коль возможно „тебѣ будетъ. Для сего, будучи всегда наклоненъ въ „твоей колесницѣ, захвати лѣвую руку у твоихъ Сопер„никовъ; а возбуждая твою лошадь, которая за рукою, „послабь ей вожжу, и въ тожъ время лошадь, что подъ „рукою, обѣжитъ кругомъ Предѣла толь блиско, что „покажется, какъ буттобъ ступица его черпила: но „берегись, чтобъ не зацепиться за камень, илибъ не „удариться въ него, дабы не повредить тебѣ твоихъ ло„шадей, и не разломать колесницы въ дребезги.

Гомер. Іліад. кн. 23. стіх. 334. 341.

Въ Антілохову колесницу заложено было только двѣ лошади.

Отецъ Монфоконъ предлагаетъ нѣкоторую трудность, которая ему кажется очень немалою, въ рассужденіи порятка препирающихся совокупно о почести за бѣганіе въ колесницахъ. Подлинно, начинали они свой бѣгъ всѣ съ одной лінѣи совокупно, и въ тожъ самое время; въ чемъ преимущество было равное. Но которому жребій показалъ первое мѣсто, тому находящемуся ближе къ Предѣлу въ прибѣжаніе къ концу Стадіи, и имѣющему токмо небольшую половину круга обѣжать обращеніемъ около Предѣла, было меньше пути къ обѣжанію, нежели второму, третіему, четвертому, а особливо, когда колесницы заложены были четырьмя лошадями; въ такомъ случаѣ великое находилось мѣсто между первымъ и другими, и принуждало ихъ обѣгать половину круга должайшую.

Сія

Сїя польза, будучи повторена́ двенатцатью, что-и-по́длинно случалось, буде полагать, что-надлежа́ло обѣжать двенатцать разъ около всего пространства Стадїи, подавала первому верьховность, и удостовѣряла его не ложно о побѣдѣ надъ всѣми другими Соперниками. Мнѣжъ кажется, что-ско́рость коней, и досужство возницыно, могли поправлять сей вредъ упрежденїемъ перваго, и отнятїемъ у него мѣста, буде не въ первый кругъ, то, по крайней мѣрѣ, въ послѣдующїй. Ибо не можно мнить, чтобъ въ продолженїе бѣга препирающїися могли хранить всегда свои мѣста́, съ которыхъ они побѣжали. Сей порядокъ перемѣнялся часто и не однажды толь въ краткое время; а различные сїи перемѣны и подавали всю прїятность смотрителямъ.

Не нужно было желающимъ побѣды вступать самимъ въ препиранїе, и быть возницами на колесницахъ: довольно было, чтобъ имъ присутствовать при зрѣлищѣ, или токмо послать коней опредѣленныхъ на ристанїе. Но въ томъ и другомъ случаѣ, надлежало съ са́маго нача́ла записать въ роспись имена, отъ кого тѣ кони будутъ бѣгать; а сїе какъ въ бѣганїи на колесницахъ, такъ и въ простомъ ристанїи на конѣ.

Въ то время какъ-Фїлїппъ взялъ городъ Потїдею, прибѣжали къ нему вдругъ три гонца: первый изъ нихъ увѣдомилъ, что-Іллїрїане побѣждены́ на великомъ сраженїи Полководцомъ его Парменїономъ; вторый, что-онъ-получилъ-мздовоздаянїе за бѣганїе верьховыхъ лошадей на Олїмпїческихъ Потѣхахъ; третїй, что-Царица-родила́ ему сына. Плутархъ сїе объявляетъ, показывая нѣсколько, что Фїлїппъ обрадовался равно́ всѣмъ симъ тремъ вѣдомостямъ. Плут. въ Алекс. стр. 666.

Гїеронъ послалъ въ Олїмпїю лошадей для полученїя себѣ ихъ бѣгомъ по́чести, и поставилъ тамъ для нихъ великолѣпную палатку. При семъ точно случаѣ Темїстоклъ говорилъ рѣчь Грекамъ, совѣтуя имъ отнять палатку у Тїранна, который не захотѣлъ пода́ть по́мощь Грекамъ на общаго непрїятеля, и не допускать его коней въ ристанїе съ прочими. Знатно не посмотрѣли на Темїстоклово представленїе: ибо мы видимъ изъ Пїндаровы Оды, сочиненныя ему въ прославленїе, что-онъ-получи́лъ мздовоздаянїе за конское ристанїе. Плут. въ Темїстокл. стран. 124.

Никто

Плут. въ Алціб. стран. 196. Никто не произвелъ толь далеко высокомѣрія въ томъ, чтобъ блистать на всенародныхъ Греческихъ Потѣхахъ, коль Алцібіадъ, гдѣ онъ себя отмѣнилъ весьма преславно множествомъ коней, кои у него были для ристанія, и также великимъ числомъ колесницъ. Ибо не было никогда никого, ни изъ самихъ Царей, который бы когда прислалъ седмь вдругъ колесницъ на Олімпіческіе Потѣхи. Онъ тамъ выгралъ первое, второе, и третіе мздовоздаяніе; а чести сея никто прежде его тутъ не имѣлъ. Славный Піитъ Эврипідъ прославилъ его побѣды Одою, изъ которыя Плутархъ соблюлъ для насъ небольшой отрывокъ. Сей Побѣдоносецъ, принесши пребогатые жертвы Юпітеру, далъ великолѣпный пиръ оному бесчисленному множеству народа присутствовавшему на Потѣхахъ. Трудно понять, какъ богатство простаго человѣка могло быть довольно на иждивеніе толь безмѣрное. Но Антісфенъ, ученикъ Сократовъ, который свидѣтельствовалъ что самъ видѣлъ, объявляетъ намъ, что многіи союзничьи городы снабдѣвали Алцібіада, какъ непрерывъ, всѣмъ что было нужно на содержаніе толь невѣроятнаго великолѣпія, состоящаго въ уборахъ, въ коняхъ, въ жертвахъ, въ кушаніи самомъ сласткомъ, вінахъ самыхъ добрыхъ, словомъ, во всемъ, что принадлежало до его стола и до нарядовъ. Мѣсто сіе примѣчанія достойно: ибо сей писатель удостовѣряетъ, что сіе не было токмо тогда, когда Алцібіадъ отправился на Олімпіческіе Потѣхи, но во всѣхъ военныхъ походахъ, и во всѣхъ также его путешествіяхъ. „Всегда, говоритъ „онъ, какъ Алцібіадъ отправлялся въ путь, употреблялъ „онъ на свою потребу четыре союзничьи города, равно „какъ своихъ слугъ. Ефесъ давалъ ему палатки столь „кожъ великолѣпные, сколько и Персідскіе; Хій кормъ „на лошадей; Кізикъ жертвы, и кушаніе на столъ; а „Лесбосъ віно съ другими потребностями въ домъ.

Павсан. кн. 3. стран. 172. Я не долженствую опустить, говоря объ Олімпіческихъ Потѣхахъ, что Госпожи также были допускаемы къ полученію вѣнца, какъ и люди мужескаго пола, и что многіе изъ нихъ получили мздовоздаяніе. Цініска, сестра Агезілая, Царя Лакедемонскаго, была первая, которая отверзла новый путь къ славѣ Особамъ своего пола, и была провозглашена Побѣдительницею за ристаніе въ колесницѣ, въ кою

вѣ кою впряжено-было четыре лошади. Сія побѣда, какой по то время не-было еще примѣра, не могла быть не прославлена самымъ крайнимъ образомъ. Поставили въ Спартѣ великолѣпный достопамятный знакъ въ честь Цініскѣ; а Лакедемоняне, бывши впрочемъ не весьма чувствительны къ сладостямъ Поэзіи, повелѣли Піиту предпослать потомству сіе новое торжество, и вѣчную здѣлать его память надписью Стіхами. Она сама посвятила въ Делфійское капище мѣдную колесницу, заложенную четырьмя лошадьми, гдѣ также изображенъ былъ и возница, кой правилъ; а сіе доказываетъ непреоборимо, что-не-сама она бѣгала своею Особою въ ней. Потомъ присовокуплена къ той картина, написанная рукою славнаго Апелла; да и украсили оную многими надписями въ честь благородной и храброй Спартанкѣ. страи. 288. Онж. кн. 5. стран. 309. Онж. кн. 6. стран. 344.

§. VIII.

ЧЕСТЬ И НАГРАЖДЕНІЕ ПОБѢДОНОСЦАМЪ.

Сихъ честей и награжденій многіи были роды. Восклицанія, коими смотрители почитали побѣду Атлетовъ, были вмѣсто предначинанія къ мздовоздаянію имъ опредѣленному. Сіи почести были разныи Вѣнцы, по разности мѣстъ, гдѣ отправлялись такіе Подвиги, а именно, Масличинныи, Елевыи, изъ цвѣтныя Петрушки, и Лавровыи; а раздѣленіе такое очень перемѣнялось по разности вѣковъ. При сихъ различныхъ Вѣнцахъ всегда были Палмовые или Фініковые вѣтви, кои несли Побѣдители въ правой рукѣ. Сіе обыкновеніе * утвердилось, можетъ быть, по Плутархову мнѣнію, отъ свойства Фінікова дерева, для-того что оно толь съ большею спрямляется силою, коль много и сильно нагибается отъ тягости какой: сіе самое есть знакомъ крѣпости и сопротивленія въ Атлетѣ, который выслужитъ мздовоздаяніе. И какъ-всякій Атлетъ могъ одерживать не одну побѣду на однихъ и тѣхже Потѣхахъ, а иногда и въ тотже самый день; то можно ему было получать также и многія мздовоздаянія, и удостоиться не одного Вѣнца, и не одноя Пальмы.

* Симпоз. кн. 8. Квест. 4.

Когда Побѣдоносецъ получитъ Вѣнецъ и Пальму; то Провозвѣсникъ, идучи предъ нимъ съ трубою, велъ его по всей Стадіи, и провозглашалъ громкимъ голосомъ имя и страну того, котораго онъ какъ-на-смотръ выводилъ предъ народъ, а сей тогда усугублялъ восклицанія свои и плесканія.

Когдажъ онъ возвращался въ свое Отечество; то граждане его выходили ему на встрѣчу. будучи покровенъ знаками своея побѣды, и сидя въ четвероконной колесницѣ, вѣзжалъ онъ въ городъ не въ ворота, но нарочно въ здѣланный въ стѣнѣ проломъ. Несены были Свѣточи предъ нимъ; а за нимъ слѣдовало превеликое множество колесницъ, и въ нихъ съ сидящими, кои почитали симъ образомъ оное шествіе.

Церемонія Атлетическаго торжествованія, почитай всегда окончавалась какимъ нибудь пиромъ, кои былъ или всенароднымъ иждивеніемъ представленъ Побѣдоносцу, и его свойственникамъ, и пріятелямъ; или особеннымъ нѣкоторымъ простыхъ людей на то расходомъ, кои потчивали не токмо его сродниковъ или друговъ, но и часть смотрителей. Алцібіадъ, отправившій должную жертву Юпитеру Олімпійскому, о чемъ было самое первое всегда раденіе въ Побѣдителѣ, представилъ пиръ всему собранію. Леофронъ поступилъ въ томъ также, какъ то объявляетъ Атеней, который прибавляетъ, что-Эмпедоклъ Агригентійскій когда побѣдилъ на тѣхъ же самыхъ Успѣхахъ, а не могъ, какъ Пиѳагорянинъ, угостить народъ ни мяснымъ ни рыбнымъ кушаніемъ; то онъ здѣлалъ вола изъ тѣста составленнаго отъ Смірны, отъ Лівана, и отъ всѣхъ другихъ Ароматовъ, да и раздавалъ по штукѣ всѣмъ приходящимъ къ нему.

Плут. въ Алцібіад. стран. 196.

кн. 1. стран. 3.

Самое чесное преимущество, отданное Атлетамъ Побѣдоносцамъ, состояло въ правѣ предсѣданія на всенародныхъ Успѣхахъ. Въ Спартѣ, Царь бралъ его обыкновенно въ военныя походы, для сраженія при его Особѣ, и для охраненія его; а сіе почитаемо было основательно великою честію. Другое преимущество, въ коемъ польза соединена съ честію, было такое, что - они - содержаны были во всю свою жизнь на иждивеніи ихъ Отечества. И дабы сей расходъ не здѣлался тяжкимъ государству; то Солонъ

Діоген. Лаерт. въ Солон. стран. 37.

привел-

привелъ дачу Атлетамъ Побѣдителямъ на Олимпическихъ Потѣхахъ въ пять сотъ драхмъ, [50 рублей] ; побѣдителямъ же на Истмическихъ Подвигахъ во-сто [10 рублей] : а такимъ образомъ и прочимъ по равномѣрности. Побѣдоносецъ и Отечество почитали сїе жалованїе не столь за помощь, коею снабдѣваема была бѣдность Атлетова, коль за знакъ чести и отмѣны. Были они также увольнены отъ всѣхъ тягостей, и отъ всѣхъ должностей гражданскихъ.

По окончанїи Потѣхъ, первое старанїе у Предсѣдателей тамъ было, чтобъ вписать во всенародные книги имя и страну Атлетовъ, получившихъ мздовоздаянїе, и означить родъ Подвига, изъ котораго каждый вышелъ Побѣдителемъ. Подвигъ ристанїя въ колесницахъ имѣлъ предпочтенїе предъ всѣми прочими. Сїя есть причина, что Историки, числящїи времена Олимпїадами, какъ-то Тукидидъ, Дїонисїй Галикарнасскїй, Дїодоръ Сицилїйскїй, и Павзанїи, означали почитай всегда каждую Олимпїаду именемъ и Отечествомъ [городъ рожденїя] Атлета Побѣдоносца ристанїемъ.

Похвалы Атлетамъ Побѣдителямъ были, у Грековъ, главною матерїею Лирическїя Поэзїи. Сїе точно воспѣваютъ, какъ-то всѣмъ извѣстно, Пиндаровы Оды, раздѣленные на четыре книги, изъ которыхъ каждая имѣетъ имя Потѣхъ, на коихъ прославились Атлеты похваляемыи за побѣды свои оными Поэмами. Подлинно Пїитъ, чтобъ обогатить свою матерїю, приводитъ часто въ помощь Атлету, не могущему дать ему всего потребнаго жара, боговъ, Героевъ, и Государей, которыи имѣютъ нѣкоторое приличїе съ матерїею имъ предлагаемою, и кои могутъ здержать его въ высокопарности, какою онъ возлетаетъ. Пїитъ Симонидъ, прежде Пиндара, упражнялсяжъ въ семъ родѣ сочиненїя, и мѣшалъ также въ свои Оды похвалы богамъ и Героямъ, присовокупляя ихъ къ хвалѣ Атлетовъ, коихъ прославлялъ онъ побѣды. Повѣствуютъ о семъ, что-нѣкто Атлетъ, побѣдитель кулачнымъ боемъ [имя ему было Скопасъ] когда подрядилъ Симонида на сочиненїе Поэмы о сей побѣдѣ; по Пїитъ, по обыкновенїю своему, похваливъ какъ-возможно лучше Атлета, вступилъ въ долгое отступленїе, въ коемъ распространилъ онъ похвалы Кастору и Полуксу. Скопасъ, показываясь быть доволенъ Поэмою Симонидовою,

Цiц. объ срат. кн. 2. 7. 352. Федр. кн. 2. басн. 24. Кuнтил. кн. 11. гл. 2.

заплатилъ ему однако треть только изъ договорныя цѣны, а по прочіе двѣ трети отослалъ его къ Тіндарідамъ, коихъ онъ толь изрядно похвалилъ. Подлинно, они ему очень изрядно доплатили, буде вѣрить Історіи: ибо на данномъ пирѣ отъ Атлета, когда сидѣли за столомъ; то слуга пришедъ сказалъ Сімоніду, что два человѣка всѣ въ пыли, и въ потѣ какъ въ морсу, хотятъ его видѣть съ невѣроятнымъ желаніемъ, и ожидаютъ у воротъ. Едва токмо вышелъ онъ за-дверь изъ покоя, какъ въ томъ-потолокъ, вдругъ обломившись, задавилъ Атлета, и всѣхъ другихъ пирующихъ, своимъ паденіемъ.

Ваяніе Истукановъ соединялось съ Поэзіею для вѣчнаго прославленія имени Атлетовъ. Ставили статуи въ честь Побѣдоносцамъ, а особливо Олімпіоніческимъ, на самомъ томъ мѣстѣ, на коемъ они были увѣнчанны, а иногда также и на мѣстѣ ихъ рожденія; да и обыкновенно Отечество побѣдителево держало на все сіе расходы. Между сими Атлетскими статуами, украшавшими Олімпію, находились многіе изображающіе отроковъ, которыи получили мздовоздаяніе на Олімпіческихъ Потѣхахъ, имѣвшіи только отъ десяти до двенатцати лѣтъ отъ рожденія. Ставлены были такіи достопамятныи знаки не токмо Атлетамъ, но еще-и-конямъ, коихъ скорости одолжены они были Агоністіческою короною; а Павзаній свидѣтельствуетъ, что-сіе-учинено-Кобылицѣ, между прочими, именуемой АВРА, о которой Історію достойно предложить. Фідолъ, бывши на ней всадникомъ, упалъ съ нея съ самаго начала ристанія; но его Кобылица продолжала свой бѣгъ такъ, какъ бутто на ней кто сидѣлъ, и ея правилъ. Перестигла она всѣхъ другихъ: трубнымъ гласомъ, а особливо при окончаніи теченія въ оные гласили для ободренія подвизающихся, бывши возбуждена, прибавила она силы къ силамъ, обѣжала кругомъ Предѣла; и какъ бутто чувствовала, что-она одержала побѣду, явилась къ начальствующимъ на Играхъ. Элеяне обьявили Фідола Побѣдоносцемъ, и позволили поставить ему достопамятный знакъ въ честь Самому себѣ, и своей Кобылицѣ, которая ему толь изрядно послужила.

кн. 6. стран. 368.

§. IX.

§. IX.

РАЗНОСТЬ МЕЖДУ ГРЕКАМИ И РИМЛЯНАМИ ВЪ РАССУЖДЕНІИ ЗРѢЛИЩЬ.

Прежде нежели окончу, что касается до Подвиговъ и до Потѣхъ, имѣвшихъ толь великую честь въ Греціи, я прошу Читателя, помыслить нѣсколько въ рассужденіи сего о Грекахъ и Римлянахъ; а размышленіе его послужитъ ему на то, что онъ познаетъ, колико Греческій характеръ былъ особливъ отъ Римскаго.

Забава самая обыкновенная у Римлянъ, и на которой женскій полъ, сприроды нѣжный и жалосный, присутствовалъ въ великомъ множествѣ, была Гладіаторская [битва мечами], и бой съ Медвѣдями и Львами, гдѣ крикъ раненыхъ и умирающихъ, и человѣческая кровь текущая со всѣхъ сторонъ, подавали пріятное Зрѣлище цѣлому народу, который насыщалъ свои человѣкоубійственныя глаза лютымъ увеселеніемъ, видя людей умерщвляющихъ другъ друга взаимно, и отдая на растерзаніе свирѣпымъ звѣрямъ, во время гоненія на Церковь Христіанскую, престарѣлыхъ мужей, младенцевъ, женъ, нѣжныхъ самыхъ дѣвъ, коихъ лѣта и слабость возбуждаютъ обыкновенно жалость въ самыхъ жестокихъ сердцахъ.

Въ Греціи такіе битвы были отнюдь не вѣдомы; а введены онѣ въ нѣкоторые городы послѣ того, какъ Греція подпала подъ Римскую власть. Но Аѳиняне, коихъ свойство было тихость и людскость, не впустили отнюдь оныхъ въ свой городъ: а когда имъ предлагаемо было, чтобъ завесть у себя Гладіаторскую битву, дабы симъ не уступили они Коринѳянамъ: такъ прежде опровергните, закричалъ нѣкто Аѳинянинъ изъ средины собранія (*), опровергните жертвенникъ, который отцы наши, уже тому больше тысячи лѣтъ, поставили богинѣ Милости. (Луціан. въ жит. Демонакт. страл. 1014.)

Надобно признать, что Греки несравненно превосходятъ Римлянъ поступками и добродѣтелію: я разумѣю языческую

(*) Сей былъ Демонактъ, славный Философъ, коему Луціанъ былъ ученикъ, а процвѣталъ онъ во время Цесаря Марка-Аврелія.

языческую добродѣтель. Тѣ и другіи, зная достовѣрно, что-множество, зався преизлишно отъ чувствъ въ забавахъ и увеселеніяхъ своихъ, и не находя тѣхъ довольно въ томъ, что-угодно-бываетъ-разуму, не могло возбуждаемо быть, какъ токмо отъ чувствительныхъ вещей, потщались увеселять оное Потѣхами и Зрѣлищами, и такимъ наружнымъ уборомъ, который могъ поражать чувства. Каждый народъ, въ семъ учрежденіи, показалъ свою склонность и природу, и слѣдовалъ по онымъ.

Римляне, бывши воспитаны въ войнѣ и сраженіяхъ, имѣли всегда, не смотря на учтивство, какое показывали, нѣчто въ себѣ отъ древняго своего свирѣпства: сія есть причина, что-кровь и убійство, въ Зрѣлищахъ ихъ всенародныхъ, не токмо не влагали въ нихъ ужаса и омерзѣнія, но еще-дѣлали собою пріятное имъ увеселеніе.

Высокомѣрное великолѣпіе Тріумфовъ происходило изъ тогожъ источника, и не меньше показывало ихъ бесчеловѣчіе. Для полученія сея чести, надлежало доказать, что убито было восемь или десять тысячъ человѣкъ съ головы на-голову. Оные корысти, кои несомы были толь съ надменнымъ оказаніемъ, предвозвѣщали, что-премногіе честные фамиліи приведены были въ крайнюю бѣдность. Изъ онаго бесчисленнаго множества плѣнныхъ, были всѣ вольныи люди не задолго прежде, и часто исполненныи честій, достоинства, и добродѣтели. Оныя изображенія взятыхъ городовъ провозглашали, что-разграблены, раззорены, и пожжены богатыи городы, и что-истреблены, или заключены въ желѣза ихъ жители. Наконецъ, ничто не могло быть толь бесчеловѣчно, коль сіе, чтобъ влещи при колесницѣ простаго Римскаго гражданина, Государей и Царей скованныхъ, и ругаться такимъ образомъ всенародно ихъ нещастію и уничиженію.

Торжественныя врата, построенныя при Цесаряхъ, гдѣ непріятель показываемъ былъ скованъ по рукамъ и по ногамъ, не могли быть также, какъ токмо плодомъ свирѣпыя гордости, и бесчеловѣчнаго надменія, которыя хотѣли, чтобъ пребывали вѣчно стыдъ и болѣзнь побѣжденныхъ народовъ.

Плут. вопрос Римс. страк. 273.

Греческая радость, послѣ побѣды, была весьма умѣреннѣйшая. Ставили они Трофей, но изъ-дерева, то-

есть

есть, изъ матерiи не весьма долговѣчныя, и которыи время ужé истребило; да и запрещено было оныи возобновлять. Причина, которую тому приводитъ Плутархъ, есть весьма удивительна. (a) „Послѣ какъ ужé „время сокрушило и уничтожило знаки несогласiя и вра„жды раздѣлявшихъ народы, былобъ то, говоритъ онъ, „остервѣненiе ненависти бесчеловѣчныя и варварскiя, чтобъ „стараться возобновлять оные паки, дабы дѣлать долго„вѣчною и всегдашнею память древнихъ разгласiй, кото„рыя надлежитъ съ преизлишною скоростiю погребать въ „молчанiе и забвенiе„. Къ сему онъ прибавляетъ, что каменныи и мѣдныи Трофеи начавшiися послѣ деревянныхъ, не принесли большiя чести заведшимъ оныи.

Мнѣ прiятно видѣть болѣзнь на Агезилаевомъ лицѣ по знатной побѣдѣ, когда великое число непрiятелей, тоесть Грековъ, легло на мѣстѣ сраженiя. Прiятно мнѣ слышать произносящаго его въ воздыханiи и рыданiи сiи словá исполненныя кротости и человѣколюбiя: „О! неща„сливая Грецiя, что самá себя терзаешь, и приводишь „въ пагубу толь многихъ храбрыхъ гражданъ, которыхъ „бы довольно было на побѣжденiе всѣхъ варваровъ. Плут. въ Дакон. Апофт. стран. 231.

Тотже духъ кротости и людскости господствовалъ и въ Зрѣлищахъ Греческихъ. Празднованiя ихъ не имѣли ничего печальнаго и сокрушеннаго. Все тамъ оканчивалось радостiю, дружбою, и согласiемъ. Ибо сiе есть одно изъ великихъ преимуществъ, какiя Грецiя получала себѣ отъ торжественныхъ Потѣхъ, и отъ всенародныхъ Собранiй. Республики, разлученные разстоянiемъ земель, и разностiю пользъ, имѣя по временамъ случай видѣтися въ соединенiи на одномъ и томже мѣстѣ при радованiи и пированiи, соединялись тѣсняе, познавали свои силы, и ободрялись на варваровъ и на общихъ непрiятелей ихъ вольности; да и примирялись чрезъ посредничество какiя дружелюбныя республикижъ. Самый тотъ языкъ, тѣжъ самыи нравы, тѣжъ

(a) Ὅτι τοῦ χρόνου τὰ σημεῖα τῆς πρὸς τοὺς πολεμίους διαφορεῶς ἀμαυροῦντος, αὐτοὺς ἀναλαμβάνειν καὶ καινοποιεῖν ἐπιαθονόν ἐςι καὶ φιλαπεχθῆμον.

тѣжъ одни жертвы, тѣжъ забавы, тожъ и одно богослуженіе, все сіе поспѣшествовало соединяться тѣмъ небольшимъ Греческимъ племенамъ въ одинъ и сильный народъ, и соблюдать тотже самый духъ, тѣжъ самыя основанія разсужденій, тожъ самое ревнованіе по вольности, и тужъ самую любовь къ Наукамъ и Знаніямъ.

ЧЛЕНЪ IV.

О БОРЕНІЯХЪ РАЗУМА, О ЗРѢЛИЩАХЪ, И О ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ.

Я отложилъ къ окончанію послѣдній родъ сраженій, которыя не зависѣли нимало отъ тѣлесныя силы, отъ проворства, отъ досужства, и кои можно основательно назвать бореніями разума, на коихъ Ораторы, Історіки, и Піиты дѣлали опыты своему искусству, и подвергали сочиненія свои Крітікѣ и всенародному разсужденію. Ревнованіе на такихъ распряхъ было толь жарчайшее, и толь больше свѣтлое, что-дѣло шло о такой Побѣдѣ, которая могла почитаема быть несравненно чеснѣйшею всякія другія, длятого, что-она-весьма-близка человѣку, что-основана на собственномъ достоинствѣ и внутренномъ, и что-она опредѣляетъ высоту разума и понятія; а преимуществъ сихъ желаетъ всякъ съ пристраснѣйшею охотою, и которыхъ славою никто не хочетъ нимало уступить другому.

Въ семъ была великая честь, и совокупно самая чувствительная пріятность Писателямъ, жаждущимъ обыкновенно похвалъ и плесканій, что-возмогли они искусствомъ своимъ соединить въ свою пользу мнѣніе собранія толь многолюднаго, и толь избраннаго, каково было находящееся на Олімпіческихъ Потѣхахъ, гдѣ были вкупѣ всѣ самыи высокіи Греческіи разумы, и способнѣйшіи разсуждать о превосходствѣ каковa сочиненія. Сей Театръ былъ равно отверстъ Історіи, Краснорѣчію, и Поэзіи.

Лукіан. въ Герод. стр. 622. Геродотъ читалъ свою Історію на Олімпіческихъ Потѣхахъ всей Греціи тамъ собравшейся; а слушали его съ такою похвалою, что-дали девяти книгамъ, изъ которыхъ она состоитъ, имена девяти Музъ; и кричали повсюду,

всюду, гдѣ онъ ни шелъ, сей есть, который толь достойно и изрядно написалъ нашу Історію, и прославляетъ славныя преимущества, какія мы одержали надъ варварами.

Всѣ уста присутствовавшихъ на сихъ Потѣхахъ, были столькимижъ трубами, которые потомъ разгласили по всей Греціи имя и прославленіе сего славнаго Історіка.

Луціанъ, писавшій бытія мною предлагаемыя, прибавляетъ, что, по Геродотову примѣру, многіи Софісты и Реторы ѣздили въ Олімпію для прочитанія рѣчей сочиненныхъ ими, находя сей способъ скорымъ и достовѣрнымъ къ пріобрѣтенію себѣ въ самое краткое время великаго прославленія. Плутархъ объявляетъ, что Лісій, славный Аѳинейскій Ораторъ, и единовременный съ Геродотомъ, читалъ на Олімпіческихъ Потѣхахъ рѣчь, которою онъ привѣтствовалъ Грекамъ какъ о самомъ славномъ дѣйствіи, что оні, соединившись, и примирившись совокупно, ошибли крыла силѣ Діонісія Тіранна. Плут. жит. чрезъ Слов. стр. 836.

Можно рассудить о стремленіи Пііитовъ къ прославленію себя на сихъ торжественныхъ Играхъ по стремительству сего самаго Діонісія. Сей Государь, имѣя безумное тщеславіе, признавать себя за превосходнаго Пііита своего времени, повелѣлъ читателямъ, называемымъ по Гречески ῥαψωδιοί [пѣснопѣвцы] отправиться въ Олімпію, и читать тамъ Стіхи его сочиненія. Когда началось чтеніе Стіховъ сложенныхъ отъ Пііита Царя; то голосъ громкій и свѣтлый читателевъ былъ причиною глубокаго молчанія, и слушали его сперва съ великимъ вниманіемъ, которое стало потомъ отчасу болѣе умаляться, и наконецъ перемѣнилось въ смѣхъ и хохотаніе: толь Стіхи оныи показались никчему годными! Утѣшился онъ отъ сего нещастія побѣдою одержанною, не много времени спустя послѣ того, въ Аѳинахъ въ бакхусовъ празникъ, гдѣ представлена была сочиненія его Трагедія. Діод. кн. 14. страк. 318. Діодор. кн. 15. страк. 384.

Что происходило на Олімпіческихъ Потѣхахъ въ рассужденіи споровъ между Пііитами; то было ничто въ сравненіи съ жаромъ и ревнованіемъ, бывшимъ непрестанно въ Аѳинахъ о семъ. О томъ токмо осталось мнѣ и повѣствовать, и симъ я окончу сію матерію; а сіе самое подастъ мнѣ случай, описать кратко читателямъ древнія Зрѣлища,

щa, и Театральныя представленія. Желающіи совершеннаго знанія о семъ, найдутъ все то обстоятельно въ сочиненіи, выданномъ недавно на свѣтъ отъ отца Брюмоа Іезуита, а оное его сочиненіе наполнено глубокимъ и мудрымъ ученіемъ, и новыми рассужденіями, взятыми въ самой природѣ Поэмъ, о коихъ тамъ предлагается. Я изъ него много выбирать буду, и часто не объявляя его имени, какъ то мнѣ весьма обыкновенно.

§. I.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОХОТА ВЪ АѲИНАХЪ КЪ ТЕАТРАЛЬНЫМЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЯМЪ. РЕВНОВАНІЕ ПІИТОВЪ О ПОЛУЧЕНІИ МЗДОВОЗДАЯНІЯ. КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ О ДРАМАТІЧЕСКОЙ ПОЭМѢ.

Никакой народъ не имѣлъ такія гарячести и охоты къ Театральнымъ представленіямъ, какъ Греки, а особливо Аѳиняне. Причина тому чувствительна: ибо никакой никогда другой народъ не показалъ въ себѣ столько разума, и не произвелъ толь далеко любви къ Краснорѣчію и къ Стіхотворенію, охоты къ Наукамъ и Знаніямъ, исправности во мнѣніяхъ, тонкости слуха, и еще нѣжности во всѣхъ красотахъ языка. (a) „Простая продавица травъ въ „Аѳинахъ почувствовала отъ одного, не чисто выговореннаго, слова, что Теофрастъ есть чужестранный человѣкъ„. Простый народъ затверживалъ наизусть Эврипідовы Трагедіи. Склонность каждаго народа объявляется чрезъ его упражненія и забавы! Главное упражненіе, и главная забава въ Аѳинянахъ состояла въ томъ, чтобъ разговаривать о произведеніяхъ разума, и рассуждать о Драматіческихъ сочиненіяхъ, кои представляемы были по власти всенародной многажды въ годъ, а особливо въ Бакхусовъ празникъ. Въ сіи точно дни Трагіческіи и Коміческіи Піиты препирались о мздовоздаяніи. Первыи давали по

четыре

(a) Attica anus Theophrastum, hominem alioqui disertissimum, annotata vnius affectatione verbi, hospitem dixit.

Quintil. L. 8. c. 1.

четыре изъ своихъ Сочиненій, кромѣ Софокла, который не разсудилъ заблаго продолжать толь скучный трудъ, и положилъ давать токмо по одному Сочиненію при каждомъ случаѣ спора о награжденіи.

Были Судьи, опредѣленныя отъ государства, чтобъ разсматривать достоинство Сочиненій какъ Комическихъ, такъ и Трагическихъ, прежде нежели оныя будутъ представлены народу въ праздники. Играемы они были предъ ними, а также и предъ народомъ, но можетъ быть безъ украшенія. Судьи давали свои мнѣнія; а Сочиненіе, которое получитъ болше голосовъ, объявляемо было побѣдоноснымъ, увѣнчаваемо какъ такое, и представляемо со всякимъ возможнымъ великолѣпіемъ на государственномъ иждивеніи. Представлялись и тѣ, которыя находились во вторыхъ или въ третіихъ по первомъ. Впрочемъ, не всегда самыя лучшія Сочиненія предпочтеніе получали: но въ какое время не-было происковъ, самоволія, незнанія, и затвердѣлаго неправеднаго мнѣнія? Эліанъ весьма гнѣвается на Судей, которыи, въ такомъ спорѣ, назначили второе мѣсто Эвріпиду; да и оговариваетъ ихъ, что-или они судили съ незнаніемъ, или были подкуплены деньгами. Лехко понять, коль великій жаръ ревнованія оныи споры, распри, и оныя всенародныя награжденія возбуждали въ Піитахъ, и сколько все сіе поспѣшествовало совершенству, въ какое Греція привела Драматическіе штуки.

Эліан. кн. 2. гл. 8.

Драматическою Поэмою называется та, въ которой говорятъ и дѣйствуютъ на Театрѣ сами люди, для разности съ Эпическою Поэмою, въ коей токмо что Піитъ повѣствуетъ отъ себя, косвеннымъ и послѣдовательнымъ порядкомъ, похожденія всѣхъ оныхъ, о которыхъ онъ предлагаетъ. Природно есть, любить красные повѣсти о приключеніяхъ, приносящихъ пользу, и нужныхъ знатнымъ Особамъ, или и цѣлымъ Народамъ. Но весьма инымъ образомъ поражается и услаждается человѣкъ, когда имъ слышимы бываютъ сами тѣ Лица, когда призывается онъ въ откровенность самыхъ тайныхъ ихъ мнѣній, и когда онъ есть самъ свидѣтелемъ, слушателемъ, и смотрителемъ ихъ намѣреній, предпріятій, и ихъ благополучныхъ, или нещасливыхъ успѣховъ. Читать и видѣть Дѣйствіе,

очень разнится между собою. Дѣйствующій человѣкъ поражаетъ несравненно больше, нежели простое чтеніе. Онъ совокупно говоритъ очамъ и разуму. Смотритель, будучи пріятно обманутъ онымъ изображеніемъ и подражаніемъ толь блискимъ и подобнымъ правдѣ, забываетъ, что-то-ѣсть токмо Предсшавленіе: онъ мнитъ видѣть сāмое дѣло въ истиннѣ. Сіе было причиною къ рожденію Драматіческія Поэмы, которая содержитъ Трагедію и Комедію.

Можно къ нимъ прибавить Сатірическую Поэму; а имя сіе взято отъ Сāтіровъ, полевыхъ боговъ, кои были въ нихъ всегда душею, а не отъ Сāтіры, ругательныя Поэзіи, которая на ту ничемъ не походила, и найденá пóслѣ оныя Коміческія. Поэма Сатірическая есть ни Трагедія, ни Комедія прямо; но она состоитъ посрединѣ между одною и другою, и участницею ихъ характеровъ. Каждый Піитъ прибавлялъ обыкновенно такую штуку къ Трагедіямъ, которые онъ давалъ во время спóра о мздовоздаяніи, чтобъ растворить пріятностію и увеселеніемъ, коими она наполнена, важность и дѣльность другихъ Сочиненій. Остался намъ токмо одинъ обрасчикъ древнія сея Поэмы, а именно Эврïпідовъ Ціклопъ.

Я останусь здѣсь токмо при Трагедіи и Комедіи. Онѣ обѣ родились у Грековъ. Чего ради и почитали они ихъ за плодъ прозябшій у нихъ самихъ, и не могли ими насытиться. Алчность сія еще-бóльшая была въ Аѳинахъ, нежели гдѣ индѣ. Сіи обѣ Поэмы, которые назывались чрезъ долгое время однимъ общимъ именемъ Трагедіи, исподоволь тамъ и отъ-мала-по-малу возрасли; а оныя возрастѣнія привели ихъ въ сāмое совершенство.

§. II.

НАЧÁЛО И ПРОИСШЕСТВІЕ ТРАГЕДИИ. ПІИТЫ ОТМѢНИВШІИСЯ ЕЮ ВЪ АѲИНАХЪ: ЭСХІЛЪ, СОФОКЛЪ, ЭВРІПІДЪ.

Прежде Тéспіса многіи были Трагіческіи и Комическіи Піиты: но какъ они не перемѣнили ничего въ первомъ опытѣ сего Зрѣлища, и что Тéспісъ былъ сāмый первый, который въ томъ нѣкоторые здѣлалъ перемѣны; то обыкновенно

кновенно почитаютъ его за изобрѣтателя сея Поэмы. Прежде его, Трагедія была токмо нѣкоторый зборъ сказокъ смѣхотворныхъ, сочиненныхъ комическимъ Стилемъ, и перемѣшанныхъ пѣсньми отъ Хора, кой воспѣвалъ похвалы Бакхусу: ибо во время празнованія сему богу Трагедія вышла на свѣтъ.

(a) Трагедія сперва, имѣя грубость въ сваскѣ,
Была простъ караводъ, въ которомъ, каждый въ пляскѣ,
Честь бакхусу поя, какъ божеству гроздовъ,
Тѣмъ тщался получить обильный зборъ плодовъ:
Тамъ радость при вінѣ сердца всѣхъ возбуждала,
Искуснагожъ пѣвца козломъ въ даръ награждала.

Депреб Наук. о стихотвор. Пѣсн. 3.

Теспісъ въ томъ здѣлалъ многіе перемѣны, какъ то Горацій, послѣ Арістотеля, обьявилъ въ Наукѣ своей о Поезіи. „(b) Первая была, возить дѣйствующія Лица „въ телѣгѣ, вмѣсто того, что прежде они пѣли повсю„ду, гдѣ ни находились: вторая, марать ихъ дрождями, „а прежде они играли не имѣя ничего на лицѣ: наконецъ, „прибавилъ онъ къ Хору Лице, которое, чтобъ дать оному „Хору отдохнуть, и собраться съ силою, повѣствовало „нѣкоторое приключеніе знатной какой Особѣ; а сіе повѣ„ствованіе и подало потомъ поводъ къ Трагіческой матеріи„.

(c) Былъ первый Теспісъ, кой, дрождями гнусенъ весь,
Возилъ по слободамъ благополучну смѣсь;
Съ телѣги, платье давъ, кому играть, сурово,
Идущимъ представлялъ онъ зрѣлище то ново.

(a) La Tragedie, informe et grossiere en naissant,
N'étoit qu' un simple Choeur, où chacun en dansant,
Et du dieu des raisins entonant les louanges,
S'efforçoit d'attirer les fertiles vendanges:
Là, le vin & la joie éveillant les esprits,
Du plus habile chantre un Bouc étoit le prix.

(b) Ignotum tragicae genus inuenisse Camoenae
Dicitur, et plaustris vexisse poëmata Thespis,
Quae canerent agerentque peruncti faecibus ora.

Horat. art. poët.

(c) Thespis fut le prémier, qui barbouillé de lie,
Promena par les bourgs cette heureuse folie,
Et d' acteurs mal ornés chargeant un tombereau
Amusa les passans d' un spectacle nouveau.

А. М. 3440. П. I. Хр. 564. Плут въ Солон. стран. 95. Теспісъ жилъ въ Солоновы времена. Сіе вѣдомо, что сей мудрый Законодавецъ, видя представленіе нѣкоторыя его штуки, показалъ свое неудовольствіе удареніемъ по землѣ жезломъ своимъ, опасаясь того, чтобъ сіи вымыслы и лжи Піитіческіе, не перешли вскорѣ съ Театральныхъ представленій въ писменныя обязателства, и во всѣ дѣла какъ общія, такъ и особенныя.

А. М. 3464. Пр. I. X. 540 А. М 3514. Пр. I. X. 490. Не толь есть способно изобрѣтать, коль прибавлять къ изобрѣтеніямъ другихъ. Перемѣны, каковы уже Теспісъ здѣлалъ въ Трагедіи, подали поводъ Эсхілю здѣлать новые и знатные. Онъ родился въ Аѳинахъ въ первое лѣто LX Олімпіады. Чиномъ онъ былъ Воинъ, въ такое время, въ кое Аѳиняне счисляли почитай столькожъ Героевъ, сколько числомъ было Гражданъ. Былъ онъ на Маратонской битвѣ, на Саламінской, и на Платейской; да и показалъ себя тамъ по-надлежащему. Но склонность его призывала инуды, и отверзла ему такой Подвигъ, въ которомъ онъ не меньше могъ себѣ получить славы, и гдѣ сперва былъ безъ всякаго себѣ Соперника. Имѣя верьховный разумъ, предпріялъ онъ преобразить, а почитай можно сказать, вновь создать Трагедію, коя его всегда самымъ дѣломъ признавала за своего изобрѣтателя и отца. Іезуітъ брюмоа изъясняетъ въ нѣкоторой Діссертаціи, наполненной разумомъ и смысломъ, какъ Эсхілъ почерпнулъ въ Эпіческихъ Гомеровыхъ Поэмахъ истинный видъ Трагедіи. И подлинно, сей Піитъ обыкновенно говаривалъ, что-его-Трагедіи не что иное, какъ токмо крошки остальные отъ пиршествъ представленныхъ въ Іліадѣ и въ Одіссеѣ.

Итакъ, Трагедія получила отъ него новый образъ. „(a) Онъ далъ личину своимъ Игрокамъ; надѣлъ на нихъ долгохвостую одежду; обулъ ихъ въ сапошкі съ высокими „скобами. Построилъ не весьма возвышенный театръ; и „перемѣнилъ совершенно Стіль, который уже сталъ быть „важенъ

(a) Post hunc personae pallaeque repertor honestae
Aeschylus, et modicis instrauit pulpita tignis,
Et docuit magnumque loqui nitique cothurno.

Horat. ibi. d.

„ важенъ и дѣленъ, вмѣсто того, что-онъ-прежде былъ „ веселый и шутливый„.

(a) Эсхилъ въ тотъ прежній Хоръ Игрателей ужъ ввелъ,
И харьками лице честнѣйшими одѣлъ;
Онъ на театрѣ тамъ, возвышенномъ публично,
Представилъ Игрока обутаго прилично.

Но сіе было токмо наружностію, и какъ тѣломъ Трагедіи. Впрочемъ оный Хоръ, который есть ея душею, и что-къ-нему-Эсхилъ прибавилъ самое важное и внутреннее; оная живность дѣйствія разговоромъ Игроковъ возведенныхъ на Театръ; оныи обраты великихъ страстей, а особливо жалости и ужаса, кои, возмущая и приводя въ смятеніе сердце Зрѣлищемъ жалоснымъ или страшнымъ, подаютъ ему пріятное увеселеніе симъ самымъ возмущеніемъ и смятеніемъ; оное избраніе матеріи великія, благородныя, полезныя, заключенныя въ надлежащихъ предѣлахъ единствомъ Дѣянія, Мѣста, и Времени; на конецъ, оное учрежденіе и расположеніе всего Сочиненія, которое порятком и равномѣрностію частей, и также благополучнымъ завязаніемъ и сцѣпленіемъ узловъ, задерживаетъ разумъ смотрителевъ до развязанія, которое отдаетъ ему паки его спокойствіе, и отпускаетъ его довольнымъ.

Прежде-еще Эсхиля Хоръ былъ учрежденъ, для того что онъ токмо одинъ, или почитай одинъ, составлялъ то, что-называлось Трагедіею. Итакъ, онъ его не отставилъ, но напротивъ того, рассудилъ оный включить, „(a) какъ Хоръ, на пѣніе между Дѣйствіями; а сіе было „ отдох-

(a) Eſchyle dans le Choeur jetta les perſonages,
D'un masque plus honnéte habilla les viſages:
Sur les ais d' un Théatre en public exhauſſé,
Fit paroitre l' Acteur d' un brodequin chauſſé.

(a) Actoris partes Chorus officiumque virile
Defendat, neu quid medios intercinat actus,
Quod non propoſito conducat et haereat apte.
Ille bonis faueatque, et concilietur amicis,
Et regat iratos, et amet peccare timentes.
Ille dapes laudet menſae breuis, ille ſalubrem
Iuſtitiam, legesque, et apertis otia portis.
Ille tegat commiſſa deosque precetur et oret,
Vt redeat miſeris, abeat fortuna ſuperbis. Horat. ibid.

„ отдохновеніемъ, и какъ Лицемъ примѣшавшимся къ дѣй-„ ствію, или то для подангя полезныхъ совѣтовъ, и спа-„ сительныхъ наставленій, или стоять за неповинность и за „ добродѣтель, или быть хранителемъ таинствей, и от-„ мстителемъ за презрѣнный законъ, или наконецъ, чтобъ „ носить на себѣ всѣ сіи характеры совокупно, какъ то „ говоритъ Горацій„. Корифей, тоесть главное Лице, былъ предводителемъ того Хора, и когда надобно было, говорилъ слова за оный.

Въ нѣкоторой Эсхілевой Трагедіи, названной ЭВМЕНІДЫ, сей Піитъ представляетъ Ореста въ дали Театра, окруженнаго Фуріями, усыплѐнными Аполлѝномъ. Надобно, чтобъ ихъ образъ былъ очень гнусенъ и страшенъ, для того что повѣствуютъ, что-какъ скоро тѣ Фуріи проснулись, и явились въ бѣшенствѣ на Театрѣ, гдѣ онѣ были въ должности Хора; то нѣкоторые чреватые жены повредились увидѣвши ихъ внезапу, а изъ отрочатъ, бывшихъ тамъ, нѣсколько умерло съ страха. Хоръ тогда состоялъ изъ пятидесяти человѣкъ. Потомъ здѣлали его, послѣ сего нещасливаго приключенія, въ пятнатцать только нарочнымъ указомъ, а напослѣдокъ въ двенатцать. Я уже объявилъ, что-одна изъ перемѣнъ, какіе Эсхілъ учинилъ Трагедіи, состояла въ Личинѣ данной отъ него Игрокамъ. Сіи Личины театральные не-были нимало подобны нынѣшнимъ нашимъ Маскамъ, кои токмо закрываютъ лице: она была у нихъ нѣкоторый родъ шлема закрывающаго всю голову, и которыя, сверьхъ личныхъ чертъ, изображала еще бороду, волсы, уши, даже до украшеній, какія женскимъ поломъ были употребляемы въ ихъ уборахъ. Личины сіи различные были по разности штукъ представляемыхъ на Театрѣ. Сія матерія описана обстоятельно въ одной изъ Діссертацій Академіи словесныхъ Наукъ въ Парижѣ, сочиненной Г. Боанденомъ.

Записк. Акад. бел. летр. Том. 4.

Способ. какъ учит. Том. 4.

Я никогда не могъ понять, да я то и объявилъ индѣ говоря о произношеніи, какъ употребленіе Личинъ могло пребыть толь чрезъ долгое время на Театрѣ у Древнихъ. Ибо не могло поистиннѣ быть, чтобъ оные не отнимали много живности у Дѣйствія, особливо видимаго на лицѣ, которое можно почитать престоломъ и зеркаломъ всѣхъ чувствованій душевныхъ. Не случаетсяль часто,

сто, что кровь, потому какъ она приведена въ движенïе разными пристрастïями, иногда покрываетъ лице внезапною и кроткою краскою; иногда оное распаляетъ, и засвѣщаетъ на немъ огнь гнѣва; иногда, уходя внутрь, оставляетъ его блѣднымъ и заспылымъ съ страха; а иногда разливаетъ на ономъ спокойную и любезную свѣтлость? Все сïе объявляется и изображается на челѣ и на щекахъ. Личинажъ, закрывая лице, отнимаетъ у него сей толь рѣчистый языкъ, и лишаетъ нѣкотораго рода жизни и душй, которая дѣлаетъ его истолкователемъ всѣхъ чувствïй сердечныхъ. Итакъ, я не удивляюсь наблюденïю здѣланному отъ Цицерона предлагающаго о Росцïи, что до дѣйствïя. (a) „Наши старшïи, говоритъ онъ, рассуждали лучше насъ, когда не дѣлали они цѣлаго похваленïя ни самому Росцïю, для того что онъ говорилъ изъ-подъ личины.„

Эсхïлъ владѣлъ славою Театра, и получалъ почитай одинъ одобренïя отъ всѣхъ, когда молодый нѣкто соперникъ явился, и началъ спорить ему въ Пальмѣ: сей есть Софоклъ. Родился онъ въ Колонѣ, Аттïческомъ пригородкѣ, во второе лѣто 71 Олимпïады. Отецъ его былъ кузнецъ, или господинъ кузницы. Опытъ его первый, было самое совершенное искусство. Когда, по случаю костей Тезеевыхъ, кои нашелъ Цïмонъ, и перенесъ въ Аѳины, учредили тамъ споръ между Пïитами Трагïческими, Софоклъ вступилъ въ распрю съ Эсхïлемъ, и его преодолѣлъ. Старый Атлетъ, имѣя по то время многïе короны, возмнилъ, что онъ ихъ всѣхъ лишился, лишившись послѣднïя. Уѣхалъ онъ съ досады въ Сïцïлïю къ Царю Гïерону, защитнику и прïятелю ученыхъ людей, недовольныхъ Аѳинами: да и умеръ тамъ не много послѣ того смертïю особливою, буде вѣрить Суïдѣ. Понеже онъ спалъ на чистомъ полѣ обнаженною головою; то орелъ, почетши

Л. М. 3509. Пр. I. Х. 495.

Л. М. 3534. Пр. I. Х. 470.

(a) Quo melius nostri illi senes, qui personatum, ne Roscium quidem magnopere laudabant.

lib. 3. de orat. n. 221.

ши безволосую голову его за камень, опустилЪ на оную желвя [черепаху], кой ту ему расшибЪ. ИзЪ 90, или изЪ 70 на меньшой конецЪ Трагедій, которые имЪ сочинены, осталось намЪ только седмь.

Не большеж̃Ъ спаслось ихЪ отЪ обиды временЪ и изЪ СофокловыхЪ, коихЪ было 117; а по мнѣнію другихЪ, 130. Пребывала вЪ немЪ неизмѣнно, даже до глубокія старости, вся сила и вся живность его разума, какЪ то показалось отЪ нѣкотораго дѣла на него предвоспріятаго. Дѣти его, не весьма достойныи такова отца, говоря, что онЪ впалЪ вЪ изступленіе ума, и приведЪ его предЪ судЪ требовали, чтобЪ ему запретить, и отнять бы у него правленіе имѣніемЪ. ВЪ защищеніе свое, только онЪ читалЪ нѣкоторую изЪ своихЪ Трагедій, сочиняемую тогда имЪ дѣйствительно [сія есть ЭДІПЪ вЪ КОЛОНѢ], которая усладила всѣхЪ судей. ОнЪ былЪ оправданЪ всѣми голосами; а дѣти его, проклинаемыи отЪ всего судебнаго мѣста, отосланы оттуду сЪ стыдомЪ и безчестіемЪ должнымЪ толь вопіющему неблагодарству. ПолучилЪ онЪ во мздовоздаяніе двадцать коронЪ. Нѣкоторыи говорятЪ, что онЪ послѣдній духЪ отдалЪ читая свою Антигону, тѣмЪ что не могЪ собраться сЪ духомЪ, послѣ сильнаго устремленія вЪ произношеніи, безЪ отдоха, долгаго нѣкотораго Періода: другіи утверждаютЪ, что то сЪ радости, видя себя обЪявленна побѣдителемЪ паче своего чаянія, тотчасЪ онЪ скончался. Изобразили на его гробницѣ рой пчелЪ, дабы вѣчно сохранить имя пчелы, которое ему сладость его стіховЪ пріобрѣла: а знатно, что и вымышлено отЪ сего о пчелахЪ, которые будто сидѣли на его устахЪ, когда еще онЪ былЪ вЪ колыбели.
Л. М. 3599 Пр. І. Х. 405. УмерЪ онЪ, имѣя отЪ рожденія 90 лѣтЪ, вЪ 4 лѣто 93 Олимпіады, живЪ послѣ Эврипіда еще шесть лѣтЪ, который былЪ его моложе.

Л. М. 3524. Пр. І. Х. 480. Сей послѣдній родился вЪ первое лѣто Олимпіады 75тыя, вЪ Саламинѣ, куда отецЪ его МнесархЪ и мать Кліта отбыли жить, когда КсерксЪ пріуготовлялЪ большой свой походЪ на Грецію. Прилѣжаніе онЪ имѣлЪ сперва кЪ Философіи; а былЪ у него, между прочими, учителемЪ АнаксагорЪ. Но бѣдствіе, вЪ которое было сей попалЪ,

палъ, и едва не лишенъ жизни за філософіческія свои мнѣнія, обратило его къ Поезіи, и прилѣпило къ оной. Нашелъ онъ въ себѣ для Театра такой талантъ, о которомъ самъ не зналъ; да и толь онъ счасливо его употребилъ, что вступилъ въ споръ съ самыми славными мастерами, о коихъ уже мы говорили. (a) „Сочиненія его „показываютъ глубокое въ немъ ученіе Філософіи. Они на„полнены преизрядными наставленіями къ полученію добро„нравія.„ За сіе точно Сократъ въ свое время, а чрезъ многое время послѣ того (b) Цицеронъ, великимъ почитали Эвріпіда.

Не можно изъявить довольно, ни довольно также похвалить крайнюю нѣжность, какую показывали при нѣкоторыхъ случаяхъ Смотрители Аѳинейскіи, и ихъ радѣніе о томъ, чтобъ сохранить почтеніе къ добронравію, къ добродѣтели, къ благочинію, и къ справедливости. Удивительно весьма, когда видишь, съ коликою горячестію, осуждали они тотчасъ единогласно все то, что имъ казалось удаленнымъ отъ прямаго пути, и принуждали въ томъ себѣ отвѣтствовать Піита, хотябъ и было, чтобъ онъ имѣлъ законное извиненіе, что приписываетъ такія мнѣнія особамъ вѣдомымъ въ порокахъ, и дышущимъ неправедными страстями.

Эвріпідъ далъ въ уста Беллерофонту великолѣпную похвалу богатству, которую онъ окончавалъ сею мыслію: богатство есть крайнее добро человѣческаго рода; да и праведно, что оно приводитъ себѣ въ удивленіе боговъ и человѣковъ. Всѣ присутствующіи взволновались; да и выгнанъ бы онъ былъ тотчасъ изъ-города, ежелибъ не просилъ, чтобъ имъ дождаться конца Трагедіи, въ коемъ хвалитель богатства погибалъ беднѣйше. Сенек. Эпістол. 511.

(a) Sententiis densus, et in iis, quae a sapientibus sunt, pene ipsis est par.

Quinctil lib. 10 cap. 1

(b) Cui [Euripidi] tu quantum credas, nescio: ego certe singulos eius versus, singula testimonia puto.

Epist. 8. lib. 14. ad familiar.

Хотѣли еще ввесть на него очень важное дѣло въ томъ, что онъ вложилъ отвѣтъ нѣкоторый Гіпполіту разговаривающему съ своею матерію. Мать его представляла ему, что нерушимая клятва одолжала его къ молчанію. Мой языкъ произнесъ клятву, говорилъ онъ ей на то, но сердце мое съ тою не согласилось. Сіе бездѣльное различеніе показалось всему народу явнымъ презрѣніемъ закона, и святости клятвенныхъ обѣщаній, которое могло истребить изъ общества, и изъ человѣческаго обхожденія, всю искренность и добрую вѣрность.

Сіе (а) „другое правило произносимое Этеокломъ въ „Трагедіи названной ФИНІКІАНКИ, и которое Цесарь всегда „имѣлъ въ устахъ, не меньше есть пагубно: ежели когда „надлежитъ нарушать справедливость, то сіе должен„ствуетъ быть для того, чтобъ получить себѣ престолъ; „во всемъ прочемъ пускай она пребываетъ невредима. „Въ семъ Этеоклово, или лучше Эвripідово законопресту„пленіе, говоритъ Ціцеронъ, что онъ учинилъ въ томъ „точно изъятіе, въ чемъ состоитъ наибольшее законопре„ступство„. Этеоклъ есть Тіраннъ, который и говоритъ по-тірански; да и старается оправдать неправедную свою поступку ложнымъ правиломъ: но также и не удивительно, что Цесарь, родившись съ Тіранскимъ духомъ, и равнымъ же образомъ несправедливымъ, любилъ рѣчь такова Государя, которому онъ былъ подобенъ. Но сіе примѣчанія достойно, что Ціцеронъ обвиняетъ самого Піита, и ставитъ ему въ преступленіе, что онъ попустилъ быть выговорену на Театрѣ толь пагубному основанію.

Лікургъ

(a) Ipſe autem ſocer [Caeſar] in ore ſemper graecos verſus Euripidis de Phoeniſſis habebat, quos dicam vt potero, incondite fortaſſe, ſed tamen vt res poſſit intelligi. NAM SI VIOLANDVM EST IVS, REGNANDI GRATIA, VIOLANDVM EST, ALIIS REBVS PIETATEM COLAS.

Capitalis Eteocles, vel potius Euripides, qui id vnum, quod omnium ſceleratiſſimum fuerat, exceperit.

Officior. lib. 3. n. 82.

Лікургъ Ораторъ, жившій во время Філіппа и Александра великаго, чтобъ ободрить гарячесть въ Трагіческихъ Піитахъ, поставилъ по власти народной три мѣдные Статуи въ честь Эсхілю, Ссфоклу, и Эвріпіду; а переписавъ всѣ ихъ Трагедій, повелѣлъ прилѣжно тѣ хранить въ общихъ архівахъ, изъ которыхъ вынимали ихъ по временамъ для чтенія, длятого что не позволено было Комедіантамъ представлять ихъ на Театрѣ. Плут. въ жит. 10. Орат. стр. 841.

Читатель безъ сомнѣнія ожидаетъ, чтобъ, послѣ объявленнаго мною о трехъ Піитахъ изобрѣтшихъ, выцвѣтившихъ, и приведшихъ въ совершенство Трагедію, я ему объявилъ самые главные черты, которые ихъ изображаютъ и различаютъ въ ихъ стилѣ. Брюмоа Іезуітъ здѣлаетъ то за меня, и еще весьма исправнѣе, нежели я могу. Положивъ за нѣкоторое основаніе, котораго не можно никакъ привесть подъ сомнѣніе, что то Эпіческая Поэма, тоесть, Гомеръ, который проложилъ дорогу Трагіческимъ Піитамъ, и показавъ, рассматривая природу разума человѣческаго, какъ, и по какимъ степенямъ сіе благополучное подражаніе было приведено къ своему окончанію, изображаетъ онъ трехъ Піитовъ, о которыхъ дѣло, красками весьма цвѣтными.

Трагедія, при помощи Эсхіля, перваго ея изобрѣтателя, начала сперва пѣть голосомъ пышнѣйшимъ, нежели какой въ Іліадѣ: Сіе точно значитъ magnum loqui у Горація. Можетъ быть еще, что Эсхіль, который понялъ всю великость Трагіческаго языка, вознесъ оный уже и надлежащаго выше. Звукъ его не труба есть Гомерова: оный есть нѣчто еще громче. Рѣчь его преизлишно пышная, презлишно надменная, а сказать словомъ, иногда и преизлишно громкая, кажется что больше подражаетъ стуку тімпанному и военному воплю, нежели благородному гласу трубъ. Высокость его разума не позволяла ему говорить такъ, какъ другіи люди. Трагическій его духъ кажется часто, что держится больше на ходуляхъ, нежели на сапожкахъ съ скобами, которыи онъ изобрѣлъ.

Софоклъ выразумѣлъ лучше прямое благородство Театральныя рѣчи. Чего ради и слѣдовалъ онъ ближе за Го-

 меровою,

меровою, изливая на свой стіль, сверхъ медовыя сладости, отъ чего онъ и прозванъ пчелою, довольную важность, дабы дать Трагедіи видъ Госпожи, принужденныя выттии всенародно съ достойносттю, какъ то Горацій изъясняетъ.

Эврипідъ взялъ стіль не столь удаленный отъ обыкновеннаго употребленія, хотя и благородный; да и казалось, что онъ лучше хотѣлъ напаять оный умильною нѣжностію и чистотою, нежели силою и великостію.

Какимъ образомъ, говоритъ От. брюмоа на другомъ мѣстѣ, Корнелій, отверзши себѣ новое теченіе, и путь невѣдомый древнимъ, кажется орломъ, который возлетаетъ до облакъ высокостію, силою, непрерывнымъ порядкомъ, и быстротою своего паренія; какимъ и Расінъ, слѣдуя по стопамъ древнихъ новымъ способомъ, подражаетъ лебедямъ, кои иногда распустивъ крила плаваютъ по воздуху, иногда парятъ на высоту, иногда опускаются къ низу прилично съ такою пріятностію, которая токмо имъ пристойна: такимъ точно Эсхіль, Софоклъ, и Эврипідъ имѣютъ свое шествіе и поступку особливую. Первый какъ изобрѣтатель и отецъ Трагедіи, есть нѣкоторый потокъ текущій по камнямъ, дебрямъ, и стремнинамъ. Вторый есть каналъ (*) напаяющій прекрасныи сады. А третій, есть рѣка, которая не всегда льется прямымъ теченіемъ, но иногда, извивается по лугамъ распещренными цвѣтами.

Такъ точно От. брюмоа, различаетъ оныхъ трехъ Піитовъ, коимъ Театръ Аѳинейскій одолженъ своимъ совершенствомъ для Трагедіи. „(а) Эсхіль извлекъ ея изъ пер„ваго

(*) Не знаю, слово КАНАЛА НАПАЯЮЩАГО ПРЕКРАСНЫИ САДЫ можетъ ли изрядно означить Софокла, котораго характеръ особенный есть благородство, великость, и высокость. УСТРЕМИТЕЛЬНАЯ И БЫСТРАЯ РѢКА, которыя струи проистекая сильно, дѣлаютъ громкій и великій шумъ, не лучшелибъ ему приличествовала.

(a) Tragoedias primus in lucem Aeſchylus protulit: ſublimis, et grauis, et grandiloquus ſaepe vſque ad vitium; ſed rudis, in pleriſque, et incompoſitus.

Quinctil. lib. 10, cap. 1.

„ваго мрака, и вывелъ на свѣтъ съ сїянїемъ: однако у „него она еще не вынѣжена и груба, и обыкновенно не имѣетъ „великаго искусства и порядка.

Софоклъ и Эврїпїдъ пронесли несравненно далѣе честь Трагедїи. Первый, какъ то уже́ сказано, имѣетъ слогъ благороднѣйшїй и величественнѣйшїй; но другой, есть нѣжнѣйшїй и умильнѣйшїй: обажъ совершенны; а въ томъ различїи характеровъ, не извѣсно, которому надлежитъ отдать Пальму. Ученыи люди всегда разныя имѣли мнѣнїя объ нихъ, какъ то и у насъ въ рассужденїи двухъ Пiитовъ, кои прославили нашъ [Француской] Трагическїй Театръ, и сравнили его съ Аѳинейскимъ.

Я уже́ сказалъ, что въ Эврїпїдовыхъ Трагедїяхъ господствуетъ нѣжность и умильность. Александръ Ферескїй, жесточайшїй изъ всѣхъ Тїранновъ, испыталъ сїе са́мымъ дѣломъ. Сей лютый ва́рваръ, приказавъ себѣ представить Эврїпїдову Трагедїю называемую ТРОАДЫ, почувствовалъ, что онъ пришелъ въ умиленїе, такъ что вышелъ онъ не дождавшись конца, признаваясь, что ему стыдно плакать было при всѣхъ о несчастїи Геркулесовомъ и Андромахїномъ, дляпого что онъ никогда неимѣлъ жалости къ собственнымъ своимъ гражданамъ, умерщвленнымъ отъ него толь въ великомъ числѣ.

Плут. въ Пелоп. страж: 203

Когда я говорю о нѣжности и умильности; то не надлежитъ думать, чтобъ то было о стра́сти, приводящей въ нѣгу и въ мяхкость сердца́, дѣлая ихъ женоподобными, и которая почитай одна, или по крайней мѣрѣ больше всѣхъ прочихъ, въ употребленїи на нашемъ Театрѣ къ великому стыду нашего народа, не признанная за то всею древностїю, и осуждаемая отъ сосѣднихъ намъ народовъ, имѣющихъ наибольше прославленїя за разумъ и за охоту къ знанїямъ и къ словеснымъ наукамъ. Два токмо способа сильны были, приводить въ подвижность Смотрителей у Древнихъ, а именно, УЖАСЪ и ЖАЛОСТЬ. И поистиннѣ, понеже мы все примѣняемъ къ нашей собственной пользѣ, когда видимъ почтенныхъ особъ, по ихъ чину и по добродѣтели, изнуренныхъ великими бѣдствїями; то страхъ, не пришлибъ въ равныя несчастїя, о коихъ вѣдаемъ, что

Φόβος καὶ ἔλεος

жизнь

жизнь человѣческая ихъ преисполнена, объемлетъ нашу душу, и тайнымъ возвращенїемъ самолюбїя на насъ самихъ, мы чувствуемъ, что утроба наша терзается чужимъ неблагополучїемъ: сверьхъ того еще, (a) „соединенїе, которое натура произвела между нами, и подобными намъ, дѣлаетъ насъ чувствительными ко всему, „что имъ приключается.“ Ежели рассмотрятся ближе, и прилѣжнѣе обѣ сїи страсти; то познается, что онѣ глубочайшїе, быстрѣйшїе, пространнѣйшїе, и общественнѣйшїе, да и объемлютъ всѣхъ человѣковъ, большихъ и малыхъ, богатыхъ и убогихъ, какихъ бы они лѣтъ, и каковабъ состоянїя ни-были. По сему, праведно Древнїи, привыкши спрашиваться во всемъ съ Природою, и брать ея за путеводницу, видѣли, что Ужасъ и Жалость долженствовали быть душею Трагедїи, и въ ней господствовать. Страсть Любви была у нихъ почитаема за ничто, и вводима рѣтко въ Трагедїи; вмѣсто того, что у насъ, какъ думаютъ, безъ Любви нашимъ бутто пробыть не возможно.

Нужно есть не помалу, рассмотрѣть вкратцѣ, какъ сїя страсть, которая всегда почитаема была за слабость, и за порокъ въ великихъ людяхъ, завладѣла нашимъ Театромъ. Корнелїй, кой первый составилъ Французскую Трагедїю, и которому всѣ другїи слѣдовали, нашелъ, что весь народъ услаждался чтенїемъ Романовъ [любовныхъ повѣстей] и малую имѣлъ склонность удивляться чему, что не походило на оныи. Желая угодить своимъ Смотрителямъ, которыи были также и Судьями ему, старался онъ прикоснуться къ нимъ въ такое мѣсто, гдѣ они привыкли быть чувствительны, присовокупляя тоесть Любовь къ своимъ Трагедїямъ, и чрезъ то приближая ихъ къ Романамъ господствовавшимъ тогда. Отъ сего произошло также оное множество примѣсовъ разныхъ, Эпїзодовъ, и похожденїй, коими наши Трагедїи наполнѣны и затемнѣны, толь противное подобїе правдѣ, которое не позволяетъ совокуплять много особенныхъ случаевъ и нечаянныхъ, въ краткое

(a) Homo ſum, humani nihil a me alienum puto.

кое время однихъ сутокъ; толь сопротивляющееся простотѣ древнихъ Трагедій; и толь способное закрывать, собраніемъ столькихъ постороннихъ тѣлъ скудость разума Піитова, больше старающагося о чудесномъ, нежели объ истинномъ и природномъ.

У Грековъ, равно какъ и у Латінъ, Трагедія присвоила себѣ Іамбіческій Стіхъ, оставивши Героіческій, не толькожъ для того, что Іамбіческій имѣетъ нѣкоторое Театральное благородство, кое весьма лучше чувствуется, нежели изъявлено быть можетъ, но еще и для сего, что, подобясь больше у нихъ Прозѣ, имѣетъ онъ довольный видъ Поэзіи для угожденія слуху, а очень мало того, чтобъ думать о Піитѣ, который долженствуетъ быть почитаемъ за ничто въ зрѣлищѣ, въ коемъ полагаются разговаривающими и дѣйствующими другіи, а не онъ. Господинъ Дациеръ дѣлаетъ о семъ разсужденіе очень основательное, говоря, что наша [Французская] Трагедія есть несчастлива тѣмъ, что имѣетъ токмо почитай (*) одинъ родъ Стіховъ, который служитъ совокупно Эпопеѣ, Элегіи, Ідиллии, Сатирѣ, и Комедіи, вмѣсто того, что ученыи языки содержатъ многіи виды Стіхотворенія.

Сія неудобность крайно чувствуема бываетъ въ нашей [Французской] Трагедіи, которая чрезъ то принуждена удаляться отъ природы и вѣроятности, дая словá въ дружескихъ разговорахъ Государямъ, Героямъ, Царямъ,

(*) Наша россійская Трагедія [понеже она ужé началась у насъ] не долженствуетъ имѣть сего недостатка: ибо мы нынѣ снабдѣны такимъ Стіхотвореніемъ, въ которомъ многіи роды Стіховъ находятся и быть могутъ, а именно, Хореіческихъ, Іамбіческихъ, Дактіло-Хореіческихъ, и Анапесто-Іамбіческихъ съ ріөмами и безъ ріөмъ. Количество слоговъ въ Стопáхъ, Тóніческое, мною введенное, и всѣми ужé лучшими нашими Піитами и Стіхотворцами употребляемое, есть ко всему тому удобно, для того что оно на точной природѣ нашего ударенія основано. Такое мое количество намъ для различенія Стіха отъ Прозы служитъ, а чужестраннымъ посшѣшествуетъ къ прáвильному ударенію силою складовъ.

и Царицамъ Стіхами пышными, то есть, такимъ языкомъ, который бы здѣлалъ ихъ смѣшными, ежелибъ они хотѣли употреблять оный въ обыкновенномъ обходительствѣ, и принуждая сáмые устремительные страсти изъяснять себя Паденіями, Полстішіями, и Рѳмами, коихъ трудность и одноличность безъ сомнѣнія моглибъ раздражить слухъ, еслибъ сладость Поэзіи, красота изображеній, живность разумѣній, и, можетъ быть еще больше всего сего, повелительная сила обыкновенія не преодолѣли, чтобъ такъ сказать, нашего разума, и егобъ не очаровали.

Итакъ, не по слѣпому случаю Греки выбрали Стóпу Іамбъ на Трагедію: кажется, что сама природа имъ показала къ тому оный Стіхъ. бывши наставлены тоюжъ сáмою учительницею, присвоили они Хóрамъ другіи Стіхи, имѣющіи больше способности къ движенію, и къ пѣнію, для того что тогда Поэзія долженствуетъ оказывать свое богатство, и что ужé тутъ не разговоръ между прямыми Игроками. Хоръ есть украшеніе зрѣлищу, и отдохновеніе смотрителю. Того ради, надобна тутъ была Поэзія бóдрѣйшая, чтобъ ея сочетать съ плясаніемъ и мусікіею.

§. III.

КОМЕДІЯ СТАРАЯ, СРЕДНЯЯ, НОВАЯ.

Въ то время, какъ Трагедія приходила въ совершенство онымъ образомъ въ Аѳинахъ, Комедія, которая есть вторый родъ Драматіческія Поэмы, и была она по то время тамъ оставлена, началá быть производима съ великимъ прилѣжаніемъ. Та и другая имѣютъ рáвно свое начáло положенное на сáмомъ грунтѣ природы. Весьма сожалѣемъ, когда случаются бѣдствія, беспокойствія, несчастія, словомъ всякое противное приключеніе знатнымъ особамъ: а сія жалость и произвела Трагедію. Но человѣкъ не меньше есть любопытенъ, вѣдать похожденія, поступки, и пороки равныхъ себѣ, которыи ему подаютъ причину

къ

къ смѣху надъ другими, и къ увеселенію себя: сей точно есть источникъ Комедіи, которая, чтобъ сказать свойственно, есть изображеніе общія жизни. Намѣреніе ея въ томъ состоитъ, чтобъ показать на Театрѣ недостатки и пороки смѣшными, дабы ихъ привесть въ презрѣніе, и чтобъ тѣмъ образомъ научить забавляя смотрителей. Итакъ, смѣшное долженствуетъ господствовать въ Комедіи.

Она получила въ Аѳинахъ въ разныя времена три разныи образа, какъ отъ склонности и способности Піитовъ, такъ и отъ Градоначальническихъ уставовъ, который здѣлали въ ней многіе перемѣны.

„Комедія, (a) кою Горацій называетъ старою, утвер„ждая, что она началась послѣ Эсхіла„, походила еще нѣкакъ на свое первоначаліе, бывши безобразна, и говоря токмосмѣхотворства и лаятельства мимоходящимъ съ Тесписовы телѣги. Хотяжъ уже издѣлалась правильною въ своемъ расположеніи, и достойною великаго Театра; однако не была еще скромнѣйшею. Она представляла дѣла прямыя съ именами, одеждою, поворотками, и поступью въ личинахъ, когобъ ей ни захотѣлось предать всенародному осмѣянію. Въ государствѣ, въ коемъ Политика хотѣла обличать все, что имѣло видъ пышности, отмѣнности, или плутовства, Комедія здѣлала себя провозвѣстительницею, исправительницею, и совѣтницею такою, что она могла побудить народъ къ наблюденію любезнѣйшихъ своихъ потребностей. Никто не обойденъ въ городѣ толь вольномъ, или лучше, толь самовольномъ, каковъ былъ тогда Аѳины. Полководцы, Градоначальники, правленіе, сами боги, все было предано Сатирической желчи Піитовъ; да и все то было угодно, толькобъ Комедія была увеселительна, и приправлена солію, тоесть вкусомъ Аттическимъ.

Въ одной изъ сихъ Комедій, не токмо Жрецъ Юпитеровъ выходитъ съ такимъ твердымъ намѣреніемъ, что всеко- Плутусъ.

Λ 2

(a) Succeſſit vetus his Comoedia non ſine multa Laude . . . Horat. in art. Poët.

всеконечно оставить хочетъ свою службу, для того что не приносятъ больше жертвъ Юпітеру; но еще и самъ Меркурій, умирая съ голода, прибѣгаетъ искать себѣ службы у людей, и нанимается у нихъ служить хотя привортникомъ, хотя вольнодомцомъ, хотя ябедникомъ, хотя проводникомъ, хотя надзирателемъ надъ потѣхами; словомъ, онъ готовъ все дѣлать лучше, нежели возвратиться на небо. Въ другой тѣжъ боги, претерпѣвая крайній голодъ отъ того времени, какъ Птицы построили на воздухѣ городъ, который къ нимъ не допускаетъ ничего изъ съѣснаго, и препятствуетъ доходить до нихъ на небо дыму отъ ароматовъ и отъ жертвъ, присылаютъ отъ Юпітера трехъ Пословъ къ Птицамъ, для заключенія съ ними трактата примирительнаго на такихъ кондіціяхъ, какіе имъ угодны будутъ. Зала аудіенціи, въ которую три оные бога приняты, есть поварня, преисполнена изрядныя дичины, гдѣ Геркулесъ, усладившись обоняніемъ отъ жаркова весьма лучшимъ и сочнѣйшимъ, нежели каково бываетъ отъ ароматовъ, просится тутъ поселиться, дабы ему оборачивать роженъ съ жаркимъ, и быть помощникомъ при нужномъ случаѣ. Находятся въ другихъ Арістофановыхъ Комедіяхъ премногія язвительства еще больше Сатірическія, и угрызательнѣйшія, нежели сіи на главныхъ изъ боговъ.

Птицы.

Я не весьма удивляюсь, видя, что Піитъ такъ ругается богамъ, и презираетъ ихъ симъ крайнимъ образомъ: Онъ не могъ ничего отъ нихъ бояться. Но что онъ ругалъ на Театрѣ всѣхъ бывшихъ въ Аѳинахъ самыхъ знатныхъ и сильныхъ людей, и что дерзалъ нападать на правленіе, не имѣя въ томъ никакія мѣры ни послабленія, сіе всеконечно долженствуетъ быть несказанно удивительнымъ.

Клеонъ, возвратився съ торжествомъ паче народнаго чаянія, изъ похода отъ Сфактеріи, былъ почтенъ отъ народа за самаго великаго Полководца въ своемъ вѣкѣ. Арістофанъ, чтобъ сшибить личину съ сего человѣка подлаго, сына Кожевникова, и самого Кожевника, который происшелъ своею токмо продерзостію и безстыдствомъ, осмѣлился здѣлать на него цѣлую Комедію, не

уболвся

убоявся его силы. Но былъ онъ принужденъ представлять самъ Клеонову Персону, и восшелъ на Театръ тогда въ первый еще разъ, для того что никто изъ Комедіантовъ не посмѣлъ быть въ лицѣ онаго, и остаться на мщеніе толь страстному человѣку. Измаралъ онъ себѣ лице дрождями, за неимѣніемъ личины, потому что не нашелъ онъ ни одного мастероваго человѣка толь смѣлаго, чтобъ сработать личину подобную Клеону, какъ то дѣлываны оные были на другихъ, коихъ онъ хотѣлъ вывесть на Театръ. Обличаетъ онъ его въ сей Комедіи во взяткахъ, въ алчности къ полученію подарковъ, въ искусствѣ какъ бы обмануть народъ; да и лишаетъ его славы отъ дѣйствія при Сфактеріи, гдѣ его товарищъ имѣлъ больше въ томъ участія. Всадники.

Въ Ахарнанянахъ, оговариваетъ онъ Ламаха, что здѣланъ Полководцомъ больше по деньгамъ, нежели по достоинству. бесчеститъ его молодостію егожъ, и правностію, а однако получаетъ тотъ, какъ и многіи другіи означаемыи отъ Піита, награжденія должныя службѣ, и храбрости. Укаряетъ онъ республіку за данное предпочтеніе молодымъ гражданамъ противъ состарѣвшихся въ правленіи государствомъ, и въ коммандованіи армеями. Говоритъ онъ ясно, что по замиреніи не будетъ больше видно Клеоніма, Гіпербола, ни другихъ подобныхъ плутовъ, кои всѣ названы собственными ихъ именами, какъ всегда готовыхъ доносить на своихъ согражданъ, и обогащаться отъ доношеній. Арханяне

Комедія, названная Осами, которой слѣдовалъ подражаніемъ Г. Расінъ въ своей названной ТЯЖУЩИМИСЯ, представляетъ явно неистовую охоту народа къ тяжбамъ и судамъ; также и вопіющую несправедливость, какая дѣлается въ судебныхъ мѣстахъ. Осы.

Піитъ, сжалившись о республікѣ остервѣнившейся упрямо къ неблагополучному походу въ Сіцілію, предпріемлетъ отводить оттасу больше Аѳинянъ отъ войны толь истощительныя, и влагать въ нихъ любовь къ миру столькожъ вожделѣнному для побѣдителей, сколько и ради побѣжденныхъ, по многихъ уже лѣтахъ войны, равнымъ образомъ пагубныя тѣмъ и другимъ, и могущія погубить всю Грецію.

Лізістрата. Никакая Комедія не объявляетъ лучше, съ какою смѣлостію Арістофанъ дерзалъ говорить всенародно и на полномъ Театрѣ, о самыхъ нѣжныхъ государственныхъ дѣлахъ, какъ Комедія названная Лізістрата. Сіе имѣла имя нѣкоторая госпожа, жена нѣкоему изъ первыхъ Градоначальниковъ Аѳинейскихъ; да и полагается въ ней такъ, что будто взяла въ голову принудить Грецію къ миру. Она тамъ рассказываетъ сама, что какъ, во время продолженія войны когда жены спрашивали у своихъ мужей, что положено было въ совѣтахъ, и скороль окончится война съ Лакедемономъ, получали въ отвѣтъ только свирѣпыи взгляды, и повелѣніе, чтобъ имъ мѣшаться въ свой дѣла: однако онѣ совершенно видятъ, въ какой упадокъ пришло правленіе. Что онѣ пріемлютъ смѣлость, представить съ тихостію своимъ мужьямъ печальныя воспослѣдованія изъ продерзосныхъ ихъ совѣщаній: но ихъ покорныя представленія служатъ токмо къ вящшему ихъ раздраженію и огорченію. Что наконецъ, слыша непрестанно разглашенія по всей Аттикѣ, что нѣтъ больше достойныхъ людей въ государствѣ, ни головъ способныхъ къ правительству, и утрудившись терпѣніемъ приведеннымъ къ крайности, благоизволилось женщинамъ приняться за правленіе, и спасти Грецію отъ собственнаго ея остервѣненія по неволѣ. Она объявляетъ, что ужé захватила городъ и казну, дабы, говоритъ она, „Пізандръ и ему „подобныи, также и четыреста человѣкъ управителей, все„гда готовыхъ поднимать новыя замѣшательства, не мог„ли болѣе возмущать и воровать.„ [былаль гдѣ когда толикая смѣлость?] Она доказываетъ, что однѣ токмо женщины могутъ поправить дѣлá. Доказательство на то смѣхотворное; для того что, когда ужé сіи дѣлá въ такомъ замѣшательствѣ находятся, а понеже привыкли женщины распутывать нитяныи мотки, то могутъ онѣ однѣ и дѣлá всѣ развязать, досужствомъ и терпѣливостію. Вотъ же ужé Політіка Аѳинейская ниже почтена женскія, которая для того показывается смѣшною, чтобъ подсмѣяться надъ ихъ мужьями, у коихъ было правленіе въ рукахъ.

Всѣ сіи выписки изъ нѣкоторыхъ Арістофановыхъ Комедій взяты отъ-слова дó-слова по большой части изъ сочи-

сочиненіи О. брюмоа́, которые мнѣ показались способными къ тому, чтобъ показать характеръ Аристофановъ, и свойство старыя Комедіи, коя была, какъ то всякъ видитъ, Сатира са́мая ко́лющая, и преугрызающая, такъ что она имѣла власть не почитать никого, и для нея́ жъ не́-было ничего священнаго. Не удивительно, что Цицеронъ бранитъ, какъ то извѣсно, вольность толь своевольную и необузданную. (а) „ Ежелибъ она, говоритъ „ онъ, нападала на злыхъ гражданъ, и на возмутитель„ ныхъ Ораторовъ, каковы были Клеонъ, Клеофонъ, и „ Гіперболъ; то, можетъ быть, моглабъ она быть снос„ ною. Но что Періклъ, который чрезъ многіи годы пра́„ вилъ республикою въ мирное и военное время съ толи„ кою властію, съ коликою и мудростію [могъ онъ приба„ вить, что и Сократъ объявленный Аполліномъ мудряе „ всѣхъ человѣковъ] осмѣхаемъ былъ на театрѣ; то сіе „ ра́вно какъ бы у насъ, говоритъ Цицеронъ, Плавтъ, или „ Невій нападали на Сципіоновъ, илибъ Цецілій осмѣлился „ терзать Катона своими Комедіями. „

Сія вольность намъ еще досаднѣйшею кажется, для того что мы родились и живемъ въ Монархіческомъ правленіи, которое меньше даетъ мѣста своевольству. Но не оправдая поступки Арістофановы, котораго поистиннѣ извинить не можно, я думаю, что, дабы о томъ рассудить прямо, надобно оставить затвердѣлыя мнѣнія рожденія, своего народа, и своего времени, и пренестись мысленно въ оныи древніи вѣки, и въ область совершенно Демократіческую. Не должно думать, чтобъ Арістофанъ былъ не великія важности въ своей республикѣ, какъ то здѣсь наши Піиты, снабдѣвающіи Театръ комі-

ческими

(а) Quem illa non attigit, vel potius quem non vexauit? Cui pepercit? Esto, populares homines, improbos, in Republica seditiosos, Cleonem, Cleophontem, Hyperbolum læsit: patiamur . . . sed Periclem, cum iam suæ ciuitati maxima auctoritate plurimos annos domi et belli praefuisset, violari versibus, et eos agi in scena, non plus decuit, quam si Plautus noster voluisset aut Naeuius P. et Cn. Scipioni, aut Caecilius M. Catoni maledicere.

Ex fragm. Cic. De Repub. Lib. 4.

ческими своими сочиненіями. Царь Персідскій имѣлъ объ немъ весьма другое мнѣніе. Извѣсно, что на нѣкоторой аудіенціи, даемой Греческимъ Посламъ, первое любопытство было спросить о здоровьѣ нѣкотораго комическаго Піита, [былъ сей Арістофанъ] который обращалъ всю Грецію, и подавалъ толь полезныи на него Царя совѣты. Арістофанъ дѣлалъ то на Театрѣ, что Демостенъ здѣлалъ потомъ въ собраніяхъ. Укоренія отъ Піита не меньше были жарки Аѳинянамъ, коль и укоризны имже отъ Оратора. Онъ говорилъ въ своихъ Комедіяхъ съ Театра все, что ему вольно было предлагать съ Канцеля. Томужъ самому народу онъ предлагалъ, о тѣхже Государственныхъ дѣлахъ, о тѣхже средствіяхъ къ полученію успѣха, и о тѣхже самыхъ препятствіяхъ. Въ Аѳинахъ весь народъ былъ Царемъ, и каждый имѣлъ, одинъ надъ другимъ, верьховную силу. Они въ томъ упражнялись непрестанно: говорили они о томъ ежечасно, и любили также сіе самое слышать всегда. Всенародныя дѣла были дѣлами каждаго особенными, который хотѣлъ объ нихъ вѣдать при всякомъ случаѣ, длятого что по всякій часъ надлежало ему опредѣлять миръ или войну, также свою собственную участь, или счастіе союзниковъ его, или непріятелей. Сіе точно было, что подавало поводъ комическімъ Піитамъ рѣшить Государственныя дѣла въ своихъ Комедіяхъ: а народъ не токмо на нихъ за то не гнѣвался, илибъ ставилъ себѣ въ досаду способъ, какимъ они говорили о главныхъ и первыхъ людяхъ въ республікѣ, но еще въ семъ самомъ поставлялъ онъ часть своея вольности.

Арістофан. въ Ахарн.

Три (а) „Піита особливо прославили Комедію, называемую Старою, Эвполісъ, Кратінъ, и Арістофанъ„. Сей послѣдній есть одинъ, котораго Комедіи дошли въ цѣлости до насъ. Осталось намъ изъ нихъ одиннатцать только

(a) Eupolis atque Gratinus, Ariſtophaneſque Pcëtae,
Atque alii, quorum Comoedia priſca virorum eſt,
Si quis erat dignus deſcribi, quod malus, aut fur,
Quod moechus foret, aut ſicarius, aut alioqui
Famoſus, multa cum libertate notabant.

Horat. Satyr. 4. lib. 1.

ко изъ многаго числа отъ него сочиненныхъ. Онъ процвѣталъ въ вѣкѣ великихъ людей въ Греціи, а особливо во время Сократово и Эврïпïдово, послѣ коихъ онъ еще былъ вживѣ. Наибольше онъ во времена Пелопоннесскія войны былъ въ славѣ и въ сïянïи, не столько какъ Комедïантъ, способный на увеселенïе народа, сколько какъ Надзорщикъ правленïя, Человѣкъ нарочный въ государствѣ, чтобъ оное поправлять, и почитай Судïя и Властелинъ надъ отечествомъ.

Удивляются въ немъ чистотѣ, тонкости, и нѣжности изображенïя, словомъ, оной соли, и сладости Аттïческой, до которыя и самый Латïнскïй языкъ никогда не могъ достигнуть, а (a) „чувствуется она въ Арïсто„фанѣ больше, нежели въ какомъ другомъ Греческомъ „Авторѣ.„ Особливый его талантъ былъ насмѣшка. Никто не могъ быть его способнѣе къ усмотрѣнïю того что смѣшное есть въ человѣкахъ, надъ коими онъ хотѣлъ смѣяться, ни искуснѣе въ томъ, чтобъ то чувствовали другïи, и видѣлибъ оное обстоятельно. Но чтобъ о томъ рассудить прямо; то надобно быть въ его времени. Соль самая тонкая въ древнихъ насмѣшкахъ, говоритъ О. Брюмоа, выдыхается давностïю; а что отъ того остается, то для насъ невкуснымъ становится. Единыя токмо самыя большïя остроты жало никогда не притупляется.

За-два знатныи порока укаряютъ по справедливости сего Пïита, изъ которыхъ первый подлое шутовство, а другой грубое срамословïе; обажъ помрачаютъ попремногу его славу. Втуне стараются извинить первый характеромъ присутствовавшихъ на его Комедïяхъ, изъ которыхъ, по самой большой части, были бѣдныи, незнающïи, и изъ подлѣйшихъ дрождей народа, коимъ однако надлежало угождать, такжe какъ и смыслящимъ и богатымъ. Поврежденный вкусъ простаго народа, который выгналъ

(a) Antiqua Comoedia sinceram illam sermonis attici gratiam prope sola retinet.

Quintil.

однажды Кратіна и его Дружину, длятого что представленіе не имѣло довольныя подлости комическія по его нраву, не можетъ никакъ оправдать Арістофана, потому что Менандръ нашелъ изрядный способъ, перемѣнить сей вкусъ представленіемъ такія Комедіи, впрочемъ подлинно не столько умѣренныя, сколько объявляетъ Плутархъ, но весьма меньше своевольныя прежнихъ.

Грубыя сквернословія, коими почитай всѣ Арістофановы Комедіи наполнены, не могутъ также ничемъ быть извинены: они показываютъ токмо, коль велика была какъ своевольность Смотрителей, такъ и коль много былъ поврежденъ Пінтъ. Хотябъ онъ то приправилъ всею возможною солію, чего однако нѣтъ; толькожъ бы (a) „дорого было куплено увеселеніе самому смѣяться, или „другихъ смѣшить, ежелибъ покупать оное потеряніемъ „чесности„; да въ семъ случаѣ и можно праведно сказать, (b) „что лучше отнюдь не имѣть разума, нежели „толь худо оный употреблять„. Должно благодарить отцу Іезуіту Брюмоа за великую его осторожность, что, подая намъ довольное понятіе о всѣхъ Арістофановыхъ Комедіяхъ, покрылъ онъ покровомъ всѣ мѣста которыя могли быть досадны устыдѣнію. Сей есть ненарушимый уставъ, налагаемый на насъ закономъ божіимъ: однако не всегда ему слѣдуютъ въ Наукахъ упражняющіися, предпочитая иногда славу ученаго человѣка славѣ Христіанина.

Старая Комедія продолжилась до самыхъ тѣхъ временъ, какъ Лізандръ, овладѣвъ Аѳинами, перемѣнилъ въ семъ городѣ правленіе, давши оное въ руки тритцати человѣкамъ изъ главныхъ людей. Сія Сатірическая вольность на Театрѣ, имъ не полюбилась; такъ что рассудили оную уничтожить. Причина сея перемѣны есть сама собою ясна, и она подтверждаетъ рассужденіе здѣланное мною прежде о томъ, что Піиты имѣли силу кріти-

(a) Nimium risus pretium est, si probitatis impendio constat. Quintil lib 6. cap. 3.

(b) Non peius duxerim, tardi ingenii esse, quam mali. Id. lib. 1. cap 3.

критиковать безопасно самыхъ первыхъ людей въ государствѣ. Сiи были тогда тиранны, имѣвшiи всю власть въ Аѳинахъ. Демократия была уничтожена. Народъ не имѣлъ больше участiя въ правлении. Онъ не былъ уже Царемъ; не былъ и верьховнымъ Властелиномъ. Не имѣлъ онъ больше права, давать свой голосъ о государственныхъ дѣлахъ, и въ крайнемъ находился несостоянiи дерзать оглашать самъ собою, или услугами Пiитовъ, мнѣнiя и дѣла своихъ Господъ. Итакъ, запрещено было называть кого именемъ на Театрѣ. Но хитрость Пiитовъ нашла тотчасъ способъ, какъ прехитрить силу устава, и здѣлать себѣ заплату за принуждение, въ кое приводила Авторовъ необходимость къ положенiю вымышленныхъ именъ. Стала она уловлять то, что было смѣшное въ человѣкахъ, и изображать характеры подлинныи, и удобь познаваемыи; такъ что, получила преимущество тѣмъ, что дѣлала хитрѣйшее удовольствiе тщеславiю Пiитовъ, и звойству Смотрителей. Она промыслила однимъ нѣжное увеселенiе, чтобъ ихъ угадывали; а другимъ, чтобъ угадывать прямо называя именемъ Личины. Такая была Комедiя, которая потомъ называлась Среднею. Находятся такiе и въ Аристофанѣ также.

Она продолжалась до временъ Александра Великаго, который, всеконечно завладѣвъ Греческою Iмперiею чрезъ разбитiе Тебянцовъ, былъ причиною, что обуздано стало быть сiе своеволiе Пiитовъ, которое умножалось отчасу болѣе. Сiе самое и произвело Новую Комедiю, которая токмо была подражанiемъ общей жизни, и выводила уже на Театръ одни приключенiя вымышленныя, и имена подложныя.

(a) Изображенный всякъ въ новѣйшемъ томъ зерцалѣ,
Прiятно зрилъ себя, иль зрѣть не мнилъ ни мало.
Смѣялся прежде всѣхъ надъ образомъ скупецъ,
Былъ коему скупыхъ исправный образецъ:
И часто глупый самъ, написанный нарочно,
Не узнавалъ, что взятъ съ него томъ сколокъ точно.

Депрео тоук. о Пов. пѣсн. 3.

 Сiя

(a) Chacun peint avec art dans ce nonveau miroir,
S' y vit avec plaisir, ou crut ne s' y par voir
L' avare des prémiers rit du tableau fidèle,

Сія есть свойственно самая красная Комедія, именножъ Комедія Менадрова. Изо-ста осмидесяти, или правѣе, по Суідову мнѣнію, изъ осмидесяти Комедій, имъ сочиненныхъ, о которыхъ притомъ сказываютъ, что онѣ всѣ были переведены на Латінскій языкъ Теренціемъ, осталось намъ только самое малое число отрывковъ. Можно рассудить о достоинствѣ подлинника по превосходству списка. Квінтіліанъ, говоря о Менандрѣ, не сомнѣвается нимало сказать смѣло, что (a) „блистаніемъ своего имени, и красотою сочиненія, помрачилъ онъ, или лучше, „загладилъ славу всѣхъ Писателей въ томже родѣ„. Онъ объявляетъ на другомъ мѣстѣ, что (b) „Менандру въ „его время не отдана вся справедливость должная ему „какъ то случалось сіе со многими; но за то онъ награжденъ ужé съ лихвою чрезъ благопріятныя рассужденія „потомковъ„. И поистиннѣ, предпочитали ему Филемона, Пііта, также какъ и онъ, Комическаго, который процвѣталъ въ тожъ самое время, хотя и былъ его старѣе.

§. IV.

ОПИСАНІЕ ТЕАТРА ДРЕВНИХЪ.

Я ужé объявилъ, что Эсхілъ былъ первый, который началъ дѣлать неподвижный и твердый Театръ, и убирать его пристойными украшеніями. Состоялъ его Театръ сперва изъ досокъ, также какъ и Амфітеатры, которыи возносились вверьхъ по степенямъ. Но когда тотъ въ нѣкоторое время обломился внезапу, потому что на немъ

D' un avare souvent tracé sur son modèle :
Et mille fois un fat, finement exprimé,
Méconnut le portrait sur lui-même formé.

(a) Atque ille quidem omnibus eiusdem operis auctoribus abstulit nomen, et fulgore quodam suae claritatis tenebras obduxit.
Quintil. lib. 10 cap. 1.

(b) Quidam, sicut Menander, iustiora posterorum, quam suae aetatis, iudicia sunt consecuti.
Id. lib. 3 cap. 6.

немъ очень много было людей; то сїе приключенїе принудило Аѳинянъ, любящихъ уже крайно Зрѣлища, построить пребогатыя Театры, которымъ потомъ, толь съ великимъ стчнїемъ, подражало Римское великолѣпїе. Что я теперь буду предлагать; то равно почитай принадлежитъ до Театровъ Аѳинейскихъ и до Римскихъ; а взялъ я все то изъ мудраго рассужденїя Г. Боандена о Театрѣ Древнихъ, гдѣ сїя матерїя описана обстоятельно. Запиcк. Акад. надпис. Т. 1. стран 136 и проч.

Театръ у Древнихъ раздѣлялся на три главные части, кои дѣлали, чтобъ такъ сказать, три различныя предѣла. Первое мѣсто для Игроковъ, которое они обще называли Сценою [сѣнїю, скинїею]; второе для Смотрителей, кое называемо было особливо Театромъ [зрѣлищемъ, позорищемъ], а долженствовалъ сей быть великаго пространства, потому что въ Аѳинахъ содержалъ онъ на себѣ больше тритцати тысячъ человѣкъ. Третїе, Орхестра [мѣсто на плясанїе], коя была у Грековъ мѣстомъ для шутовъ и плясателей; но въ Римѣ сидѣли въ Орхестрѣ Сенаторы и Вестали. Страб. кн. 9 стран. 395 Герод. кн. 8 гл. 65

Огражданїе Театра было съ одной стороны круглое, здѣланное великимъ полукружїемъ, а съ другой четвероугольное. Мѣсто содержащееся въ полукружїи, была часть опредѣленная Смотрителямъ, гдѣ были стулы и скамьи, которые шли всѣ подымаясь въ верьхъ разными ярусами, даже до самыя вышины всего зданїя. Долгїй четвероугольникъ, бывшїй прямо противъ того, опредѣленъ былъ для Игроковъ. Наконецъ, порожнее мѣсто, находившееся по срединѣ, было то самое, что называлось Орхестрою.

Большїи Театры имѣли три ряда присѣнковъ, стоявшихъ одинъ на другомъ, и составляющихъ собою весь корпусъ зданїя, да и дѣлающихъ также три яруса степеней. Въ послѣднемъ изъ тѣхъ присѣнковъ, кой былъ всѣхъ выше, женщины сидѣли, и смотрѣли Зрѣлище въ прикрытїи отъ дождя, и отъ солнца; а представленїя всѣ дѣлались на чистомъ воздухѣ.

Каждый ярусъ имѣлъ девять степеней, включая и уступы, коими они различались взаимно, и которыя служили къ тому, чтобъ кругомъ обходить. И какъ

тѣ уступы занимали мѣста на́-двѣ степени; то сихъ не́-было больше седми, на которыхъ можно было сидѣть; слѣдовательно, каждый ярусъ не имѣлъ больше седми рядовъ стуловъ. были они между пятнатцатью и осьмнатцатью дюймовъ въ вышину, а вдвое того почитай въ ширину, дабы можно было сидѣть свободно, и безъ утѣсненія отъ ногъ сидящихъ выше, для того что не дѣлано тамъ подножій.

Всѣ ярусы степеней были раздѣлены двоякимъ образомъ: въ вышину уступами разлучающими ярусы, а уступы тѣ у Римлянъ назывались Praecinctiones, и въ округъ особливыми лѣсницами на каждый ярусъ, которые ихъ пресѣкали по прямой линѣѣ, и кои, идучи къ центру Театра, давалибъ всему собранію степеней, бывшихъ между ними, видъ клиновъ, отъ чего и называемы были Cunei.

Позади сихъ ярусовъ съ степенями были простѣнки, или проходы покрытыи, коими народъ приходилъ толпами, и входилъ на Театръ сквозь большія отверстія четвероугольныя, зделанныя въ толщинѣ каменныхъ степеней. Сіи отверстія назывались Vomitoria, потому что они величиною своею показывали, что будто изрыгаютъ множество стекающагося народа.

И какъ голосъ Игроковъ не могъ доходить до конца Театра; то Греки постарались поправить сіе нѣкоторымъ средствомъ, которое моглобъ умножать силу го́лоса, и здѣлать выговоръ проразистѣе. Для сего, выдумали они мѣдныи сосуды, поставленныи подъ степенями Театра такимъ образомъ, чтобъ звону поражать слухъ крѣпче и слышняе.

Орхестра, бывши вмѣщена, какъ то уже́ я объявилъ, между двѣмя другими частями Театра, изъ которыхъ одна была круглая, а другая четвероугольная, походила видомъ на ту и другую, и занимала все оное мѣсто, кое было между ними. Раздѣлялась она на́ три части.

Первая и знатнѣйшая, называлась ОРХЕСТРА отъ Греческаго сло́ва, знаменующаго плясать. Сіе было отдано шутамъ, плясателямъ, и всѣмъ другимъ нижнимъ игрокамъ, играющимъ между Дѣйствіями, и при концѣ Представленія.

ὀρχεῖσθαι.

Вторая

Вторая называлесь θυμέλη [жертвенникъ], для того что она была четвероугольна, и здѣлана наподобіе жертвенника. Тутъ обыкновенно становился Хоръ.

Наконецъ, третія была мѣсто, гдѣ у Грековъ садились Музыканты; а называемо оно было ὑποσκήνιον [нижняя скинія], для того что находилось ниже главнаго Театра называемаго вобще СЦЕНА.

Осталось намъ говорить о третіей части Театра, именножъ о Сценѣ, которая раздѣлялась также на-три другіе части.

Первая и знатнѣйшая называлась собственно Сцена, и сообщала свое имя всему оному предѣлу. Была она превеликая наличная сторона зданія, кое распространялось отъ одного края Театра до другаго, и гдѣ ставлены были украшенія. Сія наличная сторона имѣла на своихъ концахъ два небольшія крылá загнувшіяся, которыя оканчавали сію часть, и отъ которыхъ обоихъ висѣлъ превеликій завѣсъ, кой опускался на открытіе Сцены, и подымался между Дѣйствіями, для приуготовленія послѣдующаго Зрѣлища.

Вторая, которую Греки называли разно, а именно, то προσκήνιον [что предъ скиніею], то λογεῖον [гдѣ говорятъ], а Латины proſcenium [что предъ сценою] и pulpitum [мѣсто вышше, амбонъ] было великое порожнее мѣсто предъ Сценою, на которомъ Игроки представляли свое Дѣйствіе, и которое ширмами показывало иногда площадь, иногдажъ простую улицу, или какое другое полевое мѣсто, но всегда открытое.

Третія часть была, мѣсто оставленное за Сценою, которое служило къ уходбищу, а Греки оное называли παρασκήνιον [что при скиніи]. Тутъ то одѣвались Игроки, тутъ хранимы украшенія, и тутъ стояла часть машинъ: ибо древніи имѣли ихъ многіи роды на своихъ Театрахъ.

И какъ одни токмо присѣнки, и зданіе Сцены, кои были покрыты; то принуждены были распростирать надъ всѣмъ прочимъ Театромъ парусы держимыи подпорами и вервьми, дабы защитить Смотрителей отъ солнечна.

чнаго зноя. Но понеже тѣ парусы не могли препятствовать духотѣ, дѣлавшейся отъ дыханія бесчисленнаго собранія; то древніи прохлаждали оный жаръ нѣкоторымъ родомъ дождя, на который взводили они воду выше присѣнковъ, и который, падая на подобіе росы изъ премножества трубокъ, сокровенныхъ въ статуахъ наставленныхъ кругомъ Театра, не токмо на разлитіе пріятнаго прохлажденія, но еще и на издохновеніе запаховъ благовоннѣйшихъ: ибо оный дождь былъ всегда изъ Ароматныя воды. Когда какая буря принуждала пресѣчь Представленіе; тогда народъ уходилъ въ присѣнки, бывшіи за Театромъ.

Не можно изобразить, коль велико было пристрастіе въ Аѳинянахъ къ симъ Представленіямъ. Глаза ихъ, слухи, мечтаніе, разумъ, все получало тамъ себѣ удовольствіе. Одно имъ больше всего было любо видѣть и слышать въ штукахъ какъ Трагическихъ, такъ и Комическихъ, именножъ, ежели находятся въ нихъ такія слова, которыябъ сходствовали съ настоящими государственными дѣлами, хотябъ то ненарочный случай подалъ причину примѣненію, или хотябъ и искусство Піитовъ, которыи умѣли приводить къ настоящимъ дѣламъ ихъ республики матеріи самые отдаленные. Чрезъ сіе стояли они за народную пользу: отъ сего имъ былъ случай льстить ему, одобрять его хотѣнія, дѣлать сіи правыми, а иногда и осуждать также его поступки; наполнять его надеждою, наставлять въ томъ, что ему должно было чинить въ нѣкоторыхъ случаяхъ; и чрезъ сіе часто отверзали себѣ путь не токмо къ похваленіямъ отъ Смотрителей, но и къ силѣ въ дѣлахъ, и во всенародныхъ Совѣтахъ. Чрезъ сіе Театръ былъ очень увеселительнымъ, и весьма полезнымъ для Народа. Того ради, по мнѣнію нѣкоторыхъ толкователей, Эвріпідъ нашелъ въ себѣ столько умѣнія, чтобъ приложить Трагедію свою (*) ПАЛАМЕДА къ неправедному суду на Сократа; да и показываетъ, знатнымъ примѣромъ въ Древности, неповинность Філософа погубленнаго злостію, подкрѣпленною отъ силы и власти.

Часто

(*) Не извѣсно прямо, чтобъ сія Трагедія была сочинена послѣ Сократовы смерти.

Часто ненарочный случай подавалъ причину къ приложенiямъ внезапнымъ и нечаяннымъ, коихъ исправность дѣлала великое увеселенiе народу. Возопилъ онъ единогласно, услышавъ стихъ Эсхилевъ, которымъ сей говорилъ похвалу Амфiараю, онъ не хочетъ казаться добрымъ человѣкомъ, но быть такимъ, и приложилъ оный стихъ къ Аристиду. Тожъ самое случилось Филопемену въ собранiи потѣхъ Немейскихъ; въ то самое время, какъ онъ явился туда, на театрѣ пѣли сiи стихи,

Плут. въ Аристид. стран. 320.

Онъ же въ Филопем. стран. 362

> Сей увѣнчаваетъ наши главы
> Цвѣтами вольности.

Всѣ Греки взглянули на Филопемена съ плесканiемъ рукъ и съ восклицанiемъ, которое показывало, какое они имѣли мнѣнiе объ немъ.

Такимъ же образомъ и въ Римѣ, во время Цицеронова изгнанiя. „Нѣкоторыи стихи (*) Пiита Акцiя, коими онъ „поноситъ Грековъ за ихъ неблагодарность, что терпѣ„ливно дали изгнать Теламона„: Сiи стихи, говорю я, будучи выговорены Эзопомъ, самымъ искуснымъ игрокомъ того времени, принудили плакать всѣхъ смотрителей.

Цип. въ словѣ за Сект. числ. 120 123.

При другомъ случаѣ, но весьма на первый непохожимъ, Римскiй народъ приложилъ къ Помпею, проименованному великимъ, нѣсколько стиховъ, коихъ содержанiе было слѣдующее: Нашею бѣдностiю ты великъ. будетъ то время [рѣчь есть къ народу] когда ты будешь болѣзновать съ стенанiемъ, что далъ ему толь великую силу. Игрокъ принужденъ былъ повторить многажды сiи стихи.

Цип. къ Аттику Эпист. 19 Валер. Макс. кн. 6 гл. 2.

§. V.

ПРИСТРАСТIЕ КЪ ТЕАТРАЛЬНЫМЪ ПРЕДСТАВЛЕНIЯМЪ БЫЛО ОДНОЮ ИЗЪ ГЛАВНЫХЪ ПРИЧИНЪ УПАДКА, СЛАБОСТИ И ПОВРЕЖДЕНIЯ ВЪ АѲИНАХЪ.

Когда сравниваются изрядныя времена Грецiи, въ кои Европа и Азiя гремѣла токмо звукомъ побѣдъ Аѳинейскихъ, съ послѣдующими вѣками, въ которыи сила Филиппова

(*) O! ingratifici Argiui, inanes, Graii, immemores beneficii, Exulare si vistis, si vistis pelli, Pulsum patimini.

ліппова и Александра Великаго привели ея въ нѣкоторый родъ порабощенія; то не возможно видѣть безъ крайнаго удивленія толь странную перемѣну случившуюся въ сей республикѣ. Важность въ томъ, чтобъ доискаться причинъ тому, и слѣдовать за разными похиленіями къ паденію: а сіе самое и здѣлано удивительнымъ образомъ отъ Г. Турреля въ прекрасномъ предисловіи положенномъ при переводѣ его словъ Демостеновыхъ.

Не находилось, говоритъ онъ, въ Аѳинахъ никакова слѣда оныя мужественныя и твердыя политики, которая умѣетъ равно предуготовлять добрыи успѣхи, а худыи поправлять. Осталась токмо тамъ несмысленная гордость и выдыхающаяся отъ пышныхъ опредѣленій. Они уже не тѣ были Аѳиняне, кои, будучи угрожаемы цѣлымъ потопомъ варваровъ, разрушили свои домы, чтобъ суда построить, и у которыхъ женщины камнями побили дерзнувшаго предложить объ утоленіи Великаго Царя данію, или нѣкоторымъ родомъ покоренія. Любовь къ спокойствію и къ утѣхамъ, почитай погасила въ нихъ любовь къ славѣ и къ неподчиненію.

Періклъ, оный великій человѣкъ, толь великую имѣвшій власть, былъ первый начальникъ послабленія и повреждения. Желая себѣ получить усердіе отъ народа, опредѣлилъ онъ, чтобъ въ тѣ дни, въ кои отправляемы были потѣхи, или приносимы жертвы, раздавать нѣкоторое положенное число оболовъ народу; а въ собраніяхъ бы, въ которыя совѣты были о государственныхъ дѣлахъ, платить каждому нѣкоторое награжденіе за право присутствія. Итакъ, видимо стало впервые, что республиканцы продавали республикѣ стараніе восприемлемое о правленіи ею, и почитали за работническія дѣла самые благородные должности верьховныя силы.

Не трудно было предвидѣть, что могъ произвесть толь странный непорядокъ. Восхотѣли впрочемъ исправить оный опредѣленною казною на войну, запретивши подъ смертною казнію давать голосъ, въ какомъ бы то случаѣ ни могло быть, брать ея на другіе потребности. Однако

ко, тотъ непорядокъ всегда пребывалъ. Кавался онъ сноснымъ, когда граждане, жившіи всенародною щедростію, старались заслужить ея прилѣжною службою чрезъ девять целыхъ мѣсяцовъ въ армеяхъ. Каждый служилъ въ свою очередь. А кто не хотѣлъ несть сея должности, казнимъ былъ безъ милости какъ бѣглецъ. Но наконецъ число преступниковъ превысило уставъ; а бесстрашіе наказанія, какъ то обыкновенно, не оставило умножить виноватыхъ. Люди, привыкшіи къ забавному житію въ городѣ, въ коемъ празнованія и потѣхи были непрестанные, стали имѣть непреодолѣемое отвращеніе отъ труда, который они почли недостойнымъ вольныхъ особъ.

Итакъ, надлежало находить для сего празнаго народа, чемъ бы его забавить, и чемъ наполнить пустоту жизни гулящія. Сіе особливо ввергло ихъ въ страсть, или лучше въ неистовую жадность къ зрѣлищамъ. Смерть Эпаміноидова, отъ котораго надѣялись они получить великія преимущества, всеконечно уже ихъ погубила, и въ бездну низвергла. „Храбрость ихъ, говоритъ Юстінъ, не „могла остаться въ живѣ по знаменитомъ семъ Тебанцѣ. „Избавившись отъ соперника, который содержалъ ихъ ревнованіе въ бодрости, упали они въ нерадѣніе, и въ Летаргіческую нѣгу. Казна на сухопутныя и морскія вору„женія истощавается немедлѣнно на потѣхи и на празно„ванія. Жалованіе должное мореходцамъ и воинамъ, раз„дается тунеяднымъ гражданамъ. Жизнь спокойная и „прохладная изнѣживаетъ сердца. Театральныя предста„вленія стали быть почитаемы выше подвиговъ военныхъ. „Мужество и воинское искусство начали быть полагаемы „ни-за-что. Не было уже похваленій великимъ Полковод„цамъ, Восклицанія были токмо добрымъ Піитамъ и пре„восходнымъ комедіантамъ„. Юстин. кн: 6 гл: 9

Когда уже сіе все приведено было въ такія излишества; то не трудно понять, коль великій сонмъ бѣжалъ на представленія. И какъ ничего не жалѣли для ихъ украшенія; то театръ съѣдалъ бесчисленныя суммы денегъ. Ежели счислить исправно, говоритъ Плутархъ, во сколько становилось Аѳинянамъ каждое представленіе театральныхъ штукъ; тобъ всякъ увидѣлъ, что расходы издержанные Плут. о слав. Аѳин. стран. 349

жанныя на играніе БАКХАНТЪ, ФИНІКІАНОКЪ, ЭДІПОВЪ, АНТІГОНОВЪ, МЕДЕЙ, ЭЛЕКТРЪ [сіи всѣ трагедіи Софокловы, или Эвріпідовы] были больше положенныхъ на варваровъ для защищенія вольности и спасенія Греціи. Сіе было причиною, что нѣкто изъ Лакедемонянъ, видя коль безмѣрны были расходы на борьбу трагическихъ Піитовъ, и чрезвычайныя труды, воспріемлемыя отъ начальниковъ поставленныхъ при празнованіи тѣхъ потѣхъ, возопилъ, что городъ неблагоразуменъ, который толикое имѣетъ попеченіе о бездѣльныхъ вещахъ. „Ибо, говорилъ онъ, потѣхи долженствуютъ быть токмо потѣхами; а весьма дѣлается несмысленно, что „толикимъ иждивеніемъ покупается краткое и легкомысленное увеселеніе. Такія забавы приличны, по крайней „мѣрѣ, токмо пированіямъ, и нѣкоторымъ досужнымъ „временамъ; однако не долженствуютъ нимало дѣлать „помѣшательство всенароднымъ дѣламъ, ни истощевать „казну потребную на тѣ.

Онъ же въ кн. 7. вопр. 7. стр. 110 Choragi

Напослѣдокъ, говоритъ Плутархъ на приведенномъ мною мѣстѣ, какая польза была Аѳинянамъ изъ сихъ трагедій толь прославленныхъ, и которымъ весь свѣтъ удивляется? Я вижу, что Темістоклово благоразуміе оградило городъ добрыми стѣнами, что доброе знаніе силы и великолѣпіе Періклово, убрали оный, и украсили, что великодушная Мілціадова смѣлость утвердила его вольность, и что Ціманова умѣренная поступка подала ему державу и власть надъ Греціею. Ежели скромная и мудрая Эвріпідова Поезія, ежели высокая рѣчь Софоклова, ежели возвышенный котурнъ (*) Эсхіловъ, промыслили городу Аѳинамъ равныя преимущества, избавленіемъ его отъ какова великаго нещастія, или пріобрѣтеніемъ ему блистательныя славы; то я согласенъ [все сіе говоритъ Плутархъ] чтобъ сравнивать драматическія сочиненія съ трофеями, Піитическій театръ съ Марсовымъ полемъ, дѣла Піитовъ съ великими дѣйствіями вооруженныхъ Полководцовъ. Ктожъ бы дерзнулъ здѣлать такое сравненіе? Я вижу здѣсь выходящихъ на сцену непростыхъ писателей, увѣнчанныхъ плющемъ травою, и влекущихъ за собою козла, или тѣльца, опредѣленное награжденіе и жертву трагическимъ Піитамъ

О слав: Аѳин: стран: 348, 349

(*) сапожокъ Трагіческій съ скобами.

Піитамъ, но знаменитыхъ военачальниковъ, окруженныхъ поселеніями, кои они основали, городами взятыми отъ нихъ, народами чрезъ нихъ побѣжденными. Когда мы празнуемъ въ каждый мѣсяцъ съ толикимъ великолѣпіемъ многія священныя празнованія; то дѣлаемъ сіе не для того, чтобъ вѣчной предать памяти побѣды Эсхіловы и Софокловы, но славные битвы, а имянно: Маратонскую, Саламінскую, Эврімедонскую, и многіе другіе.

Заключеніе изъ того Плутархово, есть такое, и какое мы сами долженствуемъ изъ тогожъ производить съ нимъ, именножъ, что (a) „весьма неблагоразумны „были Аѳиняне, подвергшіи должность забавѣ, ревность „по отечествѣ, театральной страсти, важное прилѣжа„ніе къ дѣламъ, бездѣльнымъ зрѣлищамъ, и истощавав„шіи на неполезныя иждивенія, и на представленія пу„стыя трагіческихъ штукъ, казну опредѣленную на со„держаніе флотовъ и армей.

(b) „Македонія, по то время малоѣѣдомая, и не „весьма знатная, получила способъ, употребить въ свою „пользу нѣгу и нерадѣніе Аѳинянъ; а Філіппъ, научи„вшись отъ самихъ же Грековъ, у которыхъ чрезъ многіи „годы щастливо обучался военнымъ дѣламъ, подалъ въ себѣ „тотчасъ всей Греціи господина поработившаго ея, и „наложилъ на оную иго„, какъ то мы увидимъ вскорѣ.

(a) Α'μαρτάνουσιν Αθηναῖοι μεγάλα την σπουδὴν ἐις τὴν παιδιὰν καταναλισκοντες, τουτέςι μεγάλων ἀποςόλων δαπάνας καὶ ςρατευμάτων ἐφόδια καταχορηγοῦντες εἰς το θέατρον.

(b) Quibus rebus effectum est, vt inter otia Graecorum, sordidum et obscurum antea Macedonum nomen emergeret; et Philippus obses triennio Thebis habitus, Epaminondae et Pelopidae virtutibus eruditus, regnum Macedoniae, Graeciae et Asiae ceruicibus, velut iugum seruitutis imponeret.

Iustin. lib. 6. cap. 9.

* * *
* *
*

КНИГА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ

ІСТОРІЯ О ДВУХЪ ДІОНІСІЯХЪ ТІРАННАХЪ СІРАКУССКИХЪ.

ОТЪ того времени, какъ Сіракузы паки получили себѣ вольность по всеконечномъ пресѣченіи Гелонова рода, прошло около шестидесяти лѣтъ. Приключенія, бывшія во все сіе время въ Сициліи, выключая войну на нея отъ Аѳинянъ, какъ не весьма важны, такъ и мало вѣдомы; но на то мѣсто, слѣдующія очень уже достойны любопытства. Я хочу предлагать о царствованіи двухъ Діонисіевъ Тіранновъ Сіракусскихъ, кои правили, первый тритцать восемь лѣтъ, а вторый (*) двенатцать; и того всего пятдесятъ лѣтъ. Но понеже сія історія совершенно отдѣлена отъ всего, что происходило въ тожъ время въ Греціи; то я сюда внесу ея всю порядкомъ и особно, предостерегая токмо заранѣе, что дватцать лѣтъ первыи, о которыхъ я повѣствовать стану, сходятся почитай съ дватцатью послѣдними прошедшаго тома.

Впрочемъ, сія історія представитъ предъ насъ зрѣлище весьма страшное и ужасное, но совокупно и очень полезное къ наставленію. (a) „Когда съ одной стороны „мы

(*) больше нежели по десяти почитай лѣтахъ, онъ паки восшелъ на престолъ, и царствовалъ еще съ два, или съ три года.

(a) Erit Dionysius illic tyrannus libertatis, iustitiae, legum exitium. Alios uret, alios uerberabit, alios ob leuem offensam iubebit detruncari.

Senec de Consol. ad Marc. cap. 17.

Sanguine humano non tantum gaudet, sed pascitur; sed et suppliciis omnium aetatum crudelitatem insatiabilem explet.

Id. de Benefic. lib. 7 cap 19.

,,мы увидимъ Государя востающаго и утѣсняющаго воль-
,,ность,, справедливость, уставы, топчущаго ногами
,,правоту самую священную естества и закона, муча-
,,щаго жесточайшими мученіями своихъ подданныхъ, обез-
,,главляющаго однихъ, и сожигающаго другихъ за одно
,,токмо слово, питающагося и насыщающагося кровію
,,человѣческою, и удовлетворяющаго бесчеловѣчной своей
,,лютости казнію особамъ всякаго возраста и состоянія,,.
Когда, говорю я, такой видъ предстанетъ предъ очи
наши; то можемъ ли мы не признать прямо истинны,
которую сами язычники признали, и которую объявляетъ
Плутархъ по причинѣ Тіранновъ Сіцилійскихъ, и сихъ са-
мыхъ, о коихъ мы говоримъ,, что во гнѣвѣ своемъ богъ
подаетъ такихъ Государей народу, употребляя нечести-
выхъ и беззаконныхъ въ казнь другимъ законопреступни-
камъ, и другимъ нечестивцамъ? Съ другой стороны,
когда сей самый Государь, страхъ и ужасъ Сіракузамъ,
беспокойный самъ, и трепещущій о своемъ животѣ, пре-
данный денно и нощно мученію въ совѣсти своей, не мо-
жетъ никого найти въ своемъ государствѣ, еще и ни
женѣ и ни малыхъ дѣтей, на которыхъ бы онъ могъ по-
надѣяться; то кто изъ насъ не возопіетъ съ Тацитомъ,
что (а),, не безъ основанія преизящный въ премудрости ска-
,,залъ, что ежелибъ открыть сердце у Тіранновъ; тобъ
,,нашлось оное растерзанное премножествомъ язвъ, потому
,,что праведно есть,, что тѣла не больше мучимы быва-
,,ютъ страданіями и казнію, коль ихъ духъ, обитающій
,,внутрь, злодѣйствами, лютостями, и какъ неправед-
,,ными, такъ и наглыми предпріятіями,, ?

Плутар. нравоуч. стран. 552 553.

Не такъ есть то у прямаго Царя: онъ любитъ сво-
ихъ подданныхъ, и есть любимъ отъ нихъ взаимно. Онъ
наслаждается въ себѣ самомъ совершеннымъ спокойстві-
емъ, и пребываетъ въ своемъ народѣ, какъ отецъ чадо-
любивый

(a) Neque frustra praestantissimus sapientiae firmare solitus est, si recludantur tyrannorum mentes, posse aspici laniatus et ictus; quando, ut corpora verberibus, ita saevitia, libidine, malis consultis, animus dilaceraretur. Tacit. annal. lib. 6 cap. 6.

любивый съ своими дѣтьми. Хотя онъ и (a) „знаетъ, „что имѣетъ мечъ въ рукахъ для казни; однако боится „оный употреблять; ему угодно, чтобъ такъ сказать, „притуплять онаго острoту; онъ попускается на пока-„заніе своея силы съ крайнею болѣзнію, въ крайней и не-„обходимой нуждѣ, да и по всѣмъ правиламъ преднапи-„саннымъ въ уставахъ: но Тіраннъ казнитъ по самонравію „и по страсти„. Онъ думаетъ, говоритъ Плутархъ о самомъ Діонісіи, (b) „что онъ постольку прямой Госу-„дарь, и правитъ верьховно, по скольку поставляетъ „себя выше законовъ, не признаваетъ другихъ кромѣ своея „воли, и заставляетъ всѣхъ скорое себѣ отдавать по-„слушаніе„. Но, продолжаетъ тотже Авторъ, „кто „можетъ все что хочетъ, находится въ великомъ бѣд-„ствіи хотѣть того, чего онъ не долженъ.

Сверьхъ сихъ начертаній лютости и тіранства, кои означаютъ особливо перваго Діонісія, представится въ исторіи объ немъ все, что безмѣрное надменіе [подкрѣпленное великою храбростію, разумомъ пространнымъ, и талантами способными къ полученію себѣ надѣянія на себя отъ народовъ] можетъ предпріять, дабы получить верьховную власть; всѣ также средствія, которыя оно умѣло употребить, чтобъ ея удержать противъ устремленія непріятелей, и всенародныя ненависти; наконецъ, щастіе, что сей Тіраннъ избѣгъ, чрезъ все царствованіе тритцати осьми лѣтъ, отъ напасти толь многихъ умышленій

(a) Haec est in maxima potestate verissima animi temperantia, non cupiditate aliqua, non temeritate incendi, non prium principum exemplis corruptorum, quantum in ciues suos liceat experiendo tentare; sed hebetare aciem imperii sui . . . Quid intersit inter tyrannum et regem [species enim ipsa fortunae ac licentia par est] nisi quod tyranni in uoluptate faciunt, reges non nisi ex causa ac necessitate.

Senec. de Clement. lib. I cap. 11.

(b) Ἔφη ἀπολαύειν μάλιςα τῆς ἀρχῆς, ὅταν ταχέως ἃ βὔλεται πõιῃ μέγας ὢν ὁ κινδυνος βὔλεσθαι ἃ μὴ δεῖ, τον ἃ βὔλεται ποιεῖν δυναμενον.

Ad princip. indoct. pag. 782.

шленій, здѣланныхъ на него, и что отдалъ спокойно сыну своему тіраннію какъ преемническое наслѣдіе, и собственное имѣніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сія глава содержитъ історію о старшемъ Діонісіи, Тіраннѣ Сіракусскомъ, государствовавшемъ тритцать восемь лѣтъ.

§ 1.

СРЕДСТВІЯ, УПОТРЕБЛЕННЫЯ ДІОНІСІЕМЪ, ЧТОБЪ ЗАХВАТИТЬ ТІРАННІЮ ВЪ СІРАКУЗАХЪ.

Діонісій былъ изъ Сіракузъ, по нѣкоторыхъ мнѣнію отъ благороднаго и знатнаго кореня, а по объявленію другихъ, отъ подлыя и невѣдомыя породы. Какъ по ни есть; толькожъ онъ себя отмѣнилъ храбростію своею на войнѣ противъ Карѳагенянъ, и получилъ себѣ великую славу. Онъ былъ изъ числа слѣдовавшихъ за Гермократомъ, когда сей предпріялъ войти вооруженною рукою въ Сіракузы, откуду онъ былъ изгнанъ ухищреніемъ своихъ непріятелей. Успѣхъ сего предпріятія не-былъ щасливъ. Гермократъ тогда тамъ убитъ. Сіракузяне не пожалѣли и собщниковъ его. Многіи изъ нихъ были казнены всенародно. Діонісій остался между ранеными. Слухъ объ его смерти, которую сродники его нарочно разгласили, спасъ ему животъ. Строеніе божіе отвратилобъ много зла отъ Сіракузъ, ежелибъ онъ издохъ или во время битвы, или отъ казни. Діод. кн. 13. страи. 197.

Карѳагеняне неоднократно ужé пытались поселиться въ Сіцілии, и завладѣть въ ней главнѣйшими городами, какъ то мы ужé объявили индѣ. благополучное положеніе острова для мореходнаго купечества, плодоносіе земли, богатство обывателей, были имъ къ тому сильными побужденіями. Можно рассудить о нѣкоторыхъ другихъ городахъ по тому, что Діодоръ Сіцілійскій объявляетъ объ Агрігентѣ. Храмы были великолѣпія чрезвычайнаго

Въ Істор. о Карѳаг. том. 1.

Діод. кн. 13 стран. 203, 206.

наго, а особливо храмъ Юпітера Олімпійскаго, который
56 саженъ и $\frac{2}{3}$. былъ длиною въ триста въ сорокъ футовъ; шириною въ
шесдесятъ; а вышиною 10-сто въ дватцать. Присѣнки,
10 саженъ. или крытыя крыльца сходствовали пространствомъ и
20 саженъ. красотою со всѣмъ прочимъ зданіемъ. Съ одной стороны
былъ представленъ бой Гигантовъ, а съ другой Троянское
взятье съ изображеніями въ природную высоту. Было за-
городомъ озеро, выкопанное человѣческими руками, ко-
торое имѣло вокругъ седмь стадій [почитай полшеры версты]
5 саженъ. а въ глубину тритцать футовъ, наполненное рыбами
всякаго рода, и покрытое лебедями, и другими всякими
водяными птицами: сіе представляло самое пріятное зрѣ-
лище, какова не можно быть лучше.

Почитай въ сіе самое время, о которомъ мы гово-
римъ, Эксенетъ, побѣдитель на Олімпіческихъ потѣхахъ,
вѣѣхалъ торжествуя въ городъ на великолѣпной колесни-
цѣ, препровождаемый тремя стами другими колясками,
въ кои во всѣ впряжены были бѣлыи кони. Золото и
серебро сіяло на одеждѣ: Никто никогда не видалъ бо-
гатѣйшаго блистанія. Геллій, самый богатый изъ Агрі-
гентійскихъ гражданъ, построилъ въ своемъ домѣ премно-
го великихъ храминъ, въ которые принимать бы, и го-
стить бы въ нихъ ему своихъ гостей. Люди поставлен-
ныи, по его приказу, при градскихъ воротахъ, призы-
вали всѣхъ чужестранныхъ пріѣжжающихъ туда, чтобъ
имѣть гостинницу у ихъ господина, и провождали ихъ къ не-
му. Вобще сказать, гостопріемство было тогда еще въ вели-
комъ употребленіи. Нѣкогда ужасная буря принудила пять
сотъ человѣкъ конныхъ къ нему прибѣжать; Геллій ихъ при-
нялъ къ себѣ, и роздалъ всѣмъ тотчасъ одежду, какія
у него всегда множество было въ кладовыхъ его. Сіе есть
точно прямое и достойное употребленіе своего богат-
ства! Історики говорятъ много объ его выходѣ кладовомъ,
въ которомъ было триста бочекъ высѣченыхъ въ дикомъ
камнѣ, а въ каждой бочкѣ по-сту амфоръ (*) [бочонковъ].
Сей

(*) Въ амфорѣ было около дватцати осми бутылокъ: слѣдова-
тельно во-стѣ амфорахъ 2800 бутылокъ. И такъ, бочка его
содержала около шести бочекъ сороковыхъ. И того всего въ
трехъ стахъ, 1800 бочекъ сороковыхъ же.

Сей городъ толь богатый и толь изобильный былъ осажденъ, и наконецъ взятъ Кареагенянами. Паденіе его поколебало всю Сіцілію, и разнесло страхъ повсюду. Приписано сіе медлѣнію Сіракузянъ, которыи подали ему самую слабую помощь. Діонісій [который тогда не имѣлъ никакова другаго упражненія, какъ токмо что замыслы, какъ бы великимъ быть, и не сходило у него сіе никогда съ разума, да и старался онъ, но еще посторонним и глухимъ образомъ, положить тому основаніе] употребилъ въ свою пользу сей благовременный случай, также и общую жалобу отъ всея Сіціліи на Сіракузянъ, дабы вдѣлать ненависными градоначальниковъ, и огласить бы правленіе. Во всенародномъ собраніи, бывшемъ тамъ, въ коемъ былъ совѣтъ о настоящемъ состояніи дѣлъ, когда никто не дерзалъ отверзть устъ, боясь притти въ немилость у бывшихъ въ чинахъ, Діонісій всталъ, а рѣчію своею доносилъ явно на градоначальниковъ въ измѣнѣ, и совѣтовалъ ихъ низложить тотчасъ, и не ожидая времени, въ которое надлежало окончиться ихъ правленію. Они его почли за бунтовщика и за возмутителя общаго спокойствія, и, какъ на такова, положили, по уставамъ, штрафъ. Надлежало оный заплатить прежде, нежели начать паки говорить; а Діонісій не-былъ въ состояніи того учинить. Філістъ [сей самый, который писалъ Сіцілійскую Історію, токможъ до насъ она не дошла] заплатилъ оный наличными деньгами, и просилъ его продолжать начатый совѣтъ свой о настоящихъ дѣлахъ со всею вольностію, надлежащею ревнителному гражданину къ своему отечеству.

А. М. 3598 Пр: І: Хр. 406. Діод. стр: 206, 212

И такъ, Діонісій началъ паки свою рѣчь сильнѣе прежняго. Онъ привыкъ издавна къ таланту слова, который онъ основательно почиталъ за необходимое орудіе въ республіканскомъ правленіи, а особливо что касалось до его намѣреній, то есть, чтобъ привлещи къ себѣ народъ, и привесть оный къ своей пользѣ. Началъ онъ описывать сперва живо и жалосно нещастіе Агрігента, города союзнаго и сосѣднаго; печальную нужду, въ кою приведены были обыватели, за недостаткомъ помощи, а именно, что вышли изъ него украдкою ночью; вопль и слёзы

малыхъ дѣтей, людей престарѣлыхъ, и больныхъ, коихъ они принуждены были оставить власти непріятеля свирѣпаго и немилостиваго; лютое убіеніе всѣхъ тѣхъ, которыи были оставлены въ городѣ, и коихъ непреклонный побѣдитель извлекъ изъ храмовъ, и отвлекъ отъ божескихъ жертвенниковъ, какъ изъ слабаго убѣжища противъ нечестія и ярости Пуническія. Приписывалъ онъ всѣ сіи бѣдствія и злоключенія измѣнѣ главныхъ, которыи, вмѣсто чтобъ итти къ Агрігенту, отошли прочь отъ него съ войскомъ своимъ, также законопреступному медлѣнію градоначальниковъ, кои подкуплены были деньгами отъ Карѳагенянъ; и наконецъ надменію великихъ и богатыхъ, старавшихся токмо утвердить свою силу на паденіи всенародныя вольности. Представлялъ онъ Сіракузы раздѣлившіися на-двѣ части, изъ которыхъ одна, честію и знатностію захватывала всѣ достоинства, и пожирала все богатство; другая, будучи незнатна, презрѣнна, попранна, несла печальное иго бесчеснаго рабства, буттобъ они были невольники, а не граждане. Окончилъ онъ свою рѣчь заключеніемъ, что лѣкарство на толь многія злоключенія состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить на чиновныя мѣста людей выбранныхъ изъ народа, предавшихся всеконечно его пользѣ, и которыи, потому что они не могутъ себя здѣлать страшными по власти, и по своему богатству, будутъ особливое имѣть прилѣжаніе къ общему добру, и потрудятся неусыпно возобновить вольность въ Сіракузахъ.

Сія рѣчь выслушана была съ несказанною пріятностію, какъ то удается и всѣмъ такимъ рѣчамъ, кои вселяютъ въ нижнихъ склонность имѣющуюся въ нихъ къ жалобамъ на правленіе, и подтверждена общимъ одобреніемъ всего народа, который всегда слѣпо отдается умѣющимъ обманывать его подъ такимъ видомъ, что бутто они стоятъ за его пользу. Всѣ градоначальники низложены были тотчасъ: выбраны другіи на ихъ мѣста; а Діонісій опредѣленъ главнымъ между ними.

Сей шагъ былъ первый къ Тиранніи: Онъ тутъ не остановился. Благополучный успѣхъ его предпріятія подалъ ему новую бодрость, и наполнилъ его надѣяніемъ.

Ста-

Старался онъ низвергнуть также и начальствующихъ надъ войскомъ, и взять въ свои руки комманду: Намѣреніе было смѣлое и бѣдственное: Началъ онъ производить оное въ дѣло хитрымъ образомъ, и прежде, нежели напалъ на нихъ явно, вооружился противъ нихъ съ стороны, а именно: оглашеніемъ ихъ народу чрезъ своихъ наперсниковъ, и стараніемъ, чтобъ здѣлать ихъ подозрительными. Рассѣвалъ онъ глухой слухъ между простыми людьми, что оныи начальствующіи ихъ имѣютъ тайную переписку съ непріятелями, что часто бѣгаютъ съ обѣихъ сторонъ переряженыи гонцы, и что есть безъ сомнѣнія между ними нѣкоторое умышленіе. Съ своей стороны, не хотѣлъ онъ нарочно видѣться съ своими начальствующими, разговаривать съ ними о всенародныхъ дѣлахъ, и не сообщать имъ ничего изъ своихъ намѣреній, буттобъ онъ боялся самъ здѣлаться подозрительнымъ, ежелибъ имѣлъ съ ними какое соединеніе и дружбу. благоразумныи люди видѣли безъ труда, куда ведены были сіи подкопы, да и не молчали они о томъ. Но народъ, имѣя къ нему благопріятство, не переставалъ похвалять его ревность, и ей удивляться, да и почиталъ его за единственнаго защитника и покровителя своему праву и вольности.

Другая машіна, кою онъ употребилъ кстати, была ему великою помощію, и произвела по премногу его дѣла. Было великое число изгнанныхъ, рассѣянныхъ повсюду въ Сіциліи, коихъ сторона великихъ людей въ Сіракузахъ выжила вонъ въ разныя времена, и подъ разными видами. Выразумѣлъ онъ, коль великое вспомоществованіе подастся ему отъ такихъ гражданъ, коихъ благодарность своему благотворителю, древняя ненависть на тѣхъ, которыи ихъ сослали, надежда къ восставленію своихъ дѣлъ, и къ обогащенію себя корыстьми своихъ непріятелей, здѣлаютъ способными къ исполненію его намѣреній, и соединитъ ихъ неразрывно съ его особою и пользою. Итакъ постарался онъ твердо объ ихъ возвращеніи. Говорили тогда, чтобъ набрать многочисленное войско на сопротивленіе завоеваніямъ Карѳагенскимъ. Народъ смотрѣлъ съ трудомъ на иждивеніе, въ какое станутъ новыи сіи наборы. Діонісій употребилъ въ свою пользу сей благовременный

случай, и такое благополучное расположеніе сердецъ. Представилъ онъ, что смѣшно нанимать за великіе деньги изъ Италіи и изъ Пелопоннеса чужестранное войско, когда отечество можетъ поставить даромъ самое изрядное. Что находится великое множество Сіракузянъ по всей Сіциліи, которыи, не смотря на учиненную себѣ обиду, имѣютъ всегда сердце гражданъ, подъ именемъ ссыльныхъ, которыи хранятъ къ отечеству нѣжчое усердіе и ненарушимую вольность, и которыи возлюбили лучше скитаться по всей Сіциліи, не имѣя ни пристанища ни пѡмощи, нежели записаться въ непріятельскую армею, сколько ни полезны были имъ отъ нихъ обѣщанія. Сія Діонісіева рѣчь такъ впечатлѣлась въ народныя сердца, какъ онъ могъ желать. Таварыщи его, кои чувствовали, куда онъ брался, не дерзнули прекословить ему, предусмотрѣвая, что сопротивленіе ихъ не токмо будетъ втуне, но еще и раздражитъ на нихъ весь народъ, и умножитъ больше Діонісіеву силу, которому одному здѣлаетъ оно честь въ возвращеніи оныхъ. Итакъ, опредѣлено ихъ возвратить; на и всѣ они, не потерявши времени прибыли назадъ въ Сіракузы

Въ тожъ самое время пришло посольство изъ Гелы, города подданнаго Сіракузамъ, и къ нимъ принадлежащаго, съ прошеніемъ объ умноженіи городоваго ихъ войска. Діонісій тотчасъ отправился туда съ двѣмя тысячами человѣкъ пѣхоты, и съ четырмя стами конницы. Нашелъ онъ тотъ городъ въ превеликомъ смятеніи. Онъ былъ раздѣленъ на-двѣ стороны, на одну всего народа, а на другую всѣхъ богатыхъ и сильныхъ. Сіи когда были изобличены непреодолѣемо въ преступленіяхъ; то они осуждены на смерть всѣмъ собраніемъ, а имѣніе ихъ взято въ общую казну. На сколько продано было сихъ взятыхъ пожитковъ; то та сумма послужила на заплату давнышняго долга старому гарнізону, будучему подъ коммандою у Дексіппа Лакедемонянина; а Діонісій обѣщалъ приведеннымъ съ собою изъ Сіракузъ вдвое плату противъ той, какую городъ хотѣлъ дать. Сколько сихъ ни-было, всѣ они здѣлались столькимижъ ему наперсниками, коихъ онъ къ себѣ присоединилъ. Обыватели Гельскіи засвидѣтельствовали ему знатную честь, и послали въ Сіракузы благо-

дарить

дарить за важную услугу, присланную къ нимъ отъ того города. Попытавшись безполезно къ Дексіппу, чтобъ онъ приступилъ къ его намѣреніямъ, возвратился въ Сіракузы съ войскомъ своимъ, давъ обѣщаніе обывателямъ, кои всячески старались удержать его у себя; быть къ нимъ назадъ вскорѣ съ знатнѣйшею помощію.

Прибылъ онъ въ Сіракузы въ то самое время, какъ выходилъ народъ съ театральнаго зрѣлища. Всѣ толпами побѣжали къ Діонісію, и спрашивали у него съ крайнимъ желаніемъ слышать, какую онъ имѣетъ вѣдомость о Карөагенянахъ. Онъ имъ отвѣтствовалъ въ видѣ печальномъ и сокрушенномъ, что городъ содержитъ въ своемъ нѣдрѣ другихъ непріятелей бѣдственнѣйшихъ и страшнѣйшихъ. Что въ то время, какъ въ Карөагенѣ дѣлаются чрезвычайныя пріуготовленія для нападенія на Сіракузы, имѣющіи комманду, вмѣсто чтобъ возбудить ревность и старательство въ гражданахъ, и привесть бы всѣхъ въ движеніе при приближеніи толь страшнаго непріятеля, усыпляли городъ забавою суетныхъ зрѣлищъ, и оставляли войско быть въ недостаткѣ самыхъ нужныхъ потребностей, употребляя плату на собственные свои прихоти воровствомъ, кое есть паденіемъ всенароднымъ дѣламъ. Что онъ всегда чувствовалъ изрядно причину такія ихъ поступки. Что въ нынѣшнее время не на простыхъ ужé токмо догадкахъ, но на достовѣрныхъ доказательствахъ утверждены его жалобы. Что Імілконъ, полководецъ Карөагенскій, присылалъ къ нему Офицера, подъ видомъ выкупа военноплѣнныхъ, но въ самой вещи, чтобъ ему Діонісію представить прозьбу, дабы онъ не толь твердо смотрѣлъ за поступкою своихъ таварыщевъ; а буде онъ не хотѣлъ быть благопріятенъ Карөагену, тобъ, по крайней мѣрѣ, не-былъ ему противенъ. Чтожъ до него; то онъ отказался отъ комманды, и снялъ съ себя свое достоинство, дабы не подать причины къ печальнымъ на себя подозрѣніямъ, будтобъ онъ былъ въ согласіи и въ соединеніи съ предателями продающими республіку.

Когда сей слухъ разгласился въ войскѣ, и по-городу; то каждый пошелъ въ свой домъ въ крайнемъ беспокойствіи и смущеніи. На другой день созвано было собраніе

браніе. Діонісій возобновляетъ свои жалобы на коммандующихъ. Онѣ выслушаны, и приняты съ общимъ подтвержденіемъ. Нѣкоторыи изъ собранія закричали, что надлежало его опредѣлить теперь Генераліссімомъ, дать ему въ томъ полную власть, и не ожидать, къ воспріятію способа толь нужнаго, чтобъ непріятели пришли къ Сіракусскимъ воротамъ. Что великость войны, коею они угрожаемы были, требовала такова военачальника. Что то было точно такъ, какъ нѣкогда и Гелонъ опредѣленъ въ Генераліссіма, да и разбилъ онъ при Гімерѣ Карѳагенскую армею, состоящую въ трехъ стахъ тысячахъ человѣкъ. Чтожъ касается до доношенія на измѣнниковъ; то оное въ другомъ рассмотрится собраніи: но что настоящее дѣло не терпитъ отсрочки. И подлинно не потерпѣло оно ея, а народъ, который, когда ужé онъ сталъ имѣть благопріятное мнѣніе напередъ, попускается на свою склонность не рассуждая ничего, поставилъ въ тожъ время Діонісія главнѣйшимъ военачальникомъ, давъ ему сáмую полную власть. Въ семъ точно собраніи и приказалъ онъ выдать двойную плату воинамъ, истолковавъ сіе такъ, что государство наградитъ себя за сей убытокъ полезно завоеваніями, кои будутъ изъ того плодомъ. Когда все сіе было заключено, и совѣтъ окончень; то Сіракузяне, рассматривая спокойно все, что здѣлано, пришли въ крайнее удивленіе, буттобъ они сами нé были тому причасны; да и выразумѣли они, но ужé поздо, что, желая утвердить свою вольность, поставили они себѣ верьховнаго властелина.

Діонісій чувствовалъ, коль было важно и полезно, предупредить раскаяніе народа. Остался ему токмо одинъ шагъ здѣлать, чтобъ притти къ Тіранніи, именножъ: выбрать себѣ тѣлохранителей; а поступилъ онъ при семъ случаѣ искусно и хитро. Представилъ онъ всѣмъ гражданамъ, не имѣвшимъ еще сорока лѣтъ, и бывшимъ въ силахъ носить оружіе, прибыть съ запасомъ нá тритцать дней, въ городъ Леонтъ. Сіракузяне тогда онымъ владѣли, и содержали тамъ гарнизонъ. Городъ сей былъ наполненъ бѣглыми воинами и чужестранными людьми, тоесть такими, кои были очень способны къ исполненію

его

его намѣреній. Онъ зналъ прямо, что многіи изъ Сіракузянъ не будутъ за нимъ слѣдовать. Отправился онъ; а прибывъ туда ночью, сталъ лагеремъ на поляхъ близъ города. Не много послѣ того, началъ быть слышимъ во всемъ лагерѣ превеликій шумъ: люди, подущенныи Діонісіемъ здѣлали оное замѣшательство. Утверждалъ онъ подложно, что будто надъ нимъ подъискивались, и хотѣли его живота лишить. Въ смятеніи и смущеніи убѣжалъ онъ въ крѣпость города Леонта, и препровождаетъ тамъ остатокъ ночи, засвѣтивши повсюду премножество огней, и призвавши туда къ себѣ самыхъ вѣрныхъ своихъ воиновъ. На самомъ разсвѣтѣ все сіе множество собралось. Онъ объявляетъ, еще одержимый страхомъ, бѣдствіе, въ кое было попалъ; и проситъ, чтобъ ему позволено было выбрать по своему изволенію шесть сотъ человѣкъ въ стражу, дабы въ безопасности быть его особѣ. Пісістратъ далъ ему къ тому образецъ задолго прежде, и употребилъ сей такуюжъ хитрость, когда себя здѣлалъ Тіранномъ Аѳинейскимъ. Требованіе его показалось основательно; да и позволено ему то учинить. Выбралъ онъ тотчасъ тысячу человѣкъ, вооружаетъ ихъ съ ногъ до головы, наряжаетъ богато, и обѣщаетъ имъ великія награжденія. Привлекаетъ онъ также къ себѣ особливымъ образомъ чужестранныхъ воиновъ, разговаривая съ ними милостиво и дружески. Здѣлалъ онъ многіе перемѣны въ войскѣ, чтобъ быть ему надежну на начальствующихъ, и отсылаетъ Дексиппа въ Лакедемонъ, для того что онъ на него не надѣялся. Призвалъ онъ въ тожъ время изъ Гелы большую часть городоваго войска, которое онъ туда самъ же послалъ, и собираетъ со всѣхъ сторонъ бѣглыхъ, ссылъныхъ, должныхъ, и приличившихся въ преступленіяхъ: достойныи Тіранна предстоятели!

Съ такимъ препровожденіемъ прибылъ онъ въ Сіракузы, и привелъ весь сей городъ въ крайній страхъ. Граждане не были ужѐ въ состояніи противиться его предпріятію, ни пресборать его силу. Городъ былъ наполненъ чужестранными воинами, и видѣлъ себя, что скоро будетъ въ осадѣ отъ Карѳагенянъ. Чтожъ бы еще больше утве-

рдиться Діонісію въ Тіранніи ; то женился онъ на дочери Гермократа , самаго сильнаго Сіракусскаго гражданина , который наибольше поспѣшествовалъ , что разбиты Аѳиняне были , а сестру свою отдалъ за Поліксена шурина Гермократова. Потомъ созвавъ собраніе , избылъ онъ смертною казнію Дафнея и Демарха , кои жарчае всѣхъ противились его хищенію. Симъ образомъ Діонісій изъ простаго писчика Сіракусскаго , и изъ гражданина самыя нижнія степени , зделалъ себя верьховнымъ господиномъ и Тіранномъ въ самомъ большомъ и богатомъ городѣ изъ всея Сіціліи.

§ I.

ДВИЖЕНІЯ ВЪ СІЦІЛІИ И ВЪ СІРАКУЗАХЪ НА ДІОНІСІЯ. ОНЪ НАХОДИТЪ СПОСОБЪ ОНЫЯ РАЗОГНАТЬ. ЧТОЖЪ БЫ ОСТАНОВИТЬ ВОЗМУЩЕНІЕ , СТАРАЕТСЯ ОНЪ УЧИНИТЬ НАПАДЕНІЕ НА КАРѲАГЕНЯНЪ. ПРИЛѢЖИТЪ ОНЪ КЪ ПРІУГОТОВЛЕНІЯМЪ СЕЯ ВОЙНЫ СИЛЬНО И ВЕСМА БЛАГОУСПѢШНО. ПУТЕШЕСТВІЕ ПЛАТОНОВО ВЪ СІРАКУЗЫ : КРАЙНЕЕ ЕГО ДРУЖЕСТВО СЪ ДІОНОМЪ.

Діод. кн: 13 стран. 227. 231.

Діонісію надлежало претерпѣть сильный ударъ съ начала самаго. Когда Карѳагеняне осадили Гелу ; то онъ отправился на помощь сему городу , а послѣ нѣкоторыхъ дѣйствій противъ непріятеля , кои худо удались , вшелъ въ городъ. Дѣйствовалъ онъ тамъ слабо ; да и вся услуга , кою тамъ показалъ обывателямъ , состояла въ томъ , что онъ ихъ вывелъ ночью , и препроводилъ прикрывая ихъ бѣгство. Воспріяли на него подозрѣніе , что будто онъ дѣйствовалъ противъ непріятеля по согласію съ нимъ , сіежъ толь наипаче , что они за нимъ не гнались , и что мало было убито изъ чужестранныхъ оныхъ воиновъ. Всѣ оставшіися жители въ Гелѣ были умерщвлены. Камарінцы , боясь себѣ равнагожъ нещастія , убрались , и вышли вонъ со всѣмъ имѣніемъ , кое могли унесть. Зрѣлище престарѣлыхъ людей , женъ , молодыхъ дѣвицъ , нѣжныхъ дѣтей , коихъ понуждали итти

скоряе

скорѣе сверьхъ ихъ силъ, привелъ въ жалость Діонісіевы полки, и вложило въ нихъ гнѣвъ на сего Тіранна. Войско призванное имъ изъ Италіи, возвратилось въ свою землю. Сіракусскіи всадники, попытавшись втуне убить его на дорогѣ, для того что онъ всегда былъ окруженъ своими чужестранными, побѣжали напередъ, а въѣхавши въ Сіракузы пошли прямо въ Тіранновы палаты, кои они разграбили, и поступили съ его женою толь немилостиво, что она отъ того умерла. Діонісій, который усмотрѣлъ ихъ намѣреніе, слѣдовалъ за ними близко, имѣя токмо съ собою сто человѣкъ конныхъ, да четыре ста пѣшихъ, и перебѣжавъ около осмидесяти (*) верстъ ускорительнымъ ходомъ, прибылъ въ полночь къ воротамъ Ахрадинскимъ, кои были заперты. Зажегъ онъ ихъ, и тѣмъ отворилъ себѣ путь. Самыи богатыи граждане прибѣжали на лошадяхъ, чтобъ его не пустить; но они были обхвачены воинами, и почитай всѣ побиты. Діонісій вшедши въ городъ, умертвилъ всѣхъ себѣ попадшихся, разграбилъ домы своихъ непріятелей, убилъ изъ нихъ великое число, и выбилъ многихъ изъ Сіракузъ. Назавтрѣе по утру прибыло все Діонісіево войско. Нещасливыи Гельскіи и Камарінскіи бѣглецы, мерзясь Тіранномъ, ушли къ Леонтіянамъ. Іміконъ пославъ вѣсника въ Сіракузы, заключилъ союзъ, о которомъ предложено въ Історіи о Кареагенянахъ. Одна изъ кондіцій такая была, чтобъ городу Сіракузамъ быть въ подданствѣ у Діонісія; а сіе самое и подтвердило подозрѣнія имѣвшіяся на него. Все сіе случилось въ тотъ годъ, въ который умеръ Дарій Нотъ Царь Персідскій.

(*) 400 стадій.

Том, 1.

Л. М. 3600. Пр. Ц. Х. 404.

Тогда точно принесъ онъ въ жертву своему спокойствію и безопасности все, что могло ему быть подозрительно. Онъ зналъ, что, отнявъ у Сіракузянъ все, что имъ было самое любезное, не могъ онъ не быть крайнимъ образомъ ненавидимъ; а страхъ нещастій, коихъ ему надлежало отъ нихъ ожидать, возрасталъ въ похитителѣ по равномѣрности ихъ ненависти. Онъ почиталъ всѣхъ своихъ новыхъ подданныхъ за столькожъ непріятелей, и думалъ, что онъ не могъ предохраниться отъ напастей, которые окружали его со всѣхъ сторонъ, и

слѣдовали за нимъ повсюду, какъ токмо истребленіемъ однихъ, дабы устрашить другихъ. Онъ не могъ видѣть, что, прибавляя лютость казней ко всенародному утѣсненію, умножалъ онъ себѣ больше враговъ, и принуждалъ ихъ, по потеряніи своея вольности, по крайней мѣрѣ спасти свою жизнь отъятіемъ оныя у него.

Діод. стран. 238. 241. Діонисій, предусмотрѣвая, что Сіракузяне не оставятъ, для возвращенія себѣ вольности, употребить въ свою пользу спокойствіе, поданное имъ недавно заключеннымъ миромъ съ Карѳагенянами, не опустилъ ничего также и съ своей стороны, чтобъ утвердить свое господствованіе. Началъ онъ укрѣплять часть города называемую островомъ, которая была и по природному своему положенію очень крѣпка, и могла быть защищаема немногими людьми. Онъ окружилъ ея добрыми стѣнами, на коихъ по разнымъ разстояніямъ поставилъ многіе башни очень высокіе, и отдѣлилъ ея отъ всего прочаго города. Построилъ онъ тамъ крѣпкій замокъ для своего убѣжища во время нещасливаго приключенія, и подѣлалъ немалое число купецкихъ лавокъ, и крытыхъ переходовъ, могущихъ вмѣщать великое множество жителей.

Чтожъ касается до пашенъ; то выбралъ онъ лучшіе, и роздалъ ихъ своимъ наперсникамъ и произведеннымъ отъ себя въ чины; а прочіе остальные раздѣлилъ по равнымъ частямъ гражданамъ и чужестраннымъ, полагая въ число первыхъ и невольниковъ отпущенныхъ имъ на волю. Такимъ же образомъ раздѣлилъ онъ домы, соблюдая оные, которые были на островѣ, для гражданъ самыхъ вѣрныхъ ему, и для своихъ чужестранныхъ.

Послѣ, какъ онъ взялъ всѣ сіи предосторожности для собственныя своея безопасности, началъ онъ думать, какъ бы покорить многіи народы въ Сіциліи, кои были еще вольны, и подали помощь Карѳагенянамъ. Началъ онъ осадою города Гербезіна. Сіракузяне, которыхъ онъ привелъ съ собою, видя себя вооруженныхъ, разсудили, что имъ должно употребить сіе оружіе на возвращеніе собственныя своея вольности. И какъ они собирались и совокупно соглашались; то одинъ изъ первыхъ начальствующихъ, кой съ ними говорилъ жестокими словами

вами, убитъ былъ отъ нихъ въ тожъ са́мое время; а убійство сіе было вмѣсто знака къ возмущенію. Призвали они немедлѣнно изъ Этны всадниковъ туда ушедшихъ въ са́момъ началѣ замѣшательства. Діонісій, пришедъ въ смятеніе отъ сего движенія, оставилъ осаду, и отправился скоро въ Сіракузы, чтобъ сей городъ удержать въ послушаніи. Взбунтовавшіися слѣдовали за нимъ блиско; а захвативши въ свой ру́ки Эпіполь, заперли ему чрезъ то весь выходъ на поля́. Призвавши по́мощь отъ своихъ союзниковъ сухимъ путемъ и моремъ, ставятъ они цену за Тіраннову голову, и обѣщаютъ наградить правомъ гражданства чужестранныхъ, кои отъ него отстанутъ. Перешло ихъ къ нимъ великое множество, съ которыми они ласково поступали. Придвигаютъ они свой машіны, и бьютъ сильно въ стѣны построенные на островѣ, не дая Діонісію времени оправиться, и отдохнуть.

Сей Тіраннъ, будучи приведенъ къ самой крайности, оставленъ отъ премногихъ изъ чужестранныхъ, и не видя себѣ выхода на поля́, созываетъ своихъ пріятелей, и совѣтуетъ съ ними, большежъ о родѣ смерти, какую ему должно выбрать, чтобъ славно окончать жизнь, нежели о способѣ, какъ бы спастись. Тѣ стараются возбудить въ немъ бодрость. Мнѣнія ихъ не сходствуютъ: но на конецъ совѣтъ Філістовъ предпочтенъ всѣмъ другимъ, коего сила такая была, что не надлежитъ совершенно отстать отъ Тіранніи. Діонісій, чтобъ получить себѣ время, посылаетъ къ бунтующимъ, и проситъ у нихъ позволенія выпти и́зъ-города съ своими: сіе ему и позволено учинить, да и договорились дать ему пять судовъ, на которыхъ бы ему отвесть своихъ людей, и также свое имѣніе. Однако, послалъ онъ между тѣмъ тайно къ Кампанянамъ, кои были городовымъ войскомъ въ Карѳагенскихъ городахъ, и обѣщалъ имъ знатную сумму, ежели они придутъ, и спасутъ его отъ бѣдствія, въ коемъ онъ находился.

Во время сихъ пересылокъ, Сіракузяне, думая, что уже́ дѣло окончилось, а Тираннъ погибъ, распустили часть войска, а оставшееся дѣйствовало не радѣтельно. Прибытіе

Кампанянъ, въ числѣ тысячи двухъ сотъ человѣкъ конныхъ, удивило нечаянно, и привело въ крайнее смущеніе весь городъ. Побивши противящихся имъ на пути, пробиваются они до Діонисія. Три-ста человѣкъ другихъ воиновъ прибыли къ нему на помощь въ тожъ самое время. Тогда состояніе дѣлъ перемѣняется всеконечно. Ужасъ и робость перешли къ Сіракузянамъ. Діонисій, здѣлавши выласку, гонитъ ихъ жарко до части города называемыя Неаполь. Кровопролитіе невеликое было, для того, что Діонисій запретилъ убивать бѣгущихъ. Приказалъ онъ погребсть мертвыхъ, и повелѣлъ дать знать ушедшимъ въ Этну, что они могутъ возвратиться во всякой безопасности, обѣщая позабыть всеконечно все, что было. Многіи изъ нихъ возвратились; а другіи не рассудили заблаго повѣрить Тіраннову слову. Наградилъ онъ довольно Кампанянъ, и отпустилъ.

Страк. 241. Лакедемоняне поступили тогда, что до Сіракузъ, весьма недостойно Спартанскія славы. Они уже испровергли вольность въ Аѳинахъ: да и во всѣхъ городахъ, кои были имъ подчинены, явно восставали на народное правленіе. Послали они одного изъ своихъ гражданъ въ Сіракузы, подъ видомъ, чтобъ засвидѣтельствовать, что бутто они весьма сожалѣютъ о нещастіи города, и чтобъ оный увѣрить о помощи отъ нихъ; но въ самомъ дѣлѣ, дабы утвердить Діонисія въ намѣреніи содержать себя въ Тіранніи, надѣясь, что сей Государь, когда онъ здѣлается очень сильнымъ, можетъ имъ быть великою помощію.

Страк. 242. Что тогда произошло въ Сіракузахъ; то научило Діонисія, чего ему надлежало ожидать впредь отъ своихъ подданныхъ. Въ то время, какъ градскіи жители упражнялись за городомъ на жатвѣ хлѣба, осматриваетъ онъ всѣ домы, выноситъ изъ нихъ все оружіе, и къ себѣ уноситъ. Потомъ, укрѣпляетъ онъ замокъ другою стѣною, снаряжаетъ великое число судовъ, вооружаетъ многихъ изъ чужестранныхъ, и воспріемлетъ всѣ возможные мѣры, чтобъ быть ему въ осторожности отъ злосердія Сіракузянъ.

Страк. 245. 246. Снабдивши всѣмъ безопасность свою дома, началъ онъ стараться о произведеніи своихъ завоеваній въ чужихъ мѣстахъ.

страхъ. Чрезъ то не токмо онъ просто хотѣлъ увеличить свое владѣніе, и умножить свои доходы: но желалъ онъ еще больше затмить въ головѣ у своихъ подданныхъ потеряніе ихъ вольности, обращеніемъ ихъ мыслей на древняго врага, всегда ненависнаго, и вложеніемъ въ нихъ высокихъ и великихъ намѣреній, воинскихъ походовъ, и надеждъ на пріобрѣтеніе богатыхъ корыстей. Надѣялся онъ также симъ способомъ получить себѣ усердіе отъ войска, и заслужить любленіе отъ народовъ великостію и успѣхомъ своихъ предпріятій.

Въ Діонісіи много было и храбрости и хитрости; да и имѣлъ онъ всѣ достоинства великаго Полководца. И такъ, взялъ онъ, не извѣсно, силою, или измѣною, Наксъ, Катану, Леонтъ, и нѣкоторыи другіи городы, (*) всѣжъ въ близости отъ Сіракузъ, и которыи потому были кстати. Поступилъ онъ съ одними милостиво, дабы привлещи къ себѣ любленіе и надѣяніе на себя отъ народовъ; но другіи отдалъ на грабленіе, чтобъ разнесть страхъ по всей странѣ. Леонтійскіи жители переведены въ Сіракузы.

(*) Этну, Эину.

Отъ сихъ завоеваній пришли въ страхъ сосѣдніи городы, которыи видѣли себя угрожаемыхъ тѣмижъ нещастіями. Регій, стоящій на берегу пролива раздѣляющаго Сіцілію отъ Італіи, рассудилъ ихъ предупредить. Принялъ онъ въ свой союзъ изгнанныхъ изъ Сіракузъ, коихъ было многое число, и возбудилъ Мессенянъ, живущихъ на другомъ боку пролива, помогать себѣ сильно. Набрали они войско довольное, которое уже готовилось итти на Тіранна: но учинившееся несогласіе въ полкахъ, не дало успѣха сему предпріятію. Окончилось оно трактатомъ союзнымъ и мирнымъ, заключеннымъ отъ Діонісія съ обоими городами.

Давно уже имѣлъ онъ на мысли великое намѣреніе, именножъ, чтобъ испровергнуть, ежели можно, въ Сіцілііи силу Карѳагенскую, коя великимъ была препятствіемъ его собственной, потому что подданныи, или недовольныи союзники находили всегда отверстое и надежное убѣжище въ городахъ, подчиненныхъ тому народу. Обстоятельство моровыя язвы, коя опустошила Карѳагенъ

Діод. кн. 14. страк. 268. 271.

генѣ, и уменьшила крайнимѣ образомѣ его силы, показалось ему благовремяннымѣ случаемѣ кѣ исполненію своего намѣренія. Но, какѣ небезрассудный человѣкѣ, рассудилѣ онѣ, что величость пріуготовленій долженствовала сходствовать сѣ величестію препятствія, чтобѣ быть извѣсну обѣ успѣхѣ: да и принялся онѣ за то такимѣ способомѣ, который показываетѣ пространство его намѣреній, и рѣдкую его способность. Итакѣ, приложилѣ онѣ кѣ тому все свое старанїе, и также раденїе о томѣ, вѣдая, что война, кою онѣ хотѣлѣ начать сѣ самымѣ сильнымѣ народомѣ вѣ тогдашнее время, могла продолжиться долговременно, и что будутѣ изѣ нея знатныя воспослѣдованія.

Л. М. 3605. Пр. І. Х. 399. Началѣ онѣ сзывать вѣ Сіракузы, какѣ изѣ городовѣ подчиненныхѣ ему вѣ Сіциліи, такѣ и изѣ Греціи и изѣ Італіи, великое число художниковѣ, и всякихѣ мастеровыхѣ людей, побуждая ихѣ кѣ тому путешествію прибыткомѣ и награжденіемѣ, которыя средства очень дѣйствительны, чтобѣ имѣть во всякомѣ родѣ людей самыхѣ искусныхѣ. Велѣлѣ онѣ здѣлать бесчисленное множество всякихѣ оружій, а имянно: мечей, стрѣлѣ, дротиковѣ, копій, шлемовѣ, броней, и щитовѣ, а все сіе по употребленію и обыкновенію каждаго народа, какому оное оружїе опредѣляемо было. Приказалѣ онѣ также построить великое число галерѣ о трехѣ и о пяти рядахѣ веселѣ, коихѣ изобрѣтенїе было еще самое новое, не считая барокѣ, и другихѣ ластовыхѣ судовѣ, потребныхѣ кѣ перевозкѣ запасовѣ и войска.

Во всемѣ городѣ, здѣлавшемся общими заводами, разносился шумѣ работающихѣ. Не токмо преддверія, и мѣста бывшія около капищей, также присѣнки, и храмины, гдѣ обучались военнымѣ дѣламѣ, и притомѣ площади, но еще и всѣ обывательскіи домы, имѣвшіи нѣкоторое пространство, были наполнены мастеровыми. Діонісій учредилѣ во всемѣ томѣ удивительный порядокѣ. Каждый родѣ художниковѣ, раздѣленный на улицы и на части, имѣлѣ надѣ собою своихѣ надзирателей, коихѣ присутствїе и совѣты поспѣшествовали труду, и приводили оный вѣ совершенство. Но и самѣ Государь былѣ

почитай

почитай всегда при работѣ, возбуждая и ободряя трудающихся похвалами и награжденiями равномѣрными ихъ заслугѣ, потому, какъ каждый изъ нихъ отмѣнялъ себя своимъ искусствомъ и досужствомъ. Умѣлъ онъ также отмѣнять разнымъ почтенiемъ, такъ что, сажалъ иныхъ и кушать съ собою за свой столъ, и разговаривалъ съ ними такъ, какъ съ своими другами. (a) „Можно праведно „сказать, что честь питаетъ науки, и что всѣ люди, „какóвабъ они состоянiя нú-были, могутъ быть къ славѣ „чувствительны.„ Государь, который будетъ умѣть, какъ привесть въ движенiе двѣ великiе пружины, и два способа сильно движущiи разумы человѣческiи, а именно, пользу и славу, здѣлаетъ въ краткое время въ своемъ государствѣ всѣ науки и знанiя цвѣтущими, и наполнитъ оное за малое иждивенiе превосходными людьми во всякомъ родѣ. Сiе сáмое случилось тогда въ Сiракузахъ, гдѣ одинъ токмо человѣкъ, будучи искусенъ въ наукѣ правленiя, зажегъ въ художникахъ такую охоту и ревнованiе, коихъ изобразить не можно.

Дiонисiй приложилъ особливое старанiе къ мореплаванiю. Зналъ онъ, что то Корiнѳъ, который изобрѣлъ способъ строить галеры о трехъ и о пяти рядахъ веселъ: рассудилъ онъ за должное, прiобрѣсть Сiракузамъ, какъ Корiнѳскому поселенiю, славу въ томъ, чтобъ имъ привесть въ совершенство оное изобрѣтенiе; да и получилъ онъ въ томъ успѣхъ. Лѣсъ, на строенiе галеръ, былъ взятъ частiю изъ Iталiи, откуду привозили оный на возахъ дó-моря, а оттуду въ Сiракузы на судахъ, частiюжъ съ горы Этны, на которой тогда много расло ельнику и сосняку. Увидѣли въ краткое время здѣлавшiйся вдругъ и какъ выросшiй изъ землú флотъ, состоящiй въ двухъ стахъ галерахъ; а къ томужъ велѣлъ онъ починить сто галеръ еще, которые были у нихъ прежде. Велѣлъ онъ также здѣлать вновь въ окружности большiя гавени сто шестьдесятъ мѣстъ, изъ которыхъ каждое моглобъ вмѣ-

(a) Honor alit artes, omnesque incenduntur ad studia gloria.
Cic. Tuscul. quaest. lib. 1. n. 4.

щать по-два судна; и притомъ починить же сто пятдесять старыхъ.

Видѣніе на толь многіе галеры, построенные толь въ скоромъ времени, и снаряжённые толь съ великимъ веселѣніемъ, подавало причину думать, что трудилась въ томъ цѣлая Сіцілія, которая соединила свои силы, и употребила всѣ доходы на толь необъятное иждивеніе. Съ другой стороны, когда видимо было невѣроятное множество скованнаго оружія; то были въ такомъ мнѣніи, что только о томъ одномъ и старался Діонісій, и токмо что на то одно истощилъ свою казну. Считали сто сорокъ тысячъ щитовъ, столькожъ шлемовъ, и мечей; а больше четырнатцати тысячъ броней сработанныхъ со всякимъ возможнымъ искусствомъ и нѣжностію. Брони были здѣланы для всадниковъ, и для пѣхотныхъ сотниковъ, и также для чужестраннаго войска, которое было Государевою стражею. Копій, дротиковъ, стрѣлъ было безъ числа; а военные машины сходствовалижъ со всѣмъ тѣмъ великолѣпнымъ снарядомъ.

Половина гребцовъ во флотѣ долженствовала быть изъ гражданъ, а другая изъ чужестранныхъ. Діонісій тогда ужé началъ стараться о наборѣ войска, когда всѣ пріуготовленія, о которыхъ теперь объявлено, были въ состояніи. Сіракузы, и другія подчиненныя городы, поставили ему часть войска, пришло къ нему также онаго много и изъ Греціи, а особливо изъ Лаконіи. Знатная плата, какую онъ давалъ, привлекала къ нему военныхъ людей со всѣхъ сторонъ толпами.

Не опустилъ никакія нужныя предосторожности, дабы получить успѣхъ въ предпріятіи, въ которомъ онъ зналъ всю важность, и чувствовалъ всѣ трудности. Вѣдая совершенно, что все зависитъ, отъ ревности и отъ усердія войска къ Полководцу, приложилъ онъ стараніе прежде всего, о преклоненіи къ себѣ сердецъ, какъ въ собственныхъ своихъ подданныхъ, такъ и въ другихъ Сіцілійскихъ обывателяхъ; да и удалось ему въ томъ удивительнымъ образомъ. Перемѣнился онъ совершенно, отъ нѣсколькаго времени, во всѣхъ своихъ поступкахъ. Милость, тихость, щедрота, склонность къ благодѣяніямъ

ніямъ, учтивое и вкрадывающееся обхожденіе со всѣми, стали быть въ немъ видимы, вмѣсто онаго повелительнаго и надменнаго вида, и вмѣсто онаго безчеловѣчія, которое зделало его толь ненавистнымъ: его уже не узнавали; да и не былъ онъ тѣмъ же самымъ человѣкомъ.

Понуждая пріуготовленія военныя, и стараясь о привлеченіи къ себѣ усердія отъ своихъ подданныхъ, разсудилъ онъ вступить также въ дружбу съ двумя сильными городами, а именно: съ Регіемъ и съ Мессаною, которыи могли быть препятствіемъ великимъ его замысламъ чрезъ сильную діверсію. Союзъ, заключенный противъ него отъ обоихъ сихъ городовъ за нѣсколько прежде того, хотя и не произвелъ никакихъ воспослѣдованій, однако приводилъ его въ беспокойство. Итакъ положилъ онъ твердо, пріобрѣсть себѣ дружбу отъ того города и другаго. Подарилъ онъ обывателямъ Мессінскимъ много земель, которые были къ нимъ близки, и имъ кстати. Чтожъ бы показать и Регянамъ знаки своего любленія, и къ нимъ почтенія; то онъ послалъ къ нимъ Пословъ, съ требованіемъ у нихъ себѣ нѣкоторыя дѣвицы въ брачное сочетаніе: ибо онъ лишился первыя жены во время народнаго возмущенія, о коемъ уже предложено.

Діонісій, вѣдая, что ничто толь не утверждаетъ престола, коль зрѣніе наслѣдника, могущаго имѣть тѣжъ самыя намѣренія, имѣющаго тужъ самую потребность, слѣдующаго темужъ самому расположенію, и наблюдающаго тѣжъ самыя правила въ державствованіи, употребилъ въ свою пользу оное время тишины, коею онъ пользовался, на пріобрѣтеніе себѣ сугубаго сочетанія, дабы имѣть наслѣдника, коемубъ онъ могъ оставить самодержавіе, ставшее ему толь въ великіи труды и во многія бѣдствія.

Регяне, къ коимъ Діонісій сперьва отправилъ Пословъ, имѣвши между собою совѣтъ, и разсуждавши чрезъ долгое время о требованіи его у нихъ, положили, не вступать въ союзъ съ Тіранномъ; а въ отвѣтъ сказали ему только сіе, что имѣютъ они у себя одну токмо такую дѣвицу, дочь палачеву, которую ему охотно отдадутъ въ жену. Насмѣшка сія есть весьма язвительна. Мы увидимъ Діод. кн. 14. стран. 317.

димъ въ послѣдованіи, что сіе ихъ острое слово стало очень въ дорогую цѣну городу.

Плут. въ Діон. стран. 959.

Локрійцы, къ коимъ Діонісій послалъ тѣхже самыхъ Пословъ, не показали себя толь трудными и нѣжными, и дали ему въ жену Доріду, дочь знатнѣйшаго изъ своихъ гражданъ. Привезъ онъ ея изъ Локрійскія земли на галерѣ о пяти рядахъ веселъ, коя была чрезвычайно великолѣпна, и гдѣ золото и серебро повсюду блистали. Сочетался онъ въ тожъ самое время и съ Арістомахою, дочерью Гиппаріна вельможнѣйшаго и славнѣйшаго Сіракусскаго гражданина, а съ сестрою Діоновою, о коемъ много будетъ говорено въ послѣдованіи. Шествіе ея было въ его палаты на колесницѣ, заложенной четырьмя бѣлыми возниками; въ семъ состояла у нихъ честь особливая. Бракъ съ обѣими былъ торжествованъ въ одинъ и тотъже день съ общею радостію всего города, препровожденъ пированіемъ, а украшенъ дарами великолѣпія и богатства невѣроятнаго.

Было сіе противъ обычаевъ, и противъ повсюднаго обыкновенія, да еще и не памятуемаго отъ всѣхъ западныхъ народовъ, что онъ женился на двухъ женахъ совокупно, употребляя въ томъ, какъ и во всемъ прочемъ, такую вольность, какую воспріемлетъ Тіранство, то есть, быть бы выше всѣхъ уставовъ.

Казалось, что Діонісій любилъ равно обѣихъ сихъ женъ, не дая предпочтенія одной предъ другою, сіежъ для того, чтобъ не допустить ихъ нимало къ ревности и къ несогласію. Сіракусскій народъ хотѣлъ, дабы гражданка ихъ предпочтена была чужестранной: но сія имѣла щастіе тѣмъ, что прежде родила сына своему мужу; а сіе самое много ей и помогло стоять противъ происковъ ухищреній отъ Сіракузянъ. Арістомаха долго не была чревата, хотя Діонісій и желалъ съ толикою горячестію отъ нея дѣтей, что онъ умертвилъ мать своея Локрійнки, подъ такимъ видомъ, что бутто она своимъ чарованіемъ и порчами не допускала Арістомаху быть чадородною.

Арістомаха имѣла у себя брата; сей былъ оный славный Діонъ, который находился въ великой милости. Одол-

Одолженъ онъ былъ сперьва тою покровительству своея сестры : но потомъ, когда онъ показалъ въ себѣ великій разумъ, собственное достоинство привело его въ любовь, съ отмѣною отъ другихъ, къ Тиранну. Сверьхъ всѣхъ другихъ знаковъ, какія сей Государь показалъ ему о своемъ на него надѣяніи, повелѣлъ онъ своимъ казначеямъ, чтобъ они ему выдавали, безъ всякаго другаго указа, столько денегъ, сколько онъ потребуетъ, толькобъ въ тотже самый день увѣдомляли они его о выданной тому суммѣ.

Діонъ имѣлъ сприроды великое благородство, высокость разума, и великодушіе. благополучный случай послужилъ еще больше утвердить въ немъ такія его достоинства. Нѣкоторый родъ случайности, или лучше, говоритъ Плутархъ, особливое строеніе, которое полагало издалека основанія вольности Сіракусской, привело туда Платона, славнѣйшаго изъ Философовъ. Діонъ сталъ быть ему другомъ и ученикомъ, да и пріобрѣлъ онъ себѣ превеликую пользу изъ его наставленій. Ибо, хотя и былъ онъ воспитанъ при такомъ дворѣ, гдѣ все дышало роскошію и утѣхами, и гдѣ поставляли крайнее добро въ сладостраcтіи и въ великолѣпіи; однако, какъ скоро онъ услышалъ разговоры новаго сего учителя, и вкусилъ сладость оныя Философіи, коя приводитъ къ добродѣтели, такъ тотчасъ почувствовалъ свою душу, пылающую любовію къ ней. Платонъ, въ нѣкоторомъ своемъ письмѣ, дѣлаетъ ему сіе славное засвидѣтельствованіе, что никогда не видалъ онъ молодаго человѣка, въ котораго бъ его слова толь глубоко впечатлѣлись, и который бы съ толикою горячестію ухватился за его основанія.

И какъ Діонъ былъ молодъ и неискусившійся во многомъ, а видя способность, съ какою Платонъ премѣнилъ въ немъ склонность и охоту, и привелъ его къ тому, что онъ сталъ любить честность и добродѣтель; то съ простоты думалъ, что сіи доказательства произведутъ тожъ самое дѣйствіе и въ Діонісіевомъ сердцѣ: въ семъ помышленіи не имѣлъ онъ покоя, чтобъ привесть Тіранна послушать его. и съ нимъ поговорить. Діонісій на то соизволилъ. Но Тираннія глубоко вкоренилась въ его серд-

це, и не могла быть исторгнута изъ онаго. „ (a) была „она какъ нѣкоторое крѣпкое намащеніе, проникнувшее „въ самую глубину души, такъ что невозможно было „стерть оное.

Плут. страк. 960. Хотя Платоново пребываніе при дворѣ не было полезно въ рассужденіи Тіранна; однако сей продолжалъ показывать Діону всегда тѣжъ знаки своего любленія къ нему, и надѣянія на него; такъ что, сносилъ онъ терпѣливно, и безъ гнѣва, дерзость, съ какою онъ ему говорилъ. Когда Діонісій въ нѣкоторый день смѣялся надъ способомъ правленія Гелона, бывшаго Сіракусскаго Царя, и говорилъ, дѣлая играющее сходство своею рѣчію съ его именемъ, что онъ былъ (*) посмѣшище Сіцілійское; то всѣ придворныи начали удивляться остротѣ сея насмѣшки, и похвалять оную, сколько она не была бездѣльна и неимѣющая никакія тонкости, какъ то и всѣ бываютъ обыкновенно игранія словъ. Діонъ ухватился за то твердо, и представилъ дерзновенно, что не надлежало ему такъ говорить о такомъ Государѣ, который мудрою своею и справедливою поступкою подалъ образъ совершеннаго правленія, и привелъ къ тому Сіракузянъ, что имъ Монархіческая сила не была противна. Вы царствуете, говорилъ онъ ему, а вѣрятъ вамъ всѣ ради Гелона; но для васъ, больше никому не будутъ вѣрить. Сего много было, въ рассужденіи Тіранна, чтобъ ему говорить такимъ безопаснымъ образомъ.

(*) Τέλως значитъ: посмѣшище.

§ III.

(a) Τὴν βαφὴν ὐκ ἀνιέντα τῆς τυραννίδος, ἐν πόλλῳ χρόνῳ δευσοποιὸν ὖσαν καὶ δυσέκπτυτον. Δρομάιως δὲ ὄντας ἔτι δεῖ τῶν χρήσον ἀντιλαμβάνεσθαι λογον.

Plut. in moral. pag. 779.

§ III.

ДІОНІСІЙ ОБЪЯВЛЯЕТЪ ВОЙНУ КАРѲАГЕНЯНАМЪ. РАЗНЫИ УСПѢХИ СЕЯ ВОЙНЫ. СІРАКУЗЫ ПРИВЕДЕНЫ БЫЛИ КЪ КРАЙНОСТИ, НО ВСКОРѢ ПОТОМЪ ИЗБАВЛЕНЫ. НОВЫЯ ДВИЖЕНІЯ НА ДІОНІСІЯ. ІМІЛКОНЪ РАЗБИТЪ: ПОТОМЪ МАГОНЪ. СМЕРТОНОСНАЯ УЧАСТЬ ГОРОДУ РЕГІЮ.

Діонісій, видя, что всѣ его великія пріуготовленія окончены, и что уже онъ былъ въ состояніи вступить въ дѣло, открылъ свое намѣреніе явно Сіракузянамъ, дабы въ нихъ вложить бо́льшую охоту къ сему предпріятію; да и сказалъ имъ, что онъ думаетъ объявить войну Карѳагенянамъ. Представилъ онъ, что они всегдашніи и явныи непріятели Грекамъ, а особливо, жительствующимъ въ Сіціліи. Что моровая язва, опустошившая Карѳагенъ, есть благовременный случай, коего не надлежитъ опускать. Что народы, порабощенныи толь жестокимъ властителямъ, ожидаютъ токмо знака къ объявленію себя. Что славно быть имѣетъ Сіракузамъ, когда они введутъ паки въ вольность Греческіи народы, стенящіи уже давно подъ варварскимъ игомъ. Что впрочемъ, объявленіемъ теперь войны Карѳагенянамъ, они токмо ихъ предупредятъ нѣсколькимъ временемъ, потому что, какъ скоро сіи народы соберутся съ силами, такъ тотчасъ не преминутъ на нихъ напасть всѣми своими силами. Діод. кн. 14 стран. 272. 284.

Мнѣнія не были раздѣлены. Древняя и природная ненависть къ варварамъ, досада и гнѣвъ, что они дали господина Сіракузамъ, и надежда, что, имѣя оружіе въ рукахъ, можетъ быть найдутъ они нѣкоторый случай къ возвращенію себѣ вольности, соединили всѣ голосы: война была опредѣлена общимъ согласіемъ, да и началась она въ тотъ самый часъ. Было въ Сіракузахъ, сіежъ какъ въ городѣ, такъ и въ пристанищѣ, великое множество Карѳагенянъ, которыи, въ надеждѣ на твердую вѣрность союза и мира, тамъ съ купечествомъ находились, и думали о себѣ, что въ безопасности. Простый народъ, по власти Государевой, побѣжалъ, вышедъ изъ собранія, въ

домы

домы ихъ и на суда, разграбилъ все ихъ имѣніе, и отнялъ всѣ тавары. Претерпѣли они тожъ самое во всей Сіціліи: да и присовокуплено еще къ разграбленію имѣній убійство и кровопролитіе, какъ въ возмездіе за всѣ лютости, учиненные побѣжденнымъ отъ варваровъ, и въ показаніе имъ, чего должно было самимъ ожидать отъ нихъ, ежели они впредь будутъ имѣть войну съ толикимъ же бесчеловѣчіемъ.

Л. М. 3607. Пр. I. Х. 397. Послѣ сего кровопролитнаго исполненія, Діонісій послалъ вѣсника въ Карѳагенъ съ письмомъ, коимъ онъ объявлялъ Карѳагенянамъ, что Сіракузяне имъ объявляютъ войну, ежели они не выведутъ своего войска изъ всѣхъ Греческихъ городовъ, кои они захватили въ Сіциліи. Письмо сіе, которое сперьва чтено въ Сенатѣ, потомъ въ собраніи предъ всѣмъ народомъ, было причиною къ великой тревогѣ, а особливо ради печальнаго состоянія, въ которое моровая язва привела ихъ городъ. Однако не лишились они бодрости, и приготовились къ сильной оборонѣ. Набрали вновь войско съ крайнимъ поспѣшеніемъ; а Іміл-конъ и отправился въ тожъ самое время быть главнымъ коммандиромъ надъ Карѳагенскою арміею, бывшею въ Сіциліи.

Діонісій, съ своей стороны, не потерялъ времени. Отправился онъ въ походъ съ своимъ войскомъ, которое на каждый день умножалось новымъ, приходящимъ со всѣхъ сторонъ. было онаго ужè у него до осмидесяти тысячь пѣхоты, а до трехъ тысячь конницы. Флотъ его состоялъ почитай въ двухъ стахъ галерахъ, да въ пяти стахъ баркахъ, нагруженныхъ запасами, и военными машінами. Началъ онъ дѣло осадою Мотіи, крѣпкаго Карѳагенскаго города, стоящаго близъ горы Эрикса на небольшомъ островѣ, расстояніемъ отъ твердыя земли не много побольше версты (*), который соединенъ былъ съ нею небольшою косою, кою осажденныи тотчасъ перекопали, дабы не допустить непріятельскихъ шанецъ съ той стороны.

(*) шесть стадій.

Діонісій, поручивши стараніе объ осадѣ Лептіну, коммандовавшему флотомъ, самъ отправился съ сухопутнымъ войскомъ нападать на городы союзныи Карѳагенянамъ

намъ. Сіи, пришедши въ страхъ толь отъ многолюдныя арміи, здались всѣ, кромѣ пяти, кои были именно, Анцира, Солосъ, Палермъ (*), Сегестъ, и Энтелла. Осадилъ онъ два послѣдніи.

(*) Панормъ

Между тѣмъ Імилконъ, чтобъ здѣлать діверсію, отрядилъ изъ своего флота десять галеръ, и послалъ ихъ ночью, дабы имъ напасть нечаянно на суда, оставшіяся въ Сіракусской гавени. Коммандиръ надъ симъ отрядомъ въѣхалъ ночью въ гавень безъ всякаго себѣ сопротивленія, а переломавши великую часть судовъ нашедшихся тутъ, ушелъ въ крайнемъ удовольствіи о благополучномъ успѣхѣ своему предпріятію.

Діонисій, здѣлавъ великое опустошеніе непріятельскимъ землямъ, привелъ назадъ все свое войско подъ Мотію, а употребивъ въ работу безчисленное множество работниковъ, чтобъ весть валъ, насыпалъ онъ паки помянутую косу, и приближилъ по ней военные свои машины. Нападеніе на городъ было самое жаркое; но и сопротивленіе не меньшее происходило. Послѣ какъ ужъ и вошли въ городъ проломами, осажденныи еще долго оборонялись съ невѣроятною храбростію, такъ что надлежало ихъ гонять изъ двора во дворъ, и такъ препобѣждать. Воины, раздражившись на толь упорную оборону, посѣкли всѣхъ, кои ни попались имъ. Женщинъ, младенцовъ, престарѣлыхъ, всѣхъ не жалѣли, кромѣ токмо тѣхъ, кои въ капища ушли. Городъ отданъ былъ на грабленіе: Ибо Діонисію хотѣлось привлещи къ себѣ войско добычею, и надѣяніемъ на оную.

Карѳагеняне показали чрезвычайное стремительство въ слѣдующій годъ, и вывели въ поле армею состоящую въ трехъ стахъ тысячахъ человѣкъ пѣхоты, да въ четырехъ тысячахъ конницы, не считая тѣлегъ воруженныхъ на брань, коихъ было числомъ четыреста. Флотъ, подъ командою у Магона, состоялъ въ четырехъ стахъ галерахъ, и больше нежели въ шести стахъ баркахъ съ съѣстными запасами, и съ машинами. Імилконъ далъ свой приказъ начальствующимъ на судахъ въ запечатанныхъ письмахъ, кои надлежало имъ распечатать выѣхавши изъ гавени. Взялъ онъ сію предосторожность, для того, чтобъ

больше закрыть свои намѣренія, и чрезъ тобъ лазутчики не могли подать вѣдомость Сицилїи. Съѣхаться надлежало всѣмъ въ Палермѣ. Флотъ туда прибылъ, почитай безъ всякія утраты въ переѣздѣ. Імілконъ взялъ Эриксъ измѣною, и вскорѣ потомъ присилилъ Мотію къ здачѣ. Мессіна ему показалась важнымъ городомъ, для того, что онъ могъ быть помощію войску въ переѣздѣ изъ Италїи въ Сицилію, а помѣхою оному, которое будетъ итти изъ Пелопоннеса. Завладѣлъ онъ имъ, претерпѣвъ долгое и сильное сопротивленіе; а нѣсколько времени спустя, раззорилъ оный до подошвы.

Діонисій, видя, что у него весьма меньше войска, нежели у непріятелей, убрался въ Сиракузы. Почитай всѣ Сицилійскіи народы, кои ненавидѣли его издревле, а примирились съ нимъ только по виду, и будучи присилечны страхомъ, употребляя въ свою пользу сей случай, оставили его стороною, и пристали къ Кароагенянамъ. Тиранъ набралъ новое войско, и далъ вольность невольникамъ, чтобъ имъ служить на судахъ. Армея его состояла въ тритцати тысячахъ человѣкъ пѣхоты, да въ трехъ тысячахъ конницы; а флотъ, во стѣ осмидесяти галерахъ. Отправился онъ въ походъ съ силою своею, и отшелъ отъ Сиракузъ почитай тритцать двѣ версты. Імілконъ шелъ всегда далѣе съ сухопутнымъ своимъ войскомъ; а флотъ его слѣдовалъ за нимъ по чернямъ. Когда онъ прибылъ въ Наксъ; то не могъ продолжать свой путь по берегу моря, и принужденъ былъ здѣлать великій обходъ кругомъ горы Этны, изъ которыя недавный пожаръ покрылъ пепеломъ и пламенемъ всю ближнюю окольность. Повелѣлъ онъ своему флоту ожидать себя въ Катанѣ. Діонисій увѣдомившись о томъ, разсудилъ, что время то было благополезно къ нападенію на оный, коль долго онъ пребудетъ въ отдаленіи отъ сухопутнаго войска: а напротивъ того, полки его, построенныи на берегу, имѣютъ быть въ состояніи ободрять его Діонисіевъ флотъ, и быть оному помощію. Намѣреніе было благоразумно предвосприято; но успѣхъ тому не поспѣшествовалъ. Лептинъ, Адміралъ его, вышедши безразсудно съ тритцатью галерами, противъ Діонисіева приказа, которій тому

тому особливо подтвердилъ, не раздѣлять своихъ силъ, потопилъ сперьва многіе непріятельскіе галеры; но, видя себя обхваченнаго великимъ числомъ, принужденъ былъ бѣжать. Прочий весь флотъ здѣлалъ тожъ; а за нимъ жарко погнались Карѳагеняне. Магонъ наполнилъ многія барки воинами, повелѣвъ имъ убивать всѣхъ, которыхъ они увидятъ, спасающихся вплавь къ берегу. Сухопутная армея, стоявшая тамъ, хотя и видѣла своихъ бѣднѣйшую пагубу, однако не могла имъ подать никакія помощи. Утрата была превеликая съ стороны Сіциліанъ. Больше ста галеръ было взято, и поломано; а изъ людей пропало болѣе двадцати тысячь человѣкъ, какъ сражавшихся, такъ и бѣжавшихъ.

Сіциліане, боясь запереться въ Сіракузахъ, гдѣ вскорѣ они будутъ осаждены, понуждали Діонісія, повесть ихъ на Іміикона, коего, предпріятіе толь смѣлое, можетъ привесть въ робость, сверьхъ того, что войско его будетъ утруждено крайнимъ образомъ отъ устремительнаго и насильнаго похода, необходимаго тому. Сіе представленіе полюбилось ему сперьва довольно: но рассудивъ, что Магонъ, коммандовавший непріятельскимъ флотомъ, можетъ между тѣмъ прибыть къ Сіракузамъ, и завладѣть тѣмъ городомъ, изобрѣлъ заблаго лучше туда возвратиться; а чрезъ сіе и потерялъ онъ у себя много изъ своего войска, которое то тамъ, то индѣ отставало. Іміиконъ, бывъ въ походѣ два дни, прибылъ въ Катану, и пребылъ тамъ нѣсколько дней, дабы дать отдохнуть своей армеѣ, и чтобъ починить суда изъ своего флота, которыя сильная буря повредила.

Потомъ, пошелъ онъ прямо къ Сіракузамъ, и ввелъ свой флотъ въ большую гавень, какъ побѣдитель. Больше двухъ сотъ галеръ, украшенныхъ непріятельскими корыстями, шли съ величественною бодростію; а гребцы дѣлали нѣкоторый родъ согласія порядкомъ одноличнымъ и уставнымъ, коимъ весла приводимы были въ движеніе. За ними шло премногое множество небольшихъ судовъ, такъ что гавень, коль ни пространна была, едва могла ихъ вмѣстить, да и все море покрыто было судами. Съ другой стороны показалась въ тожъ самое время сухопут- Діод. стран. 285. 296.

ная

ная армея, состоящая, какъ то уже предложено, въ трехъ стахъ тысячахъ человѣкъ пѣхоты, да въ четырехъ тысячахъ конницы. Імілконъ поставилъ свой шатеръ въ Капищѣ Юпитеровомъ, а армея стала кругомъ не много то больше за двѣ (*) версты отъ города. Можно легко разсудить, какую тревогу, и какой ужасъ зрѣлище сіе произвело въ Сіракузахъ. Карѳагенскій Полководецъ привелъ свое войско къ стѣнамъ, вызывая на-бой Сіракузянъ; и въ тожъ время, отрядивъ сто галеръ, завладѣлъ двѣмя оставшимися гавенями (*). И какъ онъ видѣлъ, что никто не приходилъ въ движеніе; то отступилъ назадъ, будучи доволенъ признаніемъ отъ непріятеля о своей слабости. Чрезъ тритцать дней разворялъ онъ землю, посѣкая всѣ деревья, и опустошая все: Завладѣлъ онъ предмѣстіемъ Ахрадиною, и разграбилъ капища Цереріно и Прозерпінино. Предусматривая; что осада могла продолжиться долговременно, окопался онъ рвомъ въ своемъ лагерѣ, и оградилъ оный добрыми стѣнами, разломавъ на сіе всѣ гробницы, а между прочими Гелонову и Демареты супруги его, коя была очень богата и великолѣпна. Построилъ онъ три крѣпости въ нѣкоторомъ разстояніи одну отъ другія: первую въ Племмірѣ, вторую около средины гавени, а послѣднюю при Юпитеровомъ капищѣ, на поклажу віна и хлѣба въ безопасности. Послалъ онъ также великое множество небольшихъ судовъ въ Сардінію и въ Афріку, для привезенія оттуду съѣстныхъ припасовъ.

(*) 12 стадій.

(*) Малая гавень, и Трогильская.

Въ тожъ самое время пріѣзжаетъ Поліксенъ, котораго Діонісій, шуринъ его, послалъ съ начала въ Італію и въ Грецію для собранія тамъ помощи, ведущій съ собою флотъ тритцати судовъ, подъ коммандою у Фараціда Лакедемонянина. Сія подмога, пришедшая весьма благовременно, ободрила вновь Сіракузянъ. Увидѣвши на-морѣ судно съ съѣстными запасами для непріятелей, отряжаютъ они пять галеръ, и оное въ свои руки силою берутъ. Карѳагеняне гоняются за ними на-сорокѣ судахъ: тѣ съ своей стороны выходятъ со всѣмъ своимъ флотомъ, а вступивши въ сраженіе полонили Адміральскую галеру, разбиваютъ изъ нихъ, и берутъ еще двадцать четыре; потомъ гоняются за другими до самаго того мѣста, куда весь

весь флотъ ушелъ, и вызываютъ ихъ вторично на сраженіе, въ кое Карѳагеняне, испужавшись полученныя утраты, не дерзаютъ уже вступить.

Сіракузяне, распыхаясь побѣдою толь нечаянною, возвращаются въ городъ, ведя съ собою взятые галеры, и входятъ туда какъ съ торжествомъ. Будучи въ надменіи отъ сего благополучнаго успѣха, который не могъ быть приписанъ, какъ токмо ихъ храбрости [ибо Діонисія тогда тамъ не-было; онъ отправился, съ небольшимъ отрядомъ флота, искать съѣстныхъ запасовъ, препровождаемый Лептіномъ] ободряютъ они другъ друга; а видя у себя оружіе въ рукахъ, укаряютъ себя взаимно за свою трусость, и въ ономъ своемъ жарѣ вскрикиваютъ, что время приспѣло, свергнуть бесчестное иго работы, и возвратить себѣ древнюю свою вольность.

Когда они соединялись вѣдино между собою кучами, и говорили другъ съ другомъ такіе рѣчи; въ то время возвращается Тіраннъ; сей собравши на совѣтъ всѣхъ, поздравляетъ Сіракузянъ побѣдою, одержанною ими, и обѣщается имъ окончить вскорѣ войну, возвратить миръ, и избавить ихъ отъ непріятелей. Хотѣлъ уже онъ почитай распустить собраніе; когда Ѳеодоръ, самый знатный гражданинъ, человѣкъ благоразумный и храбрый, началъ тамъ говорить, и дерзнулъ показать себя, что онъ явно стоитъ за вольность. „Обѣщаютъ намъ, говорилъ „онъ, возвратить миръ, окончить войну, и насъ избавить отъ непріятелей. Чтожъ значатъ сіи слова въ устахъ „Діонисіевыхъ? Миръ ли есть то состояніе рабства, въ кое „мы приводимся? Можетъ ли для насъ быть страшнѣйшій „непріятель Тіранна, утѣсняющаго нашу вольность? или „жесточайшая оныя война, кою онъ съ нами имѣетъ толь „уже давно? Пусть Імілконъ насъ побѣдитъ, имѣющій „удовольствоваться наложеніемъ на насъ нѣкоторыя дани, „и оставить насъ пользоваться нашими уставами. Но „Тіраннъ, порабощающій насъ, не признаваетъ другихъ „законовъ, кромѣ сребролюбія своего, лютости, и властолюбія. Божескія капища разграбленныя святотатскими его руками, имѣніе наше отданное въ корысть, и „земли раздѣленные его услужникамъ, мы сами подвер-

„женныи ежедневно самымъ жестокимъ и бесчеснымъ „препетрѣніямъ, кровь толь многихъ гражданъ пролитая „то срединѣ сего города и при зрѣніи нашемъ; есть „токмо плодъ его царствованія, и миръ, который онъ „намъ промышляетъ. Для утвержденіяль нашей вольности, „что онъ построилъ сей замокъ, окруживъ его крѣпкими „стѣнами и высокими башнями? и что онъ призвалъ для „охраненія своего сонмицу сію чужестранныхъ и варваровъ, „которыи ругаются намъ безопасно? Долголь, Сіраку-„зяне, терпѣть намъ такіе негодности, еще больше не-„сносные храбрымъ людямъ, нежели самая смерть? бу-„дучи смѣлы и бесстрашны противъ чужихъ непріятелей, „будемъ ли мы всегда трусить предъ Тіранномъ, и его „трепетать. Провидѣніе, отдавшее намъ оружіе въ ру-„ки, показываетъ намъ, на что мы долженствуемъ упо-„требить оное. Спарта, и другіи союзныи городы, ста-„вящіи себѣ въ славу, что они наслаждаются вольностію, „и что никому неподвласны, почтутъ насъ за недостой-„ныхъ имени Греческаго, когда мы будемъ разное отъ „нихъ мнѣніе имѣть. Покажемъ, что мы имѣемъ кровь „достойную нашихъ предковъ. Ежели Діонісій захочетъ „выттти отъ насъ; отворимъ ему ворота: пусть онъ воз-„метъ съ собою все, что ему угодно. Но буде онъ хочетъ „пребыть въ Тіранствѣ; то да чувствуетъ онъ, сколько „есть сильна въ храбрыхъ людяхъ любовь къ вольности„!

По скончаніи сея рѣчи, всѣ Сіракузяне, будучи въ недоумѣніи между страхомъ и надеждою, взирали на союзниковъ, а особливо на Спартанянъ. Тогда Фарацідъ, коммандующій Спартанскимъ флотомъ, восшелъ на канцель. Всѣ уповали, что гражданинъ Спартанскій станетъ явно за вольность: но онъ учинилъ все тому противное, и говорилъ, что его республика прислала на помощь Сіракузянамъ и Діонісію противъ Карѳагенянъ, а не для того, чтобъ противъ Діонісія биться, и истребить бы его власть. Сей отвѣтъ устрашилъ всѣхъ Сіракузянъ. Стража Тіраннова прибыла въ тожъ время; а совѣтъ симъ и окончился. Діонісій, отъ того времени, чувствуя еще больше, чего ему надлежало опасаться, началъ имѣть великое стараніе о томъ, чтобъ преклонить

нить къ себѣ народъ, и усердными здѣлать гражданъ; однихъ жалуя подарками, другихъ призывая съ собою кушать, и показывая всѣмъ поступки, при всякомъ случаѣ, милостивые и дружеские.

Знатно, что около сего времени Поліксенъ, зять Діонисіевъ, коего онъ женатъ былъ на сестрѣ, именемъ Тестѣ, возсталъ на него подлинно во время Сіракусскаго умышленія, и ушелъ изъ Сіциліи, дабы жизнь свою спасти, и не попасть бы въ руки Тіранну. Діонисій призвалъ къ себѣ свою сестру, и съ жалобами выговаривалъ ей за то, что, знавши о побѣгѣ своего мужа, не объявила она ему о томъ. Она ему отвѣтствовала безъ робости, и не показывая ни малаго страха; „или я вамъ показалась женщина толь „боязливая, и толь подлаго сердца, что ежелибъ я знала „о побѣгѣ моего мужа, тобъ я всячески не потщалась „убѣжать съ нимъ совокупно, и быть участницею съ нимъ въ „его бѣдствіи и несчастіи? Я о томъ подлинно не знала; „да и находилабъ я себя щасливѣйшею, будучи называ„емая всюду женою Поліксена изгнаннаго, нежели здѣсь се„строю Діонисія Тіранна„. Діонисій не могъ не подивиться отвѣту толь бодрому и смѣлому; да и всѣмъ Сіракузянамъ люба была добродѣтель сея госпожи, такъ что, послѣ какъ Тираннія уничтожена, имѣли они ея всегда въ томже самомъ почтеніи, и попускали ей быть въ томже самомъ убранствѣ, и имѣть Царское препровожденіе, какое у нея было и прежде того; да и по скончаніи ея, весь народъ препроводилъ ея тѣло къ погребенію, и почтилъ оное чрезвычайнымъ собраніемъ. Плут. въ Діон.

На Карѳагенской сторонѣ вдругъ дѣла перемѣнились. Они здѣлали невозвратимую погрѣшность, что не напали на Сіракузы съ самаго прибытія, и не употребили въ свою пользу устрашенія, въ кое видъ ихъ армеи, и флота, равнымъ образомъ страшныхъ, привели сей городъ. Здѣсь моровая язва, которая была почтена казнію съ неба за ограбленныя капища, и за гробница разломанныя, сразила въ краткое время ихъ армею. Я уже предложилъ странные очные болѣзни въ Исторіи о Карѳагенянахъ. Къ умноженію нещастія, Сіракузяне, увѣдомились о печальномъ состояніи, въ коемъ тѣ находились, Том. 1.

напали

напали на нихъ совокупно какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ еще предъ самымъ свѣтомъ. Нечаянность, страхъ, притомъ и самая торопость, въ коей они поспѣшали стать въ состояніе обороны, производили между ними смятеніе и замѣшательство. Не знали они, на которую сторону надлежало бѣжать съ помощію, будучи всѣ въ равномъ бѣдствіи. Множество ихъ судовъ было потоплено; другія почитай со всѣмъ поломаны; а еще больше ихъ пожжено. Старики, женщины, отроки и отроковицы бѣжали толпами на стѣны, видѣть оное ужасное зрѣлище; и всѣ воздѣвали руки на небо при возблагодареніи богамъ за чудесное и славное отъ нихъ защищеніе ихъ граду. Убійство было ужасное какъ въ лагерѣ, за лагеремъ, такъ и на судахъ. Ночь уже всему тому конецъ положила.

Імілконъ, находясь въ крайнемъ отчаяніи, обѣщалъ тайнымъ образомъ дать (*) три-ста талантовъ Діонисію, чтобъ онъ ему позволилъ увесть ночью все оставшееся войско и суда. Тираннъ радуясь о томъ, и хотя оставить въ нѣкоторой надеждѣ Кароагенянъ, чтобъ всегда содержать подданныхъ своихъ въ страхѣ, далъ ему такое позволеніе, однако для гражданъ токмо Кароагенскихъ. Итакъ, отправился тотъ ночью, по четырехъ дняхъ на сорокѣ судахъ, наполненныхъ одними Кароагенянами, и оставилъ тутъ все прочее войско. Коринѳяне, узнавши по шуму и по движенію галеръ, что Імілконъ бѣжалъ, увѣдомили о томъ Діонисія, который такъ казался, что будто о томъ не зналъ онъ ничего прежде, однако тотчасъ повелѣлъ, чтобъ за ними гнаться. Но понеже Коринѳяне видѣли, что повелѣніе его исполняемо было медлѣнно; то они сами собою отправились въ погоню за непріятелями, и потопили нѣсколько судовъ изъ задняго ихъ ополченія.

(*) 180000 руб.

Діонисій тогда уже вывелъ свое войско; но, прежде его прибытія, Сициліане, бывшіи въ службѣ у Кароагенянъ, ушли, каждый въ свои предѣлы. Діонисій, поставилъ караулы на всѣхъ необходимыхъ мѣстахъ, пошелъ прямо въ непріятельскій лагерь, хотя еще и ночь была. Варвары, видя себя лютo оставленныхъ и преданныхъ Імил-

Імілкономъ и Сіціліанами, лишаются бодрости и разбѣгаются. Одни попадаются въ руки воинамъ поставленнымъ при всѣхъ исходахъ; другіи, полагая оружїе отдаются добровольно, и просятъ милости. Одни токмо Іберяне, которыи послали Герольда къ Діонісію для договоровъ; а онъ ихъ и причислилъ къ своимъ тѣлохранителямъ. Всѣ прочіи взяты въ плѣнъ были.

Такая была участь Карѳагенянамъ, которая показываетъ, говоритъ Історікъ, что униженїе слѣдуетъ за надменїемъ блиско, и что оныи люди, коимъ сила ихъ преизлишно распыхаетъ сердце, вскорѣ принуждены бываютъ по неволѣ признать свою слабость. Гордыи сіи побѣдители, господа почитай всей Сіциліи, которыи почитали уже Сіракузы своими, и вошли сперьва какъ съ торжествомъ въ большую гавень устремляясь на Сіракузянъ, выходятъ теперь оттуда ночью съ крайнимъ стыдомъ, и влекутъ за собою печальныи обломки, и остатки нещасливыи своего флота и войска всего, да и принуждены еще сами боятъся о собственномъ своемъ отечествѣ. Імілконъ, который не почтилъ ни священнаго убѣжища храмовъ, ни ненарушимыя святости гробовъ, оставивъ въ непріятельской землѣ сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ безъ погребенія, идетъ бѣднѣйше погибать въ Карѳагенѣ, отмщевая самъ себѣ своею смертію за презрѣніе свое къ богамъ и человѣкамъ. Діод. Сіцил.

Діонісій, опасаясь чужестранныхъ, коихъ онъ имѣлъ при себѣ, удалилъ отъ себя десять тысячь, а подъ видомъ награжденія, отдалъ имъ городъ Леонтінянъ, который и подлинной былъ жилищемъ очень выгоднымъ, и селенїемъ весьма полезнымъ. Поручилъ онъ храненїе себя другимъ чужестраннымъ, и невольникамъ увольненнымъ отъ него. Дѣлалъ онъ многіе попытки въ Сіциліи, а особливо противъ Регянъ. Італійскіи народы видя себя въ бѣдствіи, здѣлали сильный союзъ для удержанія завоеваній его. Успѣхъ былъ совершенно равный на обѣихъ сторонахъ. Діод. кн. 14. стран. 304. 310.

Было сїе почитай въ сїе время, когда Галлы, которыи за немногіи мѣсяцы прежде Римъ сожгли, прислали Пословъ къ Діонісію для заключенія съ нимъ союза. Онъ Юстін. кн. 20. гл. 5.

тогда былъ въ Италіи. Вѣдомость, какову онъ получилъ о превеликомъ вооруженіи Каръагенянъ, принудила его возвратиться въ Сицилію.

И подлинно, Карѳагеняне набравши многолюдную армею, отданную въ комманду Магону, здѣлали новыя стремительства, которымъ не лучше прежнихъ удалось; а окончались они примиреніемъ съ Діонисіемъ.

Л. М 3615 Пр. I. X. 389. стран. 312. 313. Напалъ онъ паки на Регянъ; да и получилъ тамъ сперьва немалый упадокъ. Но одержавъ великую побѣду надъ Италіискими Греками, на которой взялъ онъ въ плѣнъ больше десяти тысячъ, отпустилъ ихъ всѣхъ, сверьхъ чаянія, вольными и безъ окупа; сіежъ для того, чтобъ ему отвесть Италійскіи народы отъ пользы Регянъ, и разбить бы врозь сильный союзъ, который могъ не подать успѣха намѣреніямъ его противъ сего города. Итакъ, привлекши къ себѣ симъ милостивымъ и великодушнымъ дѣйствіемъ всѣхъ жителей тоя земли, и изъ непріятелей, коими они были, здѣлавъ ихъ себѣ другами и союзниками, обратился онъ на Регій. Весьма онъ гнѣвался на сей городъ, за обидный отказъ, какой онъ учинилъ, не хотя ему дать жены, и за непотребный отвѣтъ, который данъ ему съ онымъ отказомъ. Осажденныи, видя себя не въ состояніи противиться многолюдной Діонисіевой армѣ, и не уповая съ его стороны никакова прощенія, когда городъ возмется силою, начали говорить о договорахъ. Діонисій не показалъ себя непреклоннымъ. Преднаписалъ онъ имъ заплатить себѣ три-ста талантовъ;
180000. рублей. принудилъ ихъ отдать себѣ всѣ суда, которыхъ было числомъ семдесятъ, и дать къ нему сто человѣкъ аманатовъ: послѣ сего отвелъ онъ осаду. Дѣлалъ онъ такъ не по милости, ни по милосердію; но чтобъ ихъ погубить скоряе и дѣйствительнѣе по приведеніи въ слабость.

Стран. 317. 320. И подлинно, въ слѣдующій годъ, подъ ложнымъ видомъ, и укореніемъ, что будто они нарушили трактатъ, осадилъ онъ ихъ паки всѣми своими силами, отославъ прежде аманатовъ. Съ обѣихъ сторонъ стремительства были чрезвычайныя: съ одной стороны желаніе къ отмщенію, а съ другой, страхъ лютыхъ казней, ободряли войско. Которое сидѣло въ городѣ; надъ тѣмъ былъ гла-

главнымъ коммандиромъ Пітонъ, человѣкъ храбрый и бесстрашный, котораго напасти ободряли еще больше. Сей дѣлалъ частые и жестокїе выласки; изъ сихъ на одной Дїонісїй получилъ рану, отъ которыя едва онъ могъ исцѣлѣть. Осада была долговременна, и продолжилась уже одиннатцать мѣсяцовъ. Одинъ Медімнъ (a) пшеницы продавали по пяти мінъ [*]. Съѣвши все, что у нихъ было коней, и другаго тяглаго скота, принуждены они были питаться саврами и кожами, кои варили, и на конецъ, ѣсть полевую траву какъ скотина; а сей способъ отнятъ у нихъ былъ вскорѣ Дїонісїемъ, для того что онъ потравилъ конямъ всю оставшуюся зелень около города. Напослѣдокъ, надобно стало поддаться нуждѣ. Здались они на волю побѣдителеву. Дїонісїй вшелъ въ городъ преисполненный труповъ. Оставшїися вживѣ въ голодъ, были не столь люди, сколь остовы человѣческіи. Взялъ онъ въ полонъ болше шести тысячъ человѣкъ, кои всѣ были отосланы въ Сїракузы. Отпустилъ онъ на волю всѣхъ, кои въ состоянїи были заплатить за себя одного пять Мінъ (*); а прочихъ съ головы на-голову продалъ.

[*] Пятьдесятъ рублей.

(*) 50. рублей.

Дїонісїй поразилъ всѣмъ своимъ гнѣвомъ и мщенїемъ Пітона. Вопервыхъ, бросилъ онъ стремглавъ сына его въ море. На другой день, привязалъ онъ Пітона къ верьху самыя высокія машіны, дабы его вся армея видѣла; а въ семъ состоянїи его, велѣлъ ему сказать, что сынъ его брошенъ въ море. „Онъ былъ щасливѣе меня цѣлымъ „днемъ„, отвѣтствовалъ неблагополучный сей отецъ. Потомъ, водилъ его по всему городу обнаженнаго, билъ лозами, дѣлалъ ему бесчисленные лютости, и велѣлъ кричать предъ нимъ крикуну, что симъ образомъ поступается съ тѣмъ клятвопреступникомъ и измѣнникомъ для того, что онъ подустилъ на возмущенїе Регянъ. „Говори, лучше, вопіялъ сей великодушный защитникъ вольности, коего блиская смерть дѣлала еще бесстрашнѣйшимъ

(a) Въ Медімнѣ было шесть четвериковъ рамскихъ. равенъ онъ французскимъ пяти, а нашимъ осьми: тоесть, медімнъ былъ точно наша четверть.

нѣйшимъ, „говори, что симъ образомъ поступается съ „вѣрнымъ гражданиномъ, для того что онъ не хотѣлъ „отдать города и своего отечества Тіранну.„ Рѣчь сія и врѣлище приводили въ слёзы всѣхъ смотрителей, еще притомъ и Діонисіевыхъ воиновъ. Убоялся онъ, чтобъ какъ невольникъ его не былъ у него отнятъ, прежде нежели удоволитъ онъ свое мщеніе: чего ради, тотчасъ велѣлъ его стремглавъ низвергнуть въ море.

§ IV.

НАГЛОЕ ДІОНИСІЕВО ПРИСТРАСТІЕ КЪ ПОЕЗІИ. РАЗМЫШЛЕНІЕ О СЕЙ ТІРАННОВОЙ ОХОТѢ. ЛАСКАТЕЛЬСТВА ПРИДВОРНЫХЪ, ВЕЛИКОДУШНАЯ ФИЛОКСЕНОВА СМѢЛОСТЬ. СМЕРТЬ ДІОНИСІЕВА. ХУДЫЯ ЕГО СВОЙСТВА.

Діод. кн. 14. стран. 318.

Въ нѣкоторое празное время, кое подано было Діонисію предпріятіемъ на Регій, сей Государь, будучи жаденъ ко всякой славѣ, и который показывалъ въ себѣ ученіе словесныхъ наукъ, послалъ въ Олимпію брата своего Теаріда, чтобъ ему тамъ подвизаться за него о почести ристаніемъ конскимъ, и Пиитическимъ сочиненіемъ.

Повѣствованіе, которое я начинаю здѣсь предлагать, касается до охоты, или лучше страсти Діонисіевы къ Поэзіи и къ словеснымъ наукамъ, коя, будучи такимъ начертаніемъ, что изображаетъ его особливѣйшимъ образомъ, а съ другой стороны, имѣя смѣшеніе добра въ себѣ и зла, требуетъ, къ справедливому объ ней рассудку, рассмотрѣнія, чѣмъ сія его охота можетъ быть похвальна, и что въ ней также есть достойно похуленія.

Я сіежъ самое говорю о цѣломъ характерѣ сего Тіранна, который растворялъ пороки своего властолюбія и Тіранства многими великими достоинствами, кои укрывать не должно, потому что історическая правда требуетъ, чтобъ отдавать справедливость самымъ злымъ людямъ, толь наипаче, что они не могутъ быть злы во всемъ. Мы видѣли въ немъ многое достойное по истиннѣ хвалы; я говорю здѣсь токмо о томъ, что касается до

нравовъ тихость, въ какой онъ претерпѣвалъ смѣлость молодаго Діона; удивленіе показанное имъ отвѣту бесстрашному и великодушному, данному ему отъ сестры его Тесты по причинѣ убѣжанія мужа ея; учтивые и благосклонные поступки, засвидѣтельствованные при многихъ случаяхъ Сіракузянамъ; дружество, въ какомъ онъ обходился съ самымъ послѣднимъ гражданиномъ, еще и съ мастеровыми людьми; равность, кою онъ хранилъ между обѣими своими женами, отмѣны и почтеніе оказуемыя онымъ: все сіе показываетъ, что въ Діонісіи было больше правоты, умѣренности, благости, и великодушія, нежели объ немъ думаютъ обыкновенно. Онъ не такой Тіраннъ, каковъ былъ Фаларідъ, каковъ Александръ Ферейскій, каковъ Калігула, или Неронъ, или Каракалла.

Я возвращаюсь къ Діонісіевой охотѣ до Поэзіи. Въ празныя времена, кои ему оставались отъ дѣлъ, любилъ онъ бесѣдовать съ разумными людьми, и упражняться въ наукахъ и знаніяхъ. Особливожъ, любилъ онъ сочинять Стіхи, и составлять Поэмы, а наипаче Трагедіи. По сіе мѣсто страсть сія въ Діонісіи не можетъ ли еще быть извинена тѣмъ, что по истиннѣ имѣетъ въ себѣ нѣчто похвальное: я разумѣю, охотою, бывшею въ немъ къ краснымъ словеснымъ наукамъ, любленіемъ, засвидѣтельствованнымъ отъ него ученымъ людямъ, склонностью, какую онъ имѣлъ къ добродѣянію имъ, и употребленіемъ, кое онъ имѣлъ въ празныхъ своихъ часахъ? Не лучшель, что онъ ихъ препровождалъ въ обученіи своего разума, и въ наученіи себя наукамъ, нежели чтобъ онъ тѣ погублялъ въ пированіяхъ, въ плясаніяхъ, въ зрѣлищахъ, въ играхъ, въ бездѣльныхъ разговорахъ, и въ другихъ еще пагубнѣйшихъ забавахъ? Сіе благоразумное рассужденіе вдѣлано молодшимъ Діонісіемъ въ то время, какъ онъ былъ въ Корінѳѣ. Філиппъ Македонскій, сидя съ нимъ за столомъ, началъ съ насмѣшкою и презрѣніемъ говорить объ Одахъ и Трагедіяхъ, кои Діонісій отецъ его по себѣ оставилъ, и показывался быть въ затрудненіи, не зная, въ какое время моглобъ тому быть досужно такъ, что онъ ихъ сочинялъ. Діонісій отвѣтствовалъ ему вдругъ и разумно: Плут. въ Тімол. стран. 243

Вотъ какую имѣете вы трудность: онъ ихъ сочинялъ въ тѣ часы,

кои вы и я, и премногіи другіи, сколько мы себя ни показываемъ дѣльными, препровождаемъ въ питіи и въ увеселеніяхъ.

Свет. въ Цес. гл. 56. въ Августі. гл. 85. Плут. въ Лукул. стран. 492.

Іулій Цесарь, и Августъ Імператоръ упражнялись въ Поэзіи, и сочиняли Трагедіи. Лукуллъ хотѣлъ написать стіхами извѣстіе о своихъ походахъ. Приписывали Лелію и Сципіону, обоимъ великимъ Полководцамъ, а особливо послѣднему, Теренціевы комедіи; а слухъ сей, разгласившійся въ Римѣ, не токмо не повредилъ ихъ славы, но еще послужилъ къ тому, что ихъ больше любили.

Итакъ, сіи забавы сами въ себѣ не-были достойны осужденія, и охота къ Поэзіи, состоящая въ надлежащихъ границахъ, не заслужила ни малаго похуленія. Что въ Діонісіи было достойно смѣха, то сіе есть, что онъ мнилъ себя въ томъ превосходнымъ, и выше всѣхъ другихъ. Онъ не могъ терпѣть ни въ чемъ ни вышшаго ни равнаго. И понеже онъ имѣлъ одинъ токмо верьховную власть; то онъ также привыкъ думать, что были въ немъ въ одномъ и верьховныи таланты разума. Словомъ: онъ былъ Тіраннъ во всемъ. Сей духъ господствованія и повелѣнія, кои онъ имѣлъ по своей стѣнной власти, былъ одною изъ причинъ пребезмѣрнаго любленія, какое въ немъ было къ собственному своему достоинству. Оно въ немъ раждалось также и отъ непрестанныхъ похваленій его придворныхъ, и отъ сего единовиднаго согласія одобреній и похвалъ съ стороны всѣхъ согласившихся обманывать его толь льстивнымъ дѣломъ. Да и (a) „къ чему всякій великій господинъ, великій Міністръ, великій Государь, всегда похваляемый, покланяемый, не думаетъ себя быть способна„! Извѣсно, что Кардіналъ де Рішеліо, при всѣхъ своихъ великихъ дѣлахъ, не токмо сочинялъ театральные штуки, но еще хотѣлъ въ семъ быть превосходнымъ, и что зависть его въ семъ употребила власть къ крітікованію сочиненій отъ такихъ людей, коимъ общество, судія праведный и нелицепріемный въ семъ дѣлѣ: отдавало предъ нимъ предпочтеніе.

Діонісій

(a) .... Nihil est, quod credere de se
Non possit, cum laudatur diis aequa potestas.

Iuuenal.

Діонісій не рассуждалъ, что находятся вещи сами въ себѣ похвальные, и которые дѣлаютъ честь простымъ людямъ, въ коихъ не прилично Государю первенствовать. Я ужé предложилъ индѣ наставленіе, какое Филиппъ Царь Македонскій далъ сыну своему Александру, что онъ оказалъ въ себѣ на нѣкоторомъ пирѣ излишное искусство въ Мусікіи. **Не стыднольтебѣ, говорилъ онъ ему, пѣть толь изрядно?** Погрѣшность сія была противъ благопристойности его состоянія. Ежелибъ Цесарь и Августъ, сочиняя Трагедіи, взяли въ голову быть равными Софоклу, илибъ еще его и превзойти; тобъ сіе было въ нихъ нѣчто смѣшное, и еще бесчесное, чтобъ въ томъ первенствовать. Чегожъ ради? Для того, что Государь, будучи принужденъ существенною и необходимою должностію упражняться непрестанно въ общихъ помышленіяхъ о правленіи, и находясь отягощенъ бесчисленною подробностію особенныхъ дѣлъ, которыя всѣ клонятся къ нему какъ къ центру, не можетъ быть въ наукахъ какъ токмо для увеселенія и отдохновенія, и еще во время краткихъ и празныхъ часовъ, кои не даютъ ему всего надлежащаго досуга, чтобъ оными превознестись выше тѣхъ, которыи отдаютъ всѣхъ себя тому, и дѣлаютъ изъ того единственное свое упражненіе. Итакъ, когда общество видитъ Государя хотящаго первенствовать сими науками; тогда оно имѣетъ право заключить, что онъ не радѣетъ о существенныхъ должностяхъ, и о томъ, чемъ ему должно промышлять щастіе своему народу, преданіемъ себя такому упражненію, которое изнуряетъ бесполезно его время и силы разума его.

Однако, надобно отдать сію справедливость Діонісію, что никогда не заслужилъ онъ себѣ укоризны, чтобъ его Поезія здѣлала меньше обращательнымъ, и не толь радѣющимъ о великихъ своихъ дѣлахъ, или чтобъ онъ пренебрегъ когда какое дѣло отъ нея.

Я ужé предложилъ, что сей Государь, въ нѣкоторое мирное время, послалъ въ Олимпію брата своего Театріда, подвизаться тамъ за него о воздаяніи бѣганіемъ въ колесницахъ, и сочиненіемъ Піитическимъ. Когда онъ прибылъ въ собраніе; то красота, также множество колесницъ (Діод. кн. 14 стран 318.)

сницъ, и великолѣпіе богатыхъ ставокъ шитыхъ золотомъ и серебромъ, привлекли на себя всѣхъ очи, и произвели во всѣхъ смотрителяхъ удивленіе. Слухи не меньшежъ были услаждены, когда начали читать Діонисіевы поэмы. Выбралъ онъ для сего чтенія людей, (*) имѣющихъ голосъ громкій, свѣтлый, и пріятный, коихъ слышать можно было издалека, и внятно, и которыи умѣли изъявлять силу и мѣру Стіховъ, читаемыхъ ими. Итакъ, сперьва были всѣ въ восторгѣ; а сіе ихъ щасливое произношеніе, подкрѣпленное толь великимъ искусствомъ и пріятностію, обольстило всѣхъ слушателей. Но сладкій сей обморокъ пересталъ тотчасъ быть силенъ, и разумъ не долго пребылъ обманутъ отъ слуха. Почувствовали всѣ, что смѣшное было въ Стіхахъ. Стыдно стало всѣмъ, что они ихъ одобряли. Похвалы и плесканія премѣнились въ смѣхъ и въ язвительства исполненныя ругательства. Презрѣніе и негодованіе до того дошло, что изорваны были въ штуки богатыи Діонисіевы шатры. Лізій, славный Ораторъ, который былъ на Олімпическихъ потѣхахъ для подвига и полученія почести краснорѣчіемъ, коимъ уже онъ многажды былъ побѣдитель, предпріялъ доказать ученою рѣчію, что то было противно чести Греціи любящія, и защищающія вольность, что она допустила къ празнованію священныхъ потѣхъ нечестиваго Тіранна, который помышлялъ токмо привесть всю Грецію въ порабощеніе. Не видно того, чтобъ сіе бесчестіе здѣлано было тогда Діонисію: Но приключеніе было ему вмѣсто того. Колесницы его вьѣхавшіе въ подвигъ, то были занесены слѣпымъ стремительствомъ за предѣлы, то сокрушены всѣ въ трески одна о другую. Въ дополненіежъ нещастія, галера, коя везла назадъ присланныхъ Діонисіемъ присутствовать на потѣхахъ, разбилась вся прежестокою бурею, итакъ, что едва она могла доплыть до Сіракузъ. Когда кормчіи туда прибыли; то они разгласили по всему городу, съ ненависти и презрѣнія къ Тіранну, что то его негодные Поэмы привлекли какъ читателямъ, бѣгунамъ, такъ и самой галерѣ сіи печальныя приключенія. Толь нещасливый успѣхъ не отнялъ бодрости у Діонисія, и не умалилъ ничего

(*) Сіи люди называемы были ῥαψῳδοί

ничего изъ высокаго мнѣнія, какое онъ имѣлъ о своей Пііитической способности. Ласкатели, коими дворъ его былъ наполненъ, не преминули ему выполковать, что толикое восстаніе на его Поэмы не могло произойти, какъ токмо отъ зависти, которая всегда язвитъ самое превосходное, и что скоро или нескоро, зависники сами, будучи принуждены ясностію, отдадутъ справедливость достоинству его, и признаютъ его верьховность, что она выше всѣхъ другихъ Пііитовъ.

Упрямство Діонісіево въ семъ есть непонятное. Онъ былъ подлинно великій военный человѣкъ, и превосходный Полководецъ: но льстилъ себя, что онъ еще лучшій того Пііитъ, что его Стіхи дѣлали ему больше чести, нежели всѣ его побѣды. Чтобъ его кто хотѣлъ вывесть изъ толикаго заблужденія въ рассужденіи толь полезнаго о себѣ мнѣнія; то сверьхъ того, что не-было никакія надежды къ полученію въ томъ успѣха, еще худобъ тотъ отдавалъ ему свое почтеніе, и тѣмъ въ немъ искалъ милости. Чего ради, всѣ ученыи люди, и всѣ Пііиты, кои кушали съ нимъ въ великомъ числѣ за его столомъ, когда онъ имъ читалъ свои Поэмы, казались быть съ наружи въ восторгѣ съ удивленія. Никогда, по ихъ мнѣнію, не бывало тѣмъ ничего равнаго. Все было велико, все благородно въ его сочиненіяхъ; все въ нихъ Царское, или, лучше сказать, все въ нихъ находилось божественное. Діод. кн. 15. страх. 331.

Одинъ токмо нашелся изъ всѣхъ, который не-былъ влекомъ быстриною хваленій и ласкательствъ: Сей былъ Філоксенъ. Онъ имѣлъ великую славу, и превосходство въ Діѳірамбіческой Поэзіи. Сказываютъ объ немъ нѣчто, которое Лафонтенъ очень изрядно умѣлъ употребить. будучи за столомъ съ Діонісіемъ, и видя, что положена была предъ него весьма небольшая рыбка, а предъ Царя очень превеликая, захотѣлъ онъ приложить вынетую изъ числа рыбку къ своему уху. Спрошеный, для чегобъ онъ дѣлалъ ту шутку: „для того говорилъ, онъ, что „я хотѣлъ спросить нѣчто о Нереевыхъ временахъ; но „сей молодый морскій гость не могъ меня о томъ увѣ„домить: ваша рыбища старѣе; она безъ сомнѣнія зна„етъ, о чемъ я хочу вѣдать„.

Въ нѣкоторое время, когда Діонісій читалъ сему Філоксену сочиненіе свое Стіхами, а прочетши принуждалъ его сказать объ нихъ свое мнѣніе, то онъ ему объя-

объявилъ безъ боязни, говоря смѣло все, что онъ о тѣхъ стіхахъ думалъ. Государь, непривыкшій къ такимъ словамъ, весьма за то огорчился; а приписывая такую дерзость зависти, повелѣлъ его отвесть въ каменокопные ямы, кои были обыкновенною всенародною темницею. Весь дворъ, пришедъ въ печаль и сокрушеніе, ходатайствовалъ за великодушнаго того колодника; да и выпросилъ ему свободу. На другой день былъ онъ выпущенъ, и принятъ паки въ прежнюю милость къ Государю.

За столомъ, кой былъ учрежденъ Діонісіемъ въ тотъ день для тѣхже гостей, а сіе было вмѣсто печати примиренію, и за коимъ радость и веселіе оказывали себя больше всѣхъ дней: Послѣжъ какъ всѣ напились и наѣлись въ сытость, то Государь не преминулъ вкинуть въ разговоры за столомъ слово о своихъ стіхахъ, которыи были тамъ обыкновенною матеріею. Выбралъ онъ тогда особливо такіи стіхи, надъ которыми съ крайнимъ прилѣжаніемъ трудился, и почиталъ ихъ за всесовершенное произведеніе разума, такъ что не могъ онъ ихъ читать безъ чувствительнаго себѣ благоугожденія, и безъ истиннаго удовольствія самимъ собою. Но, чтобъ быть полной его радости, имѣлъ онъ нужду въ подтвержденіи и въ одобреніи Філоксеновомъ, которыя онъ толь наипаче отмѣнными имѣлъ отъ прочихъ, что тотъ не обыкъ ихъ давать щедрою рукою. Что здѣлалось съ нимъ наканунѣ; то было добрымъ наставленіемъ сему Піиту. Итакъ, Діонісій спросилъ у него, что думалъ бы онъ о стіхахъ, которыи онъ Діонісій теперь читалъ. Філоксенъ не оробѣлъ, а не отвѣтствуя ему ничего, и оборотившись къ его стражѣ, стоявшей кругомъ стола, сказалъ голосомъ важнымъ и веселымъ: отведите меня паки въ каменные ямы. (а) „Государь почувствовалъ всю сладость и тонкость „въ сей разумной шуткѣ; да притомъ онъ и оставя ток-„мо

(а) Τότε μὲν διὰ τὴν εὐτραπελίαν τῶν λόγων μειδιάσας ὁ Διονύσιος, ἤνεγκε τὴν παῤῥησίαν, τοῦ γέλωτος τὴν μέμψιν ἀμβλύνοντος.

„мо; все, что было въ ней умнаго, то притупило остроту смѣлости, которая въ другое время моглабъ его „уколоть больно„. Здѣсь онъ только что сталъ смѣяться, и не здѣлалъ тому никакова зла.

Не поступилъ онъ равнымъ образомъ съ Антіфомъ по случаю нѣкоторыя худыя шутки отъ него, которая и подлинно была различнаго рода, и произошла отъ разума наглаго и грубаго. Государь, въ нѣкоторыхъ разговорахъ, спросилъ, какой родъ мѣди есть лучшій. Каждый тамъ сказалъ свое мнѣніе; а Антіфъ отвѣтствовалъ, что оная мѣдь есть всѣхъ лучше, изъ которыя здѣланы Статуи Гармодію (*) и Арісітогітону. Сіе тонкое словцо, буде его надлежитъ такимъ называть, лишило Антіфа жизни. Плут. въ нравоуч. стран. 78 и 833.

Пріятели Філоксеновы, боясь, чтобъ его преизлишняя дерзость не была также и ему смертоносна, говорили ему не играя, и представили, что, коимъ надлежитъ быть при Государяхъ, тѣ долженствуютъ говорить ихъ языкомъ; что они хотятъ слышать всегда пріятныя себѣ рѣчи; что кто не умѣетъ скрывать, тотъ неспособенъ ко двору; что милости и щедрости, кои Діонісій ему показывалъ, заслужили быть покупаемы нѣкоторымъ угожденіемъ; что вкратцѣ, отъ справедливыя своея дерзости, можетъ онъ не только потерять свое щастіе, но погубить еще и животъ. Філоксенъ имъ отвѣтствовалъ, что онъ употребитъ въ свою пользу ихъ совѣтъ, и что впредь будетъ прикрывать свои отвѣты такимъ покровомъ, который, не вредя истинны, можетъ удовольствовать Государя.

И подлинно, нѣсколько времени спустя послѣ того, Діонісій, прочетши сочиненныи свои стіхи о матеріи весьма печальной и плачевчой, коими надлежало ему возбудить сожалѣніе, и привесть въ слезы служителей, спросилъ еще у Філоксена, какое былобъ его мнѣніе о тѣхъ стіхахъ. Сей, въ отвѣтъ ему, употребилъ такое слово,

 (*) кото-

(*) Они избавили Аѳины отъ Тиранніи Пісістратідовъ.

(*) которое на Греческомъ языкѣ имѣетъ двоякій разумъ. Въ одномъ, значитъ оно вещи плачевные, умилительные, способные къ возбужденію жалости, и къ вдохновенію сожалѣнія. Въ другомъ, означаетъ оно нѣчто хочень худое, недостаточное, жалкое, бѣдное. Діонисій, исполненный любленія къ своимъ стихамъ, и немыслящій, чтобъ объ нихъ можно было инако думать, нежели какъ онъ самъ, принялъ то слово въ благопріятномъ себѣ разумѣ, и былъ очень доволенъ Філоксеномъ: Но другіи въ томъ не обманулись, и выразумѣли то слово по сущему разуму; однако не изъясняя себя.

Под. стр. 338. Не было никакова средства, которымъ бы можно было исцѣлить его безумствованіе въ разсужденіи стихосложенія. Видно въ Діодорѣ Сицілійскомъ, что когда онъ вторично послалъ въ Олімпію поэмы своего сочиненія; то претерпѣлъ онъ за нихъ такіежъ насмѣшки и такоежъ безчестіе, какъ и прежде. Вѣдомость сія, которыя не можно было отъ него утаить, привела его въ черную меланхолію, коя изъ него не выходила, и премѣнилась вскорѣ въ нѣкоторый родъ неистовства и иступленія. Когда его слышишь рѣчи; то зависть, всегдашняя непріятельница истинному достоинству, воевала противъ него непримирительно. Всѣ люди возстали на него, чтобъ опровергнуть его славу. Обвинялъ онъ лучшихъ своихъ друговъ, что они вступили въ сей на него умыслъ. Умертвилъ онъ изъ нихъ многихъ подъ ложными видами, а другихъ сослалъ въ изгнаніе, между которыми былъ и Лептінъ братъ его, и Філістъ, кой ему показалъ толь великіе услуги, и которому онъ одолженъ всею своею властію. Они ушли въ Турій въ Италію, откуду призваны назадъ по нѣсколькомъ времени, и отдано имъ было все ихъ имѣніе, также и возвращена прежняя милость. Лептінъ еще и бракомъ сочетался съ дочерію Діонисіевою.

Чтобъ

(*) Οἰκτρὁ. Наше слово ЖАЛКІЙ, нѣкоторымъ образомъ сходствуетъ съ Греческимъ: Ибо значитъ оно то, что жалости и сожалѣнія достойно. Но когда говоримъ, ЭТО ЖАЛКО, то иногда означаемъ, что та вещь негодная, бѣдная, и недостойная похвалещія.

Чтобъ изгнать изъ себя меланхолію, которой былъ причиною худый успѣхъ его стіхамъ, то надобно для него было упражненіе. Война и строеніе, которыя онъ началъ, дали ему оное. Вознамѣрился онъ поселить сильныя жилища въ той части Італіи, которая лежитъ надъ Адріатическимъ моремъ прямо противъ Эпира, дабы имѣть надежное убѣжище его флоту, когда онъ обратитъ свои силы къ той сторонѣ; а въ семъ намѣреніи заключилъ онъ союзъ съ Илліріанами, и утвердилъ паки по прежнему Алцета Царя Молосскаго въ его областяхъ. Главное намѣреніе его было напасть на Эпіръ, и завладѣть бесчисленнымъ сокровищемъ, собраннымъ отъ давныхъ многихъ вѣковъ въ храмѣ Делфійскомъ. Покажъ еще ему можно будетъ начать сіе предпріятіе, которое требовало великихъ пріуготовленій, восхотѣлъ онъ, какъ буттобъ себя отвѣдать, начать войну другаго рода, но весьма способнѣйшую къ исполненію. Нападши нечаянно на Тоскану подъ такимъ видомъ, что бутто онъ хочетъ выгнать изъ нея морскихъ разбойниковъ, разграбилъ очень богатый храмъ, бывшій въ предмѣстіи города тоя земли, называемаго Агіллъ, и взялъ изъ того капища больше тысячи пяти сотъ талантовъ(*). Имѣлъ онъ нужду въ деньгахъ на знатныи росходы, какіи онъ чинилъ въ Сіракузахъ, какъ на сіе, чтобъ укрѣпить гавень, и привесть бы ея въ такое состояніе, дабы она могла вмѣщать свободно двѣсти галеръ, такъ и на то, чтобъ окружить весь городъ добрыми стѣнами, создать великолѣпныя капища, и построить зданіе на военныя обученія, близъ рѣки Анапы.

Діод. кн. 15. стран. 336. 337.

(*) Девять сотъ тысячь рублей.

Воспріялъ онъ въ тожъ время намѣреніе выгнать совершенно изъ Сіціліи Карѳагенянъ. Первая побѣда, одержанная имъ, привела его почитай въ состояніе получить въ томъ успѣхъ, но проигрышъ другія батаіи, на коей братъ его Лептінъ убитъ, опровергла всю его надежду, и принудила его заключить союзъ, коимъ онъ уступалъ нѣкоторыи городы Карѳагенянамъ, и платилъ имъ большія суммы за положенныя отъ нихъ иждивенія на войну. Новое предпріятіе, учиненное имъ на нихъ, по нѣсколькихъ лѣтахъ, чтобъ употребить въ пользу свою опустошенія

Стран. 338. 340. 384.

Смотр. Істор. о Карѳаг.

шеніе, учиненное моровымъ повѣтріемъ въ Карѳагенѣ, не лучшежъ ему удалось перваго.

Діод. Страк. 384. 385. Еще другая побѣда, весьма различнаго рода, но которая не меньше всякихъ прочихъ была ему любезна, вывела его изъ убытка, или, по крайней мѣрѣ, утѣшила его о неблагополучныхъ успѣхахъ въ оружіи. Потщался онъ представить въ Аѳинахъ Трагедію въ славный Бакхусовъ празникъ, коею онъ препирался о воздаяніи, да и былъ объявленъ побѣдителемъ. Сей успѣхъ у Аѳинянъ, кои были самыи лучшіи знатоки въ томъ родѣ, показываетъ, что Діонисіева Поэзія не весьма была худа и недостаточна; да и можетъ статься, что отвращеніе Грековъ отъ всего, что было тиранново, впадало большою своею частію въ неподтвержденіе, показанное Стихамъ его на Олимпіческихъ потѣхахъ. Какъ то ни есть; толькожъ Діонисій получилъ сію вѣдомость съ толикою радостію, что не можно ея изобразить. Засвидѣтельствовало всенародное возблагодареніе богамъ, такъ что едва довольно было Храмовъ на вмѣщеніе народа. Весь городъ былъ въ пированіяхъ и забавахъ; а государь угостилъ столомъ всѣхъ своихъ пріятелей, и было сіе угощеніе съ великолѣпіемъ чрезвычайнымъ. Будучи доволенъ самъ собою выше всего, что можно сказать, и мня себя быть на самомъ верьху славы, угощалъ онъ сидящихъ за столомъ съ радостію и веселіемъ, и совокупно съ такою пріятностію и благородствомъ, которыя всѣхъ услаждали. Просилъ онъ гостей пить и кушать еще больше своимъ примѣромъ, нежели словами; да и произвелъ онъ сіе толь далеко, что вставшаго изъ за стола схватила его наглая болѣзнь, здѣлавшаяся отъ несваренія, отъ которыя еще тогда предусмотрѣны воспослѣдованія.

Діонисій имѣлъ троихъ дѣтей отъ жены своея Дорисы, а четверыхъ отъ женыжъ Аристомахи, изъ которыхъ двѣ дочери были, одна именемъ Софросіна, а другая Арета. Софросіна выдана была за старшаго его сына, молодшаго Діонисія, который родился ему отъ жены его Локріанки; но Арета отдана за брата его Теорида. Когда сей умеръ; то Діонъ женился на вдовѣ Аретѣ, коя ему была племянница.

Понеже

Понеже показалось, что Діонісіева болѣзнь не подавала никакія надежды; то Діонъ взялся поговорить съ нимъ о дѣтяхъ его отъ Арістомахи, которыи были ему шурья, и совокупно племянники, и попросить его, что справедливѣе предпочесть дѣтей отъ жены своея Сіракузянки дѣтямъ отъ чужестранныя. Но врачи, хотя подслужиться молодшему Діонісію, сыну отъ Локріанки, опредѣленному на престолъ, не-дали ему времени видѣться съ нимъ. Ибо Государь когда потребовалъ, чтобъ ему дано было такое лѣкарство, отъ котораго бъ онъ могъ спать; то они ему дали толь сильное, что оно усыпило всѣ его чувствія, и измѣнило сонъ на смерть безъ всякія средины. Царствовалъ онъ тритцать восемь лѣтъ.

Сей Государь подлинно имѣлъ великія достоинства съ стороны Политики и военнаго исскуства; да и имѣлъ онъ въ томъ великую нужду для возвышенія своего, какъ то онъ и здѣлалъ, изъ низкаго состоянія на толь высокую степень. Имѣвъ верьховную власть тритцать восемь лѣтъ, препоручилъ онъ ея спокойно тому изъ своихъ дѣтей, котораго ему угодно было избрать; а поставилъ онъ ту власть на толь твердомъ основаніи, что сей сынъ, хотя и не весьма способенъ былъ къ правленію, содержалъ ея чрезъ двенатцать лѣтъ. Впрочемъ все сіе не могло здѣлаться, безъ преизобильныхъ достоинствъ. Но какія свойства могутъ закрыть пороки, которыи здѣлали его ненависна своимъ поданнымъ: властолюбіе незнающее ни предѣловъ, ни уставовъ, сребролюбіе не обходящее ни самыхъ священныхъ мѣстъ, лютость часто не жалѣющая ближайшихъ своихъ сродниковъ, наконецъ безбожность явная и открытая, признавающая божество токмо для того, чтобъ оному ругаться?

Возвращаясь въ Сіракузы благопоспѣшнымъ вѣтромъ: послѣ какъ онъ разграбилъ въ Локрахъ храмъ Прозерпінинъ, смотрите, говорилъ онъ своимъ пріятелямъ съ насмѣшкою, коль безсмертныи боги споспѣшествуютъ святотатьственному плаванію!

Имѣя нужду въ деньгахъ на войку противъ Каревагенянъ, разграбилъ онъ храмъ Юпитеровъ, и содралъ съ сего

бога

бога хламиду изъ чистаго золота, коя дана была ему въ украшенїе Гїерономъ Тїранномъ изъ корыстей взятыхъ у Карөагенянъ. Дѣлая сїе, онъ еще подсмѣялся, и говорилъ, что золотая хламида очень тяжела для лѣта, а для зимы очень холодна́, да и взбросилъ ему на плеча шерстяную, которая будетъ добра́, говорилъ онъ, для всѣхъ временъ.

Въ другое время отнялъ онъ у Эпїдаврскаго Эскулапїя золотую бороду подъ такимъ видомъ, что не пристойно было сыну имѣть бороду, когда у отца (*) ея не́-было.

(*) Аполлїна малевали безъ бороды.

Отнялъ онъ также изъ всѣхъ храмовъ серебреныи столы: и какъ на нихъ подписано было, по древнему Греческому обыкновенїю, МИЛОСТИВЫМЪ БОГАМЪ: то хотѣлъ, говорилъ онъ, пользоваться ихъ милостїю.

Чтожъ касается до небольшихъ грабежей, до чашъ и до вѣнцовъ золотыхъ, кои кумиры держали въ рукахъ; то онъ ихъ отбиралъ все просто, говоря, что онъ ихъ не силою беретъ, но добровольно прїемлетъ; и что безумнобъ было, требующимъ непрестанно блага отъ боговъ, не взимать отъ нихъ тогда, когда они сами простираютъ руку, подая намъ оное. Сїи корысти отнесены были всѣ, по его указу, на торгъ, и проданы охочимъ людямъ: потомъ, когда уже выбралъ деньги, публїковалъ онъ указъ, чтобъ всѣ, имѣющїи у себя вещи, взятые изъ святыхъ мѣстъ, возвращали ихъ въ срочное время въ тѣ храмы, изъ коихъ онѣ были взяты. Симъ точно образомъ къ безбожїю, и къ нечестїю въ рассужденїи боговъ, присовокупилъ онъ еще несправедливость въ рассужденїи человѣковъ.

Преудивительные осторожности, которые Дїонисїй рассуждалъ быть потребными, дабы жизни его быть безопасной, объявляютъ намъ, какимъ беспокойствамъ и страхамъ онъ былъ преданъ. Принужденъ онъ былъ носить подъ своею одеждою броню мѣдную. Когда онъ говорилъ рѣчи своему народу; то всегда сїе дѣлалъ съ высокїя башни, и думалъ, что онъ себя здѣлаетъ неуязвляемымъ, здѣлавъ неприступнымъ. Не смѣя повѣрить въ себѣ ни единому изъ своихъ прїятелей, и ближнихъ сродниковъ, хранилъ

Цицеронъ Тускулан Квест. кн. 5. числ. 57 63.

хранилъ себя чужестранными, и невольниками, и выходилъ, сколь возможно было, рѣдко, для того, что страхъ принуждалъ его осуждать самого себя въ нѣкоторый родъ темницы. Сіи чрезвычайные предосторожности принадлежатъ безъ сомнѣнія до нѣкоторыхъ особливо временъ его царствованія, въ которыя частыи умыслы на него здѣлали его боязливѣйшимъ и подозрительнѣйшимъ: ибо въ другія времена мы его видѣли, что обходился онъ смѣло съ своимъ народомъ, и былъ толь приступнымъ, что сіе не разнилось въ немъ почитай отъ искренняго дружества. Во дни сіи пасмурныи и страшныи, онъ мнилъ видѣть всѣ руки вооружены на него. Словцо вылетѣвшее изъ устъ его бритовщика, который хвалился въ шуткахъ, что онъ еженедѣльно прикладывалъ бритву къ Тіранскому горлу, лишило его жизни. Отъ того времени, чтобъ не отдавать своея головы и жизни въ руки бритовщику, наложилъ онъ сію самую подлую должность на своихъ дочерей, бывшихъ еще въ крайней молодости: а когда онѣ стали побольше; то онъ у нихъ отнялъ изъ рукъ ножницы и бритву, и научилъ ихъ жечь себѣ бороду и волосы орѣшными скорлупами; а наконецъ, принужденъ самъ себѣ дѣлать сію службу, знатно не смѣя уже больше вѣрить въ себѣ и роднымъ своимъ дочерямъ. Не входилъ онъ никогда ночью въ покои своихъ женъ, не осмотривъ прежде вездѣ съ крайнимъ прилѣжаніемъ. Ложе было окружено рвомъ очень широкимъ и глубокимъ съ небольшимъ подъемнымъ мостомъ, который отверзалъ къ тому путь. Заперши и заключивши накрѣпко двери своея комнаты, подымалъ онъ тотъ мостъ, дабы ему опочивать можно было въ безопасности. Ни братъ его, ни самый сынъ не входили въ его покой, не перемѣнивъ одежды прежде, и не бывши осмотрѣны отъ тѣлохранителей. Сіель есть царствовать? Сіель есть наслаждаться жизнію, чтобъ препровождать такимъ образомъ свои дни въ непрестанномъ страхѣ.

Плут. о Суеслов. стран. 508

Должн. кн. 2. числ. 25

Плут. въ жит. Діон. стран. 961.

При всей своей великости, въ самомъ нѣдрѣ богатствъ и утѣхъ, въ царствованіе безъ мала сорока лѣтъ, не уповая ни на премногіе щедрости свои, не могъ онъ себѣ нажить одного токмо вѣрнаго друга! Жилъ онъ

токмо съ трепещущими невольниками, и съ подлыми трусами ласкателями, да и не вкусилъ онъ никогда сладости, чтобъ любить, и чтобъ быть самому любиму, ни также утѣхи въ искреннемъ обществѣ, и во взаимномъ надѣяніи. Признался онъ въ томъ самъ необиновенно при нѣкоторомъ случаѣ, который достоинъ того, чтобъ объ немъ предложить.

Ціц. о должност. кн. 3. числ. 45 Валер. Макс. кн. 4 гл. 7. Дамонъ и Питій, оба воспитанныи въ ученіи секты, или толка Пітагоріческаго, и соединенныи между собою священнымъ сопряженіемъ тѣсныя и неразрывныя дружбы, дали клятву другъ другу въ вѣрности ненарушимой. Сія ихъ вѣрность приведена была къ жестокому искушенію. Одинъ изъ нихъ будучи осужденъ на-смерть Діонісіемъ Тіранномъ, просилъ милости, чтобъ ему позволено было съѣздить въ свое отечество для исправленія тамъ дѣлъ своихъ, съ такимъ обѣщаніемъ, что онъ возвратится въ срочное время; а другой въ томъ поручился по немъ великодушно. Придворныи, а особливо Діонісій, ожидали съ нетерпѣливостію, какое будетъ окончаніе случаю толь чрезвычайному и толь нѣжному. Назначенный день приближался, а тотъ не возвращался: тогда каждый бранилъ безрассудную и продерзосную ревность поручившагося по немъ. Сей, не показывая ни малаго страха и беспокойства, отвѣтствовалъ въ лицѣ тихомъ и голосомъ несмущеннымъ, и удостовѣряющимъ, что онъ достовѣрно знаетъ, что другъ его возвратиться имѣетъ; и подлинно, возвратился онъ какъ въ самый день, такъ и въ часъ назначенный. Тіраннъ, будучи въ восторгѣ съ удивленія толь рѣдкой вѣрности, и пришедъ въ умиленіе, видя толь любезное сопряженіе, пожаловалъ того животомъ, и требовалъ у нихъ изъ милости быть допущенъ третіимъ въ ихъ дружбу.

Цiц. Туск. вопрос. кн. 5. чис. 61. 62. Объявилъ онъ, при другомъ случаѣ, съ равноюжъ искренностію, что онъ думалъ самъ о своемъ состояніи. Нѣкто изъ его придворныхъ, именемъ Дамоклъ, хвалилъ ежедневно, съ нѣкоторымъ родомъ восхищенія внѣ себя, богатство его, великость, число его войска, пространство обладанія, великолѣпіе палатъ его, и всякородное изобиліе всего, и забавъ, въ которыхъ онъ

пре-

пребываетъ, повторяя непрестанно, что нѣтъ никого щасливѣе его изъ человѣковъ. „Понеже вы такъ „думаете, сказалъ ему нѣкогда Тираннъ, то хотитель вы „вкусить сами сладость моего щастія, и оную испы-„тать дѣломъ„? Тотъ на сіе согласился. Итакъ сажаютъ Дамокла на золотое ложе, покрытое шитыми и пребогатыми коврами. Поставцы наполняются золотыми и серебренными сосудами; невольники рѣдкія красоты и одѣтыи великолѣпно окружаютъ его предстояніемъ, и смотрятъ того съ крайнею прилѣжностію, чтобъ быть готовымъ служить ему, увидѣвшимъ самый малый знакъ отъ него. были употреблены благовонные масти самые драгіе, и куренія самыя нѣжныя. Столъ учреждаемъ былъ также сладостный по равномѣрности. Дамоклъ раскошствовалъ плавая въ радости, и почиталъ себя щасливѣйшимъ всѣхъ въ свѣтѣ человѣковъ. Увидѣлъ онъ, по нещастію, подъемля вверьхъ свои очи, конецъ меча висящаго надъ его головою, и прикрѣпленнаго къ потолоку токмо одним конскимъ волоскомъ. Въ то самое время холодный потъ изъ него потекъ: все красное и великое изчезаетъ въ его очахъ: видитъ онъ токмо мечь, и чувствуетъ свою гибель. будучи объятъ смертоносным страхомъ, просится, чтобъ былъ отпущенъ, и объявляетъ, что онъ такимъ образомъ не хочетъ быть щасливъ, и блаженъ. Изображеніе весьма живое Тіранскія жизни! Сей Тіраннъ, о которомъ мы предлагаемъ, царствовалъ, какъ я уже объявилъ, тритцать восемь лѣтъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сія глава содержитъ історію о второмъ Діонісіи Тіранѣ Сіракусскомъ, сынѣ перваго, и также о Діонѣ, ближнемъ его сродникѣ.

§. I.

ДІОНІСІЙ МОЛОДШІЙ НАСЛѢДНИКОМЪ ЕСТЬ СВОЕМУ ОТЦУ. ДІОНЪ УПРОСИЛЪ ЕГО ПРИЗВАТЬ ПЛАТОНА КО ДВОРУ. УДИВИТЕЛЬНАЯ ПРЕМѢНА, КОЕЙ ПРИЧИНОЮ БЫЛО ЕГО ПРИСУТСТВІЕ. УМЫШЛЕНІЕ ПРИДВОРНЫХЪ, ЧТОБЪ НЕ ДОПУСТИТЬ ДО ВОСПОСЛѢДОВАНІИ ИЗЪ ТОГО.

Л. М. 3632 Пр. Г. Х. 372. Діод. кн. 15. стран 385.

Діонісію старшему былъ наслѣдникомъ одинъ изъ его сыновъ, который тожъ самое имѣлъ имя, и называется обыкновенно Діонісіемъ молодшимъ. Отправивъ великолѣпное погребеніе своему отцу, собралъ онъ народъ, и просилъ его, имѣть къ себѣ тужъ благость, какую онъ показывалъ его отцу. Онъ былъ весьма далекъ отъ отцовскаго характера. Ибо коль больше первый Діонісій былъ гарячъ и досужъ на все, толь болѣе сей былъ тихъ и спокоенъ; а сіе не моглобъ быть нещастіемъ его народу, ежелибъ оная тихость и спокойство происходили отъ разума постояннаго и воздержнаго, а не отъ лѣности, и природнаго нерадѣнія.

Онъ же кн. 16, стран. 410.

Удивительно видѣть, что Діонісій молодшій воспріялъ въ тишинѣ, по смерти своего отца, престолъ Тіранніи, какъ отчичное наслѣдіе. Коль ни велика была природная склонность въ Сіракузянахъ къ вольности, возбужденной еще ктомужъ толь благопріятнымъ случаемъ, и коль ни слабъ былъ молодый Царевичь, не имѣя вѣдомаго достоинства, и искусства. Кажется, что послѣдніи годы старшаго Діонісія, который постарался, при концѣ своея жизни, дабы вкусили его подданныи сладость правленія, примирили ихъ нѣкоторымъ образомъ съ Тіранніею, а особливо отъ того времени, какъ великія его дѣйствія на сухомъ пути и на морѣ, пріобрѣли ему великую славу,

и воз-

и вознесли несказанно въ прославленіе Сіракусскую імперію, которую онъ здѣлалъ страшною самому Карѳагену, равно какъ и самымъ сильнымъ Италіанскимъ и Греческимъ народамъ. Съ другой стороны, имѣли они причину бояться, чтобъ, ежели перемѣнять правленіе, смертоносныя воспослѣдованія, междоусобныя брани не погубили у нихъ всѣхъ тѣхъ преимуществъ, а тихій и человѣколюбный характеръ молодшаго Діонисія показывалъ имъ впредь благопріятную надежду. Итакъ, восшелъ онъ спокойно на престолъ своего отца.

Было нѣчто подобное сему въ Англіи. Славный Кромвель умеръ также спокойно на своемъ ложѣ, какъ бы и самый лучшій Государь; а тѣло его погребено съ такоюжъ честію и великолѣпіемъ, съ какою законныхъ Царей погребаютъ тѣла. Аглічане произвели сына его Рішарда въ достоинство ПОКРОВИТЕЛЯ (*), и пребыли ему также покорны, какъ были и отцу его, хотя въ немъ и не-было никакова великаго достоинства.

* Protector.

Діонъ самый храбрый, и самый мудрый человѣкъ изъ Сіракузянъ, и который былъ ближній свойственникъ молодшему Діонисію, могъ бы ему быть великою помощію, ежелибъ тотъ умѣлъ употребить въ свою пользу его совѣты. Въ первомъ собраніи, которое всѣ Государевы пріятели имѣли у молодшаго Діонисія, Діонъ говорилъ съ толикимъ благоразуміемъ о всемъ полезномъ и лучшемъ для настоящаго обстоятельства, въ которомъ они находились, что онъ показалъ себя въ смыслѣ такимъ, что другіи всѣ предъ нимъ были токмо какъ малыи дѣти, а въ смѣлости и свободѣ были они токмо подлыи невольники Тіранніи, радѣя токмо бесчесно объ угожденіи Государю. Но сіе больше всего еще ихъ удивило нечаянно, что Діонъ, видя всѣхъ сихъ придворныхъ въ крайнемъ страхѣ при наступающей грозѣ и бурѣ съ Карѳагенскія стороны, и готовыхъ ужé напасть на Сіцілію, похвалился дерзновенно въ томъ, что ежели Діонисій хочетъ имѣть миръ; то онъ Діонъ сядетъ теперь въ судно, отправится въ Африку, и разгонитъ тучу къ его Діонисіеву удовольствію: Но буде онъ лучше восхощетъ войны; то сей ему поставитъ, и будетъ содержать на своемъ иждивеніи пятьдесятъ

Плут. въ Діон. стр. 960, 961.

десяпѣ галерѣ о трехѣ рядахѣ весел̃ѣ, совсѣмѣ воруженныхѣ.

Молодшій Діонісій, удивляясь толь щедроподательному великодушію, и превозносся оное даже до небесѣ, засвидѣтельствовалѣ ему многое возблагодареніе за усердіе его и доброхотство: Но придворныи, которыи почитали великолѣпіе Діоново за укоризну себѣ, а великую его силу за умаленіе ихѣ собственной, произвели тотчасѣ оттуду подлогѣ кѣ клеветѣ, и не опустили ни единыя рѣчи, которая моглабѣ огорчить на него молодаго Государя. Вытолковали они ему, что когда онѣ Діонѣ будетѣ силенѣ на-морѣ, то отворитѣ себѣ путь кѣ Тіранніи; и что посредствомѣ своихѣ судовѣ думаетѣ онѣ перенесть всю силу на Арістомахіныхѣ дѣтей, своихѣ племянниковѣ.

Но житіе, какое препровождалѣ Діонѣ, еще ихѣ больше возбуждало на него, для того что оное было непрестаннымѣ охужденіемѣ ихѣ житія. Ибо сіи придворныи, овладѣвши сперьва разумомѣ молодаго Тіранна, кой былѣ очень худо воспитанѣ, старались токмо представлять ему непрестанно новыя увеселенія, упражняя его всегда пированіями, предавшагося женскому полу, и попустившагося во всѣ другія сладострастія самыя бесчесныя. Сѣ начала своего царствованія дѣлалѣ онѣ такія гулянія, которыя продолжались по-три цѣлыи мѣсяца: а во все сіе время палата его, заключеннымѣ всѣмѣ добронравнымѣ и благоразумнымѣ людямѣ, преисполнена была пьяницѣ, и вся гремѣла игрищами, и срамнымѣ скоморошествомѣ, також бесстыдными пѣснями, плясками, маскарадами, и всѣми блядивыми непотребностями. Итакѣ, не-было ничего толь докучнаго для нихѣ, какѣ то можно думать, ни толь тягоснаго, коль присутствіе Діоново, который убѣгалѣ отѣ всѣхѣ сихѣ увеселеній, и не погружался вѣ оныя. Того ради, наводя на сіи его добродѣтели краски самые видные пороковѣ, нашли они способѣ обносить его Государю, и проносить важность его за надменіе, а смѣлость вѣ словахѣ за дерзость возмутительную. Ежели онѣ хотѣлѣ дать какой мудрый совѣтѣ; то называли его свирѣпымѣ наставникомѣ, который вплетался не

Атен. кн. 19. стран. 535.

кстати

кстати подавать свои наставленія и укарять Государя; а буде онъ не хотѣлъ пьянствовать съ другими; то былъ онъ, по ихъ, не любимъ, и угрюмый, который съ высоты своея добродѣтели презиралъ всѣхъ другихъ, и дѣлалъ себя надзирателемъ надъ человѣческимъ родомъ.

Впрочемъ, надобно признать, что онъ имѣлъ съ природы въ видѣ своемъ и въ поступкахъ нѣчто суровое и жестокое, которое показывало чувствительную высокость, и было способно къ отвращенію отъ себя не токмо молодаго Государя, воспитываемаго непрестанно въ ласкательствахъ, и въ угожденіяхъ, но и самыхъ лучшихъ его друговъ, и тѣхъ, кои съ нимъ имѣли претвердое соединеніе. Сіи, будучи преисполнены удивленія его правотѣ, твердости, и благородству мыслей, представляли ему, что онъ, какъ государственный человѣкъ, имѣющій нужду въ умѣніи какъ обращать сердца, дабы ихъ привесть къ своему намѣренію, являлъ во нравахъ своихъ нѣчто весьма свирѣпое, и очень дикое. Платонъ, потомъ, потщался исправить въ немъ сей недостатокъ, соединяя его особливо съ нѣкоторымъ Філософомъ, который имѣлъ играніе и пріятность въ разумѣ, и былъ очень способенъ къ вдохновенію въ него поступокъ пріятныхъ и внѣдряющихся. Напоминаетъ онъ ему о томъ также и въ письмѣ, написанномъ къ нему, въ коемъ такъ ему говоритъ: „Извольте, прошу, размыслить; говорятъ о васъ, что „нѣтъ въ васъ пріятности и благосклонности: благоволи„те сіе твердо содержать въ памяти и въ разумѣ, что „самое достовѣрное средство, къ полученію успѣха въ дѣ„лахъ, есть, чтобъ здѣлать себя пріятна тѣмъ, съ ко„ими надлежитъ договариваться, и дѣла дѣлать. (a) УГ„РЮМОСТЬ УДАЛЯЕТЪ ОТЪ СЕБЯ ЛЮДЕЙ, И ПРИВО„ДИТЪ ЧЕЛОВѢКА ВЪ УЕДИНЕНІЕ.„ Не смотря на сей недо-

Плат. Эпист. 4.

(a) Ἡ δὲ αὐθάδεια ἐρημίᾳ ξύνοικος. Г. Дасіеръ перевелъ сіе такъ: угрюмость есть всегда ПРЕПРОВОЖДАЕМА УЕДИНЕНІЕМЪ. Но Авторъ мой доказалъ въ способѣ какъ учить Томъ 3. стран. 505. чѣмъ сей переводъ есть пороченъ. По словамъ сіе: САМОНРАВІЕ ПУСТЫНСТВУЕТЪ СЪ УЕДИНЕНІЕМЪ.

недостатокъ, онъ былъ въ великомъ почтеніи при дворѣ, гдѣ верьховность его разума, и превосходное достоинство дѣлали его не обходимо нужнымъ, а особливо въ такое время, въ кое государство было угрожаемо превеликою бурею.

Плут. въ Діон. стран. 962. Плат. Эпіст. 7. стран. 327, 328.

Икакъ онъ думалъ, что всѣ пороки Діонісія молодшаго происходили отъ худаго воспитанія, какое онъ имѣлъ, и отъ глубокаго незнанія, въ коемъ находился, должностей своихъ; то онъ рассудилъ изрядно, что во-первыхъ надлежало тутъ здѣлать сіе, именножъ, соединить его, ежели возможно, съ благоразумными людьми, коихъ твердые, но пріятные бесѣды, могутъ ему подать наставленіе забавляя его. Ибо сей Государь, самъ въ себѣ, не имѣлъ худаго грунта.

Послѣдованіе покажетъ, что въ Діонісіи молодшемъ была склонность къ добру, и къ добродѣтели; имѣлъ онъ и охоту и нѣкоторую способность къ наукамъ и знаніямъ. Онъ умѣлъ почитать достоинство, и таланты отмѣняющіи человѣковъ. Любилъ онъ бесѣдовать съ искусными людьми, а отъ обходительства съ ними здѣлалъ онъ себя способнымъ къ полученію себѣ самыхъ высокихъ познаній. Онъ почитай привелъ въ дружество свой престолъ съ науками, которые не имѣютъ дерзновенія приближаться къ оному, и дѣлая ихъ чрезъ то какъ времещицами, привелъ оные въ смѣлость; а защищеніемъ и покровительствомъ своимъ, которыя имъ были вмѣсто жалованныя грамоты на благородство, вывелъ ихъ въ честь. Не-былъ онъ также нечувствителенъ къ сладости дружбы. Во внутренностяхъ своего дому, былъ онъ добрый сродникъ, и добрый хозяинъ; да и старался онъ, чтобъ быть ему любиму отъ блискихъ къ нему. Природа не прекланяла его къ наглости и къ лютости; и можно сказать, что онъ былъ Тираннъ по преемничеству и по наслѣдству больше, нежели по охотѣ и по склонности.

Все сіе показываетъ, что можно было здѣлать изъ него довольно хорошаго Государя, ежелибъ сперьва приложечо было раденіе къ учрежденію благополучныхъ расположеній, принесенныхъ имъ въ рожденіи Но отецъ его, коему всякое достоинство, еще и въ собственныхъ его

дѣтяхъ

дѣтяхъ, было подозрительно, постарался заглушить въ немъ все доброе сѣмя, и всякое благородное и высокое чувствіе, воспитаніемъ подлымъ и темнымъ, дабы впредь не могъ онъ ничего предпріять противъ него. Итакъ, надлежало для него изобрѣсть человѣка такова, какова я объявилъ, или лучше, вдохнуть въ него самого желаніе къ исканію того.

О семъ Діонъ потщался удивительнымъ искусствомъ. Говорилъ онъ ему часто о Платонѣ, самомъ искусномъ и знатнѣйшемъ изъ Философовъ, котораго достоинство позналъ самъ собою, и былъ тому одолженъ всѣмъ тѣмъ, что онъ зналъ. Похвалялъ крайно изрядство его разума, пространство его знаній, тихость нрава его, и пріятность разговоровъ. А особливо представлялъ онъ его какъ такова человѣка, который больше всѣхъ способенъ подать наставленіе въ томъ, какъ царствовать, отъ чего зависѣло собственное Діонісіево благополучіе, и его народовъ. Изъяснялъ ему, что подданныи его, когда отнынѣ будутъ правимы тихостію и милостію, какъ домочадство управляемо бываетъ добрымъ отцемъ; то они исполнять имѣютъ добровольно, для умѣренности и его справедливости, всѣ должности, которые они исправляли по неволѣ отъ силы и наглости, и что симъ способомъ здѣлается изъ Тіранна законнымъ Царемъ.

Невѣроятно, сколь сіи рѣчи вкидываемые по временамъ въ разговоры, какъ бутто ненарочно, безъ всякаго притворнаго вида, и бутто не умышленно, зажгли въ сердцѣ молодаго Государя великое желаніе знать Платона, и съ нимъ поговорить. Писалъ онъ къ нему письма какъ весьма просительныя, такъ и попремногу учтивыя. Посылалъ въ Аѳины гонца за гонцомъ, дабы тотъ поспѣшилъ отправиться въ путешествіе. Платонъ, боясь изъ того воспослѣдованій, и не надѣясь большаго плода, медлѣнно поступалъ въ томъ дѣлѣ; а не отказываясь совершенно, давалъ знать довольно, что имѣетъ затрудненіе на то подняться. Препятствія и трудности, предлагаемые на прошеніе молодаго Государя, не токмо сего отъ намѣреннаго не отвратили, но еще и послужили, какъ то обыкновенно, къ большему воспаленію его желаній.

ній. Піѳагорическіи Філософы, жившіи въ большой Греціи въ Италіи, присовокупили свою прозьбу къ прозьбамъ Діонисіевой и Діоновой, который съ своей стороны усугубилъ прошеніе, и употребилъ самыя сильныя доказательства на преобореніе Платонова сопротивленія „Дѣло идетъ, „говорилъ онъ ему, не о простомъ человѣкѣ, но о силь„номъ Государѣ, въ которомъ премѣна здѣлаетъ премѣну „во всѣхъ его областяхъ; а вы и знаете оныхъ простран„ство. Онъ самъ васъ о томъ проситъ, понуждаетъ, и „прекланяетъ прибыть къ себѣ на поданіе ему помо„щи, употребляя на то къ вамъ и всю силу вашихъ дру„говъ. Какова уже благопріятнѣйшаго сего случая можемъ „мы ожидать, подаемаго намъ божественнымъ провидѣні„емъ? Какъ вамъ не страшно, что медлѣніе ваше можетъ „подать ласкателямъ, окружающимъ молодаго Государя, „время отвлещи его на свою сторону, и премѣнить въ „немъ намѣреніе? Какія укоризны не должны вы будете „дѣлать вамъ самимъ, и коль сіе великое будетъ бесче„стіе Філософіи, когда скажется иногда, что Платонъ, „имѣвъ силу совѣтами, которыябъ онъ подалъ Діонисію, „учредить въ Сициліи правленіе мудрое и мѣрное, погру„зилъ его паки во все злое Тиранніи боязнію трудностей „въ путешествіи, или не знаю какими другими мнимыми „затрудненіями „.

Плут. стран: 962. Платонъ не могъ больше сопротивлятьса толь сильнымъ представленіямъ, преодолѣнный разсужденіемъ того, что онъ долженъ былъ самому себѣ, какъ то онъ намъ объявляетъ въ своихъ писаніяхъ, и чтобъ не дать людямъ причины укарять его, что онъ Філософъ только на словахъ, такъ что никогда не принялся за дѣло, чтобъ такимъ дѣйствительно явиться; а съ другой стороны, ощущая превеликій плодъ, кой могъ бы произойти изъ его путешествія въ Сицилію, наконецъ склонился на прозьбу.

Ласкатели, бывшіи при Діонисіевомъ дворѣ, устрашившись воспріятаго намѣренія, не смотря на ихъ представленія, и боясь присутствія Платонова, изъ котораго они предусматривали всѣ воспослѣдованія, соединились совокупно на него, какъ на общаго непріятеля. Они

Они совершенно чувствовали, что ежели, по правиламъ новаго правленія, все будетъ состоять въ истинномъ достоинствѣ, и что больше не должно ожидать благодѣяній отъ Государя, какъ токмо за дѣйствительные услуги показанные обществу; то имъ ужé нѣтъ участія въ милости, и будутъ они только по пустому слонятъся при дворѣ. Того ради, оградились они крѣпкимъ и сильнымъ забраломъ, дабы не допустить къ дѣлу совершенія изъ путешествія, коему они не могли учинить препоны. Сіе ухищреніе ихъ состояло въ томъ, чтобъ привесть на сіе Государя, дабы онъ изволилъ возвратить изъ изгнанія Філиста, человѣка не токмо военнаго, но еще великаго Історіка, весьма краснорѣчиваго, совершенно искуснаго въ словесныхъ наукахъ, и ревнительнаго стоятеля за Тіраннію. Дѣлали они для того, чтобъ имъ въ немъ имѣть перевѣсъ, могущій быть на равновѣсіи съ Платономъ, и со всею его Філософіею. Бывши сосланъ старшимъ Діонісіемъ за нѣкоторое собственное ему неудовольствіе, отбылъ онъ въ городъ Адрію; да и мнятъ, что онъ тамъ сложилъ большую часть своихъ сочиненій. Написалъ онъ Египетскую історію состоящую въ двенатцати книгахъ, Січілійскую въ одиннатцати, а въ шести о Діонісіи Тираннѣ. Не осталось намъ ничего изъ всѣхъ сихъ сочиненій. (a) „Цицеронъ очень его похваляетъ, и такъ, „что называетъ его почитай малымъ Туцідідомъ [pene „pusillus Thucydides]; дабы дать знать, что тотъ ему по„дражалъ, и блиско къ нему подходилъ.„ Итакъ, былъ „Філистъ возвращенъ. Въ тожъ время придворныи принесли жа„лобу на Діона донося на него, что бутто онъ имѣлъ сношеніе съ Ѳеодотомъ и съ Гераклідомъ, тайными Государю непріятелями, дабы найти средство съ ними къ опроверженію Тиранніи. Діод. кн 13 стран. 2 1 8

(a) Hunc [Thucydidem] consecutus est Siracusius Philistus, qui cum Dionysii Tiranni familiarissimus esset, otium suum consumpsit in historia scribenda, maximeque Thucydidem est, sicut mihi videtur, imitatus.
Cic de orat. lib. 2. n. 57.

Siculus ille, creber, acutus, breuis, pene pusillus Thucydides.

Id. Epist. 13. ad Q. fratr. lib. 2.

Плут. въ Діон стр. 963, 964. Въ семъ состояніи находились дѣла́, когда Платонъ прибылъ въ Сицилію. Принятъ онъ тамъ былъ съ неописанною ласкою, и съ са́мою крайнею честію. Когда сшелъ онъ съ галеры; то нашелъ Государеву колесницу заложенную и убранную великолѣпно.

Тіраннъ принесъ жертву, какъ о превеликомъ благополучіи прилучившемся ему. Онъ въ томъ и не обманывался. Мудрый человѣкъ и способный къ поданію добрыхъ совѣтовъ Государю, есть для него драгоцѣнное сокровище, а неоцѣненное для всего государства. Но рѣтко, чтобъ въ томъ знали всю силу; и еще того рѣже, чтобъ дѣлали изъ того надлежащее употребленіе.

Платонъ нашелъ са́мыя благополучныя расположенія въ молодшемъ Діонисіи, который отдался совсѣмъ его наставленіямъ и совѣтамъ. Но, какъ онъ и самъ несказанный получилъ себѣ успѣхъ отъ совѣтовъ и обрасца Сократа, учителя своего, са́маго искуснаго человѣка во всемъ язычествѣ, къ изъясненію истинны; то постарался преобращать сердце и разумъ въ молодомъ Тіраннѣ удивительнымъ искусствомъ, убѣгая всячески отъ того, чтобъ въ лице и прямо противиться его страстямъ, тщась преклонить его на себя въ надежду способомъ тихимъ и вкрадывающимся, а особливо, прилѣжа къ тому, чтобъ ему показать добродѣтель любезною, и совокупно здѣлать бы ея побѣдительницею пороковъ, которая удерживаетъ человѣковъ въ своихъ узахъ премногими благолѣпностями, пріятностію, тихостію, и увеселеніями.

Перемѣна здѣлалась скорая и удивительная. Молодый Государь, погруженный по то время въ праздность, въ нѣгу, и въ незнаніе всѣхъ своихъ должностей, которое есть изъ тѣхъ необходимымъ воспослѣдованіемъ, и пробужденный тогда какъ отъ спячки какія, на́чалъ отворять свои́ глаза́, и нѣсколько видѣть красоту добродѣтели, вкушать сладость, и пользоваться пріятностію бесѣды какъ твердыя, такъ и красныя; да и отдался онъ съ толикоюжъ охотою желанію, чтобъ научиться и уразумѣть, коликое онъ имѣлъ прежде отъ того удаленіе, и тѣмъ мерзился. Дворъ, какъ есть обезьяна Государей, который слѣдуетъ во всемъ ихъ склонностямъ, на́чалъ тожъ са́мое дѣлать.

дѣлать. Всѣ храмины въ палатахъ, какъ въ толикомъ же числѣ находящіяся училища Геометріи, были наполнены пескомъ, на коемъ Геометры начертаваютъ свои фигуры, да и въ самое краткое время ученіе Философіи и самыхъ высокихъ знаній стало быть охотою господствующею и общею.

Великій плодъ изъ сихъ ученій въ разсужденіи Государя не состоитъ токмо въ томъ, чтобъ ему наполнить разумъ премногими любопытными знаніями весьма полезными, и часто очень нужными; но больше еще въ семъ, дабы его отвлещи отъ празности, отъ нерадиваго унынія, и отъ пустыхъ придворныхъ забавъ; пріобучить бы его къ жизни прилѣжной и дѣльной; вложить бы въ него желаніе научиться должностямъ царствованія, и познать тѣхъ, кои были превосходны въ інакомъ искусствѣ; словомъ, дабы его привесть въ состояніе править самому чрезъ себя, и видѣть все своими собственными очами: то есть, быть бы ему поистиннѣ Царемъ. Но сему точно придворные ласкатели и воспротивились съ общаго согласія, какъ то сіе случается обыкновенно.

Устрашились они не играя отъ нѣкотораго слова, вылетѣвшаго у Діонісія, и показавшаго, какое дѣйствіе уже имѣли въ сердцѣ его бесѣды, которые съ нимъ были о блаженствѣ Царя, усердно любимаго отъ своихъ подданныхъ, какъ бываетъ отецъ отъ чадъ, и о не благополучной жизни Тіранна, ненавидимаго отъ нихъ и проклинаемаго. Нѣсколько дней спустя по прибытіи Платоновѣ, приспѣло время торжественныя жертвы, приносимыя ежегодно въ палатахъ о благополучіи Государевомъ. Тамъ, когда Провозвѣсникъ произнесъ громкимъ голосомъ по обыкновенію сію молитву, да будетъ угодно богамъ утвердить долголѣтно Тіраннію, и сохранить Тіранна: тогда Діонісій, бывши отъ него недалеко, которому сіи имена начали уже быть ненависны, сказалъ ему вслухъ: ужъли ты перестанешь проклинать меня? Сіе слово опечалило несказаннымъ образомъ Філіста, и его собщниковъ. Они потому разсудили, что время и долгій навыкъ здѣлаютъ непобѣдимою и непреоборимою силу Платонову надъ Діонісіевымъ сердцемъ, потому что обхожденіе толь крат-

каго времени премѣнило совершенно разумъ молодаго шого Государя. Итакъ, начали они думать, какіе выставить бы на него машины, сильнѣйшіе еще прежнихъ.

Во первыхъ, стали они подсмѣиваться надъ уединенною жизнію, какую принуждаемъ былъ препровождать Діонисій, и надъ ученіемъ, къ которому отъ него требовалось прилѣжности, говоря, будтобъ шло дѣло, чтобъ ему надобно было быть Філософомъ. Пошли они еще далѣе, и постарались единомысленно здѣлать ему подозрительною, еще и ненависною ревность Діонову и Платонову, (a) „изображая ему ихъ какъ докучныхъ надзирателей, и по„велительныхъ учителей, и воспріемлющихъ надъ нимъ та„кую власть, которая не приличествовала ни его лѣ„тамъ, ни также его достоинству(b). „ Не удивитель„но, что молодый Государь, каковъ былъ Діонисій, ко„торый съ самою превосходною природою, и при самыхъ „лучшихъ образцахъ, имѣлъ бы великую трудность дер„жаться, наконецъ подвергся искушенію толь нѣжному, „при дворѣ зараженномъ толь издавна, въ коемъ не-было „борьбы, какъ токмо для пороковъ, и гдѣ былъ онъ ок„руженъ толпою ласкателей, непрестанно его похваля„вшихъ и плескавшихъ ему за все и о всемъ.„

Главное старательство было у ласкателей, чтобъ огласить особу и поступку самого Діона; сіежъ не каждый изъ нихъ одинъ, ни втайнѣ дѣлалъ, но всѣ совокупно и явно. Говорили они прямо, и ктобъ ни захотѣлъ отъ нихъ слышать, что то было видимо, что онъ Діонъ употреблялъ краснорѣчіе Платоново, чтобъ обморочить и очаровать Діонисія; сіежъ для того особливо, что когда сей Государь откажется добровольно отъ престола, тобъ ему оный захватить, и посадить дѣтей Арістомахиныхъ, кои были ему племянники. Разглашали они

(a) Tristes et superciliosos alienae vitae censores, publicos paedagogos.
Senec. Epist 123.

(b) Vix artibus honestis pudor retinetur, nedum inter certamina vitiorum pudicitia, aut modestia, aut quidquam probi moris seruaretur.
Tacit. Annal. lib. 4. cap. 13

они неумолкая : весьма печально видѣть, что Аѳиняне, пришедши нѣкогда въ Сіцилію съ великими силами сухимъ путемъ и моремъ, погибли тутъ всѣ, и не возмогли взять Сіракузъ; а теперь они однимъ токмо Софістомъ нашлись въ силахъ раззорить Тіраннію Діонісіеву, присовѣтовавши сему Государю отмѣнить десять тысячъ чужестранныхъ, составлявшихъ стражу его, избыть четыреста галеръ, кои были всегда снаряжены, отпустить десять тысячъ человѣкъ конницы, и передѣлать вновь большую часть своея пѣхоты, для того особливо, чтобъ ему искать въ Академіи [сіе было мѣсто, гдѣ Платонъ имѣлъ свои собранія] мнимаго крайняго блага, коего не можно точно изъяснить, и также чтобъ быть щасливу мыслію чрезъ ученіе Геометріи, оставляя Діону и его племянникамъ благополучіе вещественное и твердое, которое состоитъ въ господствованіи, въ богатствахъ, въ роскоши, и въ забавахъ.

§ II.

ИЗГНАНІЕ ДІОНА. НѢСКОЛЬКО ВРЕМЕНИ СПУСТЯ ПОСЛѢ ТОГО, ПЛАТОНЪ ОСТАВЛЯЕТЪ ДВОРЪ, И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЪ ГРЕЦІЮ. ДІОНЪ ВЪ НЕЙ ПОСТУПАЕТЪ ТАКЪ, ЧТО ЕМУ ВСѢ УЧЕНЫИ УДИВЛЯЮТСЯ. ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПЛАТОНОВО ВЪ СІРАКУЗЫ.

Придворныи, стараясь употребить въ свою пользу всякій благовременный часъ, не отходили прочь никогда отъ молодаго Государя; а прикрывая тайное свое намѣреніе видомъ ревности къ его пользѣ, и притворною умѣренностію въ рассужденіи Діона, непрестанно они напоминали, чтобъ воспріять ему мудрые мѣры для приведенія своего престола и жизни въ безопасность. Всѣ сіи рѣчи произвели тотчасъ въ разумѣ Діонісіевомъ наглыя подозрѣнія на Діона, которыя переродились немедлѣнножъ въ неистовый гнѣвъ, и довели его до явнаго разрыва. Принесены тайно къ Діонісію письма, которыя Діонъ писалъ къ Карѳагенскимъ Посламъ, и имъ въ оныхъ напоминалъ: Что когда они захотятъ договариваться о мирѣ съ Діонісіемъ, тобъ имъ

имъ не дѣлать того безъ его Діонова присутствія, для того что онъ имъ поможетъ заключить союзъ крѣпчайшій и твердѣйшій. Діонисій прочелъ сіи письма Филисту; а положивъ съ нимъ, что ему надлежало дѣлать, провелъ и обманулъ Діона наружностію притворнаго примиренія, свелъ его одного
Плут. въ Діон. въ низъ замка на морскій берегъ, показалъ ему тамъ
Под. кн. 16 стран. 410 письма, и взвелъ на него преступленіе, что онъ вос-
411. сталъ на него Діонисія съ Карѳагенянами. Діонъ хотѣлъ ему въ томъ принесть оправданіе; но тотъ не восхотѣлъ его слушать: да и тотчасъ посадилъ на бригантіну, и велѣлъ мореплавателямъ перевезть на Италійскіи берега, и тамъ его оставить. Діонъ, немедлѣнно потомъ, отправился оттуду въ Пелопоннесъ.

Плут. стр. 964. Поступка толь жестокая и несправедливая не могла не быть въ великомъ разглашеніи, и не возмутить всѣхъ городовъ; особливожъ, что слухъ разнесся, хотя и безъ
Плут. Эпіст. 7. основанія, объ умерщвленіи Платоновомъ. Діонисій, боясь изъ того воспослѣдованій, постарался утишить сердца, и утолить жалобы. Далъ онъ сродникамъ Діоновымъ два судна, дабы они нагрузили ихъ всѣмъ его богатствомъ и всѣми домовыми уборами, ибо у него были сіи царственныи, и поѣхалибъ къ нему со всѣмъ въ Пелопоннесъ.

Какъ скоро Діонъ отъѣхалъ, Діонисій перемѣнилъ домъ Платону, и перевелъ его въ замокъ, подъ видомъ большія ему чести, но въ самомъ дѣлѣ, чтобъ прибрать его ближе къ рукамъ, и не допустить, чтобъ онъ могъ отъѣхать за Діономъ къ нему. Намѣреніе его еще, что онъ такъ его къ себѣ приближилъ, могло быть и такое, дабы ему слышать его чаще и способнѣе. Ибо, любя безмѣрно сладость его разговоровъ, и стараясь самъ во всемъ ему угождать, и быть отъ него любимъ, имѣлъ онъ къ нему такое почтеніе, или лучше такую страсть, что она могла названа быть завистію, но завистію наглою, которая не могла терпѣть ни товарища, ни соперника. Онъ хотѣлъ имъ владѣть одинъ, царствовать одинъ въ его разумѣ и сердцѣ, и быть отъ него одинъ любимъ и возлюбленъ. Казался онъ быть въ такомъ расположеніи, чтобъ ему уступить всѣ свои сокровища и всю власть, ежелибъ тотъ хотѣлъ его любить больше не-

желли

жели Діона, и не предпочитать Діоновы дружбы дружбѣ его. Плутархъ основательно называетъ сію любовь: любовь Тиранніческая. * Платону надлежало много отъ нея претерпѣвать. Ибо сія страсть имѣла всѣ болести ревности самыя видимыя. (a) „Иногда были отъ него знаки дру„жбы, ласки, и сердечныя непрестанныя и безмѣрныя га„рячести: иногда укоризны, грозы, и неистовый гнѣвъ: „тотчасъ потомъ раскаяніе, слезы, и покорныя прошенія, „дабы получить себѣ отъ него прощеніе.

* ἠράσθη τύραννον ἔρωτα.

Въ то время случилась, весьма кстати для Платона, война, которая принудила Діонісія отослать назадъ Платона, и отдать ему вольность. При отъѣздѣ, восхотѣлъ онъ наградить его премногими дарами, коихъ Платонъ не-взялъ, довольствуясь обѣщаніемъ онаго, именножъ, чтобъ возвратить Діона въ слѣдующую весну: однако не устоялъ тотъ въ данномъ своемъ обѣщаніи; да только послалъ къ нему его доходы съ вотчинъ, прося Платона, въ письмахъ своихъ, извинить его Діонісія, что онъ преминулъ то здѣлать въ срочное время, а жаловатьсябъ ему въ томъ на войну. Далъ онъ ему еще свое слово, чтобъ, какъ скоро миръ заключенъ будетъ, возвратить по прежнему Діона, толькожъ съ такимъ договоромъ, чтобъ сему быть покойну, не мѣшаться ни во что, и не оглашать его Діонісія предъ Греками.

Платонъ, возвращаясь въ Грецію, ѣхалъ чрезъ Олимпію, дабы ему тамъ видѣть потѣхи. Стоялъ онъ въ Гостинницѣ съ чужестранными знатными людьми. Кушалъ съ ними совокупно; препровождалъ неразлучно отъ нихъ все то время; и обходился съ ними очень просто и не оказательно, такъ что никогда не говорилъ ни о Сократѣ, ни объ Академіи, и не давъ имъ больше ничего знать о себѣ, какъ только, что ему имя Платонъ. Сіи чужестранныи радовались, что нашли себѣ человѣка толь тихаго

 и дру-

(a) In amore haec omnia insunt vitia, suspiciones, inimicitiae, induciae, bellum, pax rursum.

Terent. in Eunuch.

In amore haec sunt mala, bellum, pax rursum.

Horat.

и дружнаго : но понеже онъ разговаривалъ съ ними только обь обыкновенныхъ вещахъ ; то они не могли отнюдъ подумать , чтобъ онъ былъ тотъ Філософъ , коего слава была толь велика. Когда окончались потѣхи, то они съ нимъ поѣхали въ Аѳины , гдѣ онъ ихъ принялъ жить къ себѣ. Какъ скоро они туда прибыли; то и начали его просить , чтобъ онъ пожаловалъ повелъ ихъ къ оному славному Філософу , имѣющему одно съ нимъ имя , и бывшему ученикомъ Сократовымъ. Платонъ имъ сказалъ улыбаясь, что то онъ самъ. Сіи чужестранныи дивясь нечаянности, что пользовались толь драгоцѣннымъ сокровищемъ не знавши онаго , гнѣвались сами на себя , что не могли они рассмотрѣть всего достоинства въ семъ великомъ человѣкѣ сквозь покровъ простоты и кротости , коимъ онъ то утаевалъ , и дивились ему въ томъ еще больше.

Плут въ Діон. стр. 964. Время препровожденное Діономъ въ Аѳинахъ , было ему не бесполезно : употребилъ онъ то особливо на ученіе Філософіи , къ коей имѣлъ превеликую охоту , да и была она для него страстію его. (a) „Однако , „умѣлъ онъ то , что въ ней было самое трудное , за„ключить въ надлежащихъ границахъ , и не отдался ей „такъ , чтобъ ему пренебрегать свой должности. „ Въ сіе точно время Платонъ содружилъ его особливо съ Спевсіппомъ племянникомъ своимъ , который , соединяя съ Філософскою важностію поступки свободные и вкрадывающіеся , каковы бываютъ въ придворномъ человѣкѣ , умѣлъ пріятно мѣшать игру и чесные забавы съ упражненіями самыми дѣльными : и который , симъ характеромъ весьма рѣткимъ въ ученомъ человѣкѣ , былъ больше всѣхъ способенъ къ умягченію всего того , что было преизбыточно жестокое и свирѣпое въ Діоновыхъ нравахъ.

Въ то время , какъ Діонъ обрѣтался въ Аѳинахъ, настала череда Платону , снарядить потѣхи , и представить трагедіи въ бакхусовъ празникъ ; а дѣлалось сіе съ крайнимъ великолѣпіемъ ,и многимъ иждивеніемъ для чрезвычай-

(a) Retinuitque , quod est difficillimum , ex sapientia modum. Tacit. in vit. Agricol. n. 4.

вычайнаго ревнованія введшагося тамъ. Діонъ далъ ему сумму на всѣ тѣ расходы. Платонъ, желая его всѣмъ объявить, восхотѣлъ уступить ему сею честію, дабы сіе великолѣпіе привело его еще въ большую любовь и любленіе Аѳинянамъ.

Діонъ былъ также и въ другихъ Греческихъ городахъ, находясь на всѣхъ празнованіяхъ, и во всѣхъ собраніяхъ, и бесѣдуя съ самыми превосходными разумами, и съ глубокими Политиками. Онъ не пышностію и не надменіемъ, весьма обыкновенными особамъ его состоянія, отмѣнялъ себя въ обществахъ. Но напротивъ того, простотою и кротостію, и еще больше красотою своего разума, пространствомъ знанія, и мудростію своихъ рассужденій. Всѣ городы отдавали ему великую честь, такъ что Лакедемоняне объявили его Спартанскимъ гражданиномъ, не смотря на гнѣвъ Діонісіевъ, который имъ дѣйствительно подалъ помощь весьма полезную, во время бывшія у нихъ войны съ Тебанцами. Толь многіи знаки любленія и отмѣны возбудили ревность въ Тіраннѣ. Престалъ онъ посылать къ Діону доходы съ его земель, и отдалъ ихъ въ правленіе собственнымъ своимъ зборщикамъ.

Послѣ какъ Діонісій окончалъ войну, коя у него была въ Сіциліи, и которыя Історія не объявляетъ намъ обстоятельствъ, убоялся, чтобъ поступка, сказанная отъ него Платону, не огласила его между Філософами, и не разгласилабъ его за непріятеля онымъ. Того ради, призвалъ онъ къ своему двору самыхъ ученыхъ людей изъ Італіи, и имѣлъ въ своихъ палатахъ собранія, во время коихъ силился, по безумному честолюбію, превзойти ихъ всѣхъ краснорѣчіемъ, и глубокостію знанія, рассказывая не кстати рѣчи перенятые у Платона. Но какъ сіи рѣчи были токмо плодъ памяти, а сердце его въ нихъ отнюдь не имѣло участія; то источникъ ихъ вскорѣ иссякнулъ. Тогда онъ почувствовалъ все потерянное собою чрезъ то, что не умѣлъ лучше употребить въ свою пользу сокровище мудрости бывшее у него, и что не выслушалъ до самаго конца удивительныхъ наставленій отъ превеликаго изъ Філософовъ во всемъ свѣтѣ.

Плат. Эпіст. 7. стран. 338.-340. Плут. въ Діон. стр. 964. 966.

Ц 2 И какъ

И какъ все есть наглое и устремительное въ Тіраннахъ; то Діонісій почувствовалъ въ себѣ вдругъ пребезмѣрную нетерпѣливность, чтобъ паки видѣть Платона; да и старался онъ всячески, дабы ему въ томъ получить успѣхъ. Принудилъ Архіта, и другихъ Піѳагорическихъ Філософовъ, писать къ тому, обнадеживая, что можетъ прибыть во всякой безопасности, да и здѣлаться порукамиi, что всѣ обѣщанія ему исполнятся такъ, какъ оныя предлагаются. Послали они съ своей стороны Архідема къ Платону; а Діонісій отправилъ въ тожъ время отъ себя двѣ галеры о трехъ рядахъ веселъ съ многими изъ его пріятелей, чтобъ имъ преклонить его своею прозьбою къ тому, чего онъ Діонісій желалъ. Написалъ онъ къ нему также письма своеручныя, коими объявлялъ прямо, что ежели Платонъ откажется быть въ Сіцілію; то Діону ничего не должно ожидать отъ него Діонісія: напротивъ же того, буде прибыть изволитъ; то нѣтъ того, чегобъ онъ для него не могъ здѣлать.

Діонъ получилъ съ нимижъ многія письма отъ своея жены и отъ сестры, которые его принуждали уговорить Платона прибыть въ Сіцілію, и удовольствовать нетерпѣливность Діонісіеву, а чтобъ онъ самъ не подавалъ ему никакія новыя причины къ худымъ отъ него съ нимъ Діономъ поступкамъ. Сколько ни противно было Платону сіе путешествіе; однако не могъ онъ противиться толь жаркой прозбѣ отъ всѣхъ сторонъ, да и принялъ намѣреніе ѣхать въ третій разъ въ Сіцілію, имѣя отъ рожденія семдесятъ лѣтъ.

Прибытіе его подъяло упадшую надежду всего народа, который льстилъ себя, что мудрость наконецъ преποбѣдитъ Тіранніюi; а Діонісій показалъ о томъ такую радость, коея изобразить не возможно. Далъ онъ ему мѣсто къ пребыванію въ садовыхъ покояхъ, кои были самыи чесныи, и началъ на него имѣть толикую надежду, что допускалъ его къ себѣ ежечасно не осматривая; а милости сея не казалъ онъ ни самымъ лучшимъ изъ друговъ.

По первыхъ ласкахъ, Платонъ хотѣлъ начать о Діоновомъ дѣлѣ, которое никогда не выходило у него изъ сердца, и было оно главною причиною его путешествія. Діонісій употребилъ сперва отлагательство: потомъ стали

ли уже быть жалобы и ссоры, кои еще не выходили наружу. Тираннъ всячески старался ихъ укрывать, силясь всѣми другими честями, и всѣми отмѣнами, также и возможными угожденіями отвратить его отъ дружбы съ Діономъ. Платонъ, съ своей стороны, скрывалъ все то въ своемъ сердцѣ: и хотя былъ сей въ крайней досадѣ, за толь недостойную неустойку слова; однако не показывалъ въ себѣ оныя.

И какъ они были другъ съ другомъ такимъ образомъ, и думали, что никто не проникнулъ въ ихъ тайну; то Геліконъ Цізіческій, особливый другъ Платону, прорекъ, что въ такой то день будетъ солнечное затмѣніе. Когда сіе затмѣніе случилось, какъ то онъ предвозвѣстилъ, и въ самый тотъ часъ; то Діонісій въ толикое тому пришелъ удивленіе [сіе доказываетъ, что онъ не былъ великій філософъ] что пожаловалъ ему за то цѣлый талантъ. * Арістіппъ, шутя надъ симъ приключеніемъ съ другими Філософами, сказалъ, что и онъ имѣетъ нѣчто прорещи весьма невѣроятное, и очень чрезвычайное. И какъ его всѣ принуждали сказать, чтобъ такое было: я вамъ предвоз„вѣщаю, говорилъ онъ имъ, что вскорѣ Діонісій и Пла„тонъ, кои вамъ толь дружны кажутся между собою, „будутъ другъ другу непріятелями „.

* 600. рублей.

И подлинно, Діонісій, утрудившись принужденіемъ себя, продалъ всѣ вотчины и имѣніе Діоново, а деньги у себя удержалъ. Въ тожъ время, выслалъ онъ Платона изъ садоваго покоя, давъ ему мѣсто за замкомъ посрединѣ тѣлохранителей своихъ, которыи его уже давно ненавидятъ, и старались убить, для того что онъ совѣтовалъ Діонісію оставить Тираннію, и ихъ самихъ уничтожить, а жить за стражею любви отъ народа. Платонъ признавается, что онъ былъ одолженъ животомъ своимъ дружбѣ Тиранновой, который удержалъ неистовство тѣлохранителей.

Архітъ, славный Пиѳагоріческій Філософъ, кой имѣлъ первое достоинство въ Тарентѣ, и былъ тамъ въ первомъ градоначальствѣ, какъ скоро увѣдомился о превеликомъ бѣдствіи, въ коемъ находился Платонъ, такъ тотчасъ послалъ Пословъ, и галеру о тритцати веслахъ по Платона

на къ Діонісію, напоминая сему, что тотъ прибылъ въ Сіракузы за его споручені емъ, и всѣхъ Пиѳагорическихъ Філософовъ, кои въ томъ обязались, что не надлежало ему ничего бояться. Чего ради, какъ не могъ онъ Діонісій его удержать по неволѣ, такъ и ни потерпѣть, чтобъ ему какое было озлобленіе, не нарушивъ явно своего слова, и не пришедъ въ крайнюю огласку у всѣхъ добрыхъ людей. Сіи справедливыя напоминанія возбудили оставшійся стыдъ въ сердцѣ Тіранновѣ, который наконецъ позволилъ Платону возвратиться въ Грецію.

Плут. въ нравоуч. стран. 52. Філософія и мудрость выѣхали съ нимъ изъ палаты. Мѣстожъ оныхъ бесѣдъ, равнымъ образомъ пріятныхъ и полезныхъ, оныя гарячія охоты къ наукамъ и знаніямъ, оныхъ разговоровъ важныхъ и рассудительныхъ мудрыя Політики, заняли (a) „пустые и бесполезные рѣчи, „бездѣльные забавы, и окаменѣлое нерадѣніе, нелюбящее „всего, что было важное и дѣльное„. Піянство и гуляніе непотребное пришли при дворѣ въ древнюю силу, и оный перемѣнили, здѣлавши его изъ добродѣтельнаго училища, какимъ онъ былъ при Платонѣ, подлиннымъ котухомъ Цirкинымъ.

§ III.

ДІОНЪ ѢДЕТЪ ИЗБАВИТЬ СІРАКУЗЫ. СКОРЫЙ И БЛАГОПОЛУЧНЫЙ УСПѢХЪ ЕГО ПРЕДПРІЯТІЯ. МЕРЗСКОЕ НЕБЛАГОДАРСТВІЕ СІРАКУЗЯНЪ. НЕСЛЫХАННАЯ ДІОНОВА БЛАГОСТЬ КЪ НИМЪ, И КЪ САМЫМЪ ЛЮТЫМЪ СВОИМЪ НЕПРІЯТЕЛЯМЪ. СМЕРТЬ ЕГО.

Л. М. 3643. Пр. І. Х. 361. Плут. въ Діон. стр. 966. 968. Когда Платонъ оставилъ Сіцілію; то Діонісій больше не хранилъ мѣры, и отдалъ сестру свою Арету, супругу Діонову, въ жену своему другу, именемъ Тімократу. Толь недостойная поступка была вмѣсто знака къ войнѣ. Отъ того времени Діонъ воспріялъ намѣреніе напасть явною силою на Тіранна, и мстить за всѣ несправедливости учиненные ему Діону. Платонъ всячески спа-

(a) Τὸ ληθεῖν, ἀμυσία, λήθη, συνήθεια.

старался, чтобъ его отвратить отъ сея мысли: но видя, что все его стараніе было тщетно, предсказалъ ему всѣ нещастія, коимъ онъ будетъ причиною, и объявилъ, что онъ не долженствуетъ отъ него ожидать ни помощи, ни совѣтовъ: что понеже былъ онъ Платонъ сотрапезственникомъ Діонісіевымъ, обитателемъ его палаты, и причастникомъ тойже самой жертвѣ; то ни когда не забудетъ должностей, кои налагало на него гостопріимство; а чтобъ съ другой стороны удовольствовать дружбѣ, бывшей у него съ Діономъ; то онъ пребудетъ ни на той ни на другой сторонѣ, будучи всегда готовымъ исполнять должности добраго посредника къ примиренію, и всегдажъ равнымъ образомъ противникомъ ихъ намѣреніямъ, когда они будутъ искать взаимнаго себѣ истребленія.

Не извѣсно, Платонъ такъ думалъ отъ благоразуміяль, или отъ благодарности, или наконецъ отъ достовѣрности, что Діонъ не могъ законно низложить съ престола Діонісія. Съ другой стороны, Спевсіппъ, и всѣ другіи пріятели Діоновы, непрестанно ему напоминали, чтобъ онъ ѣхалъ, и свободилъ изъ неволи Сіцілію, коя къ нему простираетъ руки, и воспріиметъ его съ крайнею радостію. Такое было подлинно города Сіракузъ расположеніе, кое Спевсіппъ, пребывавши тамъ съ Платономъ, позналъ самъ собою. былъ токмо вопль всѣхъ людей, кои понуждали и просили Діона прибыть: чтобъ онъ не раздумывалъ за тѣмъ, что нѣтъ у него ни судовъ, ни пѣхоты, ни конницы: чтобъ онъ сѣлъ на самое первое купеческое судно, кое попадется ему: и чтобъ онъ прибылъ, и ободрилъ своею особою и именемъ Сіракузянъ на Діонісія.

Діонъ немедлѣнно взялся за то, что ему долженствовало стать съ нѣкоторыя стороны въ дорогую цѣну. Отъ того времени, какъ Діонісій изгналъ его изъ Сіракузъ и изъ Сіціліи, препровождалъ онъ въ своей ссылкѣ жизнь самую пріятную, какія можно желать человѣку вкусившему ужé совершенную сладость ученія: пользуясь спокойно бесѣдою съ Філософами, присутствуя при всѣхъ ихъ словопрѣніяхъ, сіяя особливо красотою своего разума

ма, и твердостію рассужденія своего, проходя городы мудрыя Греціи, дабы въ нихъ видѣть, и говорить съ са́мыми избранными и лучшими изъ ученыхъ людей и имѣющихъ высокій разумъ, и дабы получить наставленіе, отъ са́мыхъ искусныхъ Политіковъ, оставляя повсюду знаки своея щедрости и великолѣпія, будучи равнымъ образомъ любимъ и почитаемъ отъ всѣхъ его знавшихъ, и восприемля во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ находился, честь чрезвычайную, отдаемую болше еще его достоинству, нежели его роду. Отъ сея точно толь пріятныя жизни онъ оторгнулся, и отправился на по́мощь своему отечеству, требующему его покровителства, дабы оное избавить отъ ига тіраннического, отъ коего оно уже́ давно стенало.

Можетъ быть, что никогда не бывало предпріятія, которое начато былобъ съ толикою смѣлостію, и ведено толь съ великимъ благоразуміемъ. Діонъ началъ набирать втайнѣ чужестранное войско другими людьми, дабы лучше утаить свое намѣреніе. Великое число знатныхъ особъ, бывшихъ главными при дѣлахъ, съ нимъ соединились. Но, что весьма удивително, изъ всѣхъ сосланныхъ отъ Тіранна въ ссылку, и коихъ не меньше было тысячи человѣкъ, нашлось токмо дватцать пять, кои пошли съ Діономъ въ сей походъ; толико то страхъ былъ превеликій въ сердцахъ! Мѣсто показано было на островѣ Заціпѣ, гдѣ войско собралось, коего нашлось съ восемь сотъ человѣкъ, но всѣ испытанныи при знатныхъ случаяхъ, всѣ удивително обученыи и сильныи, всѣ имѣвшіи такую смѣлость и искусство, какихъ не́ было ни въ са́мыхъ храбрыхъ и привыкшихъ къ войнѣ; словомъ, всѣ весьма способныи распалить бодрость въ воинахъ, коихъ Діонъ надѣялся получить въ Сициліи, и пода́ть имъ о́бразъ къ са́мому мужественному сраженію, какова требовало толь благородное предпріятіе.

Но когда надлежало ѣхать, и когда они узнали, что сіе ополченіе опредѣлено было на Сіцілію и на Діонісія, ибо по то время не́-было имъ сіе объявлено; то всѣ они пришли въ смятеніе, и раскаялись, что обязались на такое предпріятіе, коего они не могли не почитать за безумную и несмысленную продерзость, вздуманную въ по-

слѣ-

слѣднемъ отчаяніи на все отважиться. Діонъ имѣлъ нужду здѣсь во всей твердости, и во всемъ краснорѣчіи, дабы ободрить упадшую храбрость въ войскѣ, и разогнать ихъ страхъ. Когдажъ онъ имъ выговорилъ, и голосомъ безопаснымъ, хотя и умѣреннымъ, далъ имъ знать, что онъ ихъ ведетъ въ сей походъ не какъ воиновъ, но какъ начальствующихъ, чтобъ имъ коммандовать всѣми Сіракузянами, и всѣми Сіцілійскими народами, приготовившимися къ возмущенію уже давно: то смятеніе ихъ и угрюмое молчаніе перемѣнились въ восклицаніе радости и веселія; да и понуждали они сами ѣхать скоряе.

Діонъ, учредивъ великолѣпную жертву на принесеніе Аполлїну, повелѣ свое войско вооруженное съ головы до ногъ, и пошелъ въ ономъ шествіи къ капищу. Потомъ далъ онъ богатый столъ всему своему войску. При окончаніи стола, послѣ прикушиваній и улитій віна богамъ, и послѣ торжественныхъ молитвъ, луна вдругъ затмилась. Діонъ, зная тому совершенную причину, ободрилъ воиновъ, коихъ сіе явленіе сперва устрашило. На другой день сѣли они на-два грузовыя судна. За ними слѣдовало третіе, кое не весьма было велико, да еще двѣ барки о тритцати веслахъ.

Ктобъ повѣрилъ, говоритъ нѣкто изъ Історіковъ, чтобъ человѣкъ одинъ, съ двумя грузовыми судами, дерзнулъ напасть на государя, имѣющаго четыреста (*) воен- Діод. кн. 16. стран. 413.

(*) Трудно понять, какъ оба Діонісія могли содержать толь великое сухопутное и морское войско, для того что владѣніе ихъ распространялось токмо въ нѣкоторой одной Сіцілійской части, и слѣдовательно, было оно заключено весьма въ тѣсныхъ границахъ. Правда, Сіракузы былъ такой городъ, кой купечествомъ весьма обогащенъ, и всѣмъ находился изобиленъ. безъ сомнѣнія, сіи оба Государя получали великіе подати съ городовъ имъ подчиненныхъ какъ въ Сіциліи, такъ и въ Італіи: но не возможно понять, какъ всего сего могло становиться на пребезмѣрныи расходы, каковы старшій Діонісій держалъ на вооруженіе великихъ флотовъ, на наборъ и содержаніе великихъ армей, и на строеніе великолѣпныхъ зданій. Желательнобъ было, чтобъ Історіи объявили намъ о семъ обстоятельнѣе, и подалибъ больший свѣтъ въ разсужденіи сего.

военныхъ кораблей, сто тысячъ человѣкъ пѣхоты, десять тысячъ Конницы, превеликій снарядъ оружія, съѣсныхъ запасовъ, и столько богатства, сколько надобно было на содержаніе и на наемъ войска многолюднаго? Который, сверьхъ того, владѣлъ са́мымъ большимъ и са́мымъ крѣпкимъ въ то время городомъ; который имѣлъ гавени, магазіны, оружейныи домы, за́мки неудобоемлемыи, и который былъ укрѣпленъ великимъ числомъ сильныхъ союзниковъ? Приключеніе намъ покажетъ, что власть, сила, и могущество подлинноль Адамантовою цѣпію на связаніе Імперіи, какъ то старшій Діонісій себя льстилъ; или лучше не находятсяль благость, человѣколюбіе, правосудіе Государей, и любовь подданныхъ, узами несравнено крѣпчайшими и неразрѣшимыми:

Плут. въ Діон. стр. 968. 972. Діод. кн. 16. стран. 414. 417.

Когда Діонъ пустился въ море съ небольшимъ своимъ войскомъ; то они плыли двенатцать дней вѣтромъ слабымъ и неболшимъ, а въ тринатцатый приплыли къ Пахіну, кой есть мысъ Сіцілійскій, разстояніемъ отъ Сіракузъ на́-сорокъ на восемь верстъ, или на шестьдесятъ. Какъ скоро они тамъ пристали; то кормчій кричалъ, чтобъ имъ сходить на́-землю скоряе, для того что онъ опасался наглыя бу́ри, ежелибъ удалиться отъ того бе́рега. Но Діонъ, боясь вытти толь блиско отъ непріятелей, и хотя лучше пристать далѣе, объѣхалъ Пахінскіи мысъ. Едва онъ токмо отплылъ, какъ и поднялась превеликая буря, съ дождемъ, молніею, и съ громомъ, которая ихъ бросила къ восточному Афріканскому бе́регу, гдѣ они были въ превеликомъ бѣдствіи, такъ что едва не разбились о камни. Но по ихъ щастію, всталъ полуденный вѣтръ вдругъ; а они и подняли всѣ свои парусы: помолившись же богамъ, поплыли чистымъ моремъ въ Сіцілію. Бѣжали они четыре дня очень лехко́; а въ пятый вышли въ Гавень въ Мінoѣ небольшомъ Сіцілійскомъ городкѣ, бывшемъ во владѣніи у Каревгенянъ, въ коемъ градоначальникъ, именемъ Сіналъ, былъ особливый другъ Діону, и гость его. Приняты они тамъ благопріятно; да и пребылибъ они тутъ нѣсколько времени для успокоенія своего и отдохновенія по жестокихъ трудахъ, каковы они претерпѣли отъ бу́ри, ежелибъ не увѣдомились, что Діонісія тогда не́-было въ Сіракузахъ

ракузахъ, что не давно предъ тѣмъ сѣлъ онъ въ суда, и что поплылъ въ Італію, а за нимъ слѣдовало восемьдесятъ галеръ. Воины сильнымъ образомъ просили, чтобъ ихъ тотчасъ туда повесть; а Діонъ, просивъ Сінала прислать къ нему его вещи, когда будетъ время, пошелъ прямо въ Сіракузы.

Что далѣе онъ шелъ; то его войско знатно умножалось великимъ числомъ, приходящихъ къ нему со всѣхъ сторонъ, и съ нимъ соединяющихся. Когда слухъ объ его прибытіи разгласился тотчасъ въ Сіракузахъ; то Тімократъ, женившійся на женѣ Діоновой, Діонісіевой Сестрѣ, коему Тіраннъ поручилъ комманду надъ городомъ въ свою небытность, отправилъ къ нему гонца въ Італію съ письмами, коими доносилъ о прибытіи Діоновѣ: но сей гонецъ, почитай уже прибѣжавшій до мѣста, былъ такъ утружденъ, бѣжавъ едва не цѣлую ночь, что необходимо ему надобно стало остановиться, и уснуть нѣсколько времени. Между тѣмъ волкъ привлеченный запахомъ мяса, коего кусокъ привязанъ былъ у него къ мѣшку, да и унесъ какъ мясо, такъ и мѣшокъ, въ которомъ были письма. Итакъ, Діонісій увѣдомился уже поздо, и чрезъ другихъ гонцовъ, о прибытіи Діоновѣ.

Когда сей приближился къ рѣкѣ Анапѣ, которая растояніемъ съ двѣ версты отъ города; то онъ тамъ остановился, принесъ жертву на берегу тоя рѣки, и молитвы совокупно восходящему солнцу. Всѣ тутъ присутствовавшіи, видя Діона увѣнчаннаго шляпою изъ цвѣтковъ, кою онъ возложилъ на себя нарочно ради жертвы, увѣнчали себя также тогдажъ, какъ бывши одушевлены однимъ и тѣмже духомъ. Не меньше у него было пяти тысячь человѣкъ изъ тѣхъ, кои съ нимъ на пути соединились. Пошелъ онъ съ ними прямо къ городу. Знатнѣйшіи изъ обывателей, оставшіися въ домахъ, вышли къ нему на встрѣчу, чтобъ его принять въ воротахъ. Въ тожъ время, народъ побѣжавъ кинулся на пріятелей Тіранновыхъ, дабы отнять у нихъ тѣхъ, кои были подзорщиками, и доносителями, (a) „ЛЮДЕЙ ПРОКЛЯТЫХЪ, ВРАГОВЪ

 БОГАМЪ

(a) Ἀνθρώπους ἀνοσίους, καὶ θεοῖς ἐχθρούς.

„БОГАМЪ И ЧЕЛОВѢКАМЪ „ говоритъ Плутархъ: ибо они ежедневно совались бѣгая по городу, а приставая къ обывателямъ мѣшались во всѣ ихъ дѣла, и потомъ доносили Тіраннувсе, что тѣ говорили, или мыслили, частожъ и то, чего они ни говаривали и ни думывали. Сіи были первыми жертвами ярости народной: прибиты они въ тожъ самое время тотчасъ палками. Тимократъ не возмогши убѣжать въ замокъ, сѣлъ на лошадь, и выбѣжалъ вонъ изъ-города.

Въ тотъ самый часъ Діонъ показался при стѣнахъ градскихъ. Шелъ онъ приводцомъ своего войска въ великолѣпномъ вооруженіи, имѣя на одной сторонѣ при себѣ брата своего Мегакла, а на другой Аѳинянина Каллипа, обоихъ же въ вѣнцахъ на своихъ шапкахъ. За нимъ слѣдовало сто человѣкъ чужестранныхъ воиновъ очень дородныхъ людей, коихъ онъ выбралъ себѣ въ тѣлохранителей. Другіи всѣ шли за ними въ преизрядномъ военномъ порядкѣ, ведомы своими полковниками, и другими начальствующими. Сіракузяне смотрѣли на нихъ съ крайнимъ удовольствіемъ, и принимали ихъ какъ священное шествіе, на коихъ боги сами взирали съ пріятностію, и которыи къ нимъ назадъ приводили Демократію и волность, по прошествіи сорока осми лѣтъ, какъ уже онѣ были выгнаны изъ-города.

Послѣ какъ Діонъ вшелъ; то онъ велѣлъ трубить въ трубу, дабы утолить смятеніе и шумъ; и тотчасъ объявить въ народъ провозвѣснику, что Діонъ и Мегаклъ, пришедшіи истребить Тіраннію, увольняютъ Сіракузянъ и всѣ сіцілійскіи народы отъ Тіранническаго ига. Желаяжъ говорить самъ рѣчь къ народу, восшелъ онъ на верьхъ города Ахрадінскою стороною. Гдѣ онъ ни шелъ; то тамъ видѣлъ, что Сіракузяне поставили по обѣимъ сторонамъ улицъ столы, и чаши, и уготовленныи жертвы: а кой ни проходилъ дворъ; то жители онаго метали на него всякіи цвѣты, и приносили ему доброжеланія, и молитвы, какъ нѣкоторому богу. Такое точно было начало Ідолопоклоненія, которое отдавало божественную честь учинившимъ великую пользу народу. Да и есть ли ему что сладчае и дражае волности? При замкѣ, ниже мѣста называемаго Пентапіль, были солнечныи часы поставлен-

ставленныи очень высоко, здѣланныижъ Діонисіемъ. Діонъ восшелъ туда; говорилъ онъ оттуду рѣчь къ народу стоявшему кругомъ, и совѣтовалъ ему всѣми силами стараться о возвращеніи себѣ вольности, и о сохраненіи при себѣ оныя. Сиракузяне, слушавши у него рѣчь съ радостію, и желая ему обявить свое возблагодареніе и усердіе, выбрали его самого, и брата его въ главныи военачальники, давши имъ верьховную власть; а по общему согласію, еще и по прошенію, присовокупили къ нимъ дватцать человѣкъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ, изъ которыхъ половина была изгнанныхъ Тиранномъ, и возвратившихся съ Діономъ.

Потомъ, взявъ замокъ Эпиполь, свободилъ онъ всѣхъ гражданъ бывшихъ тамъ въ темницѣ, и окружилъ оный добрыми стѣнами. По прошествіи седми дней, Діонисій возвратился изъ Италіи, и въѣхалъ моремъ въ замокъ. Въ тотже день премногое число телѣгъ пришло къ Діону, на коихъ привезено къ нему оружіе, оставленное имъ у Симала: оное тотчасъ онъ роздалъ гражданамъ, не имѣвшимъ того. Всѣ прочіи вооружились, и ополчились, какъ возможно лучше, показывая въ себѣ превеликую охоту и склонность къ битвѣ.

Діонисій началъ посылать Пословъ къ Діону и къ Сиракузянамъ. Тѣ пришли съ такими предложеніями, кои казались полезны. Отвѣтъ имъ данъ, что прежде всего надлежало уничтожить Тираннію. Діонисій не показалъ себя удаленнымъ отъ того. Дошло до свиданій, и до словесныхъ пересылокъ. Все сіе дѣлано проныръствомъ: онъ старался имѣть время, и утушить жаръ въ Сиракузянахъ примиреніемъ. И подлинно, удержавъ и заключивъ присланныхъ къ нему договариваться, напалъ онъ внезапу съ великою частію изъ своего войска на стѣну, коею Сиракузяне окружили замокъ, и здѣлалъ въ ней во многихъ мѣстахъ проломы. Нападеніе толь жаркое, коего сіи не чаяли, здѣлало смятеніе между воинами, такъ что они тотчасъ въ бѣгъ обратились. Діонъ втуне старался хотя ихъ остановить. Рассудилъ онъ, что образъ будетъ дѣйствительнѣе всякихъ рѣчей, да и бросился грудью въ средину къ непріятелямъ. Выдержалъ ихъ ударъ бесстрашною храбростію, и здѣлалъ великое убійство. Былъ

 онъ

онъ и самъ въ руку пораненъ копьёмъ: броня его едва могла выдерживать всѣ пораженія даемыя ему; а когда его щитъ былъ весь пробитъ копьями и стрѣлами, то наконецъ палъ онъ на́-землю. Воины подхватили его тотчасъ, и унесли отъ непріятелей. Оставилъ онъ надъ ними Тімоніда коммандиромъ; а самъ сѣвъ на́-лошадь скакалъ по всему городу, и удержалъ бѣжаніе Сіракузянъ. Взявшижъ чужестранныхъ воиновъ, кои оставлены были беречь Ахрадінскую часть, привелъ ихъ свѣжихъ на Діонісіево войско, утружденное ужé, и совершенно потерявшее охоту, видя толь сильное сопротивленіе, какова оно не надѣялось. Тогда ужé не сраженіе стало быть, но разбитіе. Великое число изъ тѣхъ воиновъ пало; прочіи ушли съ великимъ трудомъ въ за́мокъ. Сія побѣда была знатная и славная. Сіракузяне, въ награжденіе за мужество тѣхъ чужестранныхъ воиновъ, дали изъ нихъ каждому по довольной суммѣ денегъ; а воины сіи почтили Діона золотою короною.

Вскорѣ пóслѣ того, пришли отъ Діонісія вѣсники со многими письмами къ Діону отъ женщинъ его дому, еще и отъ Діонісіевы жены. Діонъ повелѣлъ ихъ прочесть предъ всѣмъ собраніемъ. Письмо, присланное отъ жены Діонісіевы, написано было по óбразу прошенія и оправданія, смѣшаннаго по мѣстамъ съ страшными угроженіями тѣмъ, кои были сáмыи любезныи Діону, именножъ, сестрѣ его, женѣ, и сыну. Составлено оно искусно, хитростію удивительною, и такою, которая способно могла здѣлать Діона подозрительнымъ. Діонісій приводилъ ему въ память все, что прежде того дѣлалъ тотъ съ превеликою охотою и ревностію, чтобъ его Діонісія удержать и утвердить въ Тіранніи. Приговаривалъ онъ словами закрытыми, но весьма ясными къ уразумѣнію, чтобъ Діонъ не истреблялъ совершенно Тіранніи, чтобъ ея берéгъ для себя самого, чтобъ не отдавалъ вольности такимъ людямъ, кои въ глубинѣ своего сéрдца его Діона не любили, и чтобъ не предавалъ самонравному, непостоянному, и наглому множеству, собственнаго своего здравія, и здравія друговъ своихъ и сродниковъ.

Письмо

Письмо сіе получило тотъ успѣхъ, коего Діонісію хотѣлось. Сіракузяне, не смотря ни мало на Діонову благосць къ нимъ, и на его великодушіе, которое приводило онаго въ забвеніе о самой любезной своей пользѣ, и заглушало въ немъ гласъ крови и естества, чтобъ имъ возвратить вольность, начали опасаться преизлишнія его власти, и пришли на него въ неправедныя подозрѣнія. Прибытіе Гераклідово утвердило ихъ всеконечно въ томъ. Сей былъ единъ изъ изгнанниковъ, человѣкъ военный, и очень вѣдомый войску по знатной коммандѣ, какую онъ имѣлъ при Тіраннахъ, весьма смѣлый и честолюбивый, да и тайный недругъ Діону, съ коимъ еще и поссорился въ Пелопоннесѣ. Прибылъ тотъ въ Сіракузы, имѣя съ собою седмь галеръ о трехъ рядахъ веселъ, да еще три судна, не для того, чтобъ соединится съ Діономъ, но чтобъ прямо итти съ собственными своими силами на Тіранна. Засталъ сего приведеннаго къ тому, что онъ сидѣлъ запертъ въ своемъ замкѣ. Старался сперва притти въ милость къ народу, къ чему подпадающимъ своимъ видомъ и открытымъ былъ очень способенъ, вмѣсто того, что свирѣпая Діонова важность отвращала отъ себя множество, а особливо отъ того времени, какъ оно, здѣлавшись еще пышнѣйшимъ и неприступнѣйшимъ чрезъ послѣднюю побѣду, (а) „ хотѣло быть почитаемо такъ, „какъ бы уже было народныя области, прежде нежели здѣлался еще народъ вольнымъ; то есть, чтобъ изъяснить силу греческаго слова, хотѣло быть почитаемо съ угожденіемъ, съ нисхожденіемъ, съ ласкательствомъ, и съ покореніемъ всѣмъ его самонравіямъ. Плут. стр. 972. 975. Діод. кн. 16. стран. 419. 422.

Какова возблагодаренія можно надѣяться отъ народа, который всегда слѣдуетъ токмо своей страсти и стремленію? Сіракузяне самовольно сбѣгаются тотчасъ въ собраніе, и выбираютъ Гераклида своимъ Адміраломъ. Діонъ, пришедъ тудажъ, приноситъ явные жалобы, и говоритъ, что власть, кою они дали Гераклиду, есть умаленіе оныя, которую ему Діону поручили; что ему не

(а) Πρὶν τοῦ δῆμος εἶναι, τὸ δημαγωγεῖσθαι θέλοντες.

не можно уже быть верьховнымъ военачальникомъ, когда другой будетъ повелѣвать на-морѣ. Сіи представленія принуждаютъ Сіракузянъ по неволѣ снять достоинство съ Гераклида, коимъ они его тупъ почтили. По окончаніи собранія, Діонъ призвалъ его къ себѣ, а выговоривъ ему слехка за странную поступку, какую онъ казалъ къ нему Діону при толь нѣжномъ обстоятельствѣ, когда самое малое между ними несогласіе могло все погубить, собираетъ самъ новый сходъ, и въ присутствіи всего народа опредѣляетъ Гераклида Адміраломъ, да и придалъ къ нему тѣлохранителей, такъ какъ и у него самого оныи были.

Онъ старался преобѣдить премногими благодѣяніями недоброхотство своего соперника. Гераклидъ, словами и всѣми наружными поступками, искалъ въ Діонѣ, признавалъ одолженіе себѣ отъ него, обѣщалъ вѣчно быть благодарнымъ, былъ малъ и покоренъ предъ нимъ, исполнялъ повелѣнія его немедлѣнно, и точно такъ, что сіе показывало его совершенно усердствующаго того службѣ, и старающагося токмо ему угождать. Но постороннимъ образомъ, пронырствомъ, и проискомъ, возмущалъ онъ ни него сердца, и перечилъ во всемъ. Когда Діонъ соглашался, чтобъ Діонісію выпти изъ замка по какому договору; то говорили, что онъ его жалѣетъ, и хочетъ спасти. Когдажъ, дабы имъ всѣмъ угодить, продолжалъ осаду не хотя никакова слышать представленія; то укаряли Діона, что онъ радовался долговременной войнѣ, дабы ему долѣе повелѣвать, и содержать всегда граждаиъ своихъ въ почтеніи и страхѣ.

Когда Филістъ, прибывшій изъ Апуліи на помощь къ Тіранну со многими галерами, разбитъ былъ и умерщвленъ; то Діонісій послалъ къ Діону, отдая ему замокъ, также оружіе бывшее въ немъ, и все войско, а притомъ и всю денежную казну, коею содержать бы оное чрезъ пять мѣсяцовъ; ежелижъ угодно, тобъ ему договоромъ позволить убраться въ Італію, и тамъ бы ему пребывать до смерти своея, да толькобъ дать нѣкоторыи доходы съ ближнихъ земель отъ Сіракузъ, кои онъ назначалъ. Сіракузяне, надѣясь Діонісія взять въ живѣ, отвергнули сіи представленія. Діонісій, лишившись сея наде-

жды, оставилъ замокъ въ рукахъ у старшаго своего сына именемъ Апполлократа; а самъ усмотрѣвъ время благопоспѣшнаго вѣтра, положилъ въ суда самое дражайшее свое сокровище, и посадилъ на нихъ любезнѣйшихъ себѣ особъ, да и побѣжалъ въ Італію. Л. М. 3644. Пр. I. Х. 360.

Гнѣвались очень на Гераклида, кой былъ Корабленачальникомъ, что онъ его опустилъ своимъ небреженіемъ. Чтожъ бы ему паки притти въ милость къ народу; то онъ представилъ въ собраніи о новомъ раздѣленіи земель, говоря, что начало вольности есть равность, такъ какъ бѣдность, есть начало порабощенія. Діонъ воспротивился сему; а Гераклидъ присовѣтовалъ народу, отнять жалованье у чужестранныхъ воиновъ, коихъ было числомъ три тысячи, повелѣть оный новый раздѣлъ, и опредѣлить новыхъ начальниковъ, дабы однажды, но твердо, избавиться отъ Діоновы свирѣпости. Сіракузяне то учинили, и опредѣлили двадцать пять человѣкъ новыхъ начальствующихъ, въ числѣ которыхъ былъ и Гераклидъ.

Въ тожъ время, послали они тайно подговаривать чужестранныхъ воиновъ, чтобъ имъ отстать отъ Діона, а пристать бы къ нимъ, обѣщая имъ здѣлать ихъ участниками правленію города, какъ природныхъ граждан. Сіи великодушныя воины не польстилися на тѣ обѣщанія: но напротивъ того, окруживши Діона со всѣхъ сторонъ съ вѣрностію и съ такимъ усердіемъ, какому мало есть образцовъ, и оградивши его какъ стѣною своими тѣлами и оружіемъ, повели они его изъ города вонъ, не дѣлая ни малѣйшаго зла никому, но токмо поносясь жарко всѣхъ встрѣчающихся за ихъ неблагодарность и нарушеніе вѣрности. Сіракузяне, презирая ихъ малое число, и приписывая страху и трусости ихъ умѣренность, начали на нихъ нападать, мня, что они ихъ всѣхъ побьютъ въ городѣ, и порубятъ мечемъ даже до послѣдняго.

Діонъ, бывши приведенъ къ сей печальной необходимости, или биться съ своими гражданами, или погибнуть со всѣмъ своимъ войскомъ, простиралъ руки къ Сіракузянамъ, употребляя къ нимъ прозьбу самую жалосную и умилительную, и показывая имъ замокъ исполненный

непріятелей, кои съ радостію смотрѣли на все, что у нихъ происходило. Видя ихъ глухихъ и нечувствительныхъ ко всѣмъ его напоминаніямъ, повелѣлъ онъ своимъ воинамъ итти сомкнувшись, и не дѣлать ни малаго сопротивленія. Послушались они, удоволившись токмо здѣлать великій стукъ своимъ оружіемъ, и закричать сильно, буттобъ хотѣли кинуться на Сіракузянъ. Сіи толь устрашились сего движенія, что не осталось изъ нихъ ни одного; всѣ разбѣжались по всѣмъ улицамъ, хотя и никто за ними не гнался. Діонъ принудилъ своихъ воиновъ скоришь походомъ: да и повелъ ихъ къ землямъ Леонтінянъ.

Начальствующіи надъ Сіракузянами, здѣлавшись посмѣшищемъ всѣмъ женщинамъ въ городѣ, и хотя загладить свой стыдъ, принудили свое войско взять паки оружіе, да и погнались они за Діономъ: а догнавши его при переправѣ чрезъ рѣку, приближили къ нему свою конницу, чтобъ его тѣмъ потревожить. Но когда увидѣли, что Діонъ прямо збирался отбить ихъ стремительство, и что, бывши исполненъ жара, обращалъ онъ на нихъ своихъ воиновъ; то они паки пришли въ превеликій страхъ, а попустившись въ бѣгство бесчеснѣйше еще прежняго, стремились убѣжать въ городъ.

Плут. стр. 975. 981. Діод. стр. 422. 423. Леонтіняне приняли Діона съ превеликою отмѣною и честію. Показали они свою щедрость и воинамъ, и объявили ихъ гражданами. Нѣсколько дней спустя послѣ того, прислали Пословъ къ Сіракузянамъ съ требованіемъ справедливости тѣмъ воинамъ, съ коими толь зло поступили. Сіи также съ своей стороны прислали Пословъ къ Леонтінянамъ съ жалобами на Діона. Сіракузы были упоены слѣпою радостію, и неистовымъ благополучіемъ, которое не оставляло никакова способа къ размышленію и рассужденію.

Все подавало причину къ утучненію и къ надменію ихъ гордости. Голодъ сталъ быть толь великъ въ замкѣ, что Діонісіевы воины, претерпѣвши многое зло, наконецъ вознамѣрились отдать оный Сіракузянамъ. Послали они ночью съ симъ представленіемъ; а должно имъ было здаться на другой день по утру. Но на самомъ рассвѣтѣ, когда они готовились исполнить по договору,

Нипсій

Нипсій полководецъ благоразумный и храбрый, коего Діонисій прислалъ изъ Неаполя съ хлѣбомъ и съ деньгами къ осажденнымъ, показался съ своими галерами, и присталъ близъ Аретузы. Понеже изобиліе прогнало вдругъ скудость; то Нипсій высадилъ на-землю свое войско, созвалъ собраніе, и говоря воинамъ такъ, какъ настоящій случай требовалъ, уговорилъ ихъ попуститься на всѣ напасти. Итакъ, замокъ почитай уже здавшійся, спасся кромѣ всякаго чаянія.

Въ сіе время, Сиракузяне садятся съ поспѣшеніемъ на свои галеры, и нападаютъ на непріятельскій флотъ. Нѣсколько галеръ они потопили, также нѣсколько ихъ взяли, а за прочими гнались даже до земли. Но сія самая побѣда и была причиною ихъ пагубы. Будучи оставлены самимъ себѣ, и собственнымъ своимъ поступкамъ, безъ главнаго, которомубъ имѣть надъ ними власть, безъ совѣта, и какъ начальствующіи, такъ и воины, ударились всѣ въ веселіе, въ пированіе, въ піянство, въ гуляніе, и во всякое самовольство. Нипсій умѣлъ употребить въ свою пользу сіе общее ихъ опивство. Напалъ онъ на стѣну, коя окружала замокъ. Завладѣвъ оною, и збивъ ея во многихъ мѣстахъ, впустилъ своихъ воиновъ въ городъ, и отдалъ имъ оный на грабленіе: все было въ смятеніи и въ беспорядкѣ. Здѣсь граждане полусонныя убиваются; тамъ разграбляются домы: на другомъ мѣстѣ ведутся въ плѣнъ жены и дѣти, и отводятся въ замокъ не смотря на ихъ крикъ и слезы.

Одинъ токмо человѣкъ могъ поправить сіе нещастіе, и спасти городъ. У всѣхъ онъ былъ равно въ разумѣ, но никто не смѣлъ объ немъ представить: толь то имъ было стыдно недостойнаго способа, коимъ они его выгнали. И какъ напасть умножалась отчасу больше, и приближалась уже къ Ахрадінской части; то, въ крайности и въ отчаяніи, въ коемъ они находились, услышался вдругъ голосъ, пришедшій съ стороны союзниковъ, и конницы „, что надлежало назадъ призвать Діона, и при„весть Пелопоннеское войско, которое находилось на Ле„онтінскихъ земляхъ „. Какъ скоро нѣкто осмѣлился отважиться на такое слово; то только что и слышимъ

сталъ бытъ крикъ отъ Сіракузянъ, кои въ слезахъ, радости, и печали молились богамъ, чтобъ они благоволили онаго имъ назадъ прислать. Одна надежда, видѣть его паки, ихъ ободрила, и привела въ состояніе, стоять противъ непріятеля. Послы туда поскакали тотчасъ, и прибыли въ городъ къ Леонтінянамъ при наступленіи ночи.

Слѣзли они съ коней, и пали въ ноги Діону, сами льясь слезами; описываютъ ему крайность, въ коей находятся Сіракузяне. И уже нѣкоторыи изъ Леонтінянъ, и многіи изъ Пелопоннескихъ воиновъ, кои видѣли ихъ прибытіе, собрались и обстали кругомъ Діона; да и думали они прямо, видя ихъ стремительство и покорность, что нѣчто есть очень чрезвычайное. Какъ скоро Діонъ ихъ выслушалъ; то привелъ оныхъ предъ собраніе, которое въ тотъ же часъ здѣлалось: ибо весь народъ туда збѣжался, съ великою ревностію. Когда двое изъ главныхъ Пословъ, были приведены туда; то изъяснили они въ краткихъ словахъ великость ихъ зла, и просили чужестранное войско, „благоволить вскорѣ поспѣшить на помощь Сіра„кузянамъ, и предать забвенію худую поступку, пока„занную имъ отъ нихъ, толь наипаче, что тѣ неблаго„получныи воспріемлютъ весьма жесточайшую казнь, не„желибъ кто изъ раздраженныхъ хотѣлъ на нихъ возло„жить.

По окончаніи сея рѣчи, глубокое молчаніе пребыло на всемъ театрѣ, на коемъ оное собраніе было. Діонъ всталъ. Но какъ скоро онъ началъ говорить; то пролившійся потокъ слезъ перервалъ у него рѣчь. Чужестранныи воины кричали ему, чтобъ онъ ободрился, а сами восприимали участіе съ сожалѣніемъ въ его болѣзни. Наконецъ, оправився нѣсколько, говорилъ онъ имъ слѣдующіе рѣчи: „Мужи Пелопоннесскіи, и вы союзники на„ши! Я васъ сюда созвалъ для того, дабы вамъ посо„вѣтовать о томъ, что до васъ принадлежитъ: ибо, „что до меня, мнѣ не можно рассуждать долго, какъ „скоро я узналъ, что Сіракузамъ пагуба настоитъ. Еже„ли мнѣ не можно избавить сей городъ; то я погибну

съ

„съ нимъ, и погребу себя его паденіемъ. Но, что до „васъ; буде вы намѣрены подать намъ и при семъ случаѣ „помощь, намъ, говорю я, неблагоразумнѣйшимъ и не„благополучнѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ: то поспѣшай„те къ подъятію и спасенію города Сіракузъ, который „былъ уже спасенъ вашимъ трудомъ. Еслижъ праведные „причины къ жалобамъ, кои вы имѣете на Сіракузянъ, „преклоняютъ васъ ихъ оставить въ состояніи, въ ко„торомъ они находятся, и попустить имъ погибнуть; „то, по крайней мѣрѣ, да воздадутъ вамъ боги достой„ное награжденіе за усердіе и за вѣрность, оказанные „мнѣ понынѣ. Впрочемъ, воспоминайте всегда Діона, „который сперва васъ не оставилъ, когда съ вами худо „поступали его граждане, а потомъ не оставилъ онъ и „своихъ гражданъ, упадшихъ въ злополучіе„.

Еще онъ не переставалъ говорить, какъ чужестранные воины встали съ великимъ восклицаніемъ, и понуждали его вести ихъ, и итти съ ними въ помощь Сіракузамъ. Сіракусскіи Послы, съ крайнія радости, поздравляютъ ихъ, обнимаютъ, и желаютъ какъ Діону, такъ и имъ самимъ всякаго блага и благополучія отъ боговъ. Когдажъ шумъ утишился; то Діонъ повелѣлъ итти своему войску готовиться къ походу; и какъ скоро они поужинаютъ, притти вооруженному на сіежъ самое мѣсто, для того что онъ намѣренъ отправиться въ тужъ точно ночь, дабы прилетѣть на помощь своему Отечеству.

Между тѣмъ въ Сіракузахъ, начальники Діонисіевы, дѣлавъ чрезъ весь день толь великое зло городу, коль имъ возможно было, а при наступленіи ночи ушли всѣ въ замокъ съ потеряніемъ нѣсколькихъ изъ своихъ воиновъ. Сіе небольшое отмщеніе привело паки въ бодрость возмутительныхъ Сіракусскихъ Ораторовъ. Льстя себя, что непріятели пребудутъ въ покоѣ послѣ того, что съ ними здѣлалось, уговаривали обывателей оставить тамъ Діона, не принимать его, буде онъ прибудетъ къ нимъ въ помощь съ чужестраннымъ войскомъ, не уступать имъ въ храбрости, и спасти собою, и собственными своими силами городъ и вольность. Итакъ, тотчасъ отправились

новыи посланныи къ Діону отъ главныхъ начальствующихъ для того, чтобъ его удержать возвращеніе; а отъ главныхъ обывателей и отъ пріятелей его, чтобъ ему поспѣшать своимъ походомъ. Сіе раздѣленіе мнѣній, сія разность вѣдомостей, были причиною, что онъ шелъ очень тихо, и понемногу.

Когда ночь уже была глубокая; то ненавидящіи Діона захватили градскія ворота, дабы его не впустить въ городъ. Въ сей самый часъ Нипсій, увѣдомився совершенно о всемъ, что происходило въ Сіракузахъ, выводитъ изъ замка воиновъ своихъ въ большемъ числѣ, которыи еще охотнѣе шли прежняго. Тогда совершенно они повалили стѣну заключавшую ихъ, бѣгаютъ по всему городу, и раззоряютъ оный до основанія. Вездѣ было токмо убійство и кровопролитие. Не многіи упражнялись въ грабленіи: всѣ старались токмо развалить все и сокрушить вконецъ. Казалось, что Діонисіевъ сынъ, котораго отецъ оставилъ въ замкѣ, приведенный въ отчаяніе, и исполненный ядовитыя ненависти на Сіракузянъ, хотѣлъ какъ погребсть Тиранію въ развалинахъ города. Чтожъ бы имъ предупредить помощь отъ Діона; то они взялись за самое скорѣйшее изъ всѣхъ раззореній и опустошеній, а именно, за огонь; зажигая, изъ собственныхъ своихъ рукъ факелами и пучками зажженныя соломы, всѣ мѣста, которыя имъ доставались, и бросая на другія огненные и съ огнемъ стрѣлы. Сіракузяне бѣгущіи отъ пламени, были потребляемы на улицахъ; а хотѣвшіи убѣжать отъ убійственнаго меча, укрывались въ домы, откуду изгоняемы были пламенемъ. Ибо много уже было горящихъ домовъ, и которыи валились на мимоидущихъ.

Сей самый пожаръ и былъ, который отперъ городъ Діону, принудивъ гражданъ согласиться, и пустить его въ ворота. Посылали къ нему гонца за гонцомъ, чтобъ онъ поспѣшалъ походомъ. Самъ Гераклідъ, то есть непримирительнѣйшій и жесточайшій его непріятель, послалъ къ нему своего брата, а потомъ дядю своего Ѳеодота съ крайнимъ прошеніемъ, чтобъ онъ благоволилъ притти скоряе на помощь, для того что нѣтъ никого, кто могъ бы противиться непріятелю; онъ же самъ раненъ

щенъ, а городъ почитай совершенно опроверженъ, и въ пепелъ обращенъ.

Сіи вѣдомости пришли къ Діону тогда, когда онъ былъ за шестьдесятъ стадій * отъ воротъ. Воины его столь при семъ случаѣ поспѣшили, и показали въ себѣ толикую охоту, что онъ прибылъ съ ними несказанно какъ скоро къ градскимъ воротамъ. Вшелъ онъ въ часть называемую Гекатомпедонъ Тамъ отрядилъ вооруженныхъ легкимъ образомъ, и послалъ на непріятелей, дабы Сіракузяне, увидѣвши ихъ, ободрились паки. Между тѣмъ построилъ онъ свою пѣхоту тяжело вооруженную, также и тѣхъ изъ обывателей, кои прибѣгали къ нему со всѣхъ сторонъ, и соединились съ его войскомъ. Раздѣлилъ онъ ихъ на небольшіе стаи, коимъ далъ болѣе толстоты, нежели длины, и поручилъ надъ ними комманду разнымъ начальникамъ, дабы ему сопротивляться на многихъ мѣстахъ, и казаться сильнѣйшимъ и страшнѣйшимъ.

* 12 верстъ

Расположивши все такимъ образомъ, и помолившись богамъ, пошелъ онъ по городу на непріятеля. По всѣмъ улицамъ, гдѣ онъ шелъ, слышимы были восклицанія, радосный крикъ, и побѣдоносные пѣсни, соединенные съ молитвами и напоминаніями отъ всѣхъ Сіракузянъ, называющихъ Діона спасителемъ своимъ и богомъ, а воиновъ его согражданами и братіями. Въ сей часъ, не было ни одного человѣка въ городѣ, который бы довольную имѣлъ любовь къ своей жизни, толь, чтобъ онъ не больше печаловался о спасеніи Діоновѣ, нежели о собственномъ своемъ, и чтобъ не большежъ страшился объ немъ, нежели обо всѣхъ совокупно, видя идущаго его всѣхъ прежде толь въ великое бѣдство по крови, по огню, и по мертвымъ, которыми улицы и всѣ мѣста были покрыты.

Съ другой стороны видъ непріятелей не меньшежъ былъ страшенъ. Ибо остервѣненіе и отчаяніе ихъ ободряло, и были они построены вдоль по стѣнѣ, кою они обвалили, и которыя развалины дѣлали приступъ очень трудный и бѣдственный. Приготовились они къ защищенію замка, который имъ былъ безопаснымъ убѣжищемъ, не смѣя отъ него

него удалиться въ страхѣ, чтобъ собщеніе ихъ къ нему не было пресѣчено. Но что наибольше могло привесть въ смятеніе и устрашить Діоновыхъ воиновъ, и что останавливало ихъ ходъ, и дѣлало его очень труднымъ; то сіе было, оный огонь: ибо куда они не обратятся; то шли въ свѣтѣ пламени, который пожиралъ домы: да и надобно было, чтобъ имъ итти по развалинамъ въ огнѣ, чтобъ подвергать себя быть раздавленнымъ отъ великихъ отломковъ стѣнныхъ, отъ потолоковъ, и отъ кровель, которые валились въ половину истребленные пожаромъ, и чтобъ, отверзающимъ себѣ путь сквозь гнусный и густый дымъ, смѣшенный съ пылью, не разорвать имъ своихъ рядовъ.

Когда они дошли до непріятеля; то малое токмо изъ нихъ число съ обѣихъ сторонъ могло вступить въ сраженіе за тѣснотою мѣста, и ради неравности онаго. Но наконецъ, воины Діоновы, бывши сбодрены и укрѣплены крикомъ, и радѣніемъ Сіракузянъ, показали такое стремительство, что Нипсіевы стали быть збиты. большая часть изъ нихъ ушла въ замокъ, который былъ очень близокъ; а кои осталисъ за нимъ, и разбѣжались врозь, тѣ были всѣ посѣчены въ штуки отъ чужестранныхъ воиновъ, гонящихся за ними.

Время не позволило насладиться въ тотъ часъ плодомъ и веселіемъ отъ сея побѣды; да и не можно было толико радоваться, колико достойно было того толь великое дѣйствіе: ибо Сіракузяне всѣ были въ разныхъ мѣстахъ, и приносили помощь своимъ домамъ; да и трудились они чрезъ всю ночь въ погашеніи огня, который потушили съ превеликою трудностію.

Какъ скоро рассвѣтало; то ни единъ изъ всѣхъ возмутительныхъ Ораторовъ не остался въ городѣ: но, осуждая сами себя, убѣжали всѣ отъ должнаго имъ наказанія. Токмо что Гераклидъ и Ѳеодотъ, кои отдались въ руки Діону, признаваясь, что они очень худо съ нимъ поступили, и прося его покорнѣйше, чтобъ онъ имъ не подражалъ. Весьма прилично и достойно было Діона, превосшедшаго во всемъ всѣхъ прочихъ человѣковъ, показать себя такимъ же и чрезъ свое великодушіе, преодолѣніемъ

ніемъ гнѣва, и прощеніемъ неблагодарныхъ, коего они сами признаваются быть недостойны.

Когда Геракліdъ и Θеодотъ окончали свои прошенія; то пріятели Діоновы совѣтовали ему, не жалѣть людей толь злыхъ, и исполненныхъ толь злобныя зависти, но отдать Геракліда воинамъ, и истребить изъ правленія сей духъ возмущенія, пронырства, и злоумышленія: ибо сія болесть подлинно походитъ на неистовство, и которая не меньше страшна, не меньше смертоносна, коль и самая Тіраннія. Но Діонъ, для успокоенія ихъ, говорилъ имъ: „Что прочіи Полководцы стараются „токмо о могущемъ имъ подать полезное къ по„бѣжденію непріятеля; чтожъ до него, то онъ долго „пробылъ въ Академіи научаясь искусству какъ побѣждать „гнѣвъ, зависть, и всякій духъ прерѣканія. Что знакъ „побѣды надъ страстями не въ томъ, чтобъ быть тиху и „привѣтливу къ своимъ другамъ, и къ добрымъ людямъ, „но чтобъ себя казать человѣколюбнымъ къ дѣлающимъ „намъ несправедливость, и быть готову ихъ прощать. „Что онъ не столько старается быть выше Геракліда „силою и благоразуміемъ, сколько благостію и справе„дливостію: ибо въ семъ состоитъ истинное превос„ходство и твердое. Что когда Геракліdъ есть золъ, „завистникъ, вѣрности нарушитель; то надобноль, „чтобъ и Діонъ осквернилъ и обесчестилъ свою доброде„тель подлымъ гнѣвомъ? Правда, что, по человѣче„скимъ уставамъ, кажется меньше несправедливости „мстить за обиду, нежели дѣлать обиду прежде: но, „ежели спроситься съ естествомъ, то оно скажетъ, „что обое сіе происходитъ изъ тояжъ одноя слабо„сти. Съ другія стороны, нѣтъ грубости, котораябъ „была непреодолѣемая, и не моглабъ быть побѣждена „многими благодѣяніями. Діонъ, поступая по симъ пра„виламъ, простилъ Геракліда.

Потомъ началъ онъ паки заключать замокъ новою оградою, и велѣлъ всѣмъ Сіракузянамъ срубить по бревну, и оное принесть. Когдажъ ночь настала, то заставилъ онъ работать воиновъ, а Сіракузяне спали. Такимъ образомъ оградилъ замокъ добрыми палісадами пре-

жде нежели могли то послышать; такъ что на другой день по утру, когда видима быть стала великая работа, и скорость исполненія, было сіе всѣмъ причиною къ удивленію, столькожъ непріятелямъ, сколько и гражданамъ.

По окончаніи своихъ палисадъ, погребъ онъ мертвыхъ; а отпустивъ на волю взятыхъ у непріятелей, созвалъ совѣтъ. Тамъ Гераклідъ вышедъ представилъ выбрать Діона главнѣйшимъ Военачальникомъ съ верьховною властію на сухомъ пути и на-морѣ. Всѣ самыи добрыи люди, и граждане знатнѣйшіи, приняли благопріятно сіе представленіе, и хотѣли, чтобъ ему быть подтверждену отъ всего народа. Но сонмица морскихъ служителей и художниковъ, свѣпуя, что Адмиральское достоинство отходило отъ Гераклида, и зная, что хотя онъ былъ и не толь достоинъ почтенія во всемъ, однако, по малой мѣрѣ, былъ бы склоннѣйшій къ народу нежели Діонъ, воспротивилась тому изъ всея своея силы. Діонъ, дабы не ожесточить сердецъ, отсталъ отъ того, и поручилъ Гераклиду главную комманду на-морѣ. Но препятствіе, учиненное отъ него раздѣленію земель и домовъ совершеннымъ уничтоженіемъ всего, что было о семъ опредѣлено, поссорило ихъ во вѣки.

Гераклідъ, употребляя въ свою пользу оныя расположенія толь благопріятныя его намѣреніямъ, не преминулъ паки начать свои умыслы и ухищренія на Діона. Оныя вышли наружу явно отъ предпріятія его, чтобъ завладѣть Сіракузами, и заперетъ ворота своему сопернику: но успѣха онъ въ семъ не получилъ. Нѣкто Спартанецъ, присланный на помощь Сіракузамъ, исходатайствовалъ еще примиреніе Гераклиду съ Діономъ подъ самымъ сильнымъ клятвеннымъ обѣщаніемъ, и подъ превеликимъ удостовѣреніемъ о покореніи и послушаніи съ стороны перваго: но узы сіи весьма слабы для такова человѣка, въ которомъ нѣтъ добродѣтели и вѣрности.

Сіракузане, распустивши морское свое войско, въ которомъ имъ не-было нужды, старались всѣми силами объ осадѣ замка, строя вновь стѣну разрушенную. И какъ никто не являлся на помощь осажденнымъ, также

же

же что хлѣба имъ начало уже́ не доставать, а воины становились своевольными, и не охраняющими военныхъ правилъ; то Діонисіевъ сынъ, видя себя безнадежна и беспомощна, зделалъ договоръ съ Діономъ, по силѣ коего отдалъ ему за́мокъ со всѣмъ оружіемъ, и со всѣми другими военными снарядами. Вывезъ онъ съ собою мать свою и сестръ; наполнилъ пять галеръ имѣніемъ своимъ и людьми, и отправился къ своему отцу: ибо Діонъ далъ ему вольный способъ къ безопасному отъѣзду. Легко можно понять, къ какой радости отбытіе сіе было причиною во всемъ городѣ. Женщины, дѣти, престарѣлыя люди, всѣ бѣжали къ гавени увеселить свой очи толь пріятнымъ зрѣлищемъ, и торжествовать толь красный и благополучный день, въ который, по столькихъ лѣтахъ порабощенія, восходящее солнце начало первократно освѣщать Сіракусскую вольность.

Аполлократъ побѣжалъ на парусахъ; а Діонъ шелъ въ за́мокъ: тогда Княгини бывшіе въ немъ, не дождались его туда вшествія, и вышли къ нему на встрѣчу до са́мыхъ воро́тъ. Арістомаха вела съ собою сына Діонова: Арета, жена его, шла позади потупивши очи въ землю, и льясь слезами. Діонъ обнялъ сперва свою сестру, а потомъ сына. Тогда Арістомаха, представляя ему Арету: „Слезы, кои текутъ, какъ вы видите, „изъ очей, говорила она ему, въ сіе время, въ кото„рое ваше присутствіе возвращаетъ намъ радость и животъ, „стыдъ сей, разлившійся по всему ея лицу, са́мое мол„чаніе ея и робость, объявляютъ вамъ довольно, коль „великую болѣзнь она страждетъ, видя Супруга, коему „другой, противъ ея изволенія, былъ подставленъ, но „который одинъ токмо всегда владѣлъ ея сердцемъ. По„здравитъ ли она васъ, какъ своего Дядю? или объ„иметъ какъ своего Супруга„? Когда Арістомаха такъ выговорила; то Діонъ, умываясь слезами, обнялъ любезно свою супругу, отдалъ ей на́-руки своего сына, и повелѣлъ итти въ домъ, въ коемъ она жила прежде, для того, что онъ рассудилъ заблаго отдать за́мокъ Сіракузянамъ въ достовѣрнѣйшій знакъ ихъ вольности.

Чтожъ до него; то, наградивши съ великолѣпіемъ подлинно Царскимъ всѣхъ, имѣвшихъ участіе въ благополучныхъ его успѣхахъ, каждаго по чину и достоинству, наслаждаясь крайнею славою и честію, и будучи прекраснымъ зрѣлищемъ не токмо Сициліи, но и Карѳагену, и всей Греціи, кои его почитали всѣхъ мудрѣйшимъ и благополучнѣйшимъ Полководцемъ, пребывалъ онъ непремѣнно въ древней своей простотѣ, равно умѣренъ въ своемъ одѣяніи, въ уборахъ, и въ кушаніи, какъ бутто бъ жилъ въ Академіи съ Платономъ, а не съ военными людьми, не съ начальствующими, и не съ воинами, кои чаще дышутъ токмо забавами и великолѣпіемъ. И подлинно, хотя Платонъ ему и писалъ, что вся земля токмо на него единаго пристально взираетъ, радуясь мало о семъ общемъ удивленіи, обращалъ онъ свои очи непрестанно къ Академіи, къ оному училищу мудрости и добродѣтели, въ коемъ рассуждается о великихъ дѣйствіяхъ и успѣхахъ не по внѣшнему ихъ сіянію, но по мудрому и воздержному употребленію, кое изъ тѣхъ дѣлается.

Намѣреніе Діоново было, учредить въ Сіракузахъ правленіе, составленное изъ Лакедемонскаго и Критскаго, но такъ, чтобъ Аристократія господствовала всегда, и опредѣлялабъ самыя важныя дѣла, властію, какую онъ хотѣлъ дать Совѣту Старшихъ. Нашелъ онъ и здѣсь себѣ сопротивленіе отъ Гераклида, всегда мятежнаго и возмутительнаго по обыкновенію его; да и единственно старающагося о пріобрѣтеніи себѣ пріязни отъ народа ласкательствомъ своимъ и улещиваніемъ. Въ нѣкоторый день, когда Діонъ послалъ его звать въ Совѣтъ, тотъ отвѣтствовалъ, что не пойдетъ и что, будучи простой человѣкъ, будетъ въ Собраніе тогда, когда всѣ граждане соберутся. Симъ хотѣлъ онъ угодить народу, а Діона здѣлать ненависнымъ. Сей, утрудившись претерпѣніемъ толь многихъ наругательствъ, увольнилъ руки тѣмъ, коихъ прежде сего не допустилъ его убить, и позволилъ имъ оное уже здѣлать. Итакъ, пошли они въ его домъ, и тамъ его умертвили. Увидимъ вскорѣ рассужденіе, какое самъ Діонъ здѣлалъ о семъ дѣйствіи.

Сіраку-

Сіракузяне пришли въ великую печаль о сей смерти: но видя, что Діонъ здѣлалъ ему великолѣпное погребеніе, что препровождалъ оное самъ со всѣмъ своимъ воинствомъ, и что напослѣдокъ говорилъ рѣчь къ народу; то они успокоились, и простили его за сіе убійство, вѣдая достовѣрно, что невозможно было не быть городу въ непрестанномъ смятеніи и замѣшательствѣ, коль бы долго Гераклідъ и Діонъ правили совокупно.

Послѣ сего убійства, Діонъ не могъ наслаждаться радостію, и не имѣлъ больше спокойствія. Страшный призракъ, представшій предъ нимъ во время ночи, наполнилъ его ужаснымъ смятеніемъ и темною меланхоліею. Сіе привидѣніе, была женщина преогромныя вышины, которая по своему прибору, по виду, и по всему своему бѣсноватому лицу, подобна была фуріи, и коя наглымъ образомъ мела его домъ. Смерть его сына, который, съ особливыя себѣ нѣкоторыя печали, низвергъ себя съ кровли въ низъ, почтена была исполненіемъ призрака того, да и была предвареніемъ къ его нещастіямъ. Калліппъ тѣмъ всесовершенное подалъ исполненіе. Сей былъ Аѳинянинъ, съ коимъ Діонъ свелъ неразрывную дружбу въ то время, какъ онъ у него пребывалъ въ Аѳинахъ, и на коего потомъ совершенно полагался, и вѣрилъ ему пребезмѣрно. Калліппъ, попустившись во властолюбіе, и вознамѣрившись завладѣть Сіракузами, не сталъ уже больше ни зачто почитать священное право дружбы и гощенія, да и предпріялъ избыть Діона, который токмо одинъ могъ быть препоною его намѣреніямъ. Сколько онъ ни старался ихъ укрывать; однако прослышали нѣчто Сестра и Жена Діонова, кои не потеряли времени, и трудились увѣдомиться достовѣрно объ истиннѣ исправнымъ сыскомъ. Чтожъ бы предварить воспослѣдованіе; пришелъ онъ къ нимъ весь въ слезахъ, и показываясь неутѣшимымъ, что онѣ могли на него воспріять подозрѣніе въ толикомъ злодѣйствѣ, и думать его способнымъ на толь ненавистное умышленіе. Потребовали онѣ отъ него, чтобъ онъ принесъ называемую большую клятву. Приносящій то заклинаніе, бывши покрытъ багрянымъ покровомъ богини Прозерпіны, и держа въ рукѣ горящій факелъ, произносилъ

на себя самого въ капищѣ са́мыя страшныя проклятія, какія едва можно вздумать.

Клятва ему была не за́ что; но и Государыни оному не повѣрили для того. Получали онѣ на каждый день новыи признаки изъ многихъ мѣстъ; дошли ужѐ сіи и до Діона, коему всѣ его пріятели совѣтовали предварить злодѣйство Калліппово праведною и скорою казнію. Не могъ онъ того никакъ здѣлать. Гераклидово убійство, которое онъ почиталъ сквернымъ пятномъ своей славѣ и добродѣтели, представлялось непрестанно возмущенной его мысли, и возобновляло непрерывными устрашеніями болѣзнь его и раскаяніе. Бывши терзаемъ денно и нощію симъ лютымъ воспоминовеніемъ, сказалъ онъ, что лучше ему тысячу кратъ умереть, и простерть свою̀ шею, кто бъ ни восхотѣлъ его умертвить, нежели жить такъ, чтобъ быть ежедневно принуждену предостерегаться не токмо отъ непріятелей, но еще и отъ са́мыхъ лучшихъ своихъ друговъ.

Калліппъ нѐ былъ достоинъ сего имени. Поспѣшилъ онъ произвесть въ дѣло свое злодѣйство; и убилъ Діона въ домѣ его Закинтскими воинами, кои ему были крайно усердны. Сестра и Супруга сего Князя заключены въ темницу, гдѣ послѣдняя разрѣшилась отъ бремени, и родила на свѣтъ сына, коего она намѣрилась тамъ воздоить.

По семъ убійствѣ, Калліппъ имѣлъ, чрезъ нѣсколькое время, блистающее благополучіе, завладѣвъ Сиракузами поспѣшествованіемъ войска, коимъ онъ располагалъ по своему изволенію, и преклонилъ къ себѣ премногими дарами. Язычники вѣрили, что божество долженствовало казнить въ сей жизни, способомъ скорымъ и славнымъ, превеликія злодѣйства. Чего ради Плутархъ и объявляетъ, что благополучный Калліпповъ успѣхъ произвелъ пресильныя жалобы на боговъ, будтобъ они претерпѣвали спокойно и безъ огорченія, что са́мый злодѣйственный человѣкъ вознесся въ превеликую силу, способомъ толь проклятымъ и нечестивымъ. Провидѣніе божіе не долго пребыло безъ показанія своего правосудія; а Калліппъ и получилъ вскорѣ казнь за свое злодѣяніе. Когда онъ отправился съ вой-

войскомъ подъ Катану, чтобъ взять сей городъ; то Сіракузяне взбунтовали противъ него, и свергли иго бесчестнаго порабощенія. Пошелъ онъ потомъ съ нападеніемъ на Мессану, гдѣ потерялъ премножество людей, а особливо всѣхъ Закінтскихъ воиновъ убившихъ Діона. И понеже ни единъ Сіцилійскій городъ не хотѣлъ его къ себѣ принять, и мерзились всѣ, какъ проклятымъ человѣкомъ; то онъ отбылъ въ городъ Регій. Препровождавши тамъ нѣсколько времени злополучную жизнь, былъ онъ убитъ отъ Лептіна, и отъ Поліперхона; а утверждаютъ, что то самымъ тѣмъ кинжаломъ, кой употребленъ на убіеніе Діона.

Історія предлагаетъ не весьма много такихъ примѣровъ, гдѣбъ видимо было толь явное раденіе и строеніе Промысла божіяго, о казни за великія злодѣйства, каково человѣкоубійство, вѣрности нарушеніе, предательство; о казни, говорю я, хотя то заводчикамъ сихъ злодѣяній, которыи имъ быть повелѣли, или ихъ сами исполнили; хотя сообщникамъ, кои тѣмъ были учасники, какимъ бы то способомъ ни-было. Правосудіе божіе показывается такимъ образомъ по временамъ, дабы засвидѣтельствовать свои Судьбы, и удержать бы отъ излишествъ злодѣйства, коимъ бы цѣлая безопасность дала волю: однако Оно не всегда дѣлаетъ во время сея жизни такіе славные казни, чтобъ дать знать человѣкамъ, что хранитъ для нихъ жесточайшіе въ будущей.

Что жъ до Арістомахи и до Ареты: какъ скоро онѣ вышли изъ темницы; то Іцетъ Сіракусскій, кой былъ другомъ Діону, принялъ ихъ къ себѣ, и старался объ ихъ содержаніи съ такою вѣрностію и щедростію, что онѣ всегда моглибъ быть предлагаемы въ образецъ, ежелибъ онъ въ нихъ пребылъ. Но наконецъ, бывши подущенъ непріятелями Діоновыми, велѣлъ онъ для нихъ приготовить судно; а посадивъ ихъ на оное, будтобъ отправляя въ Пелопоннесъ, приказалъ тайно везущимъ убить ихъ на пути, и бросить въ море. Не долгожъ и самъ онъ пребылъ безъ казни за толь бесчеловѣчное вѣрности нарушеніе: ибо пойманный Тімолеономъ, умерщвленъ люто. Сіракузяне, чтобъ совершить мщеніе за Діона, умертвили еще двухъ сыновъ того предателя. Срод-

Плат. Эпіст. 8. Сродники и други Діоновы, вскорѣ послѣ его смерти, написали къ Платону, требуя у него совѣта въ томъ, что имъ дѣлать надлежало въ настоящемъ состояніи смятенія и замѣшанія Сіракусскаго, и какой бы родъ правленія, рассуждалъ онъ, надобно было учредить въ семъ городѣ. Платонъ, зная, что Сіракузяне не могли быть способны ни къ цѣлой вольности, ни также терпѣть цѣлое порабощеніе, увѣщавалъ ихъ сильнымъ образомъ успокоить все, сколько имъ возможно будетъ, и потомъ премѣнить Тіраннію, коея одно токмо имя было ненавистно, въ законное Царствованіе, которое здѣлаетъ послушаніе тихимъ и пріятнымъ. Онъ совѣтовалъ [а, по его, сей совѣтъ былъ Діоновъ] здѣлать трехъ Царей, именножъ, Гіппаріна сына Діонова, другаго Гіппаріна брата Діонісія молодшаго, который казался имѣть преизрядную склонность къ народу, и третіяго самого Діонісія, ежели онъ захочетъ принять наложенное на него обузданіе уставами, и дать имъ почитай такуюжъ власть, какую имѣли Цари въ Спартѣ. Надобно было также выбрать тритцать пять человѣкъ Градоначальниковъ, которымъ бы смотрѣть того, чтобъ исправно наблюдаемы были законы, и имѣть бы имъ въ мирное и въ военное время великую силу, и быть какъ на равновѣсіи съ Царскою, Сенатскою, и Народною.

Не видно того, чтобъ по сему совѣту поступлено было; да и были въ немъ превеликія неудобства. Сіе токмо извѣсно, что Гіппарінъ, братъ Діонісіевъ, пристатъ къ Сіракузамъ съ флотомъ и съ знатнымъ числомъ
Діод. кн. 16 стран. 436. войска, выгналъ изъ сего города Калліппа, и имѣлъ въ немъ верьховную силу чрезъ два года.

Сіцілійская Історія, которую я предлагалъ по сіе мѣсто, содержитъ около пятидесяти лѣтъ отъ начала перваго Діонісія, до Діоновы смерти. Я возвращусь послѣ къ Сіцілійскимъ дѣламъ, и представлю, какой былъ конецъ Діонісію молодшему, и какъ Тімолеонъ возобновилъ вольность въ Сіракузахъ.

§. IV

§. IV.

ХАРАКТЕРЪ ДІОНОВЪ

Трудно найти въ одномъ токмо человѣкѣ столько превосходныхъ вкупѣ достоинствъ, сколько ихъ было въ Діонѣ. Я не разсуждаю здѣсь о крайней его охотѣ къ наукамъ; объ исскуствѣ, чтобъ ихъ соединять съ великими мирными и военными дѣйствіями; о почерпаніи въ нихъ правилъ къ поступкамъ и къ правленію; и также о томъ, чтобъ изъ нихъ дѣлать себѣ забаву какъ полезную, такъ и честную. Я разсматриваю токмо Государственнаго человѣка, и сколько съ сея стороны онъ есть удивленія достоинъ. Великодушіе, благородство мнѣній, щедрость къ разлитію добра, героическое мужество въ сраженіяхъ, препровождаемое безстрашіемъ и чрезвычайнымъ благоразуміемъ, пространный разумъ, и способный къ великимъ намѣреніямъ, непоколебимая крѣпость въ самыхъ великихъ бѣдствіяхъ, и въ нечаянныхъ преобращеніяхъ отъ фортуны, любовь къ Отечеству и къ общей пользѣ, произведенная почитай до излишества: во всемъ томъ состоитъ часть добродѣтелей Діоновыхъ. Намѣреніе предвоспріятое, чтобъ избавить Отечество отъ ига тиранніи, и совокупно смѣлость и мудрость въ исполненіи того, показываютъ, колико онъ былъ къ сему способенъ.

Но вотъ что я нахожу самымъ лучшимъ въ Діоновомъ житіи, достойнѣйшимъ удивленія, и, ежели можно такъ сказать, вышшимъ человѣческаго; именножъ, оное великодушіе его, и неслыханное терпѣніе, съ какимъ онъ снесъ неблагодарность своихъ гражданъ. Онъ оставилъ все, и все пренебрегъ для того токмо, чтобъ прилетѣть къ нимъ на помощь: онъ привелъ Тиранню ко всеконечной крайности, и почитай уже имѣлъ въ рукахъ тотъ самый часъ, въ который долженствовалъ возвратить имъ полную вольность. Вмѣстожъ мздовоздаянія за толь премногіе услуги, они его выгоняютъ безчестно изъ-города, препровождаемаго токмо горстію чужестранныхъ воиновъ, коихъ вѣрности не могли они подкупить; огорчаютъ его обидами, и присовокупляютъ къ вѣроломству самыя лютыя

нарагательства. Ему только надлежало, чтобъ наказать тѣхъ неблагодарныхъ и мятежныхъ людей, здѣлать одно движеніе: попустить было только дѣйствовать негодованію воиновъ. Владѣяжъ ихъ сердцемъ равно какъ своимъ, онъ удерживаетъ ихъ стремительство, и не отъемля изъ рукъ оружія, обуздаваетъ праведный ихъ гнѣвъ; позволяя токмо, въ самый огнь и жаръ сраженія, устрашить, а не убить своихъ непріятелей, потому что онъ ихъ всегда почиталъ за своихъ гражданъ, и какъ за братію свою.

Кажется, что можно въ Діонѣ найти одинъ токмо порокъ; именножъ, что онъ имѣлъ нѣчто жестокое и свирѣпое во нравѣ, которое дѣлало его не толь приступнымъ, и не толь дружественнымъ, да и отдаляло отъ него самыхъ добрыхъ людей, и самыхъ лучшихъ его друговъ. Платонъ, и всѣ, коимъ истинно слава его была любезна и нужна, напоминали ему о томъ часто. Не смотря на укоризну дѣлаемую ему за важность преизлишно свирѣпую, и за непреклонную свирѣпость къ народу, онъ всегда старался ничего отъ того не убавить, или то его природа совершенно не сходствовала съ улещиваніемъ и съ преклоненіемъ пріятными словами, илижъ то, имѣя намѣреніе, исправить и привесть паки на истинный путь Сіракузянъ, поврежденныхъ и искаженныхъ льстивыми и человѣкоугодными рѣчами Ораторовъ, почиталъ за должность, употреблять поступки твердѣйшіе и мужественнѣйшіе.

Діонъ обманывался въ самой существеннѣйшей силѣ Правленія. Начиная отъ престола, до самаго послѣдняго мѣста въ государствѣ, на кого ни будетъ положено править другими, и быть имъ вождемъ; тотъ прежде всего долженствуетъ научиться искусству (*) „располагать сердца, преклонять ихъ, обращать по своему изволенію, „и весть къ своему намѣренному„: а сіе не дѣлается такъ, чтобъ повелѣвать имъ съ жестокостію и съ высокомѣріемъ, доволь-

(*) Сіе точно нѣкто изъ древнихъ Піитовъ называлъ.
Flexanima, atque omnium regina rerum Oratio.
Cic. lib. 1. de. diuin. n. 80.

довольствуясь токмо показаніемъ имъ правила и должности въ непреклонной непоколебимости. Есть въ самомъ добрѣ и въ добродѣтели, и также въ исправленіи всѣхъ должностей, нѣкоторая исправность и крѣпость, или лучше, нѣкоторый родъ срогости, которая часто прерождается въ порокъ, когда она производится преизлишно далеко. Я вѣдаю, что никогда не должно, да и не позволено нагибать и кривить правило; но впрочемъ, всегда есть похвально, а часто и нужно, оное умягчать, и дѣлать въ немъ больше гибкости: сіежъ и получается поступками кроткими и вкрадывающимися, не всегда требуя должностей съ крайнею срогостію, закрывая глаза предъ многими небольшими погрѣшностями, кои не стоятъ того, чтобъ ихъ исправлять, показывая съ благостію оные, которые бываютъ знатнѣйшіе; словомъ, стараясь всѣми возможными способами, быть любимымъ, и здѣлать добродѣтель и должность любезными.

Позволеніе убить Гераклида, которое дано отъ Діона съ трудностію, или лучше, кое у него исторгнуто силою, и противъ его природныя склонности, также и противу его основаній, стало ему очень въ дорогую цѣну, и привело всю оставшуюся его жизнь въ смущеніе и въ горесть, кои пребывали въ немъ даже до самыя его смерти, и были ей главною причиною.

§ V.

ДІОНІСІЙ МОЛОДШІЙ ПАКИ ВОСХОДИТЪ НА ПРЕСТОЛЪ. СІРАКУЗЫ ПРОСЯТЪ ПОМОЩИ У КОРІНѲЯНЪ, КОИ СЕМУ ГОРОДУ ПРИСЫЛАЮТЪ ТІМОЛЕОНА. СЕЙ, НЕ СМОТРЯ НА СТРЕМИТЕЛЬСТВА ІЦЕТОВЫ, ВХОДИТЪ ВЪ СІРАКУЗЫ. ДІОНІСІЙ ОТДАЕТСЯ ЕМУ, И УЕДИНЯЕТСЯ ВЪ КОРІНѲѢ.

Каллиппъ, умертвившій Діона, и ставшій самъ на его мѣстѣ, не пребылъ долго на ономъ. По прошествіи тринатцати мѣсяцовъ, Гиппаринъ, братъ Діонісіевъ, прибывъ въ Сіракузы съ многочисленнымъ флотомъ, выбилъ его изъ города, и возшелъ на отеческій престолъ, на коемъ онъ пребылъ два года.

Л. М. 3647. Пр. I. X. 357. Діод. кн. 16. стран. 432. 436.

Сіракузы, и вся Сіцілія, бывши въ колебаніи отъ разныхъ развратовъ, и отъ междоусобныя войны, находились въ жалосномъ состояніи. Діонісій, употребляя въ
А. М. 3654 свою пользу сіи смятенія, по прошествіи десяти лѣтъ
Пр. І. Х. отнелѣже онъ принужденъ былъ оставить престолъ, со-
350. бралъ нѣсколько чужестраннаго войска, и выгнавши Нипсея, который завладѣлъ Сіракузами, получилъ себѣ паки владѣніе своими областями.

Діод. кн. 16 стран. 453. Можетъ быть что въ возблагодареніе богамъ за восставленіе его, и въ знакъ того, послалъ онъ въ Олімпію и въ Делфы золотые статуи, и изъ слоновыя кости великія цѣны. Галеры, на коихъ онѣ везены были, взяты
Корфу. Іфікратомъ, который тогда былъ близъ Корцїры съ флотомъ. Писалъ онъ въ Аѳины, что емубъ дѣлать надлежало съ тою священною корыстію. Ему отвѣтствовано, чтобъ онъ о томъ не весьма заботился размышлять, на что онѣ были употреблены; но употребилъ бы ихъ прямо на содержаніе своихъ воиновъ. Діонісій горесную принесъ жалобу Аѳинянамъ въ написанномъ къ нимъ письмѣ, коимъ онъ ихъ жестоко и справедливо укорялъ за святотатственное ихъ сребролюбіе и нечестіе.

Тит. Лив. десят. 1. кн. 5. гл. 28. Діод кн. 12. стран. 307. Разбойническій Атаманъ поступилъ благороднѣе и благоговѣйнѣе съ Римлянами, почитай за пятдесятъ лѣтъ предъ симъ. Сіи, по взятіи города Веевъ, подъ которымъ осада продолжалась десять лѣтъ, послали въ Делфы золотую чашу. Послы, везшіи сей даръ, были взяты Ліпарскими разбойниками, и привезены на сей островъ. „(a) „Обычай тамъ былъ, дѣлить по гражданамъ всякую взятую добычу, какъ общее добро. Тогда на островѣ былъ „первымъ

(a) Mos erat ciuitatis, velut publico latrocinio partam praedam diuidere. Forte eo anno in summo magistratu erat Timasitheus quidam, Romanis vir similior, quam suis: qui Legatorum nomen, donumque, et eum, cui mitteretur, et doni caussam veritus ipse, multitudinem quoque, quae semper ferme regenti est similis, religionis iustae impleuit; adductosque in publicum hospitium Legatos, cum praesidio etiam nauium Delphos prosecutus. Romam inde sospites restituit. Hospitium cum eo senatus consulto est factum, donaque publice data.
Tit. Liv.

„первымъ градоначальникомъ человѣкъ, подобнѣйшій Римлянамъ, нежели тѣмъ, надъ коими онъ былъ властелиномъ: имя ему было Тімасіѳей. Всякъ увидитъ, что „онъ изрядно исполнилъ знаменованіе * своего имени. Почитая крайно Характеръ Посольскій, даръ священный „ими везомый, причину жертвоприношенія, и еще больше Величество Бога, коему оный даръ былъ посланъ, „вдохнулъ онъ тожъ сáмое почтеніе и благоговѣніе во все „множество, которое обыкновенно соглашается съ намѣреніемъ Правящихъ. Итакъ, Послы приняты съ возможнымъ „оказаніемъ имъ чéсти, и содержаны на общемъ иждивеніи. Тімасіѳей ихъ самъ проводилъ съ добрымъ военнымъ „путеводствіемъ въ Делфы, и оттуду въ Римъ. Можно „легко понять, сколько Римлянамъ была чувствительна „толь благородная поступка. Они по Сенатскому определенію, и наградили Тімасіѳея подарками, и даровали ему „право гощенія„. Большежъ полутараста лѣтъ послѣ, когда Римляне взяли оный островъ Ліпару у Карѳагенянъ; то бывши исполнены благодарности также живыя, какъ будто сіе дѣйствіе было очень недавно, рассудили они за должное почитать еще фамілію благотворителя своего, и восхотѣли, чтобъ его потомки были вѣчно уволнены отъ податей, наложенныхъ на другихъ островскихъ обывателей.

* Тімасіѳей по знаменованію есть БОГОЧТИВЫИ.

Се поистиннѣ съ обѣихъ сторонъ много изряднаго и великаго! Но противное сему не дѣлаетъ чéсти Аѳинянамъ.

Впрочемъ, Діонисій, хотя и показалъ почтеніе къ богамъ; однако не явилъ людскости къ своимъ подданнымъ. Прошедшія нещастія не токмо не исправили и не умягчили его нрава, но послужили еще больше быть ему озлобленнымъ, и сrогимъ.

Сáмыи добрыи и сильныи люди въ городѣ, не имѣя больше силы терпѣть толь жестокое порабощеніе, прибѣгли къ Ікету Леонтінскому Царю; а предавшись сего руководству, выбрали его своимъ Военачальникомъ, не длятогожъ, чтобъ онъ былъ чемъ нибудь лучше Тіранновъ сáмыхъ явныхъ, но ради того, что они не имѣли другаго способа.

Діод. кн. 16. стран. 464. Плут. въ Тімолеон. стран. 236. 243.

Между тѣмъ Карѳагеняне, которыи почитай всегда имѣли войну съ Сіракузянами, приставши къ Сіціліи съ превеликимъ флотомъ, получили въ ней себѣ превесьма знатныи успѣхи. Сіціліане и Сіракузяне, праведно боясь успѣховъ толь быстрыхъ, намѣрились послать Посольство въ Грецію съ требованіемъ помощи у Корінѳянъ, отъ которыхъ произошли Сіракузяне, и которыи всегда были противны Тіраннамъ, стоя за вольность явно. Ицетъ, предлагающій себѣ окончаніемъ своего Военачальничества завладѣніе Сіракузами, а не то чтобъ ихъ увольнить, договаривался посторроннимъ образомъ съ Карѳагенянами, явножъ хвалилъ мудрые мѣры Сіракузянъ, такъ что посылалъ и Пословъ своихъ съ Послами оныхъ.

Л.М. 3655. Пр. Р. Х. 349. Корінѳъ принялъ весьма изрядно Пословъ, опредѣлилъ послать помощь Сіракузянамъ, и назначилъ въ тожъ время Полководцемъ Тімолеона. Сей живя въ уединеніи больше двадцати лѣтъ, не мѣшался ужé во всенародныя дѣлá, и весьма не помышлялъ, чтобъ объ немъ, въ такихъ его лѣтахъ, и въ состояніи, въ коемъ онъ находился, могли и долженствовали вздумать.

Онъ былъ изъ сáмыя благородныя Корінѳскія фамиліи. Любилъ онъ пристрасно свое Отечество; и показывалъ во всемъ особливую кротость, кромѣ токмо, что не любилъ Тіранновъ и злыхъ. былъ превосходный Полководецъ: и какъ въ молодости своей имѣлъ во всемъ зрѣлость мужескихъ лѣтъ, такъ въ немъ въ старости былъ весь жаръ и вся храбрость возраста сáмаго кипящаго.

былъ у него старшій братъ именемъ Тімофанъ, коего онъ любилъ сердечно; да и засвидѣтельствовалъ сіе на нѣкоторомъ сраженіи, гдѣ его покрылъ своею особою, и спасъ ему животъ съ бѣдствіемъ собственнаго своего: но еще онъ больше любилъ свое Отечество. Когда сей его братъ здѣлалъ себя Тіранномъ; то толь злое вѣрности нарушеніе пронзило его острою болѣзнію. Употребилъ онъ всѣ возможныя средствія, чтобъ его привесть паки къ своей должности; а именно, кротость, дружбу, сердоболіе, выговоры, и сáмыя угроженія. Но видя, что всѣ его устремленія были тщетны, и что ничемъ не возможно было побѣдить жестокость сéрдца предавшагося

давшагося властолюбію, велѣлъ онъ его убить при себѣ двумъ изъ своихъ пріятелей и свойственниковъ, рассуждая, что при такомъ случаѣ право естества долженствовало уступить праву Отечества.

Дѣйствіе сіе не могло пребыть безъ удивленія и безъ похвалы отъ главныхъ Корінескихъ обывателей, и отъ большія части Философовъ, которыи то почли за самое благородное стремительство человѣческія добродѣтели; а кажется, что и Плутархъ о семъ также рассуждаетъ. Но такимъ образомъ не всѣ могли рассуждать; и укаряли его за то какъ мерзскаго братоубійцу, который вскорѣ привлечетъ на себя отъ боговъ мщеніе. Мать его особливо, прободаемая самымъ живымъ болѣзнованіемъ, произнесла на него проклятія и заклинанія престрашныя; а когда онъ явился къ ней съ утѣшеніемъ, то, не имѣя силы видѣть убійцу своего сына, отвергла его отъ себя съ негодованіемъ, и заперла ворота.

Почувствовалъ онъ тогда всю мерзость своего злодѣйства. Предавшись лютымъ совѣсти угрызеніямъ, кои ему не показывали больше въ Тімофанѣ тіранна, но брата, намѣрился лишиться жизни, и началъ умерщвлять себя голодомъ. Пріятели его великую имѣли трудность уговорить онаго, чтобъ ему отстать отъ того смертоноснаго намѣренія. бывши побѣжденъ ихъ прозьбою и сильнымъ убѣжденіемъ, согласился онъ покушать; но осудилъ себя самъ, дабы ему пребывать всѣ свои дни въ уединеніи. Отъ сего времени отсталъ отъ всѣхъ всенародныхъ дѣлъ, а въ первыи годы не являлся никогда и въ городѣ, но скитался по самымъ пустымъ мѣстамъ, всегда снѣдаемъ печалію, и погруженъ во мракъ меланхоліи: толь сіе есть истинно, что ни похвалы ласкателей, ни ложныя Политиковъ рассужденія, не могутъ заглушить вопль сей совѣсти, которая совокупно свидѣтель, судія, и мучитель дерзающихъ нарушать самое священное право естества!

Пребылъ онъ двадцать лѣтъ въ семъ состояніи. Подлинно, возвратился въ Корінѳъ; но жилъ тамъ простымъ человѣкомъ, не мѣшаясь въ Правленіе. Впрочемъ, не безъ великаго сопротивленія принялъ онъ на себя Полко-

водство

водство: однако не рассудилъ, чтобъ позволено было отказываться своему Отечеству, а должность и преодолѣла его склонность.

Въ то время, какъ Тімолеонъ собиралъ свое войско, и пріуготовлялся къ отправленію, Корінѳяне получили отъ Ікета письма, коими онъ объявлялъ, „ что нѣтъ „больше нужды, чтобъ имъ дѣлать наборъ, и чтобъ „тратить напрасно иждивеніе, дабы въ Сіциліи пре„дать себя явному бѣдствію. „ Представилъ онъ имъ, „что Карѳагеняне, увѣдомившись объ ихъ намѣреніи, „ожидаютъ съ великимъ числомъ судовъ ихъ флота на пу„ти; что ихъ медлѣніе присылкою своего войска, прину„дило Сіракузянъ призвать сихъ самыхъ Карѳагенянъ въ свою „помощь, и употребить ихъ противъ Тіранна „. Онъ заключилъ съ ними тайный трактатъ, которымъ выговорилъ себѣ, чтобъ, послѣ какъ выгонитъ Діонісія изъ Сіракузъ, быть ему самому на его мѣстѣ.

Письма сіи не токмо не простудили ревности въ Корінѳянахъ, но еще сильняе ихъ раздражили, и привели въ бóльшую поспѣшность отправленіе Тімолеоново. Поплылъ онъ на десяти галерахъ, и присталъ благополучно къ Італійскому берегу. Но, по прибытіи, вѣдомости, пришедшіе изъ Сіциліи, ввергли его въ превеликое затрудненіе, и устрашили крайнимъ образомъ войско. Увѣдомленось, что Ікетъ разбилъ Діонісія, что, завладѣвъ большою частію Сіракузъ, принудилъ онъ Тіранна заключиться въ зáмкѣ и въ чáсти называемой островъ, гдѣ его держалъ въ осадѣ, и что велѣлъ Карѳагенянамъ не допускать Тімолеона, и не выпускать нá землю, дабы, когда они его отгонятъ, могли по себѣ раздѣлить Сіцілію спокойно.

Подлинно, Карѳагеняне послали въ Регій двадцать галеръ. Корінѳяне, по прибытіи своемъ туда, нашли тамъ Пословъ отъ Ікета, кои объявили Тімолеону, что онъ можетъ прибыть въ Сіракузы, и что будетъ тамъ принятъ изрядно, толькобъ свое войско отпустилъ назадъ. Предложеніе было несносно обидное, и еще больше трудное. Казалось не возможно разбить суда, кои вáрвары поставили на дорогѣ, длятого что ихъ было вдвое боль-

больше. буде отправиться назадъ; то чрезъ сіе оставится вся Сіцилія въ неблагополучной участи; и будетъ она явнымъ воздаяніемъ Іцету за его предательство, а Карѳагенянамъ награжденіемъ за пособствованіе данное Тіранніи.

Въ семъ толь нѣжномъ обстоятельствѣ, Тімолеонъ требуетъ видѣться съ Послами и съ главными Начальствующими съ Карѳагенскаго флота, при присутствіи Регійскихъ обывателей. Дѣлано сіе, говорилъ онъ, особливо для собственнаго своего извиненія и безопасности, дабы Отечество не могло его за то обвинить, что будтобъ онъ не исполнилъ по его повелѣнію, и предалъ онаго пользу. Правители и Градоначальники Регійскіи были въ согласіи съ нимъ. Имъ не надобно было лучше, какъ чтобъ видѣть Корінѳянъ господствующихъ въ Сіциліи, и ничего толь больше не боялись, коль варварскаго сосѣдства. И такъ, созываютъ они собраніе, и запираютъ градскія ворота, подъ такимъ видомъ, чтобъ не выпускать вонъ никого изъ обывателей, дабы они могли особливо управиться въ семъ дѣлѣ.

Когда народъ собрался; то были долгіе рѣчи, которые ничего къ концу не привели, длятого что каждый рассуждалъ все объ одной и тойже матеріи, и предлагалъ паки тѣжъ самыя доказательства; а все то ради того, чтобъ отвесть вдаль совѣтъ, и имѣть время. Между тѣмъ девять Корінѳскихъ галеръ отправились; а Карѳагенскія суда ихъ пропустили, думая, что сіе дѣлалось съ согласія ихъ Начальствующихъ, бывшихъ въ городѣ, и что сіи девять галеръ возвращаются въ Корінѳъ, а десятая осталась для отвезенія Тімолеона въ Сіракузы къ Іцетовой армѣ. Когда сказано на ухо Тімолеону, что его галеры уже на морѣ; то онъ ускользнулъ тихонько въ народъ, который, чтобъ поспѣшествовать его убѣжанію, крайнимъ образомъ толпился около Канцеля. Выбѣжалъ онъ на берегъ, сѣлъ тотчасъ на галеру; а догнавъ оные девять, прибылъ съ ними вмѣстѣ въ Тавроменій, городъ Сіцилійскій, гдѣ они приняты отверстыми руками отъ Андромаха, который соединилъ своихъ гражданъ съ Корінѳскимъ войскомъ, чтобъ привесть паки въ вольность Сіцилію.

Легко можно понять, коль въ великомъ стали удивленіи и стыдѣ Карѳагеняне, что они были такъ обмануты. Но понеже, говорено имъ, они Финикіане [сіи слыли самыми великими обманщиками и плутами въ свѣтѣ]; то хитрость и обманъ не долженствовали ихъ столько удивлять, ни быть имъ столькожъ не-любы.

По увѣдомленіи о прибытіи Тімолеоновѣ, Іцетъ, находясь въ великомъ страхѣ, призвалъ къ себѣ большую часть изъ Карѳагенскихъ галеръ. Пятдесятъ тысячъ человѣкъ пѣхоты, да при-ста колесницъ вооруженныхъ. Сіракузяне лишились всея надежды къ спасенію, видя Карѳагенянъ захватившихъ гавень, Іцета владѣющаго городомъ, Діонісія заградившагося замкомъ, а Тімолеона, державшагося за небольшій токмо Сіцілійскій уголокъ, въ коемъ онъ занялъ маленькій городъ Тавроменій весьма съ невеликою надеждою, и еще съ меньшею силою, для того что у него войска было токмо тысяча человѣкъ, и едва имѣлъ столько съѣстныхъ припасовъ для содержанія ихъ. Съ другой стороны, городы не вѣрялись ему. Претерпѣнное ими зло, отъ налоговъ и отъ лютостей показанныхъ имъ, огорчило ихъ на всѣхъ Коммандировъ надъ полками, а особливо послѣ мерзскаго вѣрности нарушенія Калліппова и Фараксова, кои, прибывши оба, одинъ изъ Аѳинъ, а другой изъ Лакедемона, для увольненія Сіцілiи и изгнанія Тірановъ, здѣлали имъ самую Тіраннію пріятною и вожделѣнною; толь безчеловѣчны и жестоки были налоги, какими они утѣснены были! боялись они претерпѣть тѣжъ самые поступки и отъ Тімолеона.

Обыватели Адраны, небольшаго Сіцілійскаго города, стоящаго ниже горы Этны, раздѣлившись между собою, одни призвали Іцета и Карѳагенянъ, а другіи послали къ Тімолеону. Оба Главныи прибыли почитай въ одно время къ Адранѣ. Первый имѣлъ съ собою съ пять тысячъ человѣкъ; а у другаго было ихъ токмо тысяча двѣсти. Несмотря на сію неравность, Тімолеонъ, догадываясь прямо, что онъ найдетъ Карѳагенянъ въ безпорядкѣ, упражняющихся въ заниманіи мѣстъ, и разставливаніи своихъ ставокъ

вокъ, велѣлъ итти въ передъ своему войску; и не теряя времени въ отдыханіи, какъ то ему Начальствующіи совѣтовали, ударилъ на непріятеля, который тотчасъ обратился въ бѣгство. Сіе было причиною, что не убито изъ нихъ больше трехъ сотъ человѣкъ, а въ полонъ взято вдвое того: однако взятъ ихъ лагерь, и весь военный и другой снарядъ и приборъ. Адранитяне въ тожъ время отворяютъ свой ворота, и здаются Тімолеону. Другіи городы прислали къ нему немедлѣнно Посланниковъ съ объявленіемъ ему своего покоренія.

Діонісій самъ, отлагая суетную свою надежду, и видя себя, что будетъ вскорѣ преодолѣнъ, и притомъ презирая весьма Іцета, давшаго побѣдить себя съ толикимъ стыдомъ, а попремногу удивляясь Тімолеону, да и почитая его, послалъ къ нему Пословъ съ объявленіемъ, что онъ хочетъ отдаться Корінѳянамъ, и имъ здать замокъ. Тімолеонъ, употребляя въ пользу толь ненадѣемое благополучіе, внѣдрилъ въ крѣпость Эвкліда и Телемаха, двухъ Начальствующихъ Корінѳскихъ, съ четырмя стами воиновъ; толькожъ не всѣхъ вдругъ, ни въ день, для того что сіе было не возможно, за тѣмъ что Карѳагеняне владѣли пристанію, но по сталкамъ, и тайно. Итакъ, когда сіе войско вобралось благополучно въ замокъ; то оно захватило все движимое Тіранново, и всѣ снаряды. Ибо у него тамъ было премножество лошадей, всякихъ военныхъ машінъ и стрѣлъ; да и нашлось до седмидесяти тысячъ паръ оружія собраннаго издавна. Діонісій имѣлъ еще тысячу человѣкъ воинсвъ регулярнаго войска, коихъ онъ отдалъ Тімолеону со всѣмъ прочимъ. Чтожъ до него; взявъ все свое серебро и деньги, и самое малое число изъ пріятелей, сѣлъ въ судно тайно отъ Іцетова войска, и прибылъ въ станъ къ Тімолеону.

Сіе было въ самый первый разъ, что онъ явился въ подломъ и бѣдномъ состояніи простаго человѣка, и просителя; онъ, говорю я, который родился въ нѣдрѣ Тіранніи, и былъ Владѣтелемъ въ самомъ сильномъ Государствѣ, какова еще никогда не-было похищено отъ Тіранновъ.

Владѣлъ онъ десять цѣлыхъ лѣтъ, прежде нежели Діонъ воспріялъ на него оружіе; да и послѣ было его Владѣніе чрезъ нѣсколько не много лѣтъ, но всегда въ войнѣ и въ
А. М. 3657. Пр. І. Х. 347. сраженіяхъ. Былъ посланъ въ Коринѳъ на одной токмо галерѣ, безъ препровожденія, и съ самыми малыми деньгами. Представилъ себя тамъ въ зрѣлище; такъ что всѣ прибѣгали его смотрѣть, одни въ тайной радости для того, чтобъ насытить свои очи зрѣніемъ злаго человѣка, коего имя Тіранъ дѣлало ненависнымъ, другіи съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ видѣли его, и сравнивали состояніе, изъ котораго испалъ, съ глубокою бездною нищеты, въ кою былъ погруженъ.

Поступка его въ Коринѳѣ, возбудила еще больше во всѣхъ презрѣніе къ нему и негодованіе на него. Онъ препровождалъ цѣлыи дни или въ лавкахъ, въ коихъ продавались благовонные масти, или въ вольныхъ домахъ, или съ непотребными женами, или съ комедіантками и съ пѣвицами, препираясь съ ними о Мусікійскихъ правилахъ, и о согласіи пѣнія. Нѣкоторыи думали, что онъ дѣлалъ такъ съ хитрости, чтобъ не быть въ подозрѣніи у Коринѳянъ, и дабы не дать видѣть въ себѣ ни малыя мысли, и ни малаго желанія, что онъ хочетъ паки получить свои Области. Но симъ бы дѣлано ему было много чести: ибо весьма вѣроятнѣе кажется, что, бывши воспитанъ и возращенъ въ гуляніи, піянствѣ, и въ забавахъ, здѣсь онъ попустился въ свою склонность, и что жилъ, въ семъ родѣ невольничества, въ кое приведенъ, такъ какъ онъ пребывалъ на Престолѣ, не обрѣтая себѣ въ своемъ злочастіи другаго увеселенія и утѣшенія.

Циц. Квест. Тускулан. кн. 3. числ. 27. Есть написано, что крайняя бѣдность, въ кою онъ пришелъ въ Коринѳѣ, принудила его отворить училище, и обучать малыхъ дѣтей читать и писать: (а) „можетъ „быть, какъ то говоритъ Цицеронъ безъ сомнѣнія съ на„смѣшкою, для того, чтобъ себѣ еще имѣть нѣкоторый „родъ власти, и не отстать бы совершенно отъ привычки и
Вал. Макс. кн. 6. гл. 9. „увеселенія къ повелѣнію„. Имѣлъ ли онъ такую мысль или

(а) Dionysius Corinthi pueros docebat, usque adeo imperio carere non poterat.

или нѣтъ ; толькожъ весьма извѣсно, что Діонісій , видѣвшій себя Государемъ Сіракусскимъ , и почитай всея Сіцилїи , имѣвшій у себя бесчисленное богатство , повелѣвавшій многочисленнымъ флотамъ, многолюдной пѣхотѣ , и сильной конницѣ , что (а) „ сей Діонісій , приве„денный нынѣ почти къ прошенію милостыни , и здѣла„вшійся изъ Царя учителемъ , былъ великимъ наставлені„емъ всѣмъ Особамъ имѣвшимъ большія достоинства , и „научалъ ихъ не весьма надѣяться на великость и на бла„гополучіе „. Сіе самое было напоминаніе , данное отъ Лакедемонянъ , по нѣсколькомъ отъ того времени , Філіппу. Сей Государь когда къ нимъ написалъ письмо очень надменное и угрозительное ; то они ему дали слѣдующій отвѣтъ : Діонісій въ Корінѳѣ.

Нѣкоторая краткая рѣчь , которая для насъ соблюдена послѣ Діонісія , ежели правда что она его , имѣлабъ подать причину вѣрить , что сей Государь умѣлъ здѣлать доброе употребленіе въ своемъ злочастіи , и пріобрѣтать пользу изъ своего зла ; а сіе былобъ великою ему похвалою : но противится то , что я объявилъ о немъ выше.

Во время пребыванія его въ Корінѳѣ, нѣкто изъ пришельцовъ , насмѣхаясь неблаговременно , и съ грубою нескромностію надъ дружествомъ и обхожденіемъ , какое онъ имѣлъ съ Філософами въ то время , когда еще былъ въ самомъ своемъ сіяніи , спросилъ у него какъ въ ругательство , къ чемубъ вся Платонова мудрость ему послужила. Какъ тебѣ кажется , отвѣтствовалъ онъ , что я не получилъ никакія пользы отъ Платона , видя меня сносящаго терпѣливно мое неблагополучіе ? Плут. въ Тімол. стр. 243.

(а) Tanta mutatione maiores natu , ne quis nimis fortunae crederet, magister ludi factus ex Tyranno docuit.

Val. Max.

§ VI.

ТІМОЛЕОНЪ, ПО ОДЕРЖАНИИ МНОГИХЪ ПОБѢДЪ, ОТДАЕТЪ ВОЛЬНОСТЬ СІРАКУЗАМЪ, И ВОССТАВЛЯЕТЪ ТАМЪ МУДРЫИ УСТАВЫ. ОСТАВЛЯЕТЪ ОНЪ СВОЮ ВЛАСТЬ, И ПРЕПРОВОЖДАЕТЪ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ ВЪ УЕДИНЕНІИ. ВЪ НЕМЪ УМИРАЕТЪ. ЧЕСТЬ ОТДАННАЯ ЕГО ПАМЯТИ.

Л.М. 3658 Пр. І. Х. 346. Плут. въ Тімол. стран. 243, 248. Діод. кн. 19. стран. 465, 474

По Діонісіевѣ отбытіи, Іцетъ приступалъ сильно къ замку, и тѣснилъ оный толь жестоко, что запасы, посылаемыи къ Корінѳянамъ, не могли туда входить безъ превеликаго труда. Тімолеонъ, который былъ въ Катанѣ, находилъ способъ, чтобъ туда по временамъ ихъ ввозить. Для отнятія у нихъ сего средствія, Іцетъ и Магонъ отправились совокупно съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ осадить тотъ городъ. Въ небытность ихъ, Леонъ Корінѳянинъ, который былъ Коммандиромъ въ замкѣ, усмотрѣвъ съ стѣнъ, что, оставленныи продолжать осаду, не весьма осторожно стояли, здѣлалъ вдругъ нечаянную выласку на нихъ въ то время, какъ они были въ разсѣяніи, побилъ изъ нихъ часть, другую обратилъ въ бѣгство, и завладѣлъ частію города, называемою Ахрадіна, которая была самая крѣпкая, и не столь разорена отъ непріятелей. Леонъ укрѣпилъ ея ограду съ поспѣшеніемъ, и соединилъ съ замкомъ работами, служившими вмѣсто сообщенія.

Сія печальная вѣдомость возвратила вскорѣ Магона и Іцета. Въ тожъ время войско, присланное изъ Корінѳа, вступило благополучно въ Сіцілію, обманувъ Карѳагенскія отводныя суда, стоявшія на дорогѣ. Когда оно выгрузилось; то Тімолеонъ принялъ его съ радостію: и, взявъ Мессану, пошелъ прямо строемъ къ Сіракузамъ. Не́-было съ нимъ четырехъ тысячь воиновъ. Какъ скоро подшелъ онъ къ городу; то первое его стараніе было, послать лазутчиковъ къ воинамъ воюющимъ съ Іцетовы стороны. Они имъ представили, что весьма бесчесно для Грековъ, стараться предать Сіракузы и всю Сіцілію Карѳагенянамъ, самымъ злымъ и лютымъ изъ всѣхъ Варваровъ. Что Іцету надлежало ток-

мо

мо соединиться съ Тімолеономъ, дабы совокупно и съ согласія задавить имъ общаго непріятеля. Сіи воины, разсѣявши въ самой скорости такіе рѣчи по всему лагерю, подали Магону сильныя подозрѣнія, что онъ былъ преданъ; сверьхъ того что уже, отъ нѣсколькаго времени, искалъ онъ токмо какова нибудь вида къ своему отбытію. Того ради, не смотря на самую гарячую Іцетову прозьбу, поднялъ якари, и побѣжалъ въ Афріку, оставляя бесчесно завоеваніе Сіцілии.

На другой день Тімолеонъ явился съ битвою подъ городомъ, и напалъ на оный въ трехъ мѣстахъ съ толикимъ мужествомъ и успѣхомъ, что Іцетовы полки збиты были повсюду, и обращены въ бѣгство. Итакъ, при такомъ щастіи, какое имѣетъ мало примѣровъ, взялъ онъ силою во мгновеніе ока Сіракузы, городъ самый крѣпкій изъ всѣхъ въ тѣ времена. Когда имъ завладѣлъ; то не поступилъ такъ, какъ Діонъ, и не пожалѣлъ крѣпостей и всенародныхъ зданій ради ихъ красоты и великолѣпія. Чтожъ бы не дать на себя такихъ же подозрѣній, которыя огласили, хотя и безъ основанія, и наконецъ погубили того Великаго человѣка, разгласилъ онъ при звукѣ трубномъ, чтобъ всѣ Сіракузяне, которыибъ хотѣли притти съ орудіями, раззоряли Тіранскія укрѣпленія. Слыша сей крикъ всѣ Сіракузяне, и почитая сіе разглашеніе и тотъ день за благополучное начало своея вольности, збѣгаются толпами, и не токмо замокъ опровергаютъ, но и всѣ Тіранскіе палаты; да и не оставляютъ ни самыхъ ихъ гробищъ, но все разрушаютъ и разметываютъ.

Когда крѣпость раззорена, и мѣсто выравнено; то Тімолеонъ приказалъ тамъ строить судебныя мѣста на правосудіе народу, дабы тожъ самое мѣсто, откуду, при Тіраннахъ, выходили ежедневно кровопитныи указы, было убѣжищемъ и огражденіемъ вольности и неповинности.

Тімолеонъ владѣлъ городомъ; но не было у него обывателей. Ибо одни погибли во время войны и смятеній, а другіи разбѣжались отъ властительства Тіранновъ; отъ чего городъ Сіракузы здѣлался пустъ, гдѣ трава поросла

толь

толь высокая, что имѣли тамъ пасству лошади. Почитай тожъ са́мое было со всѣми Сіцілійскими городами. Итакъ Тімолеонъ и Сіракузяне рассудили заблаго, писать въ Корінѳъ, чтобъ имъ прислать изъ Греціи людей для поселенія въ Сіракузахъ; инакожъ, земля оная не можетъ справиться, толь наипаче, что она угрожаема была новою войною. Ибо получена ими вѣдомость, что Магонъ самъ себя умертвилъ; а Карѳагеняне, озлобившись за то, что онъ толь худо отправилъ свою́ должность, пригвоздили его тѣло ко кресту, и набирали сильное войско для прибытія въ Сіцілію съ многолюднѣйшею армеею въ началѣ наступающія весны.

Когда такія пи́сьма пришли съ Послами Сіракусскими, которыи просили и молили Корінѳянъ, умилиться надъ своимъ городомъ, и благоволить быть вторично его Основателями: то Корінѳяне не почли бѣдствія сего народа за случай къ увеличенію себя, и къ тому, чтобъ завладѣть ихъ городомъ, по пра́виламъ подлыя Політіки; но посылая на всѣ Священные потѣхи въ Греціи, и также во всѣ Собранія, обьявили они тамъ чрезъ провозвѣсниковъ, что Корінѳяне, истребивши Тіраннію въ Сіракузахъ, и выгнавши Тіранна, обьявляютъ вольными и не подвластными Сіракузянъ, и всѣ Сіцілійскіи народы, которыибъ восхотѣли возвратиться въ свои зе́мли; да и просятъ ихъ итти туда, и дѣлить по себѣ зе́мли съ цѣлою и справедливою вольностію. Въ тожъ время посылаютъ они гонцовъ въ Азію, и на всѣ острова́, куда великое число сихъ бѣглецовъ ушло, просить ихъ возвратиться немедлѣнно въ Корінѳъ, который оныхъ снабдитъ на своемъ иждивеніи судами, кормчіями, и безопаснымъ прикрытіемъ для препровожденія ихъ въ Отечество.

Какъ скоро такое разглашеніе учинено; то Корінѳъ услышалъ себѣ отвсюду превеликіе похвалы и доброжелательства, коихъ онъ былъ достоинъ по правдѣ. Разгласили повсюду, что онъ избавилъ Сіракузы отъ Тіранновъ, что исторгъ тотъ городъ изъ рукъ ва́рварскихъ, и отдалъ его паки природнымъ обывателямъ. Нѣтъ нужды распространять здѣсь словами великость и благородство дѣйствія толь славнаго и толь великодушнаго. Отъ простаго

стаго повѣствованія сея історіи каждый чувствуетъ своимъ сердцемъ преизящное въ ней и превеликое; да и всѣ признаваютъ, что никогда никакое завоеваніе и торжество не могло нигдѣ сравниться съ славою, какую тогда толь совершенное бескорыстнованіе пріобрѣло Корінѳянамъ.

Прибывшіи въ Корінѳъ, коихъ не весьма великое число было, требовали, чтобъ имъ даны были Корінѳскіи люди, и изъ всея Греціи, для умноженія того новаго въ своемъ родѣ поселенія. Получивши сіе, и видя себя на меньшой конецъ въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, поплыли они въ Сіракузы, гдѣ нашли великое множество народа, который изъ всея Італіи и Сіціліи собрался къ Тімолеону. Объявляютъ, что число ихъ состояло больше нежели въ шестидесяти тысячахъ человѣкъ. Тімолеонъ раздѣлилъ по нихъ даромъ земли; но домы имъ продажею далъ, чемъ онъ собралъ великую сумму, давъ впрочемъ стариннымъ обывателямъ перекупать свой собственныи: симъ способомъ присовокупилъ знатную весьма казну для бѣднаго народа, и не имѣющаго самыхъ нужныхъ потребностей какъ къ содержанію своему, такъ и къ военному дѣлу.

Проданы также были съ торгу статуи всѣхъ Тірановъ и всѣхъ Государей, правившихъ въ Сіракузахъ. Но сперва учрежденъ на нихъ судъ, и произведенъ оный по формѣ. Одна токмо избавилась отъ того жестокаго слѣдствія, а именно Гелонова: ибо сей одержалъ славную побѣду надъ Карѳагенянами при Гімерѣ, и правилъ народомъ съ благостію и правосудіемъ, а для сея причины память его была еще любима и почитаема. Будебъ такъ поступлено было и вездѣ со всѣми другими статуами; то не знаю, многоль бы ихъ осталось оправданныхъ.

Історія для насъ соблюла другой судъ, произведенный также надъ статуею, но надъ статуею весьма различнаго рода. Сіе бытіе весьма достойно есть любопытства, и можетъ извинить отступленіе. Ніконъ, славный Атлетъ Тасскій *, былъ увѣнчанъ, какъ побѣдитель,

Судъ въ Νίκων. Павзан. кн. 6 стр. 364.

* Тасъ былъ островъ на Эгейскомъ морѣ.

даже до тысячи четырехъ сотъ кратъ (*), на торжественныхъ Греческихъ потѣхахъ. Человѣкъ толикаго достоинства не могъ пребыть безъ завистниковъ. По смерти онаго, нѣкто изъ соперниковъ обругалъ его статуу, и билъ ея премногими разами, можетъ быть въ отмщеніе за тѣ, кои онъ прежде получилъ отъ изображаемаго оною статуею. Но статуа, будтобъ она чувствовала такое наругательство, упала съ своея высоты на ругавшаго ея, и тѣмъ онаго до смерти задавила. Сынъ убитаго тѣмъ образомъ человѣка билъ челомъ на статуу въ смертноубійствѣ, и винилъ ея по уставу Драконову. Сей славный Аѳинейскій законодавецъ, чтобъ привесть въ крайнее омерзѣніе человѣкоубійство, указалъ истреблять и бездушныя вещи, коихъ паденіе будетъ причиною человѣческія смерти. Тасіанцы, по силѣ того устава, опредѣлили статуу бросить въ море. Но нѣсколько лѣтъ спустя, бывши въ претерпѣніи великаго голода, и вопросивши Ідольскій Делфійскій отвѣтъ, извлекли оную изъ глубины моря, и почли ея новою честію.

Когда Сіракузы были такимъ образомъ какъ воскрешены, и люди въ сей городъ стекались на житіе въ премножествѣ; то Тімолеонъ, который хотѣлъ также увольнить и другія городы, и всеконечно искоренить изъ Сіціліи Тіранство и Тіранновъ, пошелъ въ походъ съ войскомъ. Присилилъ онъ Іцета отстать отъ союза съ Карѳагенянами, и принудилъ его срыть укрѣпленія, и жить простымъ человѣкомъ у Леонтінянъ. Леятінъ, Тираннъ Аполлонійскій, и другихъ многихъ городовъ и замковъ, видя бѣдствіе быть взятъ силою, здался. Тімолеонъ не умертвилъ его, да отослалъ въ Корінѳъ. Ибо онъ рассуждалъ, что нѣтъ ничего толь изящнаго и чеснаго, какъ чтобъ дать видѣть всей Греціи Сіцілійскихъ Тиранновъ, приведенныхъ въ подлость, и живущихъ такъ какъ изгнанники.

Потомъ

(*) Сіе число кажется быть подозрительно. Можетъ быть, надобно въ обоихъ оныхъ приведенныхъ Авторахъ ЧЕТЫРЕ СТА кратъ; да и столько, очень еще много.

Потомъ возвратился въ Сіракузы, чтобъ потрудиться о порядкѣ Полиціи, и учредить тамъ самыи важныи и нужныи уставы, совокупно съ Цефаломъ и Діонисіемъ, двумя законодавцами, коихъ прислали къ нему Коринѳяне: ибо не имѣлъ онъ слабости владѣть всѣмъ, и господствовать одинъ. Но, при отбытіи своемъ, дабы дать чемъ ни будь поживиться войску, кое у него было наемное, и симъ бы способомъ содержать оное всегда въ ожиданіи, послалъ онъ то, подъ коммандою Дінарховою и Демаратовою, во всѣ мѣста, подчиненныя Карѳагенянамъ. Войско сіе отвлекло многіи городы отъ тѣхъ варваровъ, жило всегда въ изобиліи, получило великую добычу, и еще принесло съ собою премногое число денегъ, которые очень довольно послужили къ содержанію войны.

Между тѣмъ, Карѳагеняне прибыли въ Лілібей, подъ коммандою у Асдрубала и Амілкара, съ армеею состоящею въ седмидесяти тысячахъ человѣкъ, съ двумя стами военныхъ судовъ, съ тысячію ластовыхъ, [кои были нагружены машінами да воруженными колесницами] и со всякими военными снарядами, и сѣѣсными запасами. Не меньше они думали, какъ токмо выгнать всѣхъ Грековъ изъ Сіциліи. Тімолеонъ не рассудилъ за должное ихъ ожидать; и хотя не могъ онъ набрать больше шести, или седми тысячъ человѣкъ, [толь великій страхъ обнялъ сердца] однако пошелъ съ симъ неболшимъ войскомъ на толь страшную Неприятельскую армею; да и одержалъ при рѣкѣ Крімесѣ славную побѣду. Можно видѣть подробность сея битвы въ Історіи о Карѳагенянахъ. Тімолеонъ возвратился въ Сіракузы при радосномъ восклицаніи, и при плесканіи всенароднемъ.

Плут. въ Тімол. стран. 24, 8255.

Томъ. первый.

Сперва онъ домогся побѣды надъ Сіцілійскими Тіраннами, и покоренія ихъ; однакожъ онъ ихъ не премѣнилъ, и не отнялъ у нихъ Тіранніческаго нрава. Соединившись они, здѣлали из него сильный союзъ. Тімолеонъ не медлѣнно вышелъ въ поле; и преодолѣлъ ихъ способно. Привелъ онъ ихъ всѣхъ къ претерпѣнію праведнаго наказанія за ихъ возмущеніе. Между прочими, Іцетъ, и съ сыномъ, былъ казненъ смертію какъ Тираннъ и Предатель. Когдажъ его жена и дочери приведены были въ Сіракузы,

 и пред-

и представлены народному собранію; что тамъ и осуждены на смерть, да и тотчасъ вершены. Народъ безъ сомнѣнія хотѣлъ отмстить чрезъ то за Діона, перваго своего избавителя. Ибо то самъ оный Іцетъ, который потопилъ въ морѣ Арету супругу Діонову, сестру его Арістомаху, и сына егожъ еще младенца.

рѣтко, чтобъ добродѣтели не имѣть зависниковъ. Два доносителя позвали Тімолеона въ судъ; а взявши съ него подписку, явитьсябъ ему тамъ въ нѣкоторый назначенный день, требовали у него порукъ. Народъ засвидѣтельствовалъ превеликое негодованіе, и хотѣлъ уволнить толь великаго человѣка отъ обыкновенныхъ обрядовъ. Воспротивился онъ самъ тому сильно; а приводилъ сему въ причину, что онъ предпріялъ толикіи труды токмо для того, чтобъ были наблюдаемы уставы. Доносимо на него было въ худыхъ поступкахъ и налогахъ во время его Полководства. Тімолеонъ не сталъ терять время въ отраженіи сея клеветы, но тотчасъ возопилъ, „что онъ благодаритъ богамъ, услышавшимъ его молитву; видитъ наконецъ Сіракузянъ пользующихся полною „вольностію говорить все: вольность, коя при Тіраннахъ „была отнюдъ невѣдома; однако полезно есть, содержать „ея въ надлежащихъ границахъ„.

Сей великій человѣкъ далъ Сіракузамъ мудрыи уставы, очистилъ всю Сіцілію отъ Тіранновъ, которыи ея сквернили чрезъ долгое время, утвердилъ повсюду безопасность и миръ, и снабдилъ разоренныи городы отъ войны всѣми средствіями такими, которыи могли ихъ восставить. По толикихъ славныхъ дѣяніяхъ, кои дали ему безмѣрную власть, отказался онъ самъ отъ нея, дабы ему жить въ уединеніи. Сіракузы дали ему прекрасный домъ въ городѣ, въ возблагодареніе за показанные имъ услуги. Дали они ему также и загородный увеселительный домъ, весьма изрядный, и очень веселый, въ коемъ онъ по большой части пребывалъ съ супругою своею и съ дѣтьми, привезенными изъ Корінѳа: ибо не возвратился въ свое Отечество, да Сіракузы стали уже ему быть онымъ. Отказываясь отъ всего предостерегся онъ мудро въ томъ, чтобъ ужти ему всесовершенно отъ зависти, которая непремѣнуемо цвѣ-

цѢпляется за высокія мѣста, и не почитаетъ самаго твердаго достоинства. Устранился отъ преткновенія о камень, о который часто самыи великіи люди, ненасытимою жадностію чести и силы, сокрушаются; именножъ, чтобъ ввязыватся по самую смерть въ новыя попеченія, и въ новыя смятенія, къ коимъ старость дѣлаетъ ихъ неспособными, и чтобъ „ * лучше хотѣть не снесть бремени и упасть, нежели оное свергнуть „.

Тімолеонъ, ** „ вѣдая всю пользу въ благородной и славной праздности, „ не поступилъ такимъ образомъ. Онъ препроводилъ всю оставшуюся жизнь простымъ человѣкомъ, наслаждаясь пріятно и съ удовольствіемъ зрѣніемъ на толь многіи городы и на толикіе тысячи людей, одолженныхъ ему спокойствіемъ и благополучіемъ, коими они пользовались. Но всегда былъ онъ почитаемъ и вопрошаемъ какъ общій Сіцілійскій Провѣщатель. Не было ни мирнаго договора, ни положенія уставовъ, ни раздѣленія земель, ни учрежденія порятковъ, кажущихся здѣланными изрядно, буде Тімолеонъ во все то не вмѣшался, и не привелъ того въ совершенство.

Старость его получила искушеніе отъ весьма чувствительныя печали, которую онъ снесъ въ удивительной терпѣливиости, именножъ, лишеніе зрѣнія. Сіе приключеніе не токмо не умалило любленія и почтенія къ нему, но еще и послужило къ умноженію оныхъ. Сіракузяне не довольствовались тѣмъ, чтобъ имъ самимъ навѣщать его почасту: они еще приводили къ нему пребывавшему въ городѣ и за-городомъ всѣхъ чужестранныхъ пріѣжжающихъ къ нимъ, дабы тѣ видѣли ихъ благотворителя и избавителя. Когда имъ надобно было совѣтовать въ собраніи о какомъ нибудь важномъ дѣлѣ; то они призывали его въ свою помощь: а онъ, сидя въ двуконной колесницѣ, и пріѣжжалъ къ нимъ на Театръ, куда былъ приводимъ при радосномъ восклицаніи отъ всего народа. Послѣ какъ онъ скажетъ свое мнѣне, по которому всегда дѣлалось исполненіе; то собственныи люди его сводили съ Театра, а граждане всѣ препровождали за ворота съ равнымижъ восклицаніями и плесканіями.

* Malunt deficere, quam desinere. Quinctil.

** Otium cum dignitate. Cicer.

Отдана ему еще бо́льшая честь по его смерти. Ничего не оскудѣвало въ великолѣпіи его погребенія, въ коемъ са́мое лучшее украшеніе былъ плачъ соединенный съ благословеніями, которыми каждый старался радѣтельно почтить его память. Слéзы тѣ нé были даемы обыкновенію и благопристойности, ни также всенародному повелѣнію; но текли изъ са́маго источника, и лились отъ искренняго усердія, отъ горячаго возблагодаренія, и отъ неутѣшимыя болѣзни. Опредѣлено было, чтобъ впредь повсягодно, въ день его смерти, отправлять въ честь памяти онаго Мусікійскіе и Гімнические потѣхи, и также ристать на коняхъ. Но сіе всего чеснѣйшее было въ поминаніи сего великаго мужа, именножъ, опредѣленіе, каково уставилъ народъ Сіракусскій, чтобъ, когда ни случится въ Сіціліи война съ чужестранными, брать ей всегда Полководца изъ Корінѳа.

Не знаю, находитсяль нѣчто въ Історіи болше и совершеннѣе того, что она объявляетъ намъ о Тімолеонѣ. Я не говорю токмо о военныхъ его дѣлахъ, и о благополучныхъ успѣхахъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Плутархъ въ томъ наблюдаетъ нѣкоторый характеръ, который, по его мнѣнію, отличаетъ Тімолеона отъ всѣхъ великихъ людей его времени, и употребляетъ онъ на то нѣкоторое сравненіе весьма достойное примѣчанія. Находятся, говоритъ онъ, въ живописи и въ поэзіи, дѣла́ превосходныя сами въ себѣ, и которыя познаваетъ са́мый первый взглядъ, что они здѣланы искусною рукою; однако нѣкоторыя изъ нихъ показываютъ, что они произведены великимъ трудомъ, а въ другихъ зрится видъ свободный, и природная пріятность, что са́мое попремногу возвышаетъ ихъ достоинство, да и включаетъ онъ въ сей послѣдній классъ Гомеровы Поэмы. Равнымъ образомъ, продолжаетъ онъ, должно рассуждать и о дѣйствіяхъ Эпамінондовыхъ и Агезілаевыхъ, когда они сравниваются съ Тімолеоновыми. Видно въ первыхъ, что они произведены отъ нихъ съ пребесчисленными трудностями: но въ дѣлахъ сего зрится способность и легость, которые показываютъ ясно, что они здѣланы не фортуною, но добродѣ-

бродѣтелію, коей пособствовать восхотѣла фортуна. Сіе все говоритъ здѣсь Плутархъ.

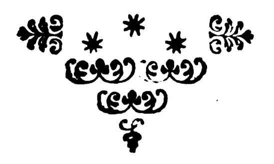
Но, минуя военныя Тімолеоновы дѣла, вотъ чему я больше въ немъ удивляюсь, именножъ, гарячей его и бескорысной любви къ общей пользѣ, оставляющей себѣ токмо пріятность, чтобъ видѣть другихъ въ благополучіи отъ своихъ услугъ: крайнему удаленію его отъ всякаго властолюбія и надменія, чесному его уединенію, кротости его и умѣренности, беспристрастію къ чести, и, что еще рѣдчайшее, отвращеніе отъ всякаго ласкательства, да и отъ справедливѣйшихъ и достойнѣйшихъ себѣ похвалъ. „(а) Когда прослав-„ляема была при немъ его мудрость, храбрость, и слава, „которую онъ пріобрѣлъ изгнаніемъ Тіранновъ; то сіе ток-„мо отвѣтствовалъ, что по премногу долженст-„вуетъ благодарить богамъ, тѣмъ что, опредѣливши „отдать Сіціліи миръ и вольность, благоизволили они его „избрать изъ всѣхъ другихъ толь къ достославной службѣ: „ибо онъ былъ совершенно удостовѣренъ, что всѣ человѣ-„ческіи случаи правимы и учреждаемы бываютъ тайнымъ „уставомъ божіяго Провидѣнія„. Коль неоцѣненное сокровище, и великое благополучіе Государству, такой въ немъ Міністръ!

Чтожъ бы лучше познать его достоинство; то надлежитъ токмо сравнить состояніе, въ коемъ находились Сіракузы при Тімолеонѣ, съ онымъ, въ которомъ сей городъ былъ при обоихъ Діонісіяхъ. Онъ былъ тотже самый градъ, тѣжъ самыи люди, и тотже самый народъ: но коль великое различіе зрится тамъ во времена двухъ разныхъ правительствъ, о коихъ мы предлагаемъ! Оба Тіранна стара-

(а) Cum suas laudes audiret praedicari, numquam aliud dixit, quam se in ea re maximas diis gratias agere atque habere, quod, cum Siciliam recreare constituissent, tum se potissimum ducem esse voluissent. Nihil enim rerum humanarum sine deorum numine agi putabat.

Corn. Nep. in Timol. cap. 4.

старались токмо о томъ, чтобъ ихъ всѣ боялись, и чтобъ привесть въ уничиженіе подданныхъ, дабы симъ быть покорнѣйшимъ. Страшны они и подлинно всѣмъ были, какъ то хотѣли: но совокупно оnижъ были ненавидимы и проклинаемы; да еще и самимъ имъ больше надлежало бояться своихъ подданныхъ, нежели подданнымъ оныхъ. Тімолеонъ, напротивъ того, который почиталъ себя Отцомъ Сіракузянамъ, и думалъ токмо здѣлать ихъ благополучными, наслаждался увеселеніемъ, что онъ находился отъ всѣхъ любимъ и почитаемъ какъ родитель онъ чадъ; а память его между ними въ благословеніи была, потому что они не могли чувствовать спокойствія своего и радости, безъ воспоминовенія, что то оный есть мудрый Законодавецъ, который ихъ обогатилъ сими драгоцѣнными дарами.



КНИГА

КНИГА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сія книга содержитъ особливо Історію о двухъ Начальникахъ Тебанскихъ весьма знатныхъ, а именно, объ Эпаминондѣ и Пелопидѣ: о смерти Агезілая Спартанскаго Царя; и о кончинѣ Артаксеркса-Мнемона Царя Персідскаго.

§. I.

СОСТОЯНІЕ ГРЕЦІИ ПОСЛѢ АНТАЛЦІДСКАГО МИРА. ЛАКЕДЕМОНЯНЕ ОБЬЯВЛЯЮТЪ ВОЙНУ ГОРОДУ ОЛІНТУ. ЗАХВАТИЛИ ВЪ СВОИ РУКИ ОБМАНОМЪ И НАСИЛІЕМЪ ТЕБАНСКУЮ КРѢПОСТЬ. ОЛІНТЪ ЗДАЕТСЯ.

Анталцідскій миръ, о которомъ предложено въ III Главѣ, IX Книги, ввергъ въ Греческіи городы премногое сѣмя неудовольствія и разгласія. Въ исполненіе того Трактата, Тебанцы принуждены были оставить беотійскіи городы, дабы имъ пользоваться вольностію; а Корінѳяне, вывесть свои гарнізоны изъ Аргоса, который чрезъ то здѣлался вольнымъ и неподвласнымъ. Лакедемоняне, заводчики и совершители того Трактата, видѣли, что чрезъ него сила ихъ крайно возрасла, да и старались они еще болѣе ея умножить. Присилили они Мантінеанъ, на которыхъ, говорили, были имъ многіе причины къ жалобамъ во время послѣднія войны, раззорить стѣны своего города, и разсѣять свои жилища по четыремъ разнымъ мѣстамъ, какъ то оныя прежде того были.

Л.М. 3617. Пр. І.Х. 387. Ксеноф. Іст. Греч. кн. 5. стр. 550, 553.

Діод. кн. 15. страи. 341.

Два Спартанскіи Царя Агезіполь и Агезілай, имѣя характеръ въ себѣ весьма различный, думали также разнымъ образомъ о настоящемъ состояніи дѣлъ. Первый, бывши сприроды склоненъ къ миру, и исправный наблюдатель правосудія, хотѣлъ, чтобъ Спарта, которая уже весьма себя огласила миромъ Анталцідскимъ, оставила пользоваться своею вольностію Греческіи городы, по содержанію того самаго Трактата, и не возмущалабъ ихъ спокойствія несправедливымъ желаніемъ къ распространенію своего господствованія. Другой, напротивъ того, беспокойный, обратный, исполненный великихъ намѣреній ко властолюбію и завоеванію, дышалъ токмо войною.

А. М. 3621 Пр. І. Х. 383. Тамж. стр. 554, 556. Въ тожъ время прибыли въ Лакедемонъ Послы изъ Аканта и Аполлоніи, городовъ весьма знатныхъ въ Македоніи, по причинѣ Олінта, города Өракійскаго, которымъ владѣли Греки происшедшіи изъ Халцıды Эвбейскаго города. Аөины, по побѣдахъ Саламінской и Маратонской, завоевали многіи городы стоящіи близъ Өракіи, и въ самой сей землѣ. Сіи городы свергли иго, какі скоро Лакедемонъ, при окончаніи Пелопоннесскія войны низвергъ Аөинейскую силу. Олінтъ былъ изъ сего числа. Послы Акантскіи и Аполлонійскіи представили въ общемъ собраніи союзниковъ, что Олінтъ, городъ стоящіи въ ихъ сосѣдствѣ, укрѣплялъ себя чрезвычайно день отъ дня, что распространялъ онъ отчасу болѣе свое владѣніе новыми завоеваніями, что силилъ всѣ окольныи городы покарятся себѣ, и вступать въ свой намѣренія, что онъ скоро имѣетъ заключить союзный Трактатъ съ Аөинянами и съ Тебанцами. Сіе дѣло взято было въ рассужденіе; да и опредѣлено общимъ согласіемъ, что надлежитъ объявить войну Олінтянамъ. Положили, чтобъ союзнымъ городамъ поставить десять тысячъ войска, съ вольностію тѣмъ, кои захотятъ дать деньги вмѣсто людей, считая * по-три обола на-день за каждаго воина пѣхотнаго, а вчетверо больше за коннаго. Чтожъ бы не потерять времени; то Лакедемоняне отправили тотчасъ свое войско подъ командою Эвдамідовою, который испросилъ у Эфоровъ, чтобъ Фебіду, брату его, коммандовать онымъ войскомъ, которому надлежало тотчасъ за нимъ слѣдовать

* Пять копѣекъ.

вать, и съ нимъ соединиться. Когда первый прибылъ въ оную часть Македонiи, которая также Ѳракiею называется; то оставилъ гарнiзоны въ городахъ, имѣвшихъ къ нему прибѣжище; завладѣлъ Потiдееею, городомъ союзнымъ Олiнтянамъ, кой ему здался безъ сопротивленiя; и началъ войну противъ Олiнта, но медлѣнно, какъ то надлежало Полководцу не соединившему еще всего своего войска.

Фебiдъ отправился въ походъ въ краткомъ послѣ того времени. Пришедъ къ Тебамъ, сталъ за-городомъ близъ Гiмназiи, или всенароднаго училищнаго военному дѣлу мѣста. Iсменiй и Леонтiдъ, оба тогда Полемархи, то есть армейскiи Полководцы, и первыи Тебанскiи Градоначальники, были главными при двухъ сопротивныхъ разврапахъ. Первый, который привлекъ къ своей сторонѣ Пелопiда, не-былъ другъ Лакедемонянамъ, и ими также нелюбимъ, для того что онъ стоялъ явно какъ за народное правленiе, такъ и за вольность. Другой, напротивъ того, благопрiятствовалъ Олiгархiи [не многихъ начальству] и былъ подкрѣпляемъ отъ Лакедемонянъ, кои ему помогали всею своею силою. Я принужденъ вступить въ сiю подробность, потому что случай, о которомъ надлежитъ предложить какъ о воспослѣдовавшемъ изъ того, подастъ причину къ знатной войнѣ Тебанцамъ противъ Лакедемонянъ.

Л.М 3622. Пр. I. X. 382. Ксеноф. стран. 556, 558. Плут. въ Агезiл. стран. 608, 609. Онж. въ Пелоп. стран. 280 Дiод. кн. 15 стран. 341, 342.

Дѣла были въ семъ состоянiи въ Тебахъ. Леонтiдъ навѣстилъ Фебiда, и предложилъ ему завладѣть замкомъ называемымъ Кадмейскимъ, выгнать изъ него стоящихъ съ Iсменiевы стороны, и взять оный въ Лакедемонскую власть. Выполковалъ онъ ему, что ничто не можетъ быть славнѣе для него, какъ чтобъ завладѣть Тебами въ то время, въ кое братъ его трудился о покоренiи Олiнта; что чрезъ то, дастъ онъ лехчайшiй способъ своему брату къ полученiю успѣха въ его предпрiятiи; и что Тебанцы, которыи указомъ запретили своимъ гражданамъ воевать на Олiнтъ, не преминутъ, какъ скоро онъ завладѣетъ замкомъ, дать ему столько пѣхоты и конницы, сколько надобно будетъ на подкрѣпленiе Эвдамiда.

Фебїдъ, который имѣлъ много честолюбїя, а мало разума, и притомъ искалъ токмо прославить себя какимъ нибудь славнымъ дѣйствїемъ, не рассудивъ изъ того ни о какихъ воспослѣдованїяхъ, прекланяется способно на его представленія. Въ то время какъ Тебанцы, бывши спокойны и безопасны подъ доброю вѣрностїю мирнаго Трактата, заключеннаго недавно между Греками, торжествовали празникъ Цереринъ, и ничего меньше не ожидали, коль такова непрїятельскаго дѣйствїя. Фебїдъ, приведенный Леонтїдомъ, завладѣлъ за́мкомъ. Сенатъ былъ дѣйствительно въ собранїи. Леонтїдъ къ Сенаторамъ прибылъ. Онъ имъ объявляетъ, что ничего не надлежитъ опасаться отъ Лакедемонянъ вшедшихъ въ за́мокъ; что они непрїятели тѣмъ токмо, которыи хотятъ возмущать миръ: чтожъ до него, то по силѣ, кою ему даетъ чинъ Полемарха, чтобъ брать подъ караулъ, ктобъ ни ухищрялъ противъ Государства, хочетъ онъ засадить въ крѣпкое мѣсто Ісменїя, который возмущаетъ, и ищетъ токмо войны. И подлинно, то́тчасъ оный былъ подхваченъ, и отведенъ въ за́мокъ. Стоявшїи съ Ісменїевы стороны́, видя главнаго своего подъ карауломъ, и боясь себѣ крайнихъ наглостей, выбѣгаютъ въ скорости и́зъ города, и уходятъ въ Аѳины; а числомъ ихъ было больше четырехъ сотъ человѣкъ. То́тчасъ и объявлены они изгнанниками всенароднымъ опредѣленїемъ. Пелопїдъ былъ въ томже числѣ. Эпамїнондъ пребываетъ спокойно въ Тебахъ, для того что онъ былъ презираемъ, какъ человѣкъ единственно упражняющїйся въ Фїлософїи, и не мѣшающїйся въ дѣла́, и ради того, что онъ былъ бѣденъ, а нищета его не дѣлала никако́ва страха съ его стороны́. Опредѣляютъ новаго Полемарха на Ісменїево мѣсто; а Леонтїдъ отправляется въ Лакедемонъ.

Вѣдомость о предпрїятїи Фебїдовомъ, который въ мирное время завладѣлъ насильственно за́мкомъ, не имѣя на оный никако́ва права, возбудила великїй ропотъ и жестокїе жалобы. Особливо противящїися Агезїлаю, на котораго было подозрѣнїе о вступленїи въ сей умыслъ, спрашивали, по какому указу Фебїдъ здѣлалъ толь странное нарушенїе вѣрности. Агезїлай чувствовалъ совершен-

но

но, что сія вопіющая укоризна упадала на него, началъ безъ всякаго опасенія защищать Фебида, и говорить явно въ слухъ всѣмъ: „что надлежитъ смотрѣть на дѣйствіе „само въ себѣ, и видѣть, былоль оно полезно; что все по„лезное Лакедемону есть позволено, еще и повелѣно, „чтобъ то дѣлать каждому самому собою, не ожидая ни „отъ кого никакова указа„. Вотъ точно странныя основанія, произносимыя отъ такова человѣка, который впрочемъ содержалъ твердо, что Правосудіе и Справедливость суть первѣйшие изъ всѣхъ добродѣтелей, и что безъ нихъ самое мужество, и всѣ превеликія достоинства не могутъ быть полезны. Сіе самъ онъ отвѣтствовалъ, когда при его присутствіи крайнимъ образомъ похваляли величность Персідскаго Царя: **Сей Царь, котораго вы называете великимъ, какъ есть больше меня, ежели онъ притомъ не находится справедливѣе?** Правило поистиннѣ благородное и удивительное, тоесть „что надлежитъ почитать Справедливость за уставъ всему изящному и великому!" Но правило, которое онъ говорилъ токмо устами, а дѣлами былъ весьма далекъ отъ него, согласно съ основаніями большія части Политиковъ, кои мнятъ, что государственный человѣкъ долженствуетъ всегда прославлять Справедливость, а впрочемъ ни единаго не опускать случая къ нарушенію ея для пользы своей землѣ.

Послушаемъ же теперь опредѣленія, которое произречетъ августѣйшее Спартанское Собраніе, толь славное за мудрость своихъ совѣщаній, и за правоту разсужденій. Все оное дѣло съ зрѣлостію разсмотрѣно, средствія изслѣдованы съ обѣихъ сторонъ, и приведены были въ ясность; а вершеніе Собранія есть такое, чтобъ Фебиду быть лишену комманды, и положить на него штрафъ ста тысячь драхмъ: * но впрочемъ удержать за собою замокъ, и ввесть въ оный добрый гарнізонъ. Что за странная негодность, вопіетъ Полібій! Что за преобращеніе всякаго правила и разума! Казнить преступника, а одобрять преступленіе! И не токмо еще одобрять преступленіе слехка, и не пріемля въ немъ участія, но и подтверждать оное печатію и властію Всенародною, продолжать то именемъ Государства, для полученія изъ того

* десять тысячь рублей. Кн. 4. стр. 196.

плодовъ! Но не притомъ токмо они осталисъ. Коммiссары, опредѣленныи отъ всѣхъ городовъ союзныхъ Спартѣ, прибыли въ Тебанскiй замокъ, произвели тамъ судъ надъ Iсменiемъ, и осудили на смерть, которою онъ и вершенъ тотчасъ. Рѣтко, чтобъ толь вопiющимъ несправедливостямъ пребыть безъ казни. Поступать такимъ образомъ, то тѣмъ, говоритъ еще Полiбiй, какъ не желать добра Отечеству, такъ и самому себѣ.

Ксеноф. кн. 5 стр. 559, 565. Дiод. кн. 15 стран. 342, 343. Телевтiй братъ Азегiлаевъ, опредѣленъ вмѣсто Фебiда, выбраннаго сперва отвесть оставшееся войско союзниковъ подъ Олiнтъ; да и прибылъ онъ туда поспѣшно. Городъ былъ чрезвычайно крѣпокъ, и снабдѣнъ всѣми потребностями къ выдержанiю добрыя обороны. Были многiе выласки съ успѣхомъ: были также многiя и сраженiя, изъ которыхъ на одномъ Телевтiй убитъ. Въ слѣдующiй годъ Царю Агезiполю поручена комманда надъ войскомъ. Весь сей походъ прошелъ токмо въ сшибкахъ съ обѣихъ сторонъ, такъ что ничего не было окончательнаго: Агезiполь умеръ вскорѣ послѣ того отъ болѣзни. Клеомбротъ, братъ его, былъ наслѣдникомъ его престолу, и царствовалъ девять лѣтъ. Д. М. 3624 Пр. І. Х. 380. Началась тогда сотая Олiмпiада. Спарта здѣлала новыя стремительства, для окончанiя войны съ Олiнтянами. Полiбидъ, на кого сiе дѣло было положено, произвелъ жестокую осаду, и приступалъ къ городу жарко: и какъ у тѣхъ оскудѣли съѣсныи запасы; то наконецъ принуждены они были здаться. Лакедемонъ ихъ воспрiялъ въ число своихъ союзниковъ.

§ III.

БЛАГОПОЛУЧIЯ СПАРТѢ. ХАРАКТЕРЪ ДВУХЪ ЗНАТНЫХЪ ТЕБАНЦОВЪ, ЭПАМIНОНДА И ПЕЛОПИДА. СЕЙ ВОСПРIЕМЛЕТЪ НАМѢРЕНIЕ ОТДАТЬ ВОЛЬНОСТЬ ОТЕЧЕСТВУ. УМЫСЛЪ НА ТИРАННОВЪ МУДРО ПРОЗВЕДЕННЫЙ, И БЛАГОПОЛУЧНО ВЪ СОВЕРШЕНIЕ ПРИВЕДЕННЫЙ. ЗАМОКЪ ОТНЯТЪ НАЗАДЪ.

Ксеноф. стран. 565. Дiод. стр. 334. Никогда, кажется, благополучiе Лакедемонское небыло блистательнѣйшее, ни ихъ господствованiе твердѣйшее. Все имъ было покорено въ Грецiи; сiежъ какъ

силою

силою, такъ и дружбою. Имѣли они въ своихъ рукахъ Тебы, городъ весьма сильный, и чрезъ то всю беоцію. Нашли способъ привесть въ покоренiе Аргосъ, и также подъ свою власть. Корiнөъ имъ совершенно превручился, и исполнялъ все по ихъ повелѣнiямъ. Аөиняне, оставленныи отъ своихъ союзниковъ, и оставшiися почитай токмо съ самими собою, не-были въ состоянiи имъ сопротивляться. Будеҍъ какой городъ, или народъ какой союзный, покусился отстать отъ ихъ властительства; то скорое наказанiе принуждало ихъ паки возвращаться къ должности, и устрашало всѣхъ прочихъ. Итакъ, все ихъ трепетало, какъ господъ на сухомъ пути и на-морѣ; да и самыи сильныи Государи, каковы Царь Персидскiй, и Сiракусскiй Тiраннъ, старались на прерывъ о вступленiи съ ними въ союзъ и въ дружбу.

Такое благополучiе, которое основано на одной токмо несправедливости, не можетъ пребывать долго. Пораженiя, кои низложатъ Спартанскую силу, произойдутъ изъ тогожъ самаго мѣста, гдѣ она дѣлала самые несправедливые наглости, и откуду, казалось, не надлежало ей ничего боятся, тоесть, изъ Тебъ. Два знаменитыи гражданина сего города, явятся въ послѣдованiи со славою на Греческомъ Театрѣ, и для того достойны быть вѣдомы прежде.

Я говорю о Пелопiдѣ и Эпамiнондѣ. Оба они произошли изъ знатнѣйшихъ Тебанскихъ Фамiлiй. Пелопiдъ, бывши воспитанъ въ великомъ изобилiи, и здѣлавшись, еще съ молодости своея, однимъ токмо наслѣдникомъ дому безмѣрно богатому и знатному, употреблялъ еще тогда свое имѣнiе на пособствованiе имѣющимъ въ немъ нужду, и находившимся того достойными, показывая симъ мудрымъ употребленiемъ своего богатства, что онъ тому былъ истинный господинъ, а не его невольникъ. Ибо, по Арiстотелеву примѣчанiю, объявленному отъ Плутарха, „(а) большая часть изъ людей или не употребляютъ сво-„его

Плут. въ Пелоп. стр. 279

(а) Τῶν πολλῶν, οἱ μὲν ὀ χρῶνται τῶ πλύτω διὰ μικρολογίαν, οἱ δὲ παραχρῶνται δι᾽ ἀσωτια.

„его имѣнія отъ скупости, или употребляютъ оное во „зло худымъ и безумнымъ расточеніемъ „. Чтожъ до Эпамінонда; нищета была его участь, и дѣлала ему честь: да и можно сказать, почитай была его радость и увеселеніе. Родился онъ отъ родителей убогихъ, и слѣдовательно привыкшій отъ младенчества къ нищетѣ. Здѣлалъ ея себѣ еще пріятнѣйшею и лехчайшею чрезъ охоту бывшую въ немъ къ Філософіи. Пелопідъ, пособствовавшій великому числу гражданъ, не могъ никогда принудить онаго къ тому, чтобъ тотъ употреблялъ на свои нужды его имѣніе, и для того самъ воспріялъ участіе въ нищетѣ своего друга, подражаніемъ ему въ той, и сталъ быть образцомъ, также и удивленіемъ городу чрезъ умѣренность своего одѣянія, и мѣрность ядей при столѣ.

Корнел. Непот. въ Эпамінонд. гл. 3

Хотя Эпамінондъ и убогъ имѣніемъ даемымъ отъ фортуны; но въ награжденіе за то, былъ онъ изобильно обогащенъ сокровищемъ разума и сердца. Бывши кротокъ, благоразуменъ, важенъ, искусенъ къ употребленію въ пользу благовременныхъ случаевъ, умѣющъ превосходно военное дѣло, равно способенъ рукою и разумомъ, тихъ и снисходителенъ въ обхожденіи съ людьми, претерпѣвающъ невѣроятнымъ образомъ худую съ собою поступку отъ народа, еще и отъ присныхъ своихъ пріятелей, соединяющъ съ охотою къ военнымъ дѣламъ любовь къ ученію и къ наукамъ, показывалъ онъ себя особливо правдивымъ и искреннимъ человѣкомъ: такъ что „ не хотѣлъ „онъ лгать ни въ шутку, ни въ забаву „. Adeo veritatis diligens, vt ne ioco quidem mentiretur.

Плут. тамж.

Оба они имѣли равную склонность къ добродѣтели. Но Пелопіду угодны были тѣлесныи подвиги, а Эпамінонду украшенія разуму. Чего ради, провождали они всѣ свои досужныя времена, одинъ въ Палестрѣ и на ловлѣ, а другой въ Філософскихъ бесѣдахъ, и въ ученіи Любомудрія.

Но сему въ нихъ разумныи и рассудительныи люди долженствуютъ больше удивляться, и что весьма рѣдко зрится въ особахъ ихъ состоянія и чина, именножъ, оное ихъ совершенное соединеніе и постоянная дружба, которая всегда между ними пребывала чрезъ все то время

время, въ кое они были совокупно употреблены къ дѣламъ Общества, какъ въ миръ такъ и въ войну. Пусть рассмотрится правительство Арістідово, и Темістоклово, Цімоново и Періклово, Ніціево и Алцібіадово; то найдется, что оно было у всѣхъ сихъ исполнено смятеній, несогласій, и распри. Дважъ друга, о коихъ мы предлагаемъ, имѣли первыи чины въ Государствѣ: всѣ большія дѣла шли чрезъ ихъ руки: все было ввѣрено ихъ попеченію и власти. Толь въ нѣжныхъ обстоятельствахъ, коль много бываетъ обыкновенно случаевъ къ досадѣ и зависти! Но никогда ни разность умствованія, ни различіе пользы, ни самое малое движеніе завиствованія, не повредили ихъ соединенія и согласія. Причина тому, что оно было основано на ненарушимомъ грунтѣ, тоесть, на добродѣтели, которая ихъ заставляла искать во всѣхъ дѣйствіяхъ, говоритъ Плутархъ, не славы и богатства, смертоносныхъ источниковъ ссоръ и вражды, но единаго токмо общаго добра, и которая производила въ нихъ желаніе не такое, чтобъ имъ прославить фамілію свою и домъ, но чтобъ здѣлать свое Отечество сильнѣйшимъ и паче сіяющимъ. Сіи точно два человѣка, которыи явятся на Театрѣ, и приведутъ въ колебаніе великія приключенія, имѣющія премѣнить видъ всѣхъ дѣлъ и всея Греціи.

Когда Леонтідъ увѣдомился, что Изгнанники убрались въ Аѳины, и что тамъ съ ними народъ поступаетъ изрядно, и почитаютъ ихъ всѣ чесныи люди; то здѣлалъ на нихъ тайное ухищреніе, чрезъ посредство нѣкоторыхъ незнаемыхъ людей, коихъ онъ послалъ, чтобъ тамъ убить изъ нихъ самыхъ лучшихъ. Одинъ токмо Андроклідъ былъ потребленъ; а Леонтіду не удалось учинить тожъ самое со всѣми другими. Л. М. 3626 Пр. I. X. 378. Ксеноф. Іст. Греч. кн. 5. стр. 566, 568. Плут. въ Пелопід. стран: 280, 284. Онж. о Сократ. дух. стран. 586, 588, 594, 598. Діод. кн 15 стран. 344, 346. Корн. Непъ въ Пелопід. гл. 1. 4.

Въ сіе жъ время Аѳиняне получили письма изъ Спарты, которыя имъ запрещали принимать Изгнанниковъ, и давать симъ пособствованіе; а притомъ повелѣвали выгнать ихъ отъ себя какъ такихъ людей, кои объявлены общими непріятелями Греціи отъ всѣхъ Союзниковъ. Людскость, добродѣтель собственная и природная Аѳинянамъ, была причиною, что они отвергли съ омерзѣніемъ

нїемъ толь бесчесное предложенїе. Имъ было радостно, что они нашли случай къ засвидѣтельствованію своего возблагодаренія Тебанцамъ, воздаяніемъ имъ равнаго. Ибо то Тебанцы, которыи наибольшее учинили способствованїе возстановленію въ Аѳинахъ народнаго Правленія, ставши за нихъ по силѣ всенароднаго опредѣленія, не смотря на запрещенія изъ Спарты; да притомъ и Тразибулъ пошелъ изъ Тебъ же избавлять Аѳины отъ Тиранніи Тритцати.

Пелопидъ, хотя еще тогда и очень молодъ, навѣстилъ всѣхъ изгнанниковъ одного по другомъ. Мелонъ былъ самый знатный изъ нихъ. Собравши ихъ всѣхъ представилъ онъ имъ, „что то было какъ неблагопристойно, „такъ и несправедливо, что они, удоволившись токмо „спасеніемъ своея жизни, смотрѣли спокойнымъ окомъ на „плѣненное и заключенное свое Отечество. Что коль ни „великую имъ показываютъ пріязнь Аѳиняне; только жъ „не надлежитъ зависѣть ихъ участи отъ опредѣленій сего „народа, который или своимъ собственнымъ непостоянствомъ, или злостію Ораторовъ, обращающихъ его по своему „изволенію, можетъ вскорѣ перемѣниться. Что не надобно „ничего жалѣть по примѣру Тразибулову; да и должно себѣ „предложить въ образецъ бесстрашную его бодрость, и „смѣлое великодушіе: дабы, какъ Тразибулъ, пошедшій „изъ Тебъ и пришедшій поразить и сокрушить Аѳинейскихъ Тиранновъ, и они такимъ же образомъ пошли изъ „Аѳинъ, и пришлибъ въ Тебы для отданія тому городу „первыя его вольности.„

Рѣчь сія такое произвела дѣйство въ сердцахъ Изгнанниковъ, какова должно отъ нихъ ожидать. Послали они тайно въ Тебы съ извѣстіемъ къ своимъ другамъ, тамъ оставшимся, о томъ, что они намѣрились дѣлать. Сіи пріятели похвалили крайно ихъ намѣреніе. Харонъ, который былъ изъ главныхъ въ городѣ, обѣщалъ дать свой домъ на воспріятіе единомышленниковъ. Филидъ нашелъ способъ здѣлать себя Писаремъ Архіевымъ и Филиппововымъ, кои тогда были Полемархи, то есть, первѣйшія Градоначальники. Что жъ до Эпаминонда; то онъ давно уже старался, особливо съ своей стороны, вдохнуть рѣчами своими въ молодыхъ Тебанцовъ горячее желаніе къ сверженію

нію Спартанскаго ига. Онъ вѣдалъ все, что уже дѣлалось; однако не рассудилъ быть въ томъ участникомъ, для того что было ему трудно, говорилъ онъ, омочить свои руки въ крови гражданъ: предвидя, что не удержатся въ надлежащихъ границахъ сего предпріятія, законнаго по самомъ въ себѣ, и что не одни токмо погибнутъ Тіраны, и бывши впрочемъ увѣренъ, что гражданинъ, не приставшій ни къ какой сторонѣ, найдется въ большемъ состояніи поразить и преклонить народныя сердца. Плут. о Сократ. дух. стр. 59

День на исполненіе намѣренія былъ назначенъ. Изгнанники рассудили заблаго, чтобъ Ференику, собравшему всѣхъ единомышленниковъ, остановиться въ пригородкѣ Тріазіи, который не подалеку отъ Тебъ, и чтобъ не большому числу молодшихъ людей отважиться войти сперва въ городъ. Двенатцать человѣкъ, изъ первыхъ Тебанскихъ фамилій, всѣ соединенныя совокупно тѣснымъ и вѣрнымъ дружествомъ, имѣющіи токмо соперничество въ славѣ и чести, берутся за смѣлое сіе предпріятіе: Пелопідъ былъ въ томъ же числѣ. Обнявшись съ своими товарищами, и пославши Гонца къ Харону съ извѣстіемъ объ ихъ походѣ, отправились въ свой путь, имѣя на себѣ простое одѣяніе, ведя съ собою гончихъ псовъ, и держа въ рукахъ тычки и палки отъ сѣтей, дабы встрѣтившіися съ ними не могли ни о чемъ притти въ подозрѣніе, и почлибъ ихъ всѣхъ за охотниковъ, кои на ловлѣ разбились врозь и дорогу потеряли.

Когда ихъ Гонецъ прибылъ въ Тебы и увѣдомилъ Харона, что уже они на пути; то близость бѣдствія не премѣнила въ немъ намѣренія: и какъ онъ былъ человѣкъ мужественный и чесный, то и приготовилъ свой домъ на воспріятіе всѣхъ.

Одинъ нѣкто изъ согласившихся, который впрочемъ не-былъ злый человѣкъ, еще онъ и любилъ свое Отечество, и отъ всегобъ своего сердца желалъ служить Изгнанникамъ, однакожъ не-было въ немъ ни смѣлости, ни надлежащія твердости для такова предпріятія, и размышляя особливо о трудностяхъ и препятствіяхъ представляющихся множествомъ его помыслу, и притомъ пришедъ въ смятеніе видя напасть, уединяется въ свой домъ не сказавъ ничего

чего, и отправляетъ нѣкоего своего друга къ Мелону и къ Пелопиду съ прошеніемъ, отложить бы имъ свое начинаніе, и возвратиться въ Аѳины, а тамъ ждать благопріятнѣйшаго времени. По щастію, сей его пріятель, не нашедъ узды на свою лошадь, и потерявъ много времени крича на жену, не возмогъ туда отправиться.

Пелопидъ, и всѣ другіи съ нимъ, надѣвши на себя мужицкое платье, и раздѣлившись, входятъ при вечерѣ разными воротами въ городъ. И какъ тогда начиналась зима; то вѣялъ небольшой сѣверный вѣтръ, да и напалъ снѣгъ: сіе поспѣшествовало имъ къ лучшему себя закрытію: каждый пошелъ въ свой домъ отъ стужи, которая имъ подала самимъ причину къ закрыванію своего лица. Знавшіи умышленіе сіе, приняли Изгнанниковъ, и отвели ихъ всѣхъ тотчасъ къ Харону; у коего нашлось ихъ, какъ Изгнанниковъ, такъ и другихъ, числомъ сорокъ восемь человѣкъ.

Ужé было тому нѣсколько времени, какъ Філідъ, Писарь у беотарховъ (*), который также былъ въ сообщеніи, обѣщалъ Архію, и всему его братству, учредить вечернее кушаніе въ тотъ сáмый день, угостить ихъ изобильно, и представить предъ нихъ сáмыхъ красныхъ женщинъ во всемъ городѣ. Когда всѣ званыи гости собрались въ назначенный часъ; то сѣли за столъ. Было ужé у нихъ забрано въ голову, и почитай находились пьяными, когда разгласился, не извѣсно какимъ образомъ, глухой слухъ, что Изгнанники находятся въ городѣ. Філідъ, не показывая ни мало смущенія и робости, старается всѣми мѣрами прекратить сей разговоръ: но Архій посылаетъ одного изъ служивыхъ къ Харону съ повелѣніемъ, быть къ себѣ тотчасъ. Было ужé поздо. Пелопідъ и единомышленники готовились итти, облеклись въ брони, и взяли свои мечи. Вдругъ слышится стукъ у воротъ. Нѣкто туда пошелъ; а увѣдомився отъ того служиваго, что

(*) Градоначальники и Полководцы, которыи въ Тебахъ были Правителями, назывались беотархами, тоесть, Начальствующими надъ беотіею.

что онъ пришелъ отъ Градоначальниковъ, кои спрашиваютъ къ себѣ Харона, побѣжалъ весь внѣ себя съ сею страшною вѣдомостію. Всѣ заключили, что умыслъ открылся; и думали, что уже они погибли, прежде нежели могли что нибудь здѣлать, которое былобъ достойно ихъ мужества. Однако присовѣтовали всѣ, чтобъ Харону быть послушну, и предстать бы ему предъ Начальствующихъ съ безопасностію, какъ не имѣющему боязни, и нечувствующему себя ни въ чемъ винна.

Харонъ былъ человѣкъ твердый и бесстрашный въ бѣдствіяхъ, кои токмо его Особѣ угрожали: но тогда, пришедъ въ страхъ отъ напасти своимъ пріятелямъ, и опасаясь также на себя подозрѣнія въ предательствѣ, ежели толь много храбрыхъ гражданъ, воспріятыхъ имъ въ свой домъ, погибнуть имѣютъ, пошелъ въ покой къ своей супругѣ, взялъ тамъ единороднаго своего сына, имѣющаго отъ рожденія по большой мѣрѣ токмо пятнатцать лѣтъ, и превосходящаго красотою и силою всѣхъ молодыхъ людей равнаго возраста, отдалъ его въ руки Пелопіду, и сему говорилъ: „ежели вы увѣдаете, что „я вамъ измѣнилъ, и не сохранилъ къ вамъ добрыя вѣр„ности; то поступайте по непріятельски съ симъ еди„нороднымъ моимъ сыномъ, коего я вамъ оставляю, коль „онъ мнѣ ни любезенъ, и отмщевайте ему безъ милосердія „за отцовское нарушеніе вѣрности„.

Сія рѣчь пронзила ихъ до сердца: но еще имъ было несравненно болѣзненнѣе, что онъ возмогъ подумать, что между ними можетъ кто нибудь найтись довольно подлый и неблагодарный, которомубъ имѣть на него не токмо такое, но и самое малое подозрѣніе. Просили они единодушно его, не оставлять у нихъ своего сына, но укрыть его въ безопасное мѣсто, дабы сохранить своимъ пріятелямъ и граду отмстителя, ежели онъ толь будетъ щасливъ, что избавится отъ Тиранскихъ рукъ. „Нѣтъ, отвѣтствовалъ оный отецъ; онъ останется „съ вами, и не будетъ имѣть другія себѣ участи, кро„мѣ вашея. Подлинно, ежели ему надобно погибнуть; „то какой можетъ онъ себѣ получить краснѣйшій сего ко„нецъ, какъ умереть съ своимъ отцомъ, и съ лучшими

„изъ своихъ пріятелей? Чтожъ до тебя, любезнѣйшій „мой сынъ; то, вознесшись выше лѣтъ твоихъ, пока„жи бодрость достойную тебя и меня. Ты видишь „здѣсь самыхъ лучшихъ изъ нашихъ гражданъ. Научись „отъ такихъ учителей благородной славѣ, научись „сражаться, и, буде надобно, научись умереть, какъ „и они, за вольность. Впрочемъ, я не безъ надежды; да „и уповаю, что справедливость нашего дѣла привлечетъ „на нихъ призрѣніе и покровеніе отъ боговъ„. Въ тожъ время проситъ онъ и всѣхъ ихъ, обнимаетъ всѣхъ, цѣлуется со всѣми, и выходитъ.

Дорогою идучи старается оправиться, и здѣлать неробкимъ свое лице и голосъ, дабы не показать въ себѣ смущенія. Когда онъ прибылъ къ дверямъ Столовыя храмины; то Архій и Филідъ вышли къ нему и спрашивали у него, чтобъ то былъ за слухъ рассѣявшійся, что будто прибыли въ городъ нѣкоторыи недоброхоты, и скрылись въ нѣкоемъ домѣ. Онъ показываетъ себя въ удивленіи тому; а рассуждая по отвѣтамъ, кои они дѣлали на его вопросы, что ничего достовѣрнаго и точнаго невѣдомо, началъ говорить бодряе, и безъ всякія опасности, да и сказалъ имъ: „Знатно, что сей слухъ, „о коемъ вы мнѣ изволите говорить, есть подложная „тревога, коею ктонибудь восхотѣлъ помутить ваше уве„селеніе. Впрочемъ, не надлежитъ ничего презирать, и, „не теряя времени, я пойду вездѣ накрѣпко обыскивать, „и такъ, какъ мнѣ возможно будетъ„. Филідъ похвалилъ его благоразуміе и ревность; а отведъ паки Архія въ тужъ храмину, погружаетъ его въ піянство, и продолжаетъ пированіе ожиданіемъ къ пиршествующимъ женщинъ отъ него имъ обѣщанныхъ.

Харонъ по возвращеніи своемъ находитъ своихъ друговъ готовыхъ не побѣдить, ни спасти свою жизнь, но умереть славно по многомъ убійствѣ своихъ непріятелей. Свѣтлое и радосное его лице предвозвѣстило имъ всѣмъ, что не надобно было ничего бояться. Сказываетъ онъ имъ все что тамъ было; да и начали ужé стараться токмо о немедлѣнномъ произведеніи въ дѣло намѣренія, коему самое малое замедлѣніе могло здѣлать премногое множество препонъ.

И по-

И подлинно, въ тожъ самое время вдругъ встала другая буря, но сильнѣйшая и пагубнѣйшая первыя, и которая казалась быть въ состояніи, опровергнуть непреминуемо ихъ предпріятіе. Гонецъ изъ Аѳинъ прибѣжалъ въ поспѣшеніи съ пакетомъ писемъ, въ коемъ запечатано было подробное описаніе всего умышленія, какъ то узнали послѣ. Сей Гонецъ тотчасъ приведенъ предъ Архія, который уже былъ погруженъ въ вінѣ, и дышалъ тожмо веселіемъ. Отдавъ ему оный пакетъ, сказалъ: „ Милостивый Государь, написавшій къ вамъ сіи письма проситъ васъ, самымъ сильнымъ образомъ, прочесть ихъ „тотчасъ, для того что онъ вамъ пишетъ о важныхъ „дѣлахъ „ Архій съ превеликимъ смѣхомъ: (а) „до завтра, сказалъ, важныя дѣла „. Слова, которыя потомъ здѣлались присловіемъ между Греками; а онъ полученныя письма положилъ къ себѣ подъ головы, (*) и продолжалъ бесѣду и пированіе.

И уже согласившіися вышли и раздѣлившись на двѣ стаи. Одна изъ нихъ. подъ предводительствомъ Пелопідовымъ, пошла на Леонтіда, который не былъ на пирѣ, а другая на Архія, имѣя главнымъ Харона. Сіи на свои брони надѣли женское одѣяніе, а на головы Елевыи и Тополевыи вѣнцы, коими себѣ все лице закрыли. Какъ скоро они пришли къ дверямъ столовыя храмины; то всѣ пиршествующіи зашумѣли, и всклинкули съ радости. Но имъ сказано, что женщины не хотятъ войти, ежели прежде не вышлются вонъ, и не распустятся всѣ слуги: сіе было тотчасъ исполнено. Выведены тѣ въ ближніи домы, куда съ ними віна довольно было дано. Согласившіися, здѣлавшись уже сильными чрезъ сей обманъ, входятъ съ обнаженными мечами, показываютъ себя кто они, убиваютъ всѣхъ бывшихъ на пирѣ, и съ ними безъ труда закалаютъ Градоначалчниковъ, кои были уже мертвы пьяны и не въ состояніи себя защищать. Пелопідъ нашелъ

(а) Οὐκοῦν εἰς αὔριον, ἔφη, τὰ σπουδαῖα.
(*) Греки кушали за столомъ лежа на ложахъ.

нашелъ себѣ больше сопротивленія. Леонтідъ лежалъ на постелѣ, и ужé спалъ. Возбудившись, услышаннымъ стукомъ и шумомъ, воружилъ себя мечемъ, и нѣсколькихъ онымъ предъ ногами своими положилъ мертвыхъ: но наконецъ былъ ужé и онъ самъ умерщвленъ.

Сіе великое дѣло, когда исполнено такимъ образомъ было, и притомъ съ толикимъ благополучіемъ и скоростію; то они тотъ же часъ отправили Гонцовъ къ изгнанникамъ оставшимся въ Тріазіи, самижъ отбиваютъ двери у темницъ, освобождаютъ бывшихъ тамъ въ заключеніи числомъ пять сотъ человѣкъ, призываютъ всѣхъ Тебанцовъ къ вольности, и воружаютъ всѣхъ попадшихся себѣ на встрѣчу, унося изъ присѣнковъ бывшіе корысти, и разбивая лавки у оружейниковъ, и у наводящихъ блескъ на оружіе. Эпамінондъ и Горгідъ приходятъ къ нимъ въ пóмощь съ собственнымъ воруженіемъ, препровождаемыи довольнымъ числомъ молодыхъ людей, и нѣсколькими престарѣлыми сáмыми добрыми людьми, коихъ они могли набрать.

Весь городъ былъ исполненъ ужаса и смятенія; всѣ домы были освѣщены свѣщами, а улицы наполнены множествомъ идущихъ взадъ и впередъ людей. Народъ, бывши въ крайнемъ устрашеніи отъ того, что случилось, и не зная еще прямо своея ýчасти, ожидалъ нетерпѣливно дня. Сего ради рассуждено, что Лакедемонскіи Начальствующіи учинили превеликую погрѣшность, что не напали на нихъ во время сего замѣшательства. Ибо гарнізонъ ихъ состоялъ въ полутарѣ тысячи человѣкъ, не щитая больше трехъ тысячь обывателей и другихъ людей, кои къ нимъ убѣжали въ зáмокъ. Въ ужасѣ отъ слышимаго ими крика, отъ зрѣнія явившихся во всѣхъ домахъ огней, и отъ шума дѣлающагося во всемъ народѣ, бѣгающемъ туда и сюда, пребыли они въ спокойствіи, и удовольствовались хранить токмо зáмокъ, по отправленіи въ Спарту Гонцовъ съ вѣдомостію о приключившемся, и съ требованіемъ себѣ немедлѣнныя пóмощи.

Назавтрѣе, на сáмомъ рассвѣтѣ, прибыли Изгнанники съ своимъ оружіемъ.

Созывается народное Собраніе. Эпамінондъ и Горгідъ приводятъ туда Пелопіда и его таварищей, окруженныхъ

ныхъ всѣми жерцами, несущими въ своихъ рукахъ священные связочки, и возбуждающими гражданъ на помощь своему Отечеству и богамъ. Видя такое зрѣлище, все собраніе встало съ превеликимъ восклицаніемъ и плесканіемъ, и воспріемлетъ согласившихся за своихъ благотворителей и избавителей. Въ сей самый день Пелопидъ опредѣленъ беотархомъ съ Мелономъ и Харономъ.

За прибытіемъ изгнанниковъ, вскорѣ послѣдовало пришествіе пяти тысячъ человѣкъ пѣхоты, и пяти сотъ конницы, коихъ Аѳиняне прислали къ Пелопиду подъ предводительствомъ Демофонтовымъ. Сіе войско, совокупно съ онымъ, кое вскорѣжъ послѣ того прибыло изъ всѣхъ беотіческихъ городовъ, здѣлало армею состоящую въ двенатцати тысячахъ человѣкъ пѣхоты, и въ двенатцатижъ тысячахъ конницы; да и, не теряя времени, осадило оно замокъ, дабы завладѣть прежде, нежели можетъ притти помощь изъ Спарты.

Осажденныи защищали себя сильно, въ надеждѣ на скорую помощь, и казались, что они намѣрились умереть скорае, нежели уступить мѣсто: по крайней мѣрѣ, такое было изволеніе Лакедемонянъ; но большее число гарнізона не изъ нихъ состояло. Когдажъ начало недоставать съѣстныхъ запасовъ, и они сами чувствовать стали голодъ; то прочее войско принудило ихъ договариваться. Всему гарнізону дарованъ животъ, и позволено ему итти, куда хочетъ. Едва онъ токмо вышелъ, какъ къ нему и прибыла помощь. Лакедемоняне нашли въ Мегарѣ Клеомброта коммандующаго сильною армеею. Нѣсколько побольше поспѣшенія моглобъ спасти замокъ. Но не первый то былъ случай, что медлѣніе, природное Лакедемонянамъ, отнимало у нихъ успѣхъ въ самыхъ важныхъ предпріятіяхъ. Произвели они судъ надъ тремя Гармостами, или Коммендантами, кои здались на договоръ. Двое изъ нихъ были казнены смертію; а на третіяго положенъ превеликій штрафъ, коего понеже онъ не могъ заплатить, то здѣлалъ себя самъ добровольнымъ изгнанникомъ изъ Пелопоннеса.

Пелопиду отдана вся честь въ семъ великомъ дѣйствіи, и самомъ достопамятномъ изъ всѣхъ, бывшихъ

незапностію и обманомъ. Плутархъ основательно сравниваетъ сіе съ Тразїбуловымъ. Оба изгнанники и ссыльныя, не имѣя сами въ себѣ ни малаго способа къ облехченію себя, и бывши принуждены искать чужія помощи, восприемлютъ смѣлое намѣреніе толкнуть съ горстію людей въ престрашную силу, а преодолѣвши бодростію своею всѣ препоны сопротивляющіеся ихъ предпріятію, получили оба щастіе въ томъ, что избавили свое Отечество, и премѣнили въ немъ всеконечно состояніе дѣлъ. Ибо Тразїбулу Аѳины одолжены оною благополучною и внезапною премѣною, коя, извлекши сей городъ изъ утѣсненія приводившаго его въ стѣненіе, не токмо возобновила въ немъ вольность, но и отдала ему все его древнее сіяніе, и привела въ состояніе смирить, равнымъ же образомъ и устрашить Спарту, старинную его и всегдашнюю соперницу. Мы увидимъ также, что война, которая вскорѣ низложитъ надменіе Спартанское, и отъиметъ у сего города державу на землѣ и на морѣ, была дѣло сея единыя нощи, въ которую Пелопїдъ, безъ взятія замковъ и городовъ, но входя токмо двенатцатый человѣкъ въ нѣкоторый домъ, (а) „развязалъ и расковалъ узы, кои Лакедемонской державѣ служили на удержаніе другихъ областей „въ неволѣ, и которые такими казались, что не могли „быть никогда ни развязаны, ни раскованы „.

§ III.

СФОДРІЙ ЛАКЕДЕМОНЯНИНЪ ПРОИЗВОДИТЪ ТЩЕТНОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ НА ПІРЕЙ. АѲИНЫ ЯВНО СТАНОВЯТСЯ ЗА ТЕБАНЦОВЪ. РАЗНЫЕ НЕБОЛЬШІЕ СШИБКИ МЕЖДУ СИМИ И ЛАКЕДЕМОНЯНАМИ.

А.М. 3627 Пр. І. Х. 377. Ксеноф. Іст. Греч. кн. 5. стран. 568, 572. Плут. въ Агезїл. стран. 609, 610. Онъ же въ Пелопїд. стран. 284, 285.

Лакедемоняне, по полученной себѣ, какъ то они говорили, обидѣ отъ Пелопїдова предпріятія, не пребыли въ покоѣ, и начали прямо стараться объ отмщеніи.

Агезїлай

(а) Πελοπίδας, εἰ δεῖ μεταφορᾷ τὸ ἀληθὲς εἰπεῖν, ἔλυσε καὶ διέκοψε τὰς δεσμὰς τῆς Λακεδαιμονίων ἡγεμονίας, ἀλύτας καὶ ἀρρήκτας εἶναι δοκοῦντας.

Агезїлай, чувствуя, что такой походъ, кой состоялъ въ томъ, чтобъ стоять за Тїранновъ, не здѣлаетъ ему много чести, оставилъ оный Клеомброту, который былъ преемникомъ Царю Агезїполю скончавшемуся недавно, подъ такимъ видомъ, что старость его увольняла взяться за такое начинанїе. Итакъ Клеомбротъ вступилъ съ армеею въ Беоцїю. Сей первый походъ былъ довольно слабъ, и окончился нѣкоторымъ токмо малымъ раззоренїемъ земель, послѣ чего Царь отступилъ. Поручилъ онъ часть своего войска Сфодрїю, коммандовавшему въ Теспїи, да и возвратился въ Спарту.

Аѳиняне, кои не надѣялись быть въ состоянїи стоять противъ Лакедемонянъ, и боялись воспослѣдованїй отъ войны, въ кою союзъ заключенный съ Тебанцами, имѣетъ ихъ ввергнуть, раскаялись, что въ ту вступили, чего ради и отстали. Заключили они въ темницу стоящихъ еще за нихъ, умертвили однихъ, изгнали другихъ, и наложили на богатѣйшихъ превеликїи штрафы. Итакъ, Тебанскїя дѣла казались быть отчаянными; да и никто не являлся къ нимъ на помощь. Пелопїдъ имѣлъ тогда беотархїческое достоинство съ Горгїдомъ. Искали они совокупно способа, какъ бы еще поссорить Аѳинянъ съ Лакедемонянами. Но вотъ и хитрость, какую они вымыслили.

Спартанецъ Сфодрїй былъ оставленъ въ Теспїи съ войскомъ, для принятїя и покровительства беотянъ, которыи бъ восхотѣли восстать на Тебы. Находился онъ въ славѣ между военными людьми; а притомъ имѣлъ какъ смѣлость, такъ и честолюбїе: однакожъ былъ человѣкъ вертопрашный, бѣшеный, непостоянный, наполненный самимъ собою, и потому съ природы склонный довольствоваться пустою надеждою. Пелопїдъ и Горгїдъ прислали къ нему тайно нѣкоего купца, своего прїятеля, который тому обѣщалъ дать, какъ отъ себя самого, весьма знатную сумму денегъ, и говорилъ ему рѣчи еще способнѣйшїе къ преклоненїю его, нежели деньги, для того что онъ льстилъ его тщеславїе. „Предложивши, что „при толикомъ достоинствѣ и славѣ, надлежало ему совер„шить нѣкоторое великое предпрїятїе, которое здѣлалобъ

„его достопамятнымъ во вѣки, представляетъ завладѣть „Піреемъ, нападши на Аѳинянъ внезапу, и нечаянно. Что „не можно быть ничему толь пріятному Лакедемонянамъ, „какъ чтобъ видѣть себя господами Аѳинъ; и что Тебанцы бы„вши раздражены отъ Аѳинянъ, коихъ они почитаютъ за от„ставшихъ и измѣнниковъ, не подадутъ имъ никакія помощи„

Сфодрій, желая себѣ получить славное имя, и завидуя Фебідовой славѣ, который, по его мнѣнію, здѣлалъ себя презнаменитымъ и преславнымъ чрезъ умышленное нападеніе на Тебы, разсудилъ, что то будетъ дѣйствіе славнѣйшее и знатнѣйшее, ежели онъ самъ собою захватитъ Пірейскую гавень, и отъиметъ у Аѳинянъ державу морскую, нападши на нихъ нечаянно сухимъ путемъ. Итакъ, вступилъ съ радостію въ сіе предпріятіе, которое было ни меньше неправедное, ни меньше мерзское, коль и оное Кадмейское; но которое впрочемъ исполнено ни съ толикою смѣлостію, ниже съ толикимъ успѣхомъ. Ибо отправившагося ночью изъ Теспіи, въ надеждѣ напасть нечаянно на Пірей предъ свѣтомъ, заря захватила его на-полѣ Тріазійскомъ близъ Элевзіна: а когда онъ увидѣлъ, что его дѣло стало быть видимо, то возвратился съ безчестіемъ въ Теспію съ небольшою взятою корыстію.

Въ тожъ время Аѳиняне отправили Пословъ съ жалобами въ Лакедемонъ. Сіи Послы нашли, что Лакедемоняне, не дождались посланныхъ изъ Аѳинъ съ доносомъ имъ на Сфодрія, и что ему уже они здѣлали позывъ предъ Собраніе, для произведенія надъ нимъ суда. Онъ не посмѣлъ туда явиться, боясь осужденія и праведнаго гнѣва отъ своихъ гражданъ. Былъ у него одинъ сынъ, который имѣлъ крайній союзъ и совершенную дружбу съ сыномъ Агезілаевымъ. Сей просилъ толь сильно своего отца, или лучше утруждалъ его съ толикою докукою и неотступностію, что онъ не могъ отказать защищенія своего Сфодрію; да и оправдалъ его всеконечно. Агезілай не весьма былъ нѣженъ въ рассужденіи должностей касающихся до справедливости, когда надлежало служить своимъ пріятелямъ. Съ другой стороны извѣстно, что онъ былъ самый ласковый отецъ, и снисходительнѣйшій къ своимъ дѣтямъ. Повѣствуютъ, что когда еще они были въ отро-

отрочествѣ; то онъ съ ними игралъ, и забавлялся бѣгая на конькѣ тростяномъ: когдажъ его въ семъ состоянiи засталъ нѣкто изъ его прiятелей; то онъ его просилъ, не сказывать сего никому прежде, нежели тотъ будетъ самъ отцомъ.

Неправедный судъ, оконченный въ Спартѣ въ Сфодрiеву пользу, раздражилъ крайно Аѳинянъ, и подалъ имъ причину возобновить въ тожъ самое время союзъ съ Тебанцами, которымъ они намѣрились помогать всѣми своими силами. Они вооружили флотъ состоящiй въ шестидесяти судахъ; и дали надъ нимъ комманду Тимоѳею, сыну славнаго Конона, коего онъ славы всемѣрно не потерялъ храбростiю своею и великими дѣлами. Сей есть тотъ самый, коего непрiятели его, завидя славѣ, полученной имъ чрезъ благополучныя свои успѣхи, изобразили на картинѣ, на которой они его представили спящаго, а фортуну при его ногахъ берущую за него городы въ сѣти. Здѣсь онъ показалъ, что не-былъ спящимъ. Разворивъ Лаконiческiй кряжъ, напалъ на островъ Корцiру *, и завладѣлъ онымъ. Показалъ обывателямъ великую милость; оставилъ имъ ихъ вольность, и ихъ уставы: а сiе здѣлало сосѣднiи городы очень благопрiятными Аѳинянамъ. Спартанцы съ своей стороны сильно также вооружились. Прежде всего старались они отнять назадъ островъ Корцiру. Изрядное его положенiе между Сицилiею и Грецiею, дѣлало сей островъ очень надобнымъ. Здѣлали они нужнымъ сей походъ Дiонисiю Тiранну, и требовали у него помощи. Въ ожиданiи сея, отправили свой флотъ подъ коммандою Мнасiпповою. Аѳиняне въ тожъ время послали и свой, состоящiй въ шестидесяти судахъ, на помощь Корцiрѣ. Сперва дана была комманда Тимоѳею; но тотчасъ послѣ того, для того что показалось, что онъ дѣйствовалъ медлѣнно, опредѣлили на его мѣсто Iфiкрата. Мнасiппъ, здѣлавъ себя ненависнымъ войску чрезъ свое надменiе, срогость, и сребролюбiе, получилъ весьма худую себѣ отъ него услугу, да и лишился жизни на сраженiи. Послѣ уже его смерти Iфiкратъ туда прибылъ. Увѣдомился онъ, что десять галеръ Сiракусскихъ въ близости находились. Напалъ онъ на нихъ толь благовременно, что ни

Ксеноф. кн. 5. стр. 584, 589. Плут. въ Агезiл. стран. 610, 611. Онъ же въ Пелоп. стран. 285, 288. Плут. въ Сулл. стран. 454.

* Корфу

ни одна не спаслась. Требовалъ, чтобъ ему даны были въ помощниковъ ораторъ Каллістратъ, да Хабрій са́мый славный изъ Полководцовъ того времени. Въ семъ Ксенофонтъ удивляется его мудрости и великодушію, что онъ показалъ себя имѣющимъ нужду въ совѣтахъ, и не убоялся, чтобъ другіи также возмогли имѣть участіе въ благополучныхъ его успѣхахъ.

Присовѣтовали Агезілаю быть коммандиромъ надъ войскомъ, коему надлежало итти на Тебы. Вступилъ онъ въ беоцію, гдѣ подѣлалъ много зла Тебанцамъ; да и самъ не пребылъ же безъ утраты. Обѣ армеи схватывались биться ежедневно; а сіи сраженія не́-были прямые битвы, но токмо сшибки, и служили къ тому, чтобъ Тебанцамъ привыкнуть къ войнѣ, коимъ сіи разные схватки придавали много бодрости, смѣлости, и искусства. Того ради повѣствуютъ, что Спартанецъ Анталцідъ сказалъ ему очень кстати нѣкогда, когда его уносили изъ беоціи страшно израненаго: Государь Агезілай! вы воспріемлете преизрядную мзду за наставленія даемыя Тебанцамъ въ военномъ дѣлѣ, котораго они прежде васъ какъ не хотѣли знать, такъ и оному научиться. было сіе для предупрежденія сего са́маго безгодія, что Лікургъ въ одномъ изъ трехъ опредѣленій называемыхъ Ретры, запретилъ Лакедемонянамъ имѣть частую войну съ одними непріятелями, дабы ихъ той не научить принужденныхъ многократнѣйше защищаться.

Прошло такимъ образомъ нѣсколько походовъ, такъ что съ обѣихъ сторонъ не́-было никако́ва окончательнаго дѣйствія. было сіе отъ благоразумія съ стороны́ коммандующихъ Тебанскихъ, что они не отваживались на битву, и давали время воинамъ укрѣпиться и въ бо́льшую притти смѣлость. Когда случай былъ благовременный; то они ихъ выпускали кстати какъ великодушныхъ ловчихъ псовъ: а да́вши имъ отвѣдать побѣду, какъ кормъ пойманныхъ звѣрей, свывали ихъ назадъ, удоволившись оныхъ храбростію и охотою. Да и былъ то Пелопідъ, коему одолжены́ главною славою сихъ успѣховъ, и мудрыя сея поступки.

Тегірское сраженіе, которое было какъ нѣкоторое преддверіе къ Левктрійской битвѣ, вознесло весьма высоко его славу. Не получилъ онъ успѣха въ предпріятіи своемъ

на

на Орхоменъ, который присталъ къ Лакедемонянамъ; а при возвращенiи назадъ непрiятели стояли на его пути близъ Тегiры. Какъ скоро Тебанцы увидѣли ихъ вышедшихъ изъ тѣсныхъ мѣстъ; то нѣкто изъ нихъ, прибѣжавъ къ Пелопиду изъ всея силы, сказалъ ему: **Мы попались въ руки непрiятелямъ. Длячегожъ,** отвѣчалъ онъ, **не лучше сказать, что непрiятели намъ попались въ руки?** Въ тожъ время приказалъ онъ конницѣ, которая была позади, выступить на передъ, и начать сраженiе. Онъ былъ весьма надеженъ, что его пѣхота, въ которой было токмо трй ста человѣкъ, и называлась она **полкъ священный**, гдѣ ни ударитъ, вездѣ проломитъ непрiятеля, хотя ихъ было и больше числомъ, для того что находилось оныхъ втрое противъ его силы. Ударъ начался въ томъ мѣстѣ, гдѣ были Главныи съ обѣихъ сторонъ; а здѣлался онъ очень жестоко. Сперва самаго оба Лакедемонскiи Полксводца, которыи бросились на Пелопида, были убиты; а всѣ прочiи, бывшiи кругомъ ихъ, или разбѣжались, или пали мертвы, или были въ несостоянiи биться. Лакедемонское войско въ толикiй пришло страхъ, что оно на-двое раздѣлилось, дабы дать проходъ Тебанцамъ. Сiи могли продолжать свой путь и уйти въ добромъ здоровьѣ, ежелибъ хотѣли: Но Пелопидъ, не хотя употребить то отверстiе на свой уходъ, пустился на тѣхъ, кои еще стѣною стояли, и столько побилъ изъ нихъ, что всѣ оставшiися съ крайнiя боязчи побѣжали беспорядочно. Тебанцы не гнались за ними далеко, боясь незапности. Удоволились они тѣмъ, что ихъ збили съ мѣстъ, и что получили себѣ славное отступленiе, которое стоило полныя побѣды, для того что они шли сквозь непрiятельскiи полки разбѣгшiися повсюду, и разбитыи.

Сiя небольшая встрѣча, ибо нельзя ея инако назвать, была сѣменемъ и отросткомъ великихъ дѣйствiй и приключенiй, о которыхъ вскорѣ предлагаемо быть имѣетъ. Никогда еще не случалось по то время ни на какой битвѣ, хотябъ то съ варварами, или съ Греками, чтобъ Лакедемоняне, имѣя преимущество въ числѣ, были когда разбиты, ни также, хоть бы и равные находились силы, чтобъ имъ быть побѣжденнымъ прямою и построенною битвою

твою. Того ради, были они толь горды, что не можно было ихъ терпѣть; да и одна ихъ слава устрашала всѣхъ непріятелей, которыи, и съ равнымъ числомъ войска, не дерзнулибъ показаться Спартанцамъ. Сія слава теперь у нихъ отнята. Тебанцы, въ свою очередь, будутъ уже страхомъ и ужасомъ тѣмъ самимъ, которыи по то время были повсюду страшны.

Л. М. 3627 Д. И. 3630. Предпріятіе Артаксеркса Мнемона на Егіпетъ, и смерть Эвагора Кіпрскаго царя, долженствовали по природному приличію найти здѣсь свое мѣсто. Но, чтобъ не пресѣчь и не прервать того, что касается до Тебанцовъ, я отлагаю впредь говорить объ обоихъ тѣхъ членахъ.

§. IV.

НОВЫЯ ЗАМѢШАТЕЛЬСТВА ВЪ ГРЕЦІИ. ЛАКЕДЕМОНЯНЕ ОБЪЯВЛЯЮТЪ ВОЙНУ ТЕБАНЦАМЪ. ПОБѢЖДЕНЫ ОНИ, И ОБРАЩЕНЫ ВЪ БѢГСТВО НА ЛЕВКТРІЙСКОЙ БИТВѢ. ЭПАМІНОНДЪ РАЗЗОРЯЕТЪ ЛАКОНІЮ, И ДОХОДИТЪ ДО САМЫХЪ СПАРТАНСКИХЪ ВОРОТЪ.

Діод. кн. 15 стр. 361, 362. Въ то время, когда Персы имѣли войну въ Егіптѣ, въ Греціи здѣлалось премножество смятеній. было сіе между тѣмъ временемъ, какъ Тебанцы, завладѣвши Платеею *, а потомъ Теспіею, раззорили до подошвы оба сіи города, выгнавши изъ нихъ прежде всѣхъ жителей. Платеяне ушли въ Аѳины съ женами своими и съ дѣтьми. Приняты они тамъ изрядно, и присовокуплены къ числу гражданъ.

* Платея городъ Беотическій, а Теспія Ахайскій.

Л. М. 3633. Пр. I. Х. 371 Ксеноф. Іст. Греч. кн. 6. стран. 590, 593. Діод. стр. 365, 366. Артаксерксъ, увѣдомившись о состояніи, въ коемъ находилась Греція, послалъ туда новое посольство, съ напоминаніемъ областямъ и городамъ воюющимъ положить оружіе, и согласиться по содержанію Антальцідскаго трактата. Симъ миромъ, какъ то уже предложено въ своемъ мѣстѣ, положено, чтобъ всѣмъ Греческимъ городамъ пользоваться вольностію, и быть правимымъ собственными своими уставами. По силѣ сего пункта, Лакедемоняне понуждали Тебанцовъ возвратить вольность всѣмъ беотическимъ городамъ, построить вновь Платею и Теспію, которыи города они раззорили, и отдать ихъ, съ землями

лями къ нимъ принадлежащими, древнимъ оныхъ жителямъ. Тебанцы, съ своей стороны, хотѣли также, чтобъ Лакедемоняне отдали вольность всѣмъ Лаконическимъ городамъ, и чтобъ городъ Мессена былъ возвращенъ древнимъ же своимъ владѣтелямъ. Правота того требовала: но Лакедемоняне, думая о себѣ, что они всегда сильняе Тебанцовъ, силились ихъ покорить такому уставу, коему они сами слѣдовать не хотѣли.

Всѣ Греческіи народы, утрудившись и обеспокоившись отъ войны, которая ужé чрезъ многіи продолжилась походы, и не имѣла другія причины кромѣ властолюбія и несправедливости Спартанскія, ни другаго конца, какъ токмо ихъ увеличенíе, думали твердо здѣлать общій миръ; а въ семъ намѣреніи послали въ Лакедемонъ Пословъ, чтобъ согласиться совокупно о средствіяхъ, какимибъ можно было достигнуть до предѣла толь вожделѣннаго, и толь нужнаго. Между сими Послами, Эпамінондъ былъ изъ знатнѣйшихъ. Онъ тогда былъ очень славенъ по великой своей наукѣ, и по глубокому знанію Філософіи; но не находился еще въ такомъ случаѣ, чтобъ могъ показать славныи опыты великія своея способности къ коммандованію армеями, и къ управленію всенародныхъ дѣлъ. Видѣлъ онъ, что всѣ Послы, отъ почтенія къ Агезілаю, который явно хотѣлъ войны, не дерзали прерѣкать ему ни въ чемъ, ни разглашаться съ его мнѣніемъ, а дѣлается сіе весьма обыкновенно съ одной стороны отъ преизлишно повелительныя власти, а съ другой, отъ преизбыточно рабскаго покоренія; да и былъ токмо одинъ, который говорилъ съ мудрою и благородною смѣлостію, какъ то надлежитъ государственному человѣку, старающемуся только объ общей пользѣ. Говорилъ онъ рѣчь не за однихъ токмо Тебанцовъ, но вобще за всю Грецію, доказывая, что война умножаетъ силу однихъ токмо Спартанцовъ, и что раззоряетъ она и въ слабость приводитъ всѣхъ прочихъ Грековъ. Особливо предлагалъ необходимость въ томъ, чтобъ основать миръ на равности и на справедливости, для того что не возможно быть миру твердому и долговременному, ежели не такому, въ которомъ бы всѣ части находили равное себѣ преимущество.

Плут. въ Агезіл. стран. 611.

Такая рѣчь, основанная не закрыто на разумѣ и на справедливости, и произнесенная голосомъ важнымъ и дѣльнымъ, непреминуемо всегда водружается въ сердца. Агезілай увидѣлъ по вниманію и молчанію, какое при слышаніи рѣчи его было, что всѣ Послы были ею крайно поражены, и что не преминутъ быть согласны съ его мнѣніемъ. Чтожъ бы не допустить до исполненія, спросилъ онъ у Эпамінонда: Почиталъ либъ сей, чтобъ было праведно и основательно, оставить беоцію вольною и не подвласною, тоесть, соглашалсяль бы, чтобъ беотіческимъ городамъ не зависѣть больше отъ Тебъ? Эпамінондъ тотчасъ же спросилъ у него съ великимъ жаромъ: Почиталъ либъ же онъ, чтобъ было праведно и основательно, оставить Лаконію въ такомъ же неподчиненіи, и въ такой же вольности? Тогда Агезилай, вставъ съ своего стула въ превеликомъ гнѣвѣ, принуждалъ его сказать ясно: Оставилъ либъ тотъ беоцію вольною? Эпамінондъ ему предложилъ такой же вопросъ, и говорилъ: Оставилъ либъ онъ съ своей стороны Лаконію вольною Агезілай искалъ токмо предлога, чтобъ разорвать дружбу съ Тебанцами, чего ради въ тотже самый часъ вычернилъ ихъ имя изъ союзнаго трактата, который ужé былъ блиско заключенія; да и всѣми другими союзниками подписанъ, меньше по склонности, сколько для того, чтобъ не раздражить Лакедемонянъ, коихъ они боялись силы.

Ксеноф. кн. 6 стран. 593., 597. Діод. кн. 15. стран. 365, 371 Плут. въ Агезил. стран. 611, 612. Онъ же въ Пелопід. стран. 288, 289.

По силѣ сего трактата надлежало распустить все войско, которое было въ полѣ. Клеомбротъ, Царь же Спартанскій, находился тогда въ Фоцідѣ коммандующимъ армеею. Писалъ онъ къ Эфорамъ, дабы ему вѣдать намѣреніе республіки. Протой, одинъ изъ первыхъ Сенаторовъ, представилъ, что нé-было ужé причины къ совѣщаніямъ, и что Спарта не могла, по учиненному согласію, не возвратить назадъ войска. Но не такое было мнѣніе у Агезілая. Досадуя на Тебанцовъ, а особливо на Эпамінонда, онъ хотѣлъ всеконечно войны, дабы имъ мстить, къ чему и показался ему тогдашній случай весьма благовременнымъ, для того что вся Греція была въ вольности и въ соединеніи, да только одни Тебанцы выключены изъ мирнаго трактата. Итакъ, мнѣніе Протоево было отвержено

вержено отъ всего Собранія, кое „ (a) называло его „простинкимъ, брѣдящимъ, и такимъ, который въ томъ „ничего не смыслилъ „ : понеже божество, примѣчаетъ Ксенофонтъ, влекло ужé ихъ тогда въ бездну. Эфоры повелѣли тотчасъ Клеомброту весть свое войско на Тебанцовъ; и, не теряя ни черты изъ времени, послали повсюду собирать силу своихъ союзниковъ, которымъ была очень печальна сія война, и шли они на нея не по охотѣ; толькожъ не смѣли еще противиться Лакедемонянамъ, и имъ быть не послушны. Хотяжъ и не должно было ожидать благополучнаго успѣха отъ войны начатыя явно противъ всякія справедливости и всякаго разума, да и токмо по одной причинѣ гнѣва и отмщенія; однако Лакедемоняне, которыи себя видѣли весьма выше числомъ людей, надѣялись на извѣсную побѣду, и льстили себя, что Тебы, оставленныи отъ своихъ союзниковъ, были не въ состояніи имъ противиться.

Сперва былъ страхъ весьма великій у Тебанцовъ. Они себя видѣли одних, безъ союзниковъ, и безъ помощниковъ. Всѣ Греки почитали тогда городъ Тебы за погибшій. Не знали, что въ одномъ токмо человѣкѣ онъ имѣлъ больше цѣлыя армеи. Сей человѣкъ былъ Эпаминондъ. Онъ опредѣленъ Полководцомъ, и даны ему многіи товарыщи. Набираетъ сей въ скорости сколь можно больше войска; [нé было у него, какъ токмо шесть тысячъ человѣкъ, а у непріятеля было больше двадцати четырехъ тысячъ] и отправляется въ походъ. И какъ, чтобъ его остановить, сказываны ему были многія худыя предзнаменованія; то онъ отвѣтствовалъ на то однимъ токмо стихомъ Гомеровымъ, коего содержаніе есть слѣдующее: „ (b) „одно токмо есть доброе прозчаменованіе, сражаться за отечество „. Между тѣмъ, чтобъ ободрить сердца у воиновъ сприроды суевѣрныхъ, и которыхъ онъ видѣлъ устра-

А. М. 3634 Пр. І. Х. 370.

(a) Ε'κεινον μὲν Φλυαρεῖν ἡγήϛατο ἤδη γὰρ, ὡς ἔϛιπε, τὸ δαιμόνιον ἦγεν.

(b) Εἷς οἰωνὸς ἄριϛος, ἀμυνέσθαι περὶ πάτρης. Ilid. 12. v. 423.

устрашенныхъ, подустилъ многихъ простыхъ людей, которыи пришли къ нему изъ разныхъ мѣстъ съ благополучными прознаменованіями; а сіе самое и отдало войску храбрость, и привело его въ надежду.

Пелопидъ не имѣлъ тогда беотархіческаго достоинства, но токмо коммандовалъ священнымъ полкомъ. Когда онъ выходилъ изъ своего дому отправляясь въ армею; то своей супругѣ провождающей его, и прощающейся съ нимъ, а притомъ льющейся слезами, и просящей, чтобъ онъ себя хранилъ: Сіе, говорилъ онъ, надлежитъ наказывать молодымъ людямъ; но Полководцамъ надобно приказывать, чтобъ онъ хранилъ другихъ.

Эпаминондъ восприялъ мудрую предосторожность, чтобъ захватить нѣкоторый проходъ, который бы подалъ причину Клеомброту, выкинуть много пути. Сей, здѣлавъ великій округъ, прибылъ въ Левктру, небольшое беотическое мѣстечко, между Платеею и Теспіею. Начали думать съ обѣихъ сторонъ, надлежалолъ бы дать баталію. Клеомбротъ восприялъ твердое намѣреніе биться по мнѣнію всѣхъ его Начальствующихъ, которыи ему представили, что ежели, имѣя войска весьма больше, не захочетъ онъ вступить въ сраженіе; то сіе имѣетъ подтвердить разнесшійся слухъ, будто посторонним образомъ благопріятствуетъ Тебанцамъ. Но симъ и необходимо надлежало поспѣшать сраженіемъ, чтобъ предупредить прибытіе войска, коего непріятели ожидали съ дня на-день. Однако, мнѣнія нашлись несогласны между шестію Полководцами, которыи были въ Совѣтѣ. Седмый подоспѣвъ къ нимъ весьма благовременно, присталъ къ тремъ, хотѣвшимъ поставить бой съ непріятелями: а понеже мнѣніе сіе, которое было и Эпаминондово, превозмогло; то и опредѣлено биться. Шло тогда второе лѣто сто второя Олимпіады.

Обѣ армеи были весьма неравны числомъ людей. Лакедемонская, какъ то уже предложено, состояла изъ двадцати четырехъ тысячъ пѣхоты, да изъ тысячи шести сотъ конницы: въ Тебанской было токмо четыре ста человѣкъ конницы, да шесть тысячъ пѣхоты; но всѣ привыкшіи къ войнѣ, ободренныи прошедшими похо-

дами

дами, бывшими толь съ великимъ успѣхомъ, и намѣрившiися побѣдить или умереть. Лакедемонская конница, состоящая изъ людей взятыхъ такъ, какъ случилось, и не имѣвшихъ ни мужества ни искуства, уступала столько непрiятельской въ храбрости, сколько она была выше и больше числомъ. Они не могли надѣяться на пѣхоту, кромѣ токмо Лакедемонскiя, для того что союзники, какъ то уже объявлено, вступили въ сiю войну не по охотѣ, да и не подтверждали они причины; а съ другой стороны, были недовольны Лакедемонянами.

Оба Полководца, по ихъ искусству, были каждый своей армеѣ вмѣсто бесчисленнаго войска, а особливо Тебанецъ, Военачальникъ въ свое время самый совершенный. былъ онъ подкрѣпленъ Пелопидомъ, который коммандовалъ полкомъ священнымъ. Сей полкъ состоялъ изъ трехъ сотъ молодыхъ Тебанцовъ; соединенныхъ между собою тѣсною и искреннею дружбою, да и обязанныхъ особливою присягою не обращаться никогда въ бѣгство, и защищать одному другаго до послѣдняго издыханiя.

Когда день сраженiя насталъ, то обѣ армеи построились на равномъ мѣстѣ, Клеомбротъ былъ на правомъ крылѣ, состоящемъ особливо изъ Лакедемонянъ, на которыхъ онъ наибольше надѣялся, и которыи стояли въ двенатцать человѣкъ въ толщину; а чтобъ получить пользу отъ бóльшаго числá, бывшаго въ его конницѣ на открытомъ мѣстѣ; то онъ ея поставилъ всю въ первой линѣѣ предъ Лакедемонянами. Архидамъ, сынъ Агезилаевъ, коммандовалъ союзниками, составлявшими лѣвое крылó.

Эпаминондъ, намѣрившись напасть съ лѣваго своего крылá, которымъ онъ самъ коммандовалъ, укрѣпилъ оное всѣми, сколько у него ни было, самыми лучшими людьми. Священный полкъ, который былъ поставленъ по лѣвую руку, замыкалъ сiе крылó. Прочая его пѣхота распространялась направо косвенною линѣею, которая что больше въ длину распростиралась, то болѣе удалялась отъ непрiятельскаго лицá. Симъ расположенiемъ, какъ необыкновеннымъ, намѣренiе его было прикрыть правый свой бокъ, удалить, и поставить какъ въ подсаду лѣвое свое крылó, чтобъ не попустить на отвагу успѣха въ

сраженіи чрезъ то, что было са́мое слабое, и начать дѣйствіе лѣвымъ своимъ крыломъ, гдѣ стояло са́мое лучшее его войско, дабы обратить всю силу сраженія на Царя Клеомброта и на Спартанцовъ. Онъ весьма былъ удостовѣренъ, что ежели проломитъ Лакедемонскую фалангу; то вся прочая армея будетъ тотчасъ разбита. Чтожъ до его конницы; то ея распорядилъ, смотря на расположеніе непріятелей, и поставилъ въ первой лінѣѣ предъ лѣвымъ своимъ крыломъ.

Дѣйствіе началось конницею. И какъ Тебанская имѣла лучшихъ лошадей, и была больше привыкшая къ войнѣ, нежели Лакедемонская; то сія не долго могла стоять, и была сломлена и опровержена на свою пѣхоту, которую она начала́ приводить въ замѣшательство. Эпамінондъ, слѣдуя вблизи за своею конницею, идетъ съ поспѣшностію на Клеомброта, и нападаетъ на его фалангу всею тягостію толстаго своего строя. Клеомбротъ, чтобъ его отвратить, отряжаетъ многолюдное войско, и приказываетъ напасть на Эпамінонда съ стороны́, и его окружить. Пелопідъ, увидѣвъ сіе движеніе, выходитъ съ скоростію и съ невѣроятною смѣлостію, ведя священный полкъ, дабы предупредить непріятеля, нападаетъ на самого Клеомброта съ боку, и симъ нечаяннымъ и устремительнымъ нападеніемъ приводитъ его въ беспорядокъ. Сраженіе было очень жестокое и упрямое; а когда Клеомбротъ могъ еще дѣйствовать, то побѣда пребыла въ сомнѣніи, и находилась долго въ равновѣсіи при обѣихъ сторонахъ. Но какъ онъ скоро палъ мертвъ отъ ранъ; то Тебанцы, чтобъ довершить свою побѣду, а Лакедемонцы, дабы не имѣть стыда, что оставили тѣло своего Царя, показали новыя устремленія съ обѣихъ сторонъ, и было убійство ужасное. Сіи бились съ толикимъ остервѣненіемъ кругомъ тѣла, что наконецъ возмогли оное унесть. бывши ободрены симъ славнымъ преимуществомъ, восхотѣли они паки начать бой, и можетъ быть, чтобъ они то зделали съ успѣхомъ, ежелибъ союзники поспѣшествовали ихъ горячести. Но лѣвое крыло́ видя, что Лакедемонская фаланга была уже́ сломлена, и мня, что все на́-все погибло, а особливо, когда

когда увѣдомилось о смерти своего Царя, побѣжало, и повлекло за собою всю прочую армею. Эпамінондъ погнался за нею жарко, и погубилъ изъ нея премногое число. Тебанцы, оставшись на мѣстѣ Побѣдителями, поставили Трофэй, и позволили непріятелямъ погребать своихъ мертвыхъ.

Никогда Лакедемоняне не получали равнаго урона. Самыя кровопролитныя разбитія, по то время, не становились имъ больше четырехъ, или пяти сотъ человѣкъ изъ ихъ гражданъ. Видѣли мы Спарту, впрочемъ толь восставшую, или лучше толь стервѣнившуюся на Аѳины, что она выкупала тритцатилѣтнымъ перемиріемъ восемь сотъ изъ своихъ гражданъ, кои были охвачены на небольшомъ островѣ Сфактеріи. Здѣсь же, пало ихъ на мѣстѣ четыре тысячи человѣкъ, въ которыхъ была тысяча Лакедемонянъ, да четыре ста (*) Спартанцовъ изъ седми сотъ, кои были на битвѣ. Тебанцы потеряли токмо три-ста человѣкъ, между которыми немногіи находились изъ Тебанскихъ гражданъ.

Городъ Спарта отправлялъ дѣйствительно Гімнические потѣхи, и былъ наполненъ чужестранными, коихъ любопытство туда привлекло, когда гонцы прибѣжали изъ Левктры съ страшною вѣдомостію сего разбитія. Эфоры, хотя они чувствовали совершенно всѣ изъ того воспослѣдованія, и хотя прямо видѣли, что сіе поражало смертно Спартанскую Державу; однако не позволили ни Хорамъ разойтись, ни городу что нибудь перемѣнить въ Торжествованіи празнества. Разослали они во всѣ домы къ сродникамъ имена убитыхъ, кои къ нимъ принадлежяли, и пребыли на Театрѣ, дабы продолжаемо было плясаніе и потѣхи даже до конца.

Назавтрѣе по утру, когда уже каждый зналъ, что съ его сродниками здѣлалось; то родители, и всѣ кровныи убитыхъ, вышедши на-площадь, поздравляли себѣ, и обнимали другъ друга въ радостномъ и исполненномъ веселія

(*) Называли свойственно Спартанцами тѣхъ, кои жили въ самой Спартѣ; а Лакедемонянами, которыи обитали на поляхъ.

веселія лицѣ: вмѣсто того, что другіи пребывали неисходны изъ своихъ домовъ, или, когда они принуждены были выттти, исходили съ горестію, и съ такимъ сокрушеніемъ, которыя чувствительно показывали, что болѣзнь ихъ была несносная и глубокая. Сія разность еще лучше примѣчаема была въ женскомъ полѣ. Печаль, молчаніе, и слёзы объявляли тѣхъ, кои ожидали возвращенія своихъ дѣтей: но тѣ, у коихъ чада были убиты, бѣгали съ поспѣшеніемъ по капищамъ, благодарили тамъ богамъ, и поздравляли друшка дрýшку славою и благополучіемъ. Не́льзя не признать, чтобъ въ такихъ чувствіяхъ не́ было премного бодрости: но язъ желалъ, чтобъ оная не погашала совершенно чувственностей естества, и чтобъ въ томъ меньше было дикости.

Въ Спартѣ находились въ великомъ затрудненіи о тѣхъ, которыи убѣжали съ битвы. Понеже ихъ было великое число, и изъ сáмыхъ сильныхъ въ городѣ, то не смѣли наказать ихъ указанною казнію въ уставахъ, боясь, чтобъ отчаяніе не привело оныхъ къ крайнему какому намѣренію и смертоносному для государства. Ибо, не токмо убѣжавшіи были выключены изъ всѣхъ достоинствъ и чиновъ, но еще былъ стыдъ вступать съ ними въ свойство́ бракомъ. Всѣ встрѣтившіися съ ними на дорогѣ могли ихъ бить; а тѣ принуждены были терпѣть, и уступать. Сверьхъ того, не могли они носить, какъ токмо худое и раздрáнное одѣяніе, и такое, чтобъ оно еще было въ разноцвѣтныхъ заплатахъ. Наконецъ, надобно было у нихъ быть обритой половинѣ бороды, а другой расти. Великій былъ вредъ Спартѣ, чтобъ ея лишить толь многихъ военныхъ людей въ такое время, въ которое она имѣла въ нихъ толь необходимую нужду. Чтобъ выттти изъ такóва затрудненія; то она выбрала себѣ законодавцомъ Агезилая, и дала ему верьховную власть здѣлать въ уставахъ всѣ перемѣны, кои угодны ему будутъ. Агезилай, не прибавляя къ нимъ ничего, и ничегожъ изъ нихъ не убавляя, да и ничего въ нихъ не перемѣняя, нашелъ способъ спасти убѣжавшихъ и государство. Пришедъ въ собраніе Лакедемонянъ, сказалъ имъ всѣмъ явно, что на сей день надлежитъ оставить

спать

спать уставы, а по прошествіи сего дня, надобно имъ отдать всю ихъ силу. Сими краткими рѣчами сохранилъ онъ Спартѣ уставы ея въ цѣлости, и также отдалъ ей оное великое число гражданъ, коихъ не допустилъ быть во вѣки бесчесными, и не быть полезными республикѣ.

Послѣ битвы при Левктрѣ, обѣ стороны старались, одна чтобъ восставить свою утрату, а другая, чтобъ употребить въ пользу своюжъ побѣду. Ксеноф. кн. 6. стран. 598.

Агезілай, для ободренія своихъ, вступилъ вооруженъ въ Аркадію, но всячески старался, чтобъ не вступать въ сраженіе. Уцѣпился онъ токмо за нѣкоторыя небольшія мѣстечка Мантінейскія, которыя взялъ, и здѣлалъ нѣкія раззоренія въ той землѣ; сіе нѣсколько обрадовало Спарту, и ободрило, увѣряя оную, что спасеніе ея не со всѣмъ отчаянно. Діод. кн. 15. стран. 375, 378. Плут. въ Агезіл. стран. 613, 615. Онъ же въ Пелоп. стран. 292.

Тебанцы, тотчасъ по своей побѣдѣ послали въ Аѳины съ сею вѣдомостію, и съ требованіемъ помощи на общаго непріятеля. Сенатъ былъ дѣйствительно собранъ. Онъ принялъ очень холодно гонца, не далъ ему обыкновенныхъ подарковъ, и отпослалъ его назадъ, не говоря ничего о помощи. Аѳиняне, находясь въ страхѣ отъ знатнаго преимущества, которое Тебы получили надъ Лакедемонянами, не могли скрывать подозрѣнія и безпокойства, къ которому имъ было причиною скорое и нечаянное возращеніе сосѣдня силы, коя тотчасъ же могла себя здѣлать страшною всей Греціи.

Въ Тебахъ Эпамінондъ и Пелопідъ опредѣлены въ Правителей беотіческихъ, оба совокупно. Соединивши все свое войско беотіческое и союзническое, коего число ежедневно умножалось, вступили они въ Пелопоннесъ, и возмутили многія городы и народы на Лакедемонянъ: Элідъ, Аргосъ, всю Аркадію, и большую часть самыя Лаконіи. Время тогда было зимняго солнечнаго возврата, и послѣдния числа послѣдняго мѣсяца въ году; такъ что послѣ весьма не многихъ дней надлежало имъ здать свои чины. Ибо, въ первый день слѣдующаго мѣсяца, надобно было уступить свои мѣста тѣмъ, кои будутъ опредѣлены, или подпасть подъ смертную казнь, ежели они на нихъ пребудутъ за преднаписанный срокъ. Таварыщи

рыщи ихъ, боясь худаго времени, и еще больше страшныхъ воспослѣдованій изъ того устава, хотѣли насильнѣйшимъ образомъ отвесть назадъ армею въ Тебы. Пелопидъ былъ первый, который соглашаясь съ мнѣніемъ Эпаминондовымъ, ободрилъ своихъ гражданъ, и привелъ ихъ къ тому, чтобъ имъ употребить въ свою пользу страхъ, въ коемъ находились непріятели, и продолжать свои предпріятія, не смотря на обряды, отъ коихъ надобно полагать, чтобъ быть имъ увольненнымъ чрезъ самое Государство, для того что государственная польза, когда она основана на справедливости, есть самый верьховный уставъ для подданныхъ.

Итакъ, вступили они въ Лаконію съ армеею, состоящею больше нежели въ седмидесяти тысячахъ добрыхъ воиновъ, коея Тебанцы не были двенатцатою частію. Но превеликая слава обоихъ сихъ Полководцовъ была причиною, что безъ повелѣнія, и безъ общаго опредѣленія, всѣ союзники приставали съ почтеніемъ и молчаніемъ къ ихъ знаменамъ, и шли съ крайнею надеждою и смѣлостію подъ ихъ предводительствомъ. Прошло уже шесть сотъ лѣтъ, какъ Доряне поселились въ Лакедемонѣ; а отъ того времени первократно еще видѣли они непріятеля въ своихъ земляхъ: прежде никогда никто не дерзалъ туда вступить ногою, а толь меньше еще, чтобъ напасть на городъ, хотя оный былъ и безъ стѣнъ.

Тебанцы, и ихъ союзники, понеже нашли такую землю, къ которой никто еще не прикасался, прошли по ней съ пламенемъ въ рукѣ, разорили ея, и разграбили даже до рѣки Эврота; такъ что никто не почелъ за должность, чтобъ ихъ не допускать къ тому.

Были разставлены по нѣкоимъ мѣстамъ отводныи корпусы для защищенія важныхъ проходовъ.Ісхолъ Спартанецъ, который коммандовалъ сими отрядами, отмѣнилъ себя путь особливымъ способомъ. Видя, что съ небольшимъ своимъ войскомъ онъ не могъ выдержать непріятельскаго нападенія, но разсуждая, что бесчесно было для Спартанца оставить свое мѣсто, отослалъ въ городъ молодыхъ людей, бывшихъ въ такихъ лѣтахъ и состояніи, что они съ пользою могли служить Отечеству

ству, а оставилъ при себѣ только стариковъ. Предавшись совершенно всеобщему добру, слѣдуя въ томъ Леониду, продали они очень дорого свой животъ; а чрезъ долгое время оборонявшись, и здѣлавши великое убійство, пали тутъ всѣ лоскомъ мертвы.

Агезілай поступилъ, при семъ случаѣ, съ великимъ искусствомъ и мудростію. Онъ почелъ сей непріятельскій взрывъ за устремительный потокъ, которому противиться не токмо было безполезно, но и пагубно; и коего быстрое теченіе, но не долговременное, по нѣсколькихъ раззореніяхъ, расточиться имѣетъ само собою. Удовольствовался онъ раздѣленіемъ по-городу, и по всѣмъ нужнымъ мѣстамъ, лучшаго своего войска, и приведеніемъ въ безопасность всѣхъ отведенныхъ и разставленныхъ отрядовъ. Впрочемъ, всеконечное воспріявъ намѣреніе не выходить, и не отваживатися на сраженіе, пребылъ нечувствителенъ къ насмѣшкамъ, къ ругательствамъ, и къ угроженіямъ отъ Тебанцовъ, которыи его вызывали на-бой, называя собственнымъ именемъ, и понуждая выттти на защищеніе своея земли, его, который токмо одинъ былъ причиною всему злу зажженіемъ сея войны.

Но сіе больше еще печалило Агезілая, именножъ, замѣшательныя движенія и смятенія дѣлавшіяся въ городѣ, роптанія и жалобы отъ стариковъ, сокрушенныхъ даже до отчаянія, что они были свидѣтелями видимому, а особливо отъ женщинъ, которые казались какъ неистовыми, слыша угрозительный непріятельскій шумъ, и видя пожары, производимыи ими кругомъ, коихъ свѣтлость и дымъ приходили почитай имъ предъ глаза и подъносъ, и имъ предвозвѣщали равноежъ нещастіе. Коль ни великую бодрость показывалъ снаружи Агезілай, однако не могъ онъ не быть приведенъ въ чувствительную жалость толь отъ печальнаго зрѣлища, къ коей присовокуплялась еще болѣзнь, что слава его помрачалась видѣніемъ города, весьма цвѣтущаго и очень сильнаго, когда воспріялъ правленіе, а нынѣ при немъ пропадающаго того, и погубляющаго въ его рукахъ все свое древнее сіяніе. Имѣлъ онъ еще тайную досаду, видя ложь самохвальства, кое часто самъ употреблялъ,

что никогда никакая Спартанская женщина не видала дыма изъ непрiятельскаго лагеря.

Въ то время, какъ онъ раздавалъ разныи приказы въ городѣ, дана ему вѣдомость, что нѣсколько возмутителей захватили нѣкоторое нужное мѣсто, гдѣ они хотятъ засѣсть. Агезiлай побѣжалъ туда тотчасъ, и какъ бутто онъ ничего не зналъ объ ихъ намѣренiи: Таварыщи, говорилъ онъ имъ, здѣсь не то мѣсто, куда я васъ послалъ. Въ тожъ время назначилъ имъ разныя мѣста, чтобъ ихъ разлучить; а они его и послушались, бывши увѣрены, что никакова не-было подозрѣнiя объ ихъ предпрiятiи. Сей приказъ, отданный такъ спокойно, показываетъ великое присутствiе разума въ Агезiлаѣ, и объявляетъ, что при смятенiяхъ не надлежитъ казаться видящимъ все, дабы подать причину къ раскаянiю. Онъ рассудилъ лучше полагать ту небольшую стаю неповинною, нежели, чтобъ ввергнуть ея въ явное возмущенiе преизлишно крѣпкимъ сыскомъ.

Эвротъ рѣка была тогда очень пола, и весьма наводнена таянiемъ снѣговъ; да и Тебанцы нашли больше трудности въ переправѣ чрезъ нея, нежели думали, какъ ради превесьма холодныя въ ней воды, такъ и для быстрины. Икакъ Эпамiнондъ переправлялся первый предъ своею пѣхотою; то нѣкоторыи Спартанцы показали его Агезiлаю. Сей, смотрѣвъ на него чрезъ долгое время, и слѣдовавъ за нимъ глазами, сказалъ токмо сiе: „(a) что „то за человѣкъ„! удивляясь бодрости, которая его приводила къ предпрiятiю толь великихъ дѣлъ. Эпамiнондъ весьмабъ желалъ дать сраженiе въ самой Спартѣ, и поставить въ ней Трофей. Однако, не дерзнулъ онъ предпрiять приступать къ городу; а не возмогши присилить Агезiлая выттти изъ онаго вонъ, принужденъ былъ отступить.

(a) Ω τῦ μεγαλοπράγμονος ἀνθρώπυ.

Не можно было какъ Автору на Французскомъ, такъ и мнѣ на нашемъ, изобразить точно сущую силу сихъ Греческихъ словъ. Они значатъ по словамъ: О! ВЕЛЕВЕЩНАГО, или, ВЕЛЕДѢЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА.

пить. Трудно, чтобъ Спартѣ, находящейся безъ обороны и безъ стѣнъ, можно было долго противиться побѣдоносной армеѣ. Но искусный Полководецъ убоялся привлещи на себя всѣ Пелопоннескіе силы, и еще больше, возбудить зависть въ Грекахъ, которыи не моглибъ ему отпустить, что, въ первый свой опытъ, низложилъ онъ толь сильную Республику, и исторгъ, какъ то говорилъ Лептінъ, одно око Греціи. Итакъ, удоволился славою, что низвергъ гордыхъ, въ коихъ Лаконіческій языкъ усугублялъ напыщеніе повелѣнія; и что ихъ, какъ то самъ тѣмъ величался, привелъ къ нуждѣ дѣлать должайшими свои односложныя (*) слова. По возвращеніи своемъ, здѣлалъ онъ еще опустошеніе въ селахъ и деревняхъ.

Арістот. Реторіч. кн. 3. гл. 10.

Во время сего похода, Тебанцы совокупили паки Аркадію въ одинъ и тотже корпусъ, и отняли Мессенію у Спартанцовъ, которыи ею завладѣли ужé тому давно (**), выгнавши изъ нея всѣхъ обывателей. Въ сей землѣ неменьше было пространства противъ всея Лаконіи, и которая не уступала плодоносіемъ наилучшимъ Греческимъ землямъ. Древнѣйшій обыватели, рассѣянныи по разнымъ странамъ Греціи, Італіи, и Сіціліи, при первомъ данномъ имъ знакѣ, збѣжались всѣ съ невѣроятною радостію, бывши ободрены любовію къ Отечеству, природною всѣмъ человѣкамъ, и почитай столькожъ ненавистію на Спарту, кою прошедшее число лѣтъ еще больше въ нихъ умножило. Построенъ имъ городъ, который, по

Павз. кн. 4. страни. 267, 268.

имени

(*) Лакедемоняне иногда давали отвѣтъ насáмыя нужныя увѣдомленія токмо односложными словами. Когда Філіппъ имъ извѣстилъ, „ежели я войду въ вашу землю, то я все пожгу и „порублю„; то они ему отвѣтствовали: ЕЖЕЛИ, [слово сіе на Греческомъ языкѣ есть односложное εἰ, ἂν, такъ какъ на Французскомъ и на Латінскомъ si, но на нашемъ оно трисложное, а односложнаго нѣтъ] объявляя ему, что они такъ пріуготовятся, что шествіе его не збудется.

(**) Прошло ужé тому 287 лѣтъ, какъ Мессеняне были выгнаны изъ своея землй.

имени стараго, названъ былъ Мессеною. Между печальными приключеніями сея войны, сіе здѣлало Лакедемонянамъ несносную болѣзнь, и чувствительную непріятность, для того что, отъ временъ вышедшихъ изъ памяти, была всегда между Спартою и Мессеною непримирительная ненависть, и которая казалась, что не могла быть погашена, какъ токмо всеконечнымъ паденіемъ тоя или другія.

Полив. кн. 4. стран. 299, 300. Поливій охуждаетъ въ поступкѣ Мессенянъ съ Спартою древній недостатокъ, который былъ причиною всѣхъ ихъ нещастій: сей есть, излишное попеченіе о настоящемъ спокойствіи, и по безмѣрной любви къ миру нерадѣніе о средствіяхъ, коими бъ его здѣлать себѣ безопаснымъ и твердымъ навсегда. Сосѣдами ему были два самые сильные Греческіи народа, Аркадяне, и Лакедемоняне. Сіи съ начала поселенія своего въ той странѣ, объявили имъ жестокую войну; а другіи, напротивъ того, были всегда заодно съ ними, и наблюдали всѣ ихъ пользы. Но Мессеняне не имѣли ни смѣлости, къ сильному и постоянному сопротивленію непріятелямъ кровопійственнымъ и непримирителнымъ, ни благоразумія, чтобъ беречь для себя прилѣжно вѣрныхъ и усердныхъ друговъ. Когда тѣ оба народа имѣли одинъ противъ другаго войну, или шли въ другую сторону съ оружіемъ; то Мессеняне, не весьма предусматривая будущія приключенія, и стараясь токмо о промышленіи себѣ настоящаго спокойствія, почитали за должность, не вступать въ ссоры ни тѣхъ ни другихъ, и не приставать ни къ той ни къ другой сторонѣ. Поздравляли они тогда сами себѣ своею мудростію и благополучіемъ, что пребывали толь спокойны при самомъ замѣшательствѣ, возмущающемъ всю сосѣднюю окольность. Сіе ихъ спокойствіе не было долговременно. Лакедемоняне, избавившись отъ своихъ непріятелей, нападали на нихъ всѣми своими силами; а нашедъ ихъ одныхъ, безъ помощи, и безъ обороны, принуждали оныхъ или подъ иго жестокаго порабощенія, или изганять самихъ себя изъ своего Отечества. Сіе случалось съ ними многажды. Над-

лежало

лежало имъ размыслить, говоритъ Полибій, (a) „что „какъ нѣтъ ничего вожделѣннѣйшаго и спасительнѣйшаго, „кромѣ мира, основаннаго на справедливости и на чести: „такъ нѣтъ ничего безчестнѣйшаго и пагубнѣйшаго совоку„пно, какъ тотъ же миръ, промышленный худымъ сред„ствіемъ, и купленный цѣною вольности „.

§. V.

ОБА ТЕБАНСКІИ ПОЛКОВОДЦА ПОЗВАНЫ БЫЛИ ВЪ СУДЪ ПО СВОЕМЪ ВОЗВРАЩЕНІИ, ОБАЖЪ И ОПРАВДАНЫ. ЛАКЕДЕМОНЪ ПРОСИТЪ ПОМОЩИ У АѲИНЪ. ГРЕКИ ПОСЫЛАЮТЪ ПОСЛОВЪ КЪ АРТАКСЕРКСУ. СИЛА ПЕЛОПІДОВА ПРИ ПЕРСІДСКОМЪ ДВОРѢ.

Кажется, что оба Тебанскіи великіи Полководца, по возвращеніи своемъ въ Отечество, послѣ толь достопамятныхъ дѣйствій, долженствовали тамъ быть приняты при общемъ восклицаніи и плесканіи, и съ засвидѣтельствованіемъ имъ всякія чести. Но не такъ то было. Позваны они оба въ судъ, какъ Государственныи преступники, для того что не послушны явились уставу, который повелѣвалъ складывать съ себя, въ началѣ перваго мѣсяца, комманду, и отдавать оную новымъ Начальствующимъ, и для того, что они ея удержали при себѣ цѣлыи четыре мѣсяца за срокъ, во время которыхъ исполнили въ Мессеніи, въ Аркадіи, и въ Лаконіи всѣ великія дѣла, о которыхъ мы предложили.

Весьма удивительна такая поступка; да и не можно читать ея повѣствованіе безъ тайнаго негодованія. Но поступка сія имѣла достохвальное основаніе. Ревнительныи любители вольности, не давно полученныя, могли бояться

(a) Εἰρήνη γὰρ, μετὰ μὲν τοῦ δικαίου καὶ πρέποντος, κάλλιστον ἐστι κτῆμα καὶ λυσιτελέστατον μετὰ δὲ κακίας ἢ δειλίας ἐπονειδίστου, πάντων αἴσχιστον καὶ βλαβερώτατον.

бояться прилипчивости отъ такова примѣра, тѣмъ что подаваема была власть другимъ Градоначальникамъ, держать при себѣ Комманду за преднаписанный срокъ, и потомъ обратить оружїе на самое Отечество. Нѣтъ сомнѣнія, что не также былобъ въ семъ поступлено и въ Римѣ: а понеже Римляне были толь немилосерды къ Начальствующему, хотябъ и Побѣдителю, который бы сражался безъ повелѣнія своего Полководца; то каковыбъ они были къ Полководцу, удержавшему при себѣ, противъ уставовъ, всю власть Комманды чрезъ четыре мѣсяца?

Плут. о похвал. самог. себ. стра. 540.

Пелопідъ былъ призванъ первый предъ судъ. Онъ при защищеніи себя показалъ меньше силы и великодушія, нежели можно было ждать отъ подобнаго ему человѣка, для того что былъ живъ и горячъ. Сія смѣлость, надменная и бесстрашная въ сраженіяхъ, оставила его въ судѣ. Видъ его и рѣчи, кои имѣли не знаю что боязливое и ползающее, показывали человѣка боящагося смерти, и не преклонили судей къ его пользѣ: да и не безъ труда они его оправдали. Эпамінондъ явился въ видѣ и съ рѣчьми весьма разными: онъ предсталъ, чтобъ такъ сказать, грудью предъ судейство, не измѣнивъ своея осанки. Вмѣсто чтобъ приносить за себя оправданїе, онъ только себя хвалилъ. Представилъ великолѣпными словами, какъ опустошилъ Лаконію, возстановилъ Мессенію, соединилъ Аркадію въ одинъ Корпусъ: да и заключилъ, говоря, что съ радостію умираетъ, ежели Тебанцы восхотятъ оставить ему одному славу всѣхъ сихъ дѣйствій, и объявить, что онъ ихъ здѣлалъ собою, и безъ ихъ повелѣнія. Всѣ мнѣнія нашлись въ его пользу; да и вышелъ онъ изъ сего суда такъ, какъ обыкновенно выходилъ съ сраженія, то есть, съ превеликою славою и съ общимъ плесканїемъ. Толико то истинная бодрость имѣетъ вольности, и восхищаетъ какъ силою людей въ удивленїе!

Онъ былъ рожденъ къ великимъ дѣламъ, и показывалъ самъ видъ великости во всемъ, что онъ ни дѣлалъ. Нѣкогда, непріятели того, завиствуя его славѣ, и чтобъ ему здѣлать притомъ обиду, назвали его Телеархомъ: сей былъ чинъ неприличный человѣку его достоинства. Онъ себя

Плут. о настав. какъ ресиубл. править стр. 811.

себя тѣмъ не почелъ ни мало обесчещенымъ, да еще и показать имѣющимъ, (a) „что не токмо чинъ объявляетъ какой „есть человѣкъ, но и человѣкъ кажетъ какой есть чинъ„. И подлинно, онъ произвелъ на высокую степень сїю должность, которая прежде того была ничто, и состояла въ томъ, чтобъ чистить улицы, сбовить грязь и навозъ, и смотрѣть за истоками, коими стекали вόды.

Лакедемоняне, боясь всего отъ непрїятеля, коего одержанная побѣда дѣлала еще надменнѣйшимъ, и устремительнѣйшимъ, нежели онъ былъ прежде, и видя себя на каждую мїнуту подверженныхъ новому нашествїю, ухватились за Аѳинянъ, и послали къ сему народу съ прошенїемъ у нихъ пόмощи. Говорившїй имъ рѣчь, нáчалъ описывать жалосным образомъ печальное состоянїе и крайнее бѣдство, въ кое приведена Спарта. Представилъ онъ необычайную спесь Тебанцовъ, и высокомѣрныя ихъ намѣренїя, которыи ни къ чему не клонились мéньшему, какъ токмо, чтобъ здѣлаться господáми надъ Грецїею. Далъ чувствовать народу, чего самимъ Аѳинамъ надлежало бояться отъ Тебъ, ежели попустить ихъ получить себѣ новыя приращенїя отъ числá союзниковъ, которыи ежедневно приставали къ ихъ сторонѣ. Привелъ въ память оныя благополучныя времена, въ которыя тѣсное соединенїе Аѳинъ и Спарты спасло всю Грецїю, и привело равнымъ образомъ оба народа въ высокую славу. Скончалъ свою рѣчь, присовокупивъ сїе, что превеликуюбъ получили себѣ славу Аѳиняне пришествїемъ на пόмощь городу исстари дружному и союзному, который не однократно приносилъ себя великодушно въ жертву за пользу и общее спасенїе. Ксеноф. кн. 6. стран. 609, 613.

Аѳиняне не могли не согласиться во всемъ, что говорилъ имъ Посланникъ въ своей рѣчи: но притомъ не позабыли они еще и худыя поступки къ себѣ отъ Спарты не при одномъ случаѣ, а особливо по Сїцилїйскомъ разбитїи. Однако, сожалѣнїе о настоящемъ Спартанскомъ

(a) Οὐ μόνον ἀρχὴ ἄνδρα δείκνυσιν, ἀλλὰ καὶ ἀρχὴν ἀνήρ.

скомъ нещастіи, преодолѣло гнѣвъ за старые обиды. Определено было, да Аѳины помогутъ Лакедемонянамъ всѣми своими силами. Не въ долгомъ времени послѣ того, когда Посланники многихъ народовъ собрались въ Аѳины, заключенъ тамъ былъ на Тебанцовъ союзъ и соединеніе, сходственное съ старымъ Анталцідскимъ трактатомъ, и съ намѣреніями Персідскаго Царя, который непрестанно требовалъ тому исполненія.

Ксеноф кн. 7. стран. 613, 616.

Плут. въ Агезїл. стран. 614, 615. Ксеноф кн. 7, стран. 619, 620. Діод кн. 15 стр. 383.

Нѣкоторое небольшое преимущество, какое Лакедемоняне получили надъ своими неприятелями, извлекло ихъ изъ трепетанія, въ коемъ они находились по то время, какъ то обыкновенно случается, что въ смертной болѣзни самый малый лучъ здравія одушевляетъ надежду, и возвращаетъ паки радость. Архідамъ сынъ Агезілаевъ, получивъ великую помощь, присланную отъ молодшаго Діонісія, Сіцілійскаго Тіранна, повелъ Полководцомъ войско, разбилъ Аркадянъ на одной битвѣ, которая названа, **бой безъ слезъ**, для того что онъ не потерялъ ни одного человѣка, а самъ побилъ много непрїятелей. Спартанцы, прежде сего, привыкли такъ побѣждать, что они почитай стали быть нечувствительны къ прїятности побѣды. Но когда увѣдомились о семъ Архідамовомъ сраженіи, и увидѣли его возвращающагося съ торжествомъ; то никто не могъ удержаться, и пребыть въ городѣ. Отецъ его вышелъ къ нему прежде всѣхъ на встрѣчу, проливая слезы съ радости и съ любви. Слѣдовали за нимъ Начальствующіи и Градоначальники. Премногое множество престарѣлыхъ людей и женщинъ вышли на берегъ рѣки, подъемля руки къ небу, и благодаря богамъ, бутто какъ бы симъ дѣйствіемъ Спарта омыла бесчестіе, коимъ она была покрыта, и будто она начала паки видѣть добрыи свои дни, коея Слава пронесла прежде сего толь далеко ей прославленіе.

Ксеноф. стра. 619. Діод. стра. 381.

Філіскъ, присланный отъ персідскаго Царя для примиренія между собою Греческихъ народовъ, прибылъ въ Делфы, куда онъ созвалъ ихъ Посланниковъ. Бога тамъ отнюдъ ни очемъ не вопрошали. Рассмотрѣли дѣло въ Собраніи. Лакедемоняне требовали, чтобъ имъ отдана была паки подъ власть Мессена, и обыватели сего города. Когдажъ

отка-

отказались Тебанцы на то согласиться; то Собранiе прервалось, а Фiлiскъ отбылъ, оставивъ Лакедемонянамъ знатные суммы денегъ для набранiя войска, и на продолженiе войны. Спарта, укрощенная и приведенная въ ослабленiе своими утратами, не подавала больше ни страха ни зависти Персамъ: но Тебы, побѣдоносный городъ и торжествующiй, приводилъ ихъ въ великое и праведное беспокойство.

Чтожъ бы здѣлать съ бо́льшею безопасностiю союзъ на Тебанцовъ; то союзники послали Пословъ къ великому Царю. Тебанцы послали туда также съ своей стороны Пелопiда: избранiе сiе исполнено мудрости ради великiя славы Посланнаго; да и есть оно не ничто для успѣха въ Посольствѣ. Слава, по́слѣ битвы при Левктрѣ, пронесла его имя, и разгласила слухъ побѣды, даже до са́мыхъ дальнихъ Азiатическихъ провинцiй. Когда онъ прибылъ ко двору, и явился Сатрапамъ: Сей то, восклицали они въ великомъ удивленiи, сей то человѣкъ, который отнялъ у Лакедемонянъ Державу на землѣ и на морѣ, и привелъ Спарту заключить себя между Тайгетою и Эвротомъ; Спарту, которая не давно еще, подъ предводительствомъ Агезiлаевымъ, ни къ чему меньшему не клонилась, какъ токмо напасть на насъ въ Сузѣ и въ Экбатанѣ. Ксеноф. кн. 7. страк. 620, 622 Плутар. въ Пелопiд. страница 294.

Артаксерксъ, обрадовашись объ его прибытiи, отдалъ ему чрезвычайную честь, и старался возносить его предъ большими господами своего двора, отъ почтенiя по истиннѣ къ великому его достоинству, но еще больше отъ тщеславiя и самолюбiя, дабы дать знать своимъ подданнымъ, что са́мыи великiи и знаменитыи люди приходятъ къ нему искать въ немъ милости, и отдавать почтенiе благополучному его избыточеству и силѣ. Но, по́слѣ какъ онъ его пустилъ предъ себя, и выслушалъ его рѣчи, а по мнѣнiю его си́льнѣйшiе нежели отъ Аѳинскихъ Пословъ, и простѣйшiе, нежели отъ Лакедемонскихъ [сiе сказано не мало]; то онъ его еще больше возлюбилъ, и какъ (а) „весьма обыкновенно Царямъ, не умѣ„ющимъ себя принуждать, не скрывалъ крайнiя почтен

 „ности

(а) Πάθος, βασιλικὸν παθῶν.

„ности имѣвшіяся къ нему, и предпочтенія являемаго „ему предъ всѣми „.

Пелопідъ, какъ искусный Політікъ, изъяснилъ Царю, коль было важно и нужно для пользы его Державѣ, дабы защитить раждающуюся силу, которая никогда не воевала на Персовъ, и дѣлая нѣкоторый родъ равновѣсія между Спартою и Аѳинами, могла здѣлать нѣкоторую полезную препону обѣимъ симъ республікамъ, всегдашнимъ и непримирительнымъ непріятельницамъ Персідѣ, кои, еще недавно, здѣлали ей толь много беспокойствъ и вреда. Тімагоръ Аѳинянинъ былъ наилучше принятъ по немъ, длятого что, сильно трудясь въ желаніи, какъ бы смирить Спарту, и также угодить Царю, показался не весьма быть далекимъ отъ Пелопідовыхъ намѣреній.

Когда Царь принуждалъ Пелопіда сказать ему, какіябъ онъ отъ него хотѣлъ милости; то сей просилъ, „чтобъ Мессенѣ пребыть вольною, и увольненною отъ Лакедемонскаго ига; чтобъ Аѳиняне, кои уже были на „морѣ, и разоряли беотіческій край, отвели прочъ свои „суда, или, чтобъ имъ объявлена была война; чтобъ, на „нехотящихъ вступить въ союзъ, или итти на нарушителей, нападать на самыхъ первыхъ „. Все сіе было опредѣлено; а Тебанцы объявлены другами и союзниками Царскими. Когда сіе опредѣленіе прочтено Посламъ; то Леонъ, товарыщъ Тімагоровъ, сказалъ громко, чтобъ Артаксерксу можно было услышать: **Аѳинамъ теперь должно искать другаго союзника, а не Царя.**

Пелопідъ, получивъ все, что онъ могъ желать, отправился отъ двора, принявъ изъ всѣхъ Царскихъ даровъ токмо то, что надлежало принесть домой въ знакъ милости его и доброхотства: сіе самое и было тягоснѣйшею жалобою на другихъ Греческихъ Пословъ, кои не-были толь скромны, ни толь нѣжны въ рассужденіи своего прибытка. Одинъ изъ нихъ, былъ то Аркадянинъ, возвратившись къ себѣ, сказалъ, что онъ видѣлъ при Царскомъ дворѣ премножество невольниковъ, но никого изъ людей и мужей. Онъ присовокупилъ, что все Царское великолѣпіе есть токмо суетное оказаніе, и что золотый

тый (*) Кленъ, толь много прославленный, и о которомъ толико повѣстей, не можетъ здѣлать сѣни ни садовому сверчку.

Изъ всѣхъ Пословъ Тімагоръ получилъ наибольше подарковъ. Онъ взялъ не токмо золото и серебро, но еще и великолѣпное ложе, и рабовъ для перестиланія онаго, для того что Греки показались ему не весьма способными къ сей услугѣ: а сіе объявляетъ, что нѣга и утѣхи мало были вѣдомы въ Аѳинахъ. Получилъ онъ еще восемдесятъ коровъ, и невольниковъ, коимъ бы за ними ходить, какъ имѣющій нужду въ питіи молока́ отъ нѣкоторыя болѣзни. Напослѣдокъ, при своемъ отбытіи, велѣлъ себя несть въ качалкѣ до са́маго моря на Царскомъ иждивеніи, а Царь заплатилъ четыре таланта * носцамъ. Когда онъ прибылъ въ Аѳины; то Леонъ, таварыщъ его, былъ на него доносителемъ, что Тімагоръ не имѣлъ никако́ва съ нимъ собщенія, и что во всемъ соединился съ Пелопідомъ. Произведенъ на него судъ, и былъ онъ осужденъ на́-смерть.

* 2400. рублей.

Не видно того, чтобъ то принятіе подарковъ наиболыше раздражило Аѳинянъ на Тімагора; ибо Эпікратъ, простый дровоносъ и водоносъ, и который получилъ также подарки, когда сказалъ въ полномъ Собраніи, что по его мнѣнію надобно было здѣлать опредѣленіе, коимъ бы узаконить, чтобъ, вмѣсто девяти Архонтовъ, выбираемыхъ ежегодно, выбирать по девяти Пословъ изъ са́маго бѣднаго народа, и посылать ихъ къ Царю, дабы имъ возвращаться оттуду богатыми: то народъ только что смѣялся сей шуткѣ. Но вотъ что привело его въ бо́льшую досаду, именножъ, что Тебанцы получили все, чего ни требовали. Въ чемъ, говоритъ Плутархъ, не довольно они рассуждали о великой Пелопідовой славѣ, и не понимали, колико она была сильнѣе, и дѣйствительнѣе къ преклоненію, нежели всѣ рѣчи, и всѣ реторіческія изображе-

 нія

(*) Кленъ сей былъ золотое дерево, здѣланное преискусно, и стоило превысокія цѣны: пріѣзжали по любопытству оное смотрѣть.

нія другихъ Пословъ, а особливо къ Государю привыкшему ласкать и не раздражать сильнѣйшихъ; но Тебанцы тогда и были всѣхъ сильняе бесспорно: а съ другой стороны, ему было пріятно, чтобъ смирить Спарту и Аѳины, древнѣйшихъ и смертоносныхъ непріятельницъ его Престолу.

Любленіе и почтенность отъ Тебанцовъ къ Пелопіду, не мало умножились благополучнымъ успѣхомъ сего Посольства, который въ немъ промыслилъ увольненіе Грекамъ, и восставленіе Мессенѣ; да и былъ онъ похваленъ крайнимъ образомъ по своемъ возвращеніи.

Театръ, на которомъ храбрость и бодрость Пелопідовы явились съ наибольшимъ сіяніемъ, былъ Тессалія, въ томъ походъ, въ который онъ отправленъ отъ Тебанцовъ на Александра, Тіранна Ферesскаго. Я о семъ походѣ предложу порядкомъ, совокупляя все въ одно мѣсто, что касается до сего великаго приключенія; а прерву токмо повѣствованіе путешествіемъ Пелопідовымъ въ Македонію въ тожъ самое время, дабы тамъ утолить возмущеніе, коимъ дворъ волновался.

§ VI.

ПЕЛОПІДЪ ИДЕТЪ НА АЛЕКСАНДРА ТІРАННА ФЕРЕССКАГО, И ПРИВОДИТЪ ЕГО ВЪ ЧУВСТВО. ОТЪѢЖЖАЕТЪ ОНЪ ВЪ МАКЕДОНІЮ, ЧТОБЪ УТОЛИТЬ ТАМЪ СМЯТЕНІЯ КОЛЕБЛЮЩІЯ ДВОРЪ, И ПРИВОДИТЪ ВЪ ТЕБЫ ФІЛІППА АМАНАТОМЪ. ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЪ ТЕССАЛІЮ. ВЗЯТЪ ИЗМѢНОЮ, И ЗАКЛЮЧЕНЪ. ЭПАМІНОНДЪ ЕГО ИЗБАВЛЯЕТЪ. ПЕЛОПІДЪ ОДЕРЖИВАЕТЪ ПОБѢДУ НАДЪ ТІРАННОМЪ, И УБИТЪ НА СРАЖЕНІИ. ОСОБЛИВАЯ ЧЕСТЬ ПОКАЗАННАЯ ЕГО ПАМЯТИ. ТРАГІЧЕСКІЙ КОНЕЦЪ АЛЕКСАНДРУ.

Ксеноф кн. 6. стран. 579, 583. 598, 601. Діод. кн. 15. стра. 371, 373.

Изнеможеніе Спарты и Аѳинъ, кои уже отъ многихъ лѣтъ господствовали и власпвовали надъ Грецiею, или обѣ совокупно, или порознь, вдохнуло желаніе, и привело къ надеждѣ нѣкоторыи сосѣдніи народы низложить обѣ сіи республіки,

ки, и захватить въ свои руки первенство. Вознеслась въ Тес салии сила, которая начала становиться страшною. Язонъ, Тираннъ Ферesский, объявленъ былъ первенствующимъ Военачальникомъ Тессалийскимъ, съ общаго согласия всѣхъ народовъ тоя области; а чинъ сей данъ его достоинству обще отъ всѣхъ признанному. былъ онъ Полководцомъ армеи состоящия больше нежели въ осми тысячахъ конницы, да въ дватцати тысячахъ пѣхоты тяжелаго вооружения; не щитая тѣхъ, кои были ополчены легкимъ образомъ. Чегобъ онъ не могъ предприять съ войскомъ, привыкшимъ къ войнѣ, и толь бесстрашнымъ, коль было оное, и которое твердую имѣло надежду на мужество и на благоразумие своего Главнаго. Смерть пресѣкла всѣ его намѣрения: былъ онъ убитъ отъ простыхъ людей, которыи здѣлали умыслъ на него. Л. М. 3674 Пр. I. X. 370.

Два брата его, Полидоръ и Полифронъ, были опредѣлены на его мѣсто. Послѣдний, дабы ему властвовать одному, убилъ Полидора; и вскорѣ послѣ того убитъ самъ отъ Александра Ферesскаго, который захватилъ Тираннию, подъ видомъ мщения за смерть Полидора отца своего. Противъ него то Пелопидъ былъ посланъ. Л. М. 3635. Пр. I. X. 369.

И какъ сей Тираннъ нападалъ явно войною на многии народы въ Тессалии, и пролагалъ тайно себѣ путь, дабы покорить всѣхъ; то городы послали въ Тебы Пословъ съ требованиемъ себѣ войска и Полководца. Пелопидъ, видя Эпаминонда упражненнаго въ Пелопоннесѣ, взялся охотно за сей походъ. Итакъ отбылъ онъ въ Тессалию съ Армеею, взялъ городъ Лариссу, и присилилъ Александра притти къ себѣ съ покорениемъ. Тамъ старается онъ кротостию и дружбою премѣнить его, и изъ Тиранна здѣлать Государемъ человѣколюбивымъ и праведнымъ. Но находя неисправляемымъ, и несказанно грубымъ, да и слыша ежедневные жалобы на его лютость, на пьянственное и непотребное гуляние, также на ненасытимое его сребролюбие, началъ укарять онаго жаркимъ образомъ, и употреблять на него сильныя угрожения. Тираннъ убоявшись уходитъ отъ него съ своими тѣлохранителями; а Пелопидъ, оставляя Тессалийцовъ въ защитѣ отъ Тиранскихъ предприя- Плут. въ Пелопид. стр. 291. Диод. кн. 15. стран. 379.

тий

тій, и въ согласіи однихъ съ другими, отправляется въ Македонію, куда его призывали.

Амінтъ вторый тогда только что умеръ. Оставилъ онъ трехъ законныхъ сыновъ: Александра, Пердікка, Филіппа, да одного побочнаго сына, именемъ Птоломея. Александръ царствовалъ токмо годъ, и оставилъ наслѣдникомъ Пердікка (*), коему братъ его Птоломей спорилъ въ престолѣ. Сіи оба брата призвали Пелопіда, дабы ему быть судіею въ ихъ ссорѣ, и чтобъ ему стать за того, чья будетъ правда, и коему здѣлается несправедливость.

Пелопідъ едва токмо туда прибылъ, какъ онъ прекратилъ всю ссору, и возставилъ изгнанниковъ съ обѣихъ сторонъ. Взявъ въ аманаты Филіппа брата Царя Пердікка, и тритцать человѣкъ другихъ дѣтей изъ самыхъ знатныхъ породъ въ Македоніи, отвозитъ ихъ въ Тебы, дабы показать Грекамъ, до коихъ мѣстъ распростирается Тебанская власть славою ихъ силы, и полнымъ надѣяніемъ на ихъ справедливость и на вѣрность. Сей есть Филіппъ, отецъ Александра Великаго, который, послѣ того, имѣлъ войну съ Греками, дабы ихъ себѣ поработить.

Смятенія и развраты начались паки, нѣсколько лѣтъ потомъ, въ Македоніи, по причинѣ смерти Пердікковы, который убитъ на битвѣ. Пріятели умершаго призвали Пелопіда. Сей, хотя туда прибыть прежде нежели Птоломей, предпріемлющій еще сѣсть на престолѣ, осмотрится, а не имѣя войска, набралъ въ скорости наемныхъ воиновъ, и съ ними пошелъ на Птоломея. Когда они сошлись: то Птоломей многими деньгами подкупилъ наемныхъ оныхъ воиновъ, и привлекъ ихъ къ себѣ передаться. Въ тожъ время, боясь славы и имени Пелопі-

(*) Плутархъ кладетъ сію ссору между Александромъ и Птоломеемъ; сего не можно согласить съ Эсхіновымъ повѣствованіемъ [о ложномъ посольствѣ, стран. 400] о томъ, что приключилось Пердікку по смерти Александровой, и о чемъ я предложу въ Исторіи о Филіппѣ. И какъ Эсхінъ жилъ въ то самое время; то я почелъ за должность положить Пердікка вмѣсто Александра.

Пелопідова, пошелъ къ нему на встрѣчу, какъ на встрѣчу своему Главному и Господину, ухватился за ласку и за прошенія, и обѣщался торжественно, что онъ сохранитъ царство сыну умершаго, и что будетъ признавать за пріятелей или за непріятелей всѣхъ, кои будутъ Тебанцамъ; а въ увѣреніе своего обѣщанія далъ онъ Аманатомъ сына своего Філоксена, и еще пятьдесятъ человѣкъ изъ знатныхъ дѣтей, кои съ нимъ были воспитаны. Пелопідъ ихъ отпослалъ въ Тебы.

Измѣна наемныхъ воиновъ была ему очень у-сердца. Увѣдомившись, что они убрали въ городъ Фарсалу * большую часть своего имѣнія, съ женами своими и дѣтьми, разсудилъ, что то былъ преизрядный случай мстить за ихъ вѣрности нарушеніе. Итакъ, собираетъ нѣсколько Тессалійскаго войска, и идетъ къ городу Фарсалѣ. Едва онъ туда прибылъ, какъ Тіраннъ Александръ, вышелъ противъ него съ сильною армеею. Пелопідъ, который былъ посланъ къ нему какъ Посолъ, думая, что тотъ идетъ къ нему Пелопіду съ оправданіемъ, и съ отвѣтомъ на жалобы отъ Тебанцовъ, пошелъ къ тому съ однимъ Ісменіемъ безъ всякія другія предосторожности. Онъ зналъ, что тотъ былъ человѣкъ злодѣй, безъ вѣрности, и не имѣющій чести: но надѣялся, что почтеніе къ Тебамъ, и почтенность къ его достоинству и славѣ, не допустятъ онаго до какова нибудь предпріятія на его Особу. Однако въ томъ обманулся. Тіраннъ, видя одного и безъ оружія, взялъ его въ плѣнъ, и захватилъ въ свои руки городъ Фарсалу.

* городъ Тессалійскій.

Полібій охуждаетъ крайнимъ образомъ сію Пелопідову неопасность. Есть, говоритъ онъ, въ обхожденіи человѣческомъ увѣренія, и какъ узы добрыя вѣрности, на которыя можно основательно надѣяться. Такими бываютъ: святость клятвоприношенія, залогъ женъ и дѣтей, данныхъ въ Аманаты, и, больше еще всего того, прошедшая поступка и всегда непремѣнная того человѣка, съ кѣмъ дѣло. Когдажъ, не смотря на всѣ сіи доказательства, будетъ кто обманутъ; то сіе ужé здѣлаетъ нещастіе, а не его погрѣшность. Но надѣяться на вѣрно- Кн. 18. стр. 518.

 сти

сти нарушителя, и на злодѣя, признаннаго за таковa; то вѣ семѣ есть продерзость недостойная прощенія.

Плут. вѣ Пелопід. страниц. 292, 293. Діод. кн. 15 страниц. 382, 383.

Сіе злое вѣрности нарушеніе отѣ Александра, преисполнило страха и безнадеждія сердца всѣхѣ его подданныхѣ, которыи отгадывали, что, по несправедливости толь вопіющей, и толь по великой дерзости, Тіраннѣ не будетѣ уже жалѣть никого, и станетѣ поступать при всякомѣ случаѣ, и со всѣми людьми, какѣ отчаянный человѣкѣ, и такой, коему нѣчего больше беречь. Когда увѣдомились о семѣ вѣ Тебахѣ; то Тебанцы, разгнѣвавшись толь на законопреступное ухищреніе, послали тотчасѣ армею вѣ Тессалію: и, какѣ они были сердиты на Эпамінонда, на коего имѣли подозрѣніе, хотя и безѣ основанія, что онѣ былѣ, при нѣкоторомѣ особливомѣ случаѣ, излишно благопріятенѣ Лакедемонянамѣ, опредѣлили другихѣ Полководцовѣ. Итакѣ, былѣ онѣ вѣ семѣ походѣ только простымѣ человѣкомѣ. Любовь кѣ Отечеству, и кѣ общему добру, погашала вѣ сердцѣ сихѣ великихѣ людей весь гнѣвѣ, и не позволяла имѣ, какѣ то сіе дѣлается очень часто, оставить службу за нѣкоторую досаду вѣ чести, или для нѣкотораго особеннаго неудовольствія.

Между тѣмѣ Тіраннѣ отводитѣ Пелопіда вѣ Ферееѣ; а вѣ первыи дни позволяетѣ онѣ видѣть онаго всѣмѣ, думая, что сіе приключеніе смиритѣ его надменіе, и низложитѣ бодрость. Но Пелопідѣ, видя жителей Ферескихѣ вѣ великомѣ ужасѣ, непрестанно ихѣ утѣшалѣ, и напоминалѣ, чтобѣ они имѣли добрую надежду, обѣщая имѣ, что Тіраннѣ будетѣ вскорѣ наказанѣ. Велѣлѣ онѣ ему сказать самому, что поступаетѣ тотѣ весьма неблагоразумно, и несправедливо, тѣмѣ что мучитѣ и умерщвляетѣ ежедневно толь много добрыхѣ гражданѣ, которыи ему никакова не здѣлали зла, а его Пелопіда оставляетѣ, вѣдая что какѣ скоро онѣ высвободится изѣ его рукѣ, то накажетѣ сего Тіранна должною казнію злодѣйствамѣ его. Тіраннѣ, дивясь крайно такому великодушію, велѣлѣ его спросить, чегобѣ ради онѣ желалѣ себѣ такѣ смерти. Для того, отвѣчалѣ ему чрезѣ людей знаменитый его Плѣнникѣ, чтобѣ ты погибѣ толь скорее, здѣлавшись еще больше врагомѣ богамѣ и человѣкамѣ.

Отѣ

Отъ того дня Тіраннъ запретилъ, чтобъ кому его видѣть, и съ нимъ говорить. Но Теба, жена его, а дочь Язонова, который также былъ прежде Тіраннъ Ферескій, увѣдомившись о постоянствѣ и бодрости Пелопідовой, по скаскамъ караулящихъ его, была любопытна видѣть онаго, и съ нимъ поговорить: а Александръ не могъ ей не дать сего позволенія. Онъ ея любилъ сердечно [буде впрочемъ можно сказать, чтобъ Тіраннъ кого любилъ]; но не смотря на сію любовь, поступалъ съ нею жестоко, и еще ей непрестанно не довѣривалъ. Онъ къ ней всегда входилъ такъ, что шелъ предъ нимъ невольникъ, держащій рукою мечь обнаженный, и посылалъ прежде когонибудь изъ своихъ тѣлохранителей, осмотрѣть во всѣхъ сундукахъ, не найдетъ ли какова спрятаннаго тамъ кинжала. Неблагополучный Государь, восклицаетъ Цицеронъ, который больше надѣялся на невольника и варвара, нежели на свою жену! Цицер. о долж. кн. 2 число 25.

Итакъ, Теба имѣла желаніе видѣть Пелопіда. Она его нашла въ печальномъ состояніи, одѣтаго въ рубище, волосы у него были склочены, и не имѣлъ онъ никакова утѣшенія. Не могши удержаться отъ слезъ видя такое зрѣлище: ахъ, возопила она, неблагополучный Пелопидъ; жаль мнѣ бѣдныя вашея жены! нѣтъ, отвѣчалъ онъ ей, вы сожалѣнія достойны, Теба, что можете терпѣливно сносить такое страшилище, каковъ Александръ, не будучи его невольницею. Сіи слова произили до глубины сердца Тебу: ибо она претерпѣвала съ великою трудностію жестокости, наглости, и непотребства отъ бесчестнаго Тіранна. Того ради, приходя часто видѣть Пелопіда, и жалуясь ему свободно на всѣ претерпѣваемыя отъ того ругательства, огорчавалась она отчасу больше на своего мужа, и чувствовала, что возрастаетъ въ ея сердцѣ съ дня на-день ненависть, и желаніе къ отмщенію.

Тебанскіи Полководцы, которыи вступили въ Тессалію, не здѣлали въ ней ничего, и были принуждены, для своея неспособности и худыхъ поступокъ, оставить ту землю. Тіраннъ погнался за ними отходящими, тревожилъ ихъ съ стыдомъ оныхъ, и побилъ у нихъ много людей. Всябъ армея была побита, ежелибъ воины не прину-

дили Эпамінонда, бывшаго съ ними простымъ человѣкомъ, взять команду. Эпамінондъ, съ конницею и пѣхотою, вооруженною легкимъ образомъ, сталъ назади. Стоя симъ образомъ, иногда оборонялся отъ непріятеля, а иногда самъ на него нападалъ, и окончилъ благополучно отшествіе; а тѣмъ и спасъ беотянъ. На Полководцовъ, по возвращеніи ихъ, положенъ былъ штрафъ, на каждаго по десяти тысячъ драхмъ *; а Эпамінондъ опредѣленъ на ихъ мѣсто. Стараясь единственно объ общемъ добрѣ, позабывалъ онъ несправедливую поступку, и нѣкоторый родъ безчестія учиненнаго ему; за что былъ изрядно награжденъ славою, которую получилъ поступкою толь великодушною, и бескорысною.

* 1000 рублей.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, отправился онъ Полководцомъ съ армеею, и вступилъ въ Тессалію. Слава объ немъ, прежде его туда пришла. Уже она разсѣяла по всей той землѣ какъ страхъ, такъ и радость: страхъ между пріятелями Тіранну, ксего одно Эпамінондово имя устрашало; а радость между народами, достовѣрно надѣющимися, что они вскорѣ избавятся отъ ига Тіранніи, и Тіраннъ накажется за всѣ учиненныя имъ злодѣйства. Но Эпамінондъ, предпочитая спасеніе Пелопідово собственной своей славѣ, вмѣсто чтобъ производить жаркимъ образомъ войну, какъ то онъ былъ въ силахъ, воспріялъ намѣреніе дѣлать ея долговременною, боясь, чтобъ Тіраннъ, приведенный въ отчаяніе, не обратилъ, какъ свирѣпый звѣрь, всего своего остервѣненія на заключеннаго у себя. Ибо вѣдалъ его наглость и безчеловѣчіе, которыя не были послушны ни разуму ни справедливости. Зналъ, что пріятно ему было погребать въ землю живыхъ людей: что онѣкоторыхъ онъ облекалъ въ вепревые и медвѣжіе кожи, и напуская на нихъ ловчихъ своихъ псовъ, попускалъ имъ или быть растерзаннымъ, или самъ ихъ убивалъ стрѣлами. Такіе точно были его игры и забавы! Въ городахъ Мелібейскихъ и Скотусскихъ, кои ему были сосѣдны, созвалъ онъ гражданъ въ Собраніе, и велѣлъ ихъ всѣхъ окружить своимъ тѣлохранителямъ, которыи порубили предъ нимъ все бывшее тамъ юношество.

Сіи городы были въ Магнезіи.

Въ

Въ нѣкоторый день, когда слушалъ славнаго игрока, представляющаго Троады Эврипидову Трагедію, вышелъ онъ съ поспѣшеніемъ изъ Театра, и послалъ сказать тому игроку, чтобъ не тревожился; что онъ вышелъ не для того, чтобъ былъ имъ недоволенъ, но для крайняго въ себѣ стыда, что собственныя граждане видѣли его плачущаго о нещастіяхъ Гекубиныхъ и Андромахиныхъ; его, который никогда никакія не имѣлъ жалости по тѣхъ, коихъ умертвилъ.

Хотяжъ и не могъ прекланяемъ быть къ жалости; однако здѣсь въ великій попустился страхъ и ужасъ. Удивившись скорому Эпаминондову прибытію, и осіявшись величествомъ окружающимъ его, поспѣшилъ послать къ нему людей, коимъ бы его оправдать предъ нимъ. Эпаминондъ не могъ терпѣть, чтобъ Тебанцамъ заключить миръ и союзъ толь съ злымъ человѣкомъ. Дозволилъ ему только перемиріе на тритцать дней; а исторгши изъ рукъ его Пелопида и Исменія, отвелъ прочь свое войско.

Страхъ есть не такой учитель, коего наставленія дѣлалибъ глубокое и долговременное впечатлѣніе въ сердцахъ. Тираннъ Ферессків возвратился вскорѣ къ своей природѣ. Опровергъ онъ многіи Тессалійскіи городы, и ввелъ свои гарнизоны въ Фтіотскіи, въ Ахеенскіи, и въ Магнезійскіи. Сіи городы послали Пословъ въ Тебы съ требованіемъ помощи и войска, и съ прошеніемъ, чтобъ комманда была дана Пелопиду: сіе имъ и дозволено. Сей уже былъ готовъ къ отбытію, когда вдругъ солнце помрачилось, и покрыла тьма въ самый день городъ Тебы. Страхъ и ужасъ былъ общій. Пелопидъ зналъ, что надлежало думать о семъ приключеніи, въ которомъ ничего не было кромѣ естественнаго: но не почелъ онъ за должность вывесть седмь тысячъ Тебанцовъ по неволѣ, ни принудить ихъ къ походу въ ужасѣ, коимъ они были объяты. Онъ себя далъ одного Тессалійцамъ, и взявъ съ собою три-ста человѣкъ конницы Тебанскія или пришельческія, кои хотѣли за нимъ слѣдовать, отправился не смотря на запрещеніе прорицателей, и противъ мнѣнія многихъ мудрыхъ людей.

Плут. въ Пелопид. стран. 295, 298. Ксеноф. кн. 6 стран. 601.

Онъ особливо гнѣвался на Александра за наруганія учиненныя ему отъ него. Что ему Теба, жена того, сказала, и что онъ зналъ самъ собою объ общемъ и повсюдномъ неудовольствіи Тиранномъ; то приводило его въ надежду, что найдетъ крайнія смятенія въ его домѣ, и общее расположеніе и склонность къ возмущенію. Но еще больше возбуждали и распаляли его, изрядство и великость дѣйствія самого въ себѣ. Ибо всѣ его желанія, и все хотѣніе состояло въ томъ, чтобъ показать всѣмъ Грекамъ, что въ тожъ самое время, въ кое Лакедемоняне посылали къ Діонисію Тиранну Полководцовъ и Начальствующихъ, а съ другой стороны Аѳиняне были будто на жалованьѣ у Александра, и поставили ему въ честь статуу мѣдную, какъ своему благотворителю, Тебанцы были одни, кои объявили дѣйствительную войну Тиранніи, и предпріяли истребить, между Греками, все Правленіе неправедное и наглое.

Итакъ, собравъ свою армею въ Фарсалѣ, пошелъ на Тиранна. Сей, видя что Пелопидъ имѣлъ весьма малое число Тебанцовъ, а у него было пѣхоты вдвое больше, нежели у Тессалійцовъ, пошелъ и самъ на встрѣчу. Нѣкто сказалъ Пелопиду, что Тираннъ идетъ на него съ великою армеею: тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ ему; мы изъ нихъ побьемъ большее число.

Были, близъ мѣста называемаго Циносцефалесъ, холмики весьма высокіи, и очень крутыи, стоящіи посреди нѣ гладкихъ и ровныхъ мѣстъ. Обѣ сопротивные стороны дѣлаютъ движеніе, чтобъ захватить тѣ холмики своею пѣхотою, и въ тожъ время Пелопидъ приказываетъ своей конницѣ ударить на непріятельскую. Сія Пелопидова конница сломила Александрову: и какъ она гналась за нею по ровному мѣсту; то вдругъ тогда появился Александръ на верьху холмовъ, который упредилъ Тессалійскую пѣхоту, и нападая жестоко, на хотящихъ осилѣть сіи верьхи и обороны, убивалъ самыхъ переднихъ, и отбивалъ прочь другихъ, а для многихъ ранъ принуждалъ ихъ отступать назадъ. Видя сіе Пелопидъ, возвратилъ свою конницу, и приказалъ ей напасть на непріятелей; но самъ, взявъ свой щитъ, побѣжалъ къ сражающимся на верьхахъ.

Топ-

Тотчасъ онъ пробился сквозь пѣхоту ; а пребѣгая въ самой скорости съ заду напередъ, поддалъ своимъ толь много силы и смѣлости, что непріятели приняли ихъ за свѣжихъ людей нападающихъ на нихъ. Выдержали они съ два, или съ три удара крѣпко стоя : но, когда увидѣли, что сія пѣхота ломила непрестанно въ передъ, и что конница, возвратившись изъ погони, прибыла къ нимъ на подсаду ; то начали оставлять мѣста уступая по малу, и всегда лицемъ стоя прямо. Тогда Пелопидъ, видя съ верьху холма всю непріятельскую армею, которая еще не обратилась совершенно въ бѣгство, но начала токмо подаваться съ мѣстъ, и приходить въ беспорядокъ, остановился, и стоялъ нѣсколько времени, ища глазами Александра.

Какъ же скоро онъ его увидѣлъ на правомъ крылѣ, гдѣ тотъ соединялъ и ободрялъ наемное свое войско ; то не могъ совладѣть самъ съ собою, но распалившись, и оставляя единому своему гнѣву попеченіе о своемъ животѣ, и все управленіе дѣла, выбѣжалъ предъ всѣ полки, удалившись отъ нихъ, и бѣжалъ изъ всея силы клича Александра, и вызывая его на поединокъ. Тираннъ не далъ ему отвѣта на вызывъ, и не осмѣлился его ждать, но спрятался въ средину своихъ тѣлохранителей. Сіи сперва стояли сильно ; но когда первыи ряды были сломлены отъ Пелопида, и многіи изъ тѣлохранителей положены на мѣстѣ : то прочіи, бьючись издали, наконецъ пробили его доспѣхи, и вонзили ему свои стрѣлы въ грудь. Тессалійцы, пришедши въ страхъ отъ бѣдствія, въ коемъ онъ находился, побѣжали съ верьху холмовъ на помощь къ оному : но онъ уже упалъ мертвъ, когда они прибѣгли. Тогда пѣхота и конница Тебанская обратившись на стѣну сраженія, разбиваютъ оную, гонятся за нею очень далеко, и покрываютъ поле мертвыми : ибо они убили больше трехъ тысячь человѣкъ.

Сіе Пелопидово дѣйство, хотя и кажется, что оно происходитъ отъ великаго мужества, есть неизвиняемо, и было обще всѣми похулено, для того что нѣтъ прямаго мужества безъ мудрости и благоразумія. Бодрость, когда она велика, есть холодна и спокойна : она себя бере-

бережетъ, гдѣ надобно, а выходитъ когда надлежитъ. Полководецъ долженствуетъ видѣть все, мыслить о всемъ, и, чтобъ быть въ состояніи дать поправленіе всему, не бросается безрассудно въ бѣдство, гдѣ можетъ
Плутар. въ Пелоп. странпц. 317. быть обхваченъ, и навесть своею смертію пагубу всей армеѣ.

Эврипидъ, сказавъ въ одной изъ своихъ Трагедій, что весьма славно для Полководца, одержать побѣду спасая свой животъ, присовокупляетъ, что ежели ему должно умереть; то надобно, чтобъ сіе было оставленіемъ своего живота въ рукахъ у добродѣтели: какъ будто дая чрезъ то знать, что одна токмо добродѣтель, а не страсть, ни гнѣвъ, ни мщеніе, имѣетъ власть надъ животомъ Полководцовымъ, и что первая должность бодрости состоитъ въ томъ,
Тамже 278. чтобъ спасти того, который другихъ спасаетъ.

Сіе самое заставляетъ почитать преизрядное Тімоѳеево слово. Нѣкогда Харесъ показывалъ Аѳинамъ раны, которые онъ получилъ бывши Полководцомъ, также и свой щитъ пробитный копьемъ. А я, предпріялъ Тімоѳей, когда приступалъ къ Самосу, и когда стрѣла упала весьма близко отъ меня, былъ въ великомъ стыдѣ, что приближился толь, какъ молодый человѣкъ, безъ нужды, и больше, нежели надлежало Полководцу превеликія Арміи. Анніbалъ подлинно не можетъ названъ быть боязливымъ: однако вѣдомо, что при толь многомъ числѣ сраженій поставленныхъ отъ него, не получилъ онъ кромѣ одноя раны во время осады Сагунта.

Итакъ, основательную имѣютъ причину укарять Пелопіда, что принесъ въ жертву мужеству всѣ свои другіе добродѣтели, предая онымъ образомъ свой животъ, и скончавъ оный больше за себя самого, нежели за Отечество.

Никогда ни по какомъ Полководцѣ столько не сожалѣли, сколько по немъ. Смерть его обратила въ сѣтованіе побѣду, которую онъ одержалъ. Глубокое молчаніе и общее смятеніе пребывало во всей Арміеѣ, буттобъ оная была на-голову разбита. Когда преносимо было его тѣло въ Тебы; то выходили изъ всѣхъ городовъ, бывшихъ на пути, дѣти, средовѣчныи, престарѣлыи люди, Градоначальники, и Жерцы: да и шли предъ гробомъ, неся Вѣнцы, Трофеи, и доспѣхи золотыи. Тессалійцы, будучи какъ преодолаемы чувствительною болѣзнію, такъ и воспламеняемы самымъ живымъ благодареніемъ, требовали, чтобъ

имъ

имъ позволено было однимъ, и на своемъ иждивенiи, отправить торжественно погребенiе Полководцу, предавшемуся смерти за ихъ спасенiе; да и не можно было отказать ихъ ревности сего чеснаго преимущества.

Погребенiе было великолѣпное, а особливо въ разсужденiи искреннiя болѣзни какъ Тебанцовъ, такъ и Тессалiйцовъ. Ибо, говоритъ Плутархъ, оный наружный видъ печали, и оныи знаки болѣзни наемныя, и которую всеобщая власть налагаетъ на народъ, не всегда бываютъ достовѣрными доказательствами истиннаго сердоболiя. Слёзы лiющiеся тайно и явно, сожалѣнiя показываемыя равно отъ большихъ и отъ малыхъ, похвалы, кои общiй и постоянный гласъ засвидѣтельствуетъ человѣку, котораго ужé нѣтъ, и отъ котораго больше ничего не ожидается, являются неподозрительнымъ свидѣтельствомъ, и такимъ почитанiемъ, которое токмо добродѣтели отдается. Такое было погребенiе Пелопиду; да и не знаю я, можноль что вымыслить большее и великолѣпнѣйшее.

Тебы не удовольствовались однимъ плаканiемъ по Пелопидѣ: они воспрiяли намѣренiе мстить за него. Послано тотчасъ на Александра не большое войско, состоящее въ седми тысячахъ человѣкъ пѣхоты, да въ седми стахъ конницы. Тiраннъ, пребывая еще въ крайнемъ ужасѣ отъ своего разбитiя, не-былъ въ состоянiи себя оборонять. Присилили его отдать Тессалiйцамъ городы, взятыи имъ у нихъ, оставить Магнезiйцовъ, Фтiотовъ, и Ахейцовъ въ вольности, вывесть свои гарнiзоны изъ ихъ землй, и дать клятвенное обѣщанiе, чтобъ онъ былъ всегда послушенъ Тебанцамъ, и ходилъ бы по ихъ повелѣнiямъ противъ всѣхъ непрiятелей.

Сiя казнь была очень лехка́. Чего ради, говоритъ Плутархъ, и не показалась она богамъ довольна, ни равномѣрна его злодѣйствамъ: хранили они для него достойную Тiранна. Теба, жена его, которая видѣла съ омерзѣнiемъ, и проклинала жестокость и нарушенiе вѣрности своего мужа, и коя не позабыла наставленiй и совѣтовъ, данныхъ ей отъ Пелопида въ то время, какъ онъ былъ въ заключенiи, соглашается съ тремя своими братами убить его. Вся Тiраннова палата наполнена была стражами,

кото-

которыи всѣ ночи не-спали: но онъ на нихъ не надѣялся. И какъ жизнь его была нѣкоторымъ образомъ въ ихъ рукахъ; то оныхъ боялся больше, нежели всѣхъ прочихъ людей. Спалъ онъ въ чардакѣ, куда всходъ былъ по стремянкѣ, которая знатно что подъемлема была въ верьхъ, когда въ тотъ войдетъ. Въ близости отъ сего покоя находилась на цѣпи большая собака, карауляцая. Она была очень зла, и знала токмо господина, госпожу, и нѣкотораго одного невольника, кормившаго ея.

Когда положенное время къ исполненію намѣреннаго приспѣло; то Теба запираетъ своихъ братовъ днемъ въ нѣкоторый ближній покой. Тіраннъ, вшедши ночью въ свой, и бывши наполненъ объяденіемъ и піянствомъ, заснулъ тотчасъ глубокимъ сномъ. Теба выходитъ вскорѣ послѣ того, приказываетъ невольнику отвесть прочь собаку, для того что ея мужъ хочетъ спать во спокойствіи; а чтобъ стремянка, по коей туда всходили, не здѣлала стука, когда ея братья туда полѣзутъ, то увила шерстью ступени. Когдажъ все такъ было приготовлено; то она и принимаетъ туда своихъ братовъ полегоньку, вооруженныхъ кинжалами. На прибывшихъ къ дверямъ страхъ напалъ, такъ что они не смѣютъ итти далѣе. Теба, будучи вся внѣ себя, грозитъ имъ разбудить тотчасъ Александра, и объявить ему ихъ умыслъ. Стыдъ и страхъ ободряютъ тѣхъ: она ихъ вводитъ, приводитъ къ ложу, и держитъ сама свѣтъ. Они поражаютъ Тіранна сильно кинжалами, и убиваютъ до смерти. Вѣдомость, что онъ истребленъ, тотчасъ разсѣялась по-городу. Трупъ его повержень, и преданъ всякимъ наруганіямъ, бывши попираемъ ногами отъ своихъ подданныхъ, и поверженъ на растерзаніе псамъ и птицамъ. Достойное мздовоздаяніе за всѣ его наглости, и лютости!

§. VII.

§. VII.

ЭПАМІНОНДЪ ОПРЕДѢЛЕНЪ ГЛАВНЫМЪ НАДЪ ТЕБАНСКОЮ АРМЕЕЮ. ВТОРЫЙ ЕГО ПОПЫТЪ НА СПАРТУ. СЛАВНАЯ ПОБѢДА, ОДЕРЖАННАЯ ИМЪ ПРИ МАНТІНЕѢ. СМЕРТЬ ЕГО; И ПОХВАЛА ЕМУ.

Чрезвычайное Тебанское благополучіе не малою было причиною къ страху всѣмъ сосѣднимъ народамъ. Все тогда было въ движеніи въ Греціи. Восстала тамъ новая война между Аркадянами и Элеенами, которая произвела другую между самими Аркадянами. Тегейцы призвали въ помощь Тебанцовъ; а Мантінейцы Лакедемонянъ и Аѳинейцовъ. были еще на обѣихъ сторонахъ нѣкоторыи другіи союзники. Первыи дали комманду надъ своимъ войскомъ Эпамінонду. Вступилъ сей вскорѣ въ Аркадію, и сталъ при Тегеѣ въ намѣреніи напасть на Мантінейцовъ, которыи отстали отъ союза съ Тебанцами, и пристали къ Спартанцамъ.

Л. М. 3641. Пр. І. Х. 363. Ксеноф. Кн. 7. Стран. 642, 644. Плут въ. Агезіл. стран. 615. Діод. стран. 391. 392.

Увѣдомившись, что Агезілай шелъ съ войскомъ, и правился къ Мантінеѣ, вознамѣрился предпріять такое дѣло, которое рассудилъ способнымъ къ вѣчному прославленію своего имени, и къ всеконечному опровержению непріятельскія силы. Отправился изъ Тегеи ночью съ войскомъ своимъ при незнаніи о семъ Мантінейцовъ, и пошелъ прямо къ Спартѣ другою дорогою отъ тоя, по которой шелъ Агезілай. Подлинно, взялъ бы онъ съ перваго приступа городъ, который былъ безъ стѣнъ, безъ обороны, и безъ войска. Но, по щастію Спарты, нѣкто Критянинъ когда увѣдомилъ въ самой скорости Агезілая о всемъ происходящемъ: то сей въ тожъ мгновеніе отправилъ одного всадника, чтобъ дать вѣдомость городу о бѣдствія, кое оному грозитъ; а самъ и прибылъ тудажъ потомъ вскорѣ.

Едва онъ туда приспѣлъ, какъ тамъ и увидѣли Тебанцовъ переправляющихся чрезъ рѣку Эвротъ, и идущихъ на-городъ. Эпамінондъ, который хотя и увидѣлъ, что его намѣреніе было открыто, однако не рассудилъ за должное отходить прочь, не здѣлавъ прежде опыта.

Полїб. кн. 9. стран. 547. Итакъ, идетъ прямо съ своимъ войскомъ, и употребляя смѣлость вмѣсто хитрости, приступилъ къ городу съ разныхъ сторонъ, пробивается даже до площади, и завладѣлъ оною частїю Спарты, которая была отъ рѣки. Агезїлай сопротивляется повсюду, и обороняется съ большимъ мужествомъ, нежели можно было ожидать отъ его лѣтъ. Увидѣлъ сей, что тогда, не такъ какъ въ первый разъ, не надлежало себя жалѣть, и токмо чтобъ предостерегаться, но надобно было брать смѣлостїю, и сражаться какъ отчаянному: средствїя, какихъ онъ никогда не употреблялъ, и на кои никогдажъ не полагалъ надежды, а тогда ихъ употребилъ очень полезно. Ибо, симъ преизящнымъ отчаянїемъ, и сею мудрою дерзостїю, исторгнулъ городъ изъ Эпаминондовыхъ рукъ. Сынъ его Архїдамъ, бывши Предводителемъ у молодыхъ Спартанцовъ, несся съ невѣроятною бодростїю всюду, гдѣ наибольшее было бѣдство, и не большимъ своимъ войскомъ удерживалъ вездѣ непрїятеля, и ему сопротивлялся.

Нѣкто молодый Спартанецъ, именемъ Кадъ, отмѣнилъ себя особливо въ тотъ день. Сей былъ прекрасенъ лицемъ, превесьма статенъ, очень пригожъ, и въ цвѣтѣ еще своихъ лѣтъ. Былъ онъ безъ доспѣховъ и безъ одежды; тѣло его свѣтилось отъ масла, и имѣлъ въ одной рукѣ копье, а въ другой мечь. Въ семъ состоянїи выбѣгаетъ устремительно изъ своего дому, и пробиваясь сквозь толпу Спартанцовъ сражающихся, кидается на непрїятелей, поражаетъ всѣхъ смертельно, и повергаетъ къ своимъ ногамъ сопротивляющихся себѣ, не получивъ самъ ни единыя раны: или непрїятели испужались толь страннаго зрѣлища, или, говоритъ Плутархъ, богамъ угодно было хранить его за великое мужество. Повѣствуютъ, что, послѣ сраженїя, Эфоры опредѣлили ему Вѣнецъ въ честь его дѣйствїй: но потомъ наложили на него штрафъ тысячи драхмъ *, что онъ дерзнулъ выттти не вооруженъ доспѣхами, и подвергнуть себя толь великой пагубѣ.

* 100 рубл.

Эпаминондъ, не улучивъ своея надежды, и предусмотрѣвая, что Аркадяне не преминутъ прибѣгнуть на помощь Спартѣ, да и не желая имѣть ихъ въ тожъ время противъ себя со всѣми силами Лакедемонцовъ, возвра-

шился

тился съ поспѣшенiемъ въ Тегею. Лакедемоняне и Аѳиняне, съ своими союзниками, слѣдовали тудажъ за нимъ въ скорости.

Сей Полководецъ, разсуждая, что его комманда скоро окончится, и что, ежели не будетъ сражанья, вся его слава погибнетъ, да и тотчасъ по его отшествiи непрiятели нападутъ на союзниковъ Тебанскихъ, и ихъ задавятъ, приказалъ своему войску готовиться къ сраженiю. Ксенофонт. кн. 7. стран. 645, 647.

Никогда Греки не сражались между собою съ многочисленнѣйшимъ войскомъ. Лакедемонская армея состояла больше нежели изъ дватцати тысячь человѣкъ пѣхоты, да изъ двухъ тысячь конницы. Тебанская изъ тритцати тысячь пѣхоты, да почитай изъ трехъ тысячь конницы. На правомъ крылѣ у первыхъ были поставлены на одной лiнѣѣ рядомъ Мантiнеяне, Аркадяне, и Лакедемоняне; въ срединѣ Элеане, и Ахеане, кои были всѣхъ слабѣе изъ ихъ войска. Лѣвое крыло состояло изъ однихъ такмо Аѳинянъ. Въ сопротивной армеѣ, Тебанцы съ Аркадянами были на лѣвомъ крылѣ; но Аргiйцы на правомъ. Прочiи союзники стояли въ срединѣ. На обѣихъ сторонахъ конница была разсѣяна по крыламъ.

Тебанскiй Полководецъ пошелъ такимъ порядкомъ, какимъ онъ хотѣлъ сражаться, дабы не быть принуждену, по прибытiи предъ непрiятеля въ близость, потерять въ расположенiи войска время, которое надлежало крайнимъ образомъ беречь при великихъ предпрiятiяхъ.

Онъ не пошелъ прямо и грудью противъ непрiятеля, но идучи всегда съ лѣва одною колонною вдоль по высокимъ мѣстамъ, приводилъ тѣхъ во мнѣнiе, что онъ не думалъ въ тотъ день сражаться. Когдажъ сталъ быть прямо противъ нихъ почитай на версту разстоянiемъ; то остановился, и велѣлъ положить оружiе своему войску, будтобъ хотѣлъ тамъ стать лагеремъ. Непрiятели подлинно тѣмъ были обмануты; а не ожидая больше сраженiя, положили и они свое оружiе, разошлись по лагерю, и попустили погаснуть нѣкоторому жару, который зажигается и распаляется въ сердцахъ у воиновъ въ ожиданiи скораго сраженiя.

Между тѣмъ Эпаминондъ, обратившися вдругъ, четвертою долею обращенiя на право, свою колонну въ лiнѣю,

 и взявъ

и взявъ изъ преду своея колонны самое лучшее войско, которое поставилъ нарочно во время шествія, здвоилъ оное по стѣнѣ лѣваго крыла, дабы то укрѣпить, и привесть въ состояніе напасть клиномъ на Лакедемонскую фалангу, которая, по движенію учиненному отъ него, стала быть прямо противъ того. Повелѣлъ срединѣ и правому крылу итти не скоро, и остановиться прежде, нежели придутъ подъ-руку къ непріятелю, чтобъ не попустить въ бѣдство побѣды войскомъ, на которое онъ не могъ надѣяться.

Уповалъ получить весь успѣхъ въ битвѣ симъ корпусомъ избраннаго войска, которымъ онъ самъ коммандовалъ, и расположилъ въ колонну, чтобъ ударить въ непріятеля клиномъ какъ галернымъ носомъ, говоритъ Ксенофонтъ. Онъ былъ удостовѣренъ, что ежели возможетъ пробить Лакедемонскую фалангу, которая была главною силою у непріятеля; то не трудно ему будетъ разбить все прочее, нападши побѣдоноснымъ своимъ войскомъ на всѣхъ, сколько ни найдется на правой сторонѣ и на лѣвой.

Но, чтобъ не допустить Аѳинянъ, бывшихъ на лѣвомъ крылѣ, притти въ помощь правому крылу во время нападенія помышляемаго имъ, вывелъ за линѣю отрядъ конницы и пѣхоты, и поставилъ оный на высокихъ мѣстахъ въ близости отъ Аѳинянъ съ боку: сіежъ какъ для защиты правому своему крылу, такъ и для приведенія ихъ въ беспокойство, и въ страхъ, что здѣлается на нихъ на самихъ нападеніе съ боку, ежели они пойдутъ помогать правому своему крылу.

Расположивъ такимъ образомъ все свое войско, двигнулся для нападенія на непріятеля всею тягостію своея колонны. Тѣ весьма удивились незапности, когда увидѣли Эпаміндонда, что онъ идетъ на нихъ съ подкрѣпленною своею фалангою. Воспріемлютъ они свое оружіе паки, надѣваютъ узды на коней, и бѣгутъ съ поспѣшеніемъ къ своимъ рядамъ.

Въ то время, какъ Эпаміндондъ шелъ такимъ образомъ къ непріятелю; конница, которая прикрывала бокъ его лѣвый, самая лучшая тогда во всей Греціи, состоявшая

шая вся изъ Тебанцовъ и изъ Тессалійцовъ, получила приказъ ударить на непріятельскую конницужъ. Тебанскій Полководецъ, отъ котораго ничто не уходило, искусно примѣшалъ въ промежки своея конницы сайдачниковъ, пращниковъ, и другихъ стрѣлковъ, дабы они начали приводить въ беспорядокъ непріятельскую конницу, засыпая ея сперва самаго каменьями, стрѣлами, и дротиками. Другая армея пренебрегла воспріять равную предосторожность. Она здѣлала и другую погрѣшность не меньше знатную, а именно, давши своимъ коннымъ ротамъ такъ великую толстоту, какъ будтобъ онѣ были нѣкая Фаланга. Чего ради сія конница и не могла стоять долго противъ стремительства Тебанскія. Здѣлавши многіи удары, и претерпѣвши великую трату, принуждена она была уйти за свою пѣхоту.

Въ то время Эпаминондъ, съ пѣхотою своею, напалъ на Лакедемонскую фалангу. Войска схватились съ обѣихъ сторонъ съ невѣроятною гарячестію, для того что Тебанцы и Лакедемонцы намѣрились пропасть лучше, нежели уступить своимъ Соперникамъ славу воинствованія. Начали они биться полукопьями; а когда сіе оружіе тотчасъ переломалось отъ стремительства бьющихся; то выхватили мечи. Сопротивленіе съ обѣихъ сторонъ было упорное, и кроволитіе очень великое. Каждый, презирая бѣдство, и стараясь токмо отмѣнить себя чемъ нибудь знатнымъ, желалъ лучше умереть въ своемъ мѣстѣ, нежели на шагъ назадъ податься.

Сіе взаимное кровопійство продолжалось чрезъ долгое время; такъ что не можно еще было видѣть, на которую сторону обратится побѣда: тогда Эпаминондъ, чтобъ оную силою привлещи къ себѣ, рассудилъ за должное, здѣлать чрезвычайное стремительство, и выити своею Особою, не жалѣя живота. Итакъ, взялъ онъ всѣхъ, сколько ни нашелъ около себя, самыхъ храбрыхъ, и самыхъ удалыхъ людей, составляетъ изъ нихъ небольшое войско: Самъ имъ предводительствуетъ, нападаетъ сильно на непріятелей тамъ, гдѣ свалка была самая жаркая, и съ перваго пораженія дротикомъ, кой онъ бросилъ, поранилъ Полководца Лакедемонскаго. Войско его, по его при-

примѣру, израннвши и побивши всѣхъ попадшихся себѣ, разрываетъ и пробиваетъ фалангу. Лакедемоняне, пришедшія въ робость отъ присутствія Эпамінондова, и задавлены бывши тягостію сего безстрашнаго войска, принуждены были подаваться назадъ. Вcловая Тебанская сила, будучи возбуждена примѣромъ и успѣхомъ своего Военачальника и отборнаго его войска, пробиваетъ направо и налѣво непріятелей, и дѣлаетъ превеликое кровопролитіе. Но нѣсколько полковъ Лакедемонскихъ, увидѣвши что Эпамінондъ излишно отдавался своей горячести, соединяются вдругъ, обращаются на него, и засыпаютъ его стрѣлами. Въ то время, какъ онъ отбивалъ часть сихъ выстрѣловъ, какъ удалялся отъ нѣкоторыхъ, и отдалялъ отъ себя другія, и какъ онъ самъ бился по Геройски, чтобъ пріобрѣсть своимъ побѣду, нѣкто изъ Спартанцовъ, именемъ Каллікратъ, поражаетъ его своимъ дротикомъ смертельно въ грудь сквозь броню. И какъ древко у дротика сломилось, а желѣзко, оставшееся въ ранѣ, дѣлало ему нестерпимую болѣзнь; то онъ тотчасъ палъ. Сраженіе началось паки около его съ новою яростію, для того что одни силились взять его живаго, а другіи спасти. Наконецъ, Тебанцы преодолѣли силящихся, а его унесли, обративши въ бѣгство непріятелей. Гнались они за ними чрезъ нѣкоторое токмо не большое разстояніе; а возвратившись удовольствовались тѣмъ, что владѣли полемъ сраженія, и трупами убитыхъ, не употребляя въ свою пользу побѣды, и не думая ни о какомъ предпріятіи, будтобъ ожидали себѣ указа отъ Полководца.

Конница, пришедши въ робость отъ злоключенія Эпамінонду, о коемъ она думала, что онъ уже умеръ, и показываясь больше побѣжденною, нежели побѣдившею, пренебрегла равнымъ же образомъ произвесть далѣе свое преимущество, да и возвратилась на первое свое мѣсто.

Когда все сіе происходило на лѣвомъ Тебанскомъ крылѣ; тогда конница Аѳинейская напала на Тебанскую бывшую на правомъ. Но понеже сія, сверьхъ того что ея было больше числомъ, имѣла преимущество тѣмъ, что поспѣшествуема была лехкою пѣхотою премѣшанною въ промежкахъ; то она ударила жестоко на Аѳинянъ, а засыпа-

засыпавши ея стрѣлами, сломила оную, и принудила къ бѣгству. Послѣ какъ она ту симъ образомъ отбила, и привела въ беспорядокъ; то вмѣсто чтобъ за нею гнаться, рассудила за лучшее обратить свое оружіе на Аѳинскую пѣхоту. Напала на нея съ стороны, привела въ колебаніе, и збивала ея очень жарко. Въ то самое время, какъ уже хотѣла бѣжать, Полководецъ при Элеенской конницѣ, который коммандовалъ подсадными полками, усмотрѣвши бѣдство, въ коемъ находилась сія фаланга, прибѣжалъ ей на помощь, ударилъ на Тебанскую конницу, которая отнюдъ того не чаяла, принудилъ ея отступить назадъ, и отнялъ у нея все полученное ею преимущество. Въ тожъ точно время, Аѳинская конница, которая сперва была разбита, видя, что за нею не было погони, соединилась паки, и вмѣсто чтобъ итти на помощь разбитой пѣхотѣ, пошла съ нападеніемъ на отрядъ, поставленный Тебанцами на высокихъ мѣстахъ за лінѣею, да и посѣкла оный весь мечемъ.

Послѣ сихъ разныхъ движеній, и по перемѣнѣ выигрыша и проигрыша, все войско съ обѣихъ сторонъ перестало дѣйствовать, и трубачи обѣихъ армей, какъ по согласію, затрубили совокупно къ отступленію. Изъ обѣихъ сторонъ каждая приписывала себѣ побѣду, и поставила Трофей: Тебанцы, для того что они разбили правое крыло, и владѣли полемъ сраженія; Аѳиняне жъ, потому что они посѣкли на-голову отрядъ. А посилѣ сея чести, каждая сторона не хотѣла сперва требовать убитыхъ затѣмъ, что симъ древніи признавали необиновенно свой низъ. Однако, Лакедемоняне послали прежде всѣхъ Геролда съ требованіемъ позволенія погребсть мертвыхъ. Тогда каждый думалъ токмо о томъ, чтобъ отдать своимъ послѣдній долгъ.

Такой былъ успѣхъ славныя Мантінейскія битвы. Ксенофонтъ въ повѣствованіи объ ней, кое заключаетъ его Исторію, напоминаетъ читателю быть прилѣжну, и вчимать твердо расположеніе Тебанскихъ войскъ, и порядокъ строя, который онъ описываетъ какъ человѣкъ знающій, и въ войнѣ искусный. Шевалье Фоллардъ [кой основательно почитаетъ Эпамінонда за самаго совершеннаго

Полководца вѣ Греціи онымѣ описаніемѣ, которое онѣ дѣлаетѣ сей баталіи) не сомнѣвается называть ея всесовершенннымѣ дѣломѣ сего Военачальника. Эпаминондѣ принесенѣ былѣ вѣ лагерь. Лѣкари, осмотрѣвши его, сказали, что какѣ скоро желѣзко вынято будетѣ вонѣ изѣ раны, такѣ тотчасѣ онѣ скончается. Сіи слова наполнили смятеніемѣ и болѣзнію всѣхѣ тутѣ бывшихѣ: не могли они утѣшиться видя умирающаго толь великаго человѣка, и умирающаго еще бездѣтна. Чтожѣ до него; то онѣ одно показалѣ беспокойство о своемѣ оружіи, и обѣ успѣхѣ битвы. Когда ему показанѣ его щитѣ, и былѣ удостовѣренѣ, что Тебанцы одержали побѣду; тогда обратившись кѣ своимѣ пріятелямѣ, вѣ лицѣ спокойномѣ и свѣтломѣ: „Не почитайте, говорилѣ онѣ имѣ, сего „дня за конецѣ моея живни, но за начало благополучія, и за верьхѣ славы. Я оставляю Тебы торжествующими, гордую Спарту укрощенною, а Грецію „спасенною отѣ ига порабощенія. Впрочемѣ, я не почитаю себя умирающаго безѣ дѣтей: Левктра и Мантінея, двѣ преславные дщери, не дадутѣ погибнуть „моему имени„. Такѣ сказавѣ, извлекѣ желѣзко изѣ раны, и испустилѣ душу.

Можно сказать по истиннѣ, что Тебанская сила преставилась, нѣкоторымѣ образомѣ, сѣ симѣ великимѣ человѣкомѣ, коего Цицеронѣ (a) „ показывается полагающимѣ „выше всѣхѣ знаменитыхѣ людей Греческихѣ „. И подлинно, (b) говоритѣ Юстінѣ, какѣ стрѣла, когда у нея „переломится конецѣ остроты, не кому вѣ состояніи вредить

(a) Epaminondas, princeps, meo iudicio, Graeciae.
Acad. quaest. lib. 1. n. 4.

(b) Nam ficuti telo, fi primam aciem praefregeris, reliquo ferro vim nocendi fuftuleris: fic illo, velut mucrone teli, ablato duce Thebanorum, rei quoque publicae vires hebetatae funt, vt non tam illum amififfe, quam cum illo interiiffe omnes viderentur. Nam neque hunc ante ducem vllum memorabile bellum geffere; nec poftea virtutibus infignes fuere: vt manifeftum fit, patriae gloriam et natam, et extinctam cum eo fuiffe.
Iuft. lib. 6. cap. 8.

„дить; такъ городъ Тебы, лишившись сего Полководца, „больше уже не-былъ страшенъ своимъ непрiятелямъ, а „сила его показалась какъ притупленная и уничтоженная „смертiю Эпамiнондовою. Прежде его, сей городъ не-„былъ прославленъ никакимъ достопамятнымъ дѣйствiемъ: „по немъ, упалъ онъ паки въ первую свою темноту. И-„такъ, видѣли родившуюся и погибшую его славу съ симъ „великимъ человѣкомъ."

(a) „Сомнительно было, большель онъ былъ Полко-„водецъ, или человѣкъ добродѣтельный. Онъ не искалъ „господствовать самъ о себѣ, но чтобъ здѣлать Отече-„ство господствующимъ: произвелъ бескорыствованiе „толь далеко, что не оставилъ, при смерти, чемъ себя „погребсть. Фiлософомъ былъ нелицемѣрно, а убогимъ по „любви къ убожеству; презрилъ же богатство, не же-„лая, кажется, чтобъ его за то хвалили. будежъ вѣ-„рить Юстiну, то онъ не больше былъ алченъ также къ славѣ, „коль и къ деньгамъ. Всегда по неволѣ налагали на него „комманду, коя ему поручаема была; а поступалъ онъ „въ той такимъ образомъ, что здѣлалъ больше чести до-„стоинствамъ, въ которыя былъ производимъ, нежe-„ли самъ воспрiималъ отъ нихъ почтенiя."

Хотя онъ былъ и убогъ самъ въ себѣ, и не имѣющiй доходовъ; однако, убожество самое, которое приводило его въ почтенiе, и въ то, что надѣялись на него богатыи, здѣлало онаго въ состоянiи, дѣлать добро другимъ. Нѣкто изъ его прiятелей пришелъ въ превеликую скудость; онъ того послалъ къ нѣкоторому изъ Тебанскихъ гражданъ самому богатому человѣку, приказавъ, просить у него своимъ именемъ цѣлаго таланта.* (Плут. о наставл. какъ править респубд. стр. 809.) (* 600 рублей.)

Сей, когда пришелъ къ Эпамiнонду, дабы увѣдомиться о причинѣ, коя его привела, послать къ нему съ

(a) Fuit incertum, vir melior, an dux esset. Nam et imperium non sibi semper, sed patriae quaesiuit; et pecuniae adeo parcus fuit, vt sumptus funeri defuerit. Gloriae quoque non cupidior, quam pecuniae: quippe recusanti omnia imperia ingesta sunt, honoresque ita gessit, vt ornamentum non accipere, sed dare ipsi dignitati videretur.

Iustin.

съ тѣмъ прошеніемъ онаго пріятеля: (a) то, отвѣтство-
„валъ ему Эпаминондъ, причина тому, что тотъ добрый
„человѣкъ имѣетъ крайнюю нужду, а вы богаты „.

(b) „Онъ почерпнулъ сіи чувственности великодуш-
„ныя щедрости и благородства, въ ученіи Словесныхъ На-
„укъ и Философіи, которыя были, отъ самыхъ мягкихъ
„его ногтей, обыкновеннымъ ему упражненіемъ и един-
„ственною забавою: такъ что дивно всѣмъ было, и всѣ
„спрашивали другъ друга, какъ, и въ какое время сей
„человѣкъ, всегда упражняясь въ Наукахъ, могъ научиться,
„или лучше, обнять въ такомъ совершенствѣ военное ис-
„кусство „. Имѣя превеликую бережь въ досужныхъ сво-
ихъ временахъ, которыя онъ употреблялъ на ученіе Фило-
софіи, къ коей въ немъ было крайнее пристрастіе, бѣгалъ
отъ всенародныхъ дѣлъ, и старался, чтобъ отъ тѣхъ
былъ уволненъ. Кротость укрывала его толь изрядно,
что онъ жилъ уединеннымъ, и почитай незнаемымъ. Од-
нако, собственное достоинство открыло его. Отвлеченъ
онъ былъ отъ уединенія, чтобъ ему быть Предводителемъ
армей; да и показалъ, что Философія, презираемая
обыкновенно отъ желающихъ славы оружіемъ, есть крайно
способна къ произведенію Героевъ. Ибо, сверьхъ того
что самое большое поспѣшество къ побѣжденію непріяте-
лей, есть въ томъ, чтобъ умѣть самого себя побѣ-
ждать, обучали въ (*) древнія времена въ семъ Училищѣ
великимъ основаніямъ здравыя Политіки, Правилу всѣхъ
должностей, Побужденіямъ, чтобъ оныя исполнять по-
хвально, къ тому, что должно было отдавать Отечеству,
Употребленію, какое надлежало имѣть въ своей силѣ, въ
чемъ состоитъ истинная храбрость; словомъ всему, что
дѣла-

(a) Ὅτι χρηςὸς, εἶπεν, οὗτος ὤν, πένης ἐςὶ: σὺ δὲ πλȣτεῖς.

(b) Iam literarum ſtudium, iam philoſophiae doctrina tanta, vt mirabile videretur, vnde tam inſignis militiae ſcientia homini inter Literas nato. Iuſtin.

(*) Писанія Платоновы, Ксенофонтовы, Арістотелевы доказываютъ сіе твердо.

дѣлаетъ добрымъ Гражданиномъ, Государственнымъ человѣкомъ, и великимъ Военачальникомъ.

Разумъ его былъ украшенъ всякимъ способомъ: имѣлъ онъ совершенный талантъ слова, и былъ обученъ самымъ высокимъ Наукамъ. Но кроткая умѣренность наметывала покровъ на всѣ сіи рѣдкія свойства, который еще самъ умножалъ имъ цѣну; да и не умѣлъ онъ оказывать оныя, и ими величаться. Спінтаръ, похваляя его, сказалъ, что ни единаго человѣка не зналъ, въ которомъ бы больше было знанія, а говорилъ бы кто меньше. Плутар. о слышан. стран. 39.

Итакъ, можно сказать въ похвалу Эпамінонду, что онъ здѣлалъ ложнымъ присловіе, которое называло беотянъ людьми грубыми и безсмысленными. (a) „Сіе мнѣ„ніе о нихъ было общее; а приписывали сей недостатокъ „грубости воздуха въ той землѣ, какъ въ Аѳинахъ нѣжность „вкуса присвояли тонкости воздухажъ, коимъ они ды„шали„. Горацій сказалъ, что, буде рассудить объ Але„ксандрѣ по худому его вкусу въ Поезіи, надлежалобъ его „почитать совершеннымъ беотяниномъ„: Эпіст. 1. кн. 2.

Boeotum in craſſo iurares aëre natum.

Нѣкогда укаряли Алцібіада о малой его склонности къ музыкѣ; то онъ вздумалъ на то въ послѣднее сказать извиненіе: Тебанцамъ должно * пѣть такъ, какъ они дѣлаютъ, для того что не умѣютъ говорить. Піндаръ и Плутархъ, оба изъ беоціи, которыи впрочемъ не пахнутъ своею землею, и доказываютъ, что разумъ есть всѣхъ странъ, осуждаютъ сами въ несмысленности своихъ земляковъ. Эпамінондъ здѣлалъ честь своему Отечеству, не только великими военными дѣлами, но еще и онымъ родомъ достоинства, которое подаетъ красота разума, и ученіе наукъ.

* Они были великіи пѣвцы и музыканты.

Я окончу его изображеніе и характеръ однимъ начертаніемъ, которое ни чемъ не уступаетъ всѣмъ другимъ, и еще

(a) Inter locorum naturas quantum interſit, videmus. Athenis tenue caelum, ex quo acutiores etiam putantur Attici: craſſum Thebis, itaque pingues Thebani.

Cic. de fato. n. 7.

и еще можно оное тѢмъ предпочесть, для того что оно показываетъ доброе сердце, и душу чувствительную; свойства рѢдкія, а особливо между знатными, но несравненно почтеннѢйшія, нежели всѢ прочія сіяющія, которыя обыкновеннѢе бываютъ вещію къ удивленію простымъ людямъ, и кажутся быть одни достойны подражанія и завиствованія. Левктрская побѢда привлекла на Эпамінонда очи и удивленіе всѢхъ сосѢднихъ народовъ, и заставляла принимать его за Подпору и Возобновителя Тебамъ, за ПобѢдителя и Торжествователя надъ Спартою, за Избавителя всея Греціи, словомъ, за самаго Великаго человѢка и за несравненнаго Военачальника. При семъ общемъ плесканіи, толь способномъ къ произведенію въ разумѢ ПолководцовѢ нѢкотораго упоенія, Эпамінондъ, не весьма бывши чувствителенъ къ славѢ толь льстивной, и толь заслуженной: моя радость, говорилъ онъ, есть то, что я знаю, сколько будетъ радостна отцу моему и матери вѢдомость о моей побѢдѢ.

Плут. въ Коріол. стр. 215.

Кажется, что нѢтъ въ Исторіи дражае такихъ умствованій, кои дѢлаютъ честь ЧеловѢчеству, и происходятъ отъ сердца неповрежденнаго ложною славою и великостію ложною. Признаваюсь, не можно видѢть безъ болѢзнованія, что сіи благородныя умствованія гаснутъ между нами ежедневно отчасу больше, а особливо въ тѢхъ, коихъ рожденіе, или чинъ, превозносятъ выше другихъ, кои часто бываютъ ни добрыи родители, ни добрыи дѢти, ни добрыи супруги, ни добрыи пріятели, и кои думаютъ, что они себя тѢмъ понизятъ, ежели покажутъ отцу своему и матери такую сердечную горячесть, которыя язычникъ подаетъ намъ толь преизящный образецъ.

Даже до Эпамінондова времени, видимы были два города, имѢющіи попеременно нѢкоторый родъ власти надъ всею Греціею. Спартанское правосудіе и умѢренность сперва пріобрѢли СпартѢ знатное преимущество, кое она отъ напыщенія и высокомѢрности своихъ Полководцовъ вскорѢ погубила. Аѳиняне, до Пелопоннескія войны, были первенствующими, но такимъ образомъ, что того никто не чувствовалъ, какъ токмо развѢ по старанію, какое они прилагали, чтобъ тѢми быть достойно, и что нижніи

ихъ

ихъ имѣли причину думать себя имъ равными. О... ...гда рассуждали, да и основательно, что истинный способъ, какъ повелѣвать и властвовать, состоялъ въ томъ, чтобъ чувствуемой быть ихъ верьховности по благодѣяніямъ. Сіе время, толь славное для Аѳинъ, продолжалось почитай съ сорокъ съ пять лѣтъ. Удержали они еще частію сію верьховность чрезъ двадцать седмь лѣтъ, въ кои продолжалась Пелопоннеская война; а всего того съ 72, или съ 73 года, кои Демостенъ даетъ продолженію ихъ власти. Но въ теченіе сего послѣдняго времени, Греки отвратившись отъ надменія Аѳинъ, получали ихъ повелѣнія по неволѣ. Итакъ, Лакедемоняне паки стали господами Греціи, и были они нѣми съ тринцать лѣтъ, считая отъ того времени, какъ Лісандръ завладѣлъ Аѳинами, даже до первыя войны, которую Аѳиняне, восставленныи Кономомъ, предпріяли на Спарту, ставшую надменнѣйшею, нежели прежде, чтобъ избавить себя, и другихъ Грековъ, отъ ея Тіранніи. Напослѣдокъ, Тебы явились, и чрезъ блистающее достоинство одного токмо человѣка, видѣли себя Главными надъ всею Греціею. Но сіе сіяніе недолговременное было; а смерть Эпаминондова, какъ то уже мы объявили, погрузила паки сей городъ въ тотъ же самый мракъ, въ коемъ онъ прежде пребывалъ. Демост. Филип. 3. стран. 83.

Демостенъ объявляетъ въ томже мѣстѣ, кое приведено мною, что преимущество, отдаемое то Спартѣ, то Аѳинамъ, было преимущество чести, а не власти; и что духъ Греціи былъ такой, чтобъ хранить во всѣхъ другихъ городахъ нѣкоторый родъ равности и неподчинности. Чего ради, говоритъ онъ, какъ скоро господствующій городъ пытался присвоить себѣ то, что къ нему не принадлежало, и хотѣлъ, противу правилъ справедливости, поколебать уставленныя употребленія; то всѣ Греки за должность почитали прибѣгать къ оружію, и, безъ всякія причины что до особеннаго неудовольствія, стоять съ горячестію за обидимыхъ.

Присовокуплю я сюда нѣкоторое другое рассужденіе изъ Полібія, весьма благосмысленное. Приписываетъ онъ мудрую поступку Аѳинянъ въ тѣ времена, о которыхъ я говорилъ, мудрости Главныхъ, бывшихъ Полів. кн. 7 стр. 488.

Пред-

предводителями при дѣлахъ, да и употребляетъ нѣкоторое сравненіе, кое означаетъ характеръ сего народа. Судно, которое есть безъ управителя, говоритъ онъ, подвергается великимъ бѣдствіямъ, когда каждый требуетъ, чтобъ его весть по его волѣ, и не хочетъ самъ быть ведо́мъ. Когдажъ прилучается жестокая буря; тогда напасть соединяетъ разумы: отдается каждый искусству кормчіеву, да и всѣ гребцы отправляютъ свою должность; а такимъ образомъ судно спасается и приводится въ безопасность. Но, по утишеніи бури, и какъ погода настанетъ ясная, ежели несогласіе начнется въ суднѣ, и находящіися на немъ не будутъ слушать кормчія, да и понесутся по своему изволенію; буде одни восхотятъ продолжать свой путь, а другіи остановятся по срединѣ бѣга; если съ одной стороны распускать имѣютъ парусы, а съ другой подбирать: то многократно случается, что избавившися отъ наглыя бури потопаютъ въ са́момъ пристанищѣ. Сіе есть, говоритъ Полібій, изображеніе существенное Аѳинскія Республики. Когда она попускала себѣ быть предводительствуемой, и послушна была знаменитымъ своимъ Главнымъ, какъ то Аристиду, Темістоклу, Періклу; тогда выходила всегда побѣдительницею изъ превеликихъ бѣдствій. Но благополучіе ослѣпило ея и погубило. Слѣдуя токмо своему самонравію, и ставши непокоривою и не зговорчивою, низвергла себя стремглавъ въ са́мыя великія нещастія.

§. VIII.

СМЕРТЬ ЭВАГОРА ЦАРЯ САЛАМІНСКАГО. НІКОКЛЪ, СЫНЪ ЕГО, ЕМУ БЫЛЪ НАСЛѢДНИКОМЪ. УДИВИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕРЪ СЕГО ГОСУДАРЯ.

Л. М. 3630. Пр. I. Х. 374. Діод. кн. 15. стр. 363.

Въ третіе лѣто 101. Олімпіады, и нѣсколько времени послѣ, когда Тебанцы разорили Платею и Теспію, какъ то уже́ объявлено выше, Эвагоръ Царь Саламінскій въ островѣ Кіпрѣ, о коемъ много говорено въ прошедшемъ Томѣ, былъ убитъ однимъ изъ своихъ евнуховъ. Нікоклъ, сынъ его, насталъ ему Преемникомъ. Имѣлъ онъ превряд-

ный

ный образецъ въ особѣ своего Родителя; да и кажется, что почелъ за свою должность, и всячески старался, слѣдовать по его стопамъ. Когда началъ владѣть Престоломъ; то нашелъ, что всенародная казна истощена была вся превеликими расходами, которыи Отецъ его принужденъ былъ дѣлать въ долговременную войну, имѣвшуюся съ Царемъ Персідскимъ. Зналъ онъ, что едва не всѣ изъ Государей, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, мнятъ всему себѣ быть позволену, и кажется имъ всякое средствіе законнымъ, для возстановленія и поправленія своихъ дѣлъ. Не слышны были при его Царствовании ссылки, налоги, и отнятія имѣній: благополучіе общее было токмо ему единственнымъ воззрѣніемъ; а правосудіе, любимою добродѣтелію. Заплатилъ онъ отъ мала-по-малу государственныи долги, не разоряя народа несносными податьми, но отставляя всѣ излишніи расходы, и употребляя мудрую Экономію по собраніи своихъ доходовъ. „Я вѣрно знаю, говорилъ онъ, что не найдется ни одного „гражданина, который бы пожаловался, что я ему здѣ„лалъ са́мый малый вредъ; но имѣю утѣшеніе, что „обогатилъ многихъ, и благодѣяніями наградилъ премно„гими„. Онъ думалъ, что сей родъ самохвальства, ежели оно есть то, долженствовалъ быть позволенъ Государю; да и ставилъ себѣ въ славу, что можетъ такъ похвалиться предъ своими подданными.

Исокр. въ Никокл. стр. 64.

Также 65, 66.

Оказывалъ еще особливѣе другую добродѣтель, толь наипаче удивительную въ Государяхъ, что она весьма въ нихъ рѣдка́: чрезъ сію разумѣю воздержную умѣренность. Преизрядно, но очень трудно, въ такихъ лѣтахъ и въ блаженствѣ [въ коемъ все кажется быть позволенымъ, и когда роскошь, вооруженная всѣми своими пріятностями и прелестностями, дѣлаетъ непрестанныя ухищренія противъ молодаго Государя, и предваряетъ всѣ его прихоти] противиться долго толь наглымъ и толь сладкимъ нападеніямъ. Никоклъ славился, что не позналъ никогда другія жены, кромѣ собственныя, чрезъ все время Царствованія своего; да и удивлялся, что всѣ другіе договорные Записи суть почтенными въ гражданскомъ Обществѣ, а Рядные, са́мые священные и неприкосновенные

Также стран. 67.

изъ всѣхъ, нарушаются безъ боязни; да и никто не стыдится дѣлать своей супругѣ невѣрность, отъ которыя каждый бы пришелъ въ отчаяніе, ежелибъ супруга кому явилась въ томъ виновна.

Все что я предложилъ о справедливости и воздержности Нікокловой, то Ісократъ говоритъ устами самого сего Государя; да и не вѣроятно, чтобъ онъ ему попустилъ такъ говорить, ежелибъ его поступки не сходствовали съ такими умствованіями. Предлагается сіе въ нѣкоторой рѣчи, въ которой сей Царь объявляетъ своему народу, какіе находятся должности подданныхъ въ разсужденіи своихъ Государей, а именно: любовь, почтеніе, послушаніе, вѣрность, совершенная и не имѣющая предѣловъ преданность. А чтобъ ихъ обязать дѣйствительнѣе къ исполненію всѣхъ должностей; то не почитаетъ ниже себя дать имъ отчетъ въ своей поступкѣ и въ умствованіяхъ.

Ісокр къ Нікокл. Въ другой рѣчи, которая находится прежде сея, Ісократъ предлагаетъ Нікоклу всѣ должности Царскіе, и подаетъ ему о семъ преизрядныи совѣты. Я не могу изъ нихъ предложить здѣсь, какъ токмо самую малую часть. Начинаетъ тотъ объявленіемъ ему, что простыи люди весьма больше имѣютъ помощи, нежели онъ, быть добродѣтельными, по умѣренности своего состоянія, по трудамъ, и попеченіямъ, кои съ нѣми неразлучны, по нещастіямъ, которымъ они часто находятся подверженными, по удаленію отъ увеселеній и любострастій, и особливо, по смѣлости, какову имѣютъ ихъ сродники и пріятели въ поданіи имъ совѣтовъ: вмѣсто того, что всѣхъ сихъ преимуществъ обыкновенно не достаетъ Государямъ. Присовокупляетъ, что Царь, дабы ему править благопохвально, долженствуетъ убѣгать отъ праздныя жизни и дѣла не имѣющія; давать опредѣленное время трудамъ и дѣламъ; здѣлать себѣ Совѣтъ изъ всѣхъ, сколько ни есть въ его Государствѣ самыхъ благоразумныхъ и искусныхъ людей, стараться, чтобъ ему быть выше другихъ своимъ достоинствомъ и мудростію, какъ то есть онъ своимъ званіемъ и чиномъ: а особливо приходить въ любовь къ своимъ

своимъ подданнымъ, и для того любить ихъ самому искренно, и почитаться имъ Отцемъ. „ Храните, говорилъ тотъ ему, законъ, воспріятый вами отъ отцевъ „вашихъ; но почитайте, что служеніе и жертва са„мая пріятная, какову вы можете принесть божеству, „есть сердце, здѣлавъ себя добрымъ и праведнымъ. Пока„зывайте при всякомъ случаѣ такое почтеніе къ истиннѣ, „чтобъ вѣрили больше простому вашему слову, нежели „клятвоприношенію другихъ. Будьте воинъ искусствомъ „въ военномъ дѣлѣ, и пріуготовленіемъ къ войнѣ, мо„гущимъ устрашить вашихъ непріятелей; но миролюбивъ „склонностію, и жестокою исправностію въ томъ, „чтобъ ни чего не требовать, и ничегожъ бы неправедна„го не начинать. Одно токмо достовѣрное доказатель„ство, изряднаго вашего Державствованія, будетъ, что когда „вы возможете здѣлать себѣ такое засвидѣтельствованіе, „что, при вашемъ Царствованіи, народъ вашъ сталъ и бла„гополучнѣе, и добронравнѣе „.

Сіе мнѣ показалось достойнѣшее примѣчанія въ сей рѣчи, именножъ, совѣты, кои подавалъ Ісократъ сему Царю, не были умягчены никакими похвалами, ни оными нарочными престереженіями, и хитрыми рѣчами, безъ которыхъ боязливая Правда не смѣетъ приближаться къ Престолу: а сіе есть великою похвалою, и еще бо́льшею для Государя, нежели для писателя. Нікоклъ, не токмо не раздражился данными ему совѣтами, но и съ радостію еще оныи воспріялъ: а чтобъ изъявить благодарность свою Ісократу; то подарилъ ему дватцать талантовъ, тоесть двенатцать тысячь рублей. Плут. въ жит. Ісокрaт. стр. 838.

§. IX.

АРТАКСЕРКСЪ МНЕМОНЪ ПРЕДПРІЕМЛЕТЪ ПОКОРИТЬ ЕГИПЕТЪ. ІФИКРАТЪ АѲИНЯНИНЪ ЕСТЬ ПОЛКОВОДЦЕМЪ ГРЕЧЕСКОМУ ВОЙСКУ. ПРЕДПРІЯТІЕ СІЕ НЕ ПОЛУЧИЛО УСПѢХА ОТЪ ПОГРѢШНОСТИ ФАРНАБАЗА ПЕРСІДСКАГО ПОЛКОВОДЦА.

Артаксерксъ, давъ чрезъ нѣсколько лѣтъ ослабу своимъ народамъ, воспріялъ намѣреніе покорить Египетъ, который уже отъ многихъ лѣтъ свергъ съ себя иго господ- Л. М. 3627. Пр. Х. 377.

 ствованія

Дюд. кн. 15. стран. 328, 347. Корн. Непот. въ Хабр. и Іфікр. ствованія Персідскаго. Здѣлалъ онъ для сего великія военныя пріуготовленія. Акорісъ, который царствовалъ тогда въ Египтѣ, и далъ сильную помощь Эвагору на Персовъ, предусматривая бурю, набралъ великое воинство изъ своихъ подданныхъ, и нанялъ великое число Грековъ, и другихъ помощныхъ войскъ, коими Хабрій Аѳинянинъ коммандовалъ. Принялъ то сей самъ собою, и безъ повелѣнія отъ республики.

Фарнибазъ, коему сія война была поручена, послалъ съ жалобами въ Аѳины, что Хабрій обязался служить противъ его Государя, и грозилъ Царскимъ гнѣвомъ сей республикѣ, ежели она того не отзоветъ назадъ вскорѣ. Въ тожъ время требовалъ онъ у нихъ Іфікрата, другаго Аѳинянина, который былъ почитаемъ за превосходнѣйшаго Полководца въ свое время, дабы ему дать, при сей войнѣ, комманду надъ Греческимъ войскомъ, кое Государь его имѣлъ въ своей службѣ. Аѳиняне, которыи имѣли великую нужду хранить для себя Царскую дружбу, отозвали назадъ Хабрія, и повелѣли ему, подъ смертною казнію, быть въ Аѳины въ назначенное время. Іфікратъ былъ посланъ въ Персідскую армею.

Персы дѣлали свои пріуготовленія толь медлѣнно, что цѣлыи два года прошли, прежде нежели вступили въ

Евсев. въ Хроні. дѣйствіе. Акорісъ Царь Египетскій умеръ. Псаммутісъ, который ему былъ преемникомъ, царствовалъ только одинъ годъ. По немъ насталъ Нефреріть, а по четырехъ мѣсяцахъ Нектанебісъ, кой царствовалъ съ десять, или съ двенатцать лѣтъ.

Д. М. 3630. Пр. І. Х. 374. Дюд. кн. 15. стр. 355. Чтожъ бы получить больше войска изъ Греціи; то Артаксерксъ послалъ туда Пословъ съ объявленіемъ всѣмъ областямъ, что Царь хочетъ, чтобъ имъ всѣмъ жить въ мирѣ между собою, по силѣ Анталцідскаго союза; чтобъ вывесть имъ всѣ гарнізоны; и чтобъ оставить всѣ городы пользоваться вольностію, при ихъ собственныхъ уставахъ. Вся Греція воспріяла съ радостію сіе объявленіе, кромѣ Тебанцовъ, которыи не захотѣли тому быть согласны.

Дюд. стр. 358. и 359. Наконецъ, когда все было готово для нападенія на Египетъ; то здѣланъ станъ въ Акѣ, названномъ потомъ Птолемаіда въ Палестінѣ, куда былъ назначенъ общій

съѣздъ.

съѣздъ. Въ смотрѣ, тамъ бывшемъ, нашлось двѣсти тысячъ Персовъ, коими коммандовалъ Фарнабазъ, да дватцать тысячъ Грековъ подъ коммандою у Iфікрата. Морскіе силы были равномѣрны сухопутнымъ: ибо ихъ флотъ состоялъ въ трехъ стахъ галерахъ, сверьхъ двухъ сотъ другихъ судовъ тритцативесельныхъ, и необъятнаго числа барокъ съ припасами, потребными флоту и сухопутной армеѣ.

Армея и флотъ пошли въ одно время: а чтобъ дѣйствовать согласно; то они сколько можно меньше удалялись одинъ отъ другія. Зачинъ войны долженствовалъ быть нападеніемъ на Пелузій: но столько времени дано Егіптянамъ, что Нектанебісъ здѣлалъ приближеніе ихъ неприступнымъ какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ. Итакъ флотъ, вмѣсто чтобъ тамъ сойти на-землю, какъ то намѣрено, пошелъ далѣе, и отправился въ Ніловo устье называемое Мендесіенское. Нілъ въ то время падалъ въ море седмію разными устьями, изъ которыхъ осталось токмо нынѣ два; * а при всякомъ устьѣ стояла крѣпость съ добрымъ гарнізономъ, чтобъ входъ защищать. И какъ Мендесіенская крѣпость не столь была крѣпка, сколь Пелузійская, гдѣ ожидали непріятеля; то тамъ вышли на-землю безъ всякаго труда. Крѣпость была взята съ обнаженнымъ мечемъ; и не здѣлано въ ней никому пощады.

* Даміэтъ и Розеттъ.

Послѣ сего славнаго дѣйствія, Iфікратъ хотѣлъ, чтобъ итти вверьхъ по Нілу не теряя времени, дабы напасть на Мемфісъ столичный Егіпетскій городъ. Ежелибъ сей совѣтъ былъ дѣломъ исполненъ прежде, нежели Егіптяне могли имѣть время выттi изъ страха, въ который ихъ привело ужасное нападеніе, и первое пораженіе; тобъ найдена была та столица безъ защиты, взятабъ могла быть непреминуемо, и весь бы Егіпетъ былъ завоеванъ. Но понеже валовая армея еще не пришла; то Фарнабазъ почелъ за должное ожидать ея, и не хотѣлъ ничего начинать, прежде нежели соберетъ всѣ свои силы, подъ предлогомъ, что тогда онѣ будутъ непобѣдимы, и что не имѣетъ быть препятія, могущаго ихъ остановить.

Iфікратъ

Іфікратъ, который зналъ что, въ военныхъ случаяхъ особливо, находятся благопріятныя и рѣшительныя времена, которыхъ не надобно опускать, разсуждалъ о томъ инако; а сокрушаясь крайно, что видѣлъ пренебреженіе случаю, который уже никогда не найдется, просилъ онъ сильнымъ образомъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, позволено было ему туда пойти, съ своими токмо дватцатью тысячами человѣкъ. Фарнабазъ не далъ ему сего позволенія отъ подлыя зависти, боясь, чтобъ, ежели сіе предпріятіе получитъ успѣхъ, вся честь войны не приписана была Іфікрату. Сіе медлѣніе дало время Египтянамъ осмотрѣться. Собрали они все войско въ одинъ корпусъ, оставивши добрый гарнізонъ въ Мемфісѣ; а съ прочими вышли въ поле, и измучили толь Персідскую армею, что не допустили ея вступить далѣе во внутренность земли. Послѣ сего, случилось наводненіе въ Нилѣ, который, покрывъ всѣ поля водою, принудилъ Персовъ возвратиться въ Финікію, потерявшихъ безъ всякія пользы добрую часть изъ своея армеи.

Итакъ сей походъ, который сталъ въ бесчисленныя суммы денегъ, и коего одни пріуготовленія здѣлали труда больше нежели на два года, пропалъ всеконечно, и произвелъ токмо непримирительную ненависть между двумя Полководцами, коммандовавшими въ немъ. Фарнабазъ, въ свое извиненіе, жаловался на Іфікрата, что сей не допустилъ до успѣха. Іфікратъ, весьма съ большимъ основаніемъ, приписывалъ сію погрѣшность Фарнабазу. Но, вѣдая что сему господину повѣрятъ при дворѣ больше, нежели ему, и не позабывъ еще того, что случилось съ Конономъ, воспріялъ намѣреніе, дабы не попасть въ нещастіе, какое здѣлалось съ тѣмъ знаменитымъ Аѳинияниномъ, убѣжать въ Аѳины въ небольшомъ нанятомъ суднѣ. Фарнабазъ былъ на него и такъ доносителемъ, что онъ испортилъ со всѣмъ Египетскій походъ. Аѳинейскій народъ отвѣтствовалъ тому, что ежели Іфікратъ можетъ въ томъ быть изобличенъ, то сей будетъ наказанъ такъ, какъ его преступленіе заслужило. Но неповинность онаго была совершенно извѣсна въ Аѳинахъ, и для того не беспокоили его въ томъ. Не видно того, чтобъ на него былъ какой судъ прова-

произведенъ; а, нѣсколько времени послѣ того, Аѳиняне его объявили и полнымъ Адмираломъ во своемъ флотѣ.

Премногія начинанія Персідскаго двора, не получали обыкновенно успѣха отъ медлѣнія въ исполненіяхъ. У Полководцовъ были руки связаны: не отдавано было ничего на ихъ изволеніе: имѣли они въ своихъ інструкціяхъ весь планъ дѣлу, отъ котораго не смѣли удалиться. Случится ль же какое приключеніе не предусмотрѣнное? То надобно было ожидать новаго указа отъ двора; а пока оный придетъ, случай между тѣмъ уходилъ. Іфікратъ примѣтивъ, что Фарнабазъ воспріималъ свои намѣренія благоразумно, и такъ дальновидно, какъ можно было желать отъ искуснаго Полководца, а что впрочемъ исполненіе не слѣдовало за тѣмъ, спросилъ у него нѣкогда, чегобъ ради намѣренія его были толь поспѣшны, а дѣйствія толь медлѣнны. Для того, отвѣтствовалъ ему Фарнабазъ, что мой намѣренія зависялъ толко отъ меня, а исполненіе отъ моего Государя. Діод. стр. 358. Діод. стр. 357.

§. X.

ЛАКЕДЕМОНЯНЕ ПОСЫЛАЮТЪ АГЕЗІЛАЯ ВЪ ПОМОЩЬ ТАХУ, КОТОРЫЙ ВЗБУНТОВАЛЪ ПРОТИВЪ ПЕРСОВЪ. ДѢЙСТВІЯ СПАРТАНСКАГО ЦАРЯ ВЪ ЕГИПТѢ. СМЕРТЬ ЕГО. БУНТЪ МНОГИХЪ ПРОВІНЦІЙ НА АРТАКСЕРКСА.

По Мантінейской битвѣ, обѣ стороны, равно утрудившись войною, здѣлали со всѣми другими Греческими областями общій миръ на основаніи Царя Персідскаго, коимъ утверждаемо было каждому городу пользованіе своими уставами и вольностію; да и Мессенійцы былижъ къ тому пріобщены, не смотря на движенія, каковы имѣли Лакедемоняне, чтобъ тѣхъ не допустить. Досада, въ коей сіи были за то, разлучила ихъ со всѣми другими Греками. Были они одни, которыи хотѣли продолжать войну, въ надеждѣ достать себѣ паки всю Мессенійскую землю. Сіе намѣреніе, коему Агезілай былъ заводчикомъ, подало основательную причину почитать его за человѣка Плутар. въ Агезіл. страниц. 616, 618. Діод. кн. 15. стр. 397, 401.

наглаго, упрямаго, ненасытимаго славою и властію, который не боялся погрузить паки подданныхъ республікѣ въ непреминуемыя злополучія, по той необходимости, въ кою ея приводилъ недостатокъ денегъ, заниманіемъ превеликихъ суммъ, и наложеніемъ несносныхъ податей, вмѣсто того, чтобъ употребить въ свою пользу благопріятный случай къ заключенію мира, и окончить всѣ оныя злоключенія.

Л.М. 3641. Пр. Р. Х. 363 Ксеноф. о Цар. Агезіл. стран. 663. Корнел. Непот. въ Агезіл. гл. 8.

Когда все сіе происходило въ Греціи; Тахъ, восшедшій на Египетскій престолъ, набиралъ столько войска, сколькимъ ему можно было защититься отъ Персідскаго Царя, который думалъ напасть паки на Египетъ, не смотря на худый успѣхъ стремленій, бывшихъ уже отъ него, чтобъ усмирить сіе Царство.

Для сего, Тахъ послалъ въ Грецію, и получилъ отъ Лакедемонянъ корпусъ ихъ войска, а Агезілая Коммандиромъ: онъ сего обѣщался здѣлать главнѣйшимъ Военачальникомъ надъ всѣмъ своимъ воинствомъ. Лакедемоняне досадовали, что Артаксерксъ присилилъ ихъ включить Мессенійцовъ въ миръ, кой они заключили, и были ради, что имѣютъ случай къ объявленію ему своего гнѣва. Хабрій Аѳинянинъ присталъ также къ Таху, но собою, а не съ позволенія отъ своея республіки.

Сія коммиссія не принесла чести Агезілаю. Почитали сіе недостойнымъ дѣломъ, что Лакедемонскій Царь, великій Полководецъ, наполнившій земли слухомъ своего имени, человѣкъ больше нежели осмидесятилѣтній, пошелъ на жалованье къ Египтянину, и служилъ такому варвару, который возсталъ на своего господина.

Какъ скоро онъ прибылъ въ Египетъ; то Главныи Царскіи Полководцы, и первенствующіи люди при его дворѣ, прибыли къ нему на-судно, чтобъ его принять чесно, и отдать ему свой поклонъ. Другіи Египтяне не меньше тамъ толпились для того, что имя и слава Агезілаева возбудила ихъ къ великому его ожиданію. Прибѣгали они сонмами на-берегъ, дабы его видѣть. Но когда, вмѣсто великаго и великолѣпнаго Государя, по мнѣнію, какое въ нихъ вложили преизрядныя его дѣянія, не увидѣли ни какова сіянія, и ни какова велелѣпія какъ на его особѣ, такъ и на

и на его приборѣ, а видѣли токмо старика въ гнусномъ образѣ, малаго ростомъ, безъ всякаго вида, и одѣтаго пребезмѣльнымъ одѣяніемъ изъ сукна очень толстаго; то начали они смѣяться животы надрывая, и приложили къ нему басенку горы мучащіяся родами.

Когдажъ онъ прибылъ къ Царю Таху, и соединилъ свое войско съ Египетскимъ; то пришелъ въ великое удивленіе, что не называли его Военачальникомъ всего того воинства, какъ то ожидалъ, но токмо Полководцомъ при чужестранной силѣ; что Хабрій Аѳинянинъ опредѣленъ Адміраломъ въ морскомъ ополченіи; и что Тахъ взялъ себѣ всю главную надъ всѣмъ Комманду. Не сія одна была непріятность, которую ему надлежало тамъ претерпѣть.

Тахъ воспріялъ намѣреніе пойти къ Финикіи, желая лучше здѣлать въ той землѣ театръ войны, нежели ожидать непріятеля въ Египетъ. Агезілай, который зналъ въ томъ силу больше онаго, сколько ни старался представлять ему, что дѣла его не толь были тверды внутри, чтобъ тому можно было удалиться отъ своихъ областей, и что лучше для него въ нихъ пребывать, а послать своихъ Полководцовъ внѣ Государства дѣйствовать: но Тахъ презрѣлъ сей мудрый его совѣтъ, и не показывалъ къ нему большаго почтенія при всѣхъ другихъ случаяхъ. Агезілай въ толикую пришелъ досаду за всю сію поступку, что соединился съ Египтянами возставшими на того во время его небытности, и посадившими Нектанеба, двоюроднаго брата (*) на его мѣсто. Оставившій симъ образомъ Царя, къ коему присланъ въ помощь, и вступившій въ службу измѣнникову, кой того низвергъ съ Престола, приводилъ Агезилай въ оправданіе свое, что онъ былъ посланъ помогать Египтянамъ, и что когда сіи воспріяли оружіе на Таха, то ему не можно было служить противъ нихъ безъ новаго повелѣнія отъ Лакедемона. Послалъ онъ туда Нарочныхъ; а наказы, каковы оттуду получилъ, состояли въ семъ, чтобъ ему дѣлать то, что разсу-

(*) По Діодоровой повѣсти, сей былъ его родный сынъ, а по Плутарховой, онъ токмо ему двоюродный братъ.

дитъ быть полезнѣе своему Отечеству. Не замедлилъ онъ объявить себя стоящимъ за Нектанеба. Тогда Тахъ, бывши принужденъ выити изъ Египта, убрался въ Сідонъ, откуду прибылъ къ Персідскому двору. Артаксерксъ не токмо простилъ его въ преступленіи, но и поручилъ ему комманду надъ своимъ войскомъ противъ бунтовщиковъ.

Агезілай покрывалъ дѣйствіе толь подлое и толь злобное покровомъ общія пользы. Но, говоритъ Плутархъ, да снимется сей толь лесный покровъ; то самое праведное и истинное имя, кое одно токмо можно тому дать, явится вѣрности нарушеніе и предательство. Правда что Лакедемоняне, поставляя большую часть Преизряднаго и Чеснаго въ пользѣ своему Отечеству, коя была имъ вещь богоподобная, не знаютъ другія справедливости, кромѣ токмо того, чемъ можно умножить великость Спарты и распространить ея Господствованіе. Мнѣ удивительно, что Ксенофонтъ, толь рассудительный Авторъ, старался замять такую поступку, говоря просто, что Агезілай присталъ къ тому изъ двухъ Царей, который ему показался усерднѣйшимъ къ Греціи.

Въ тожъ самое время, третій Государь изъ города Мендеса явился, и хотѣлъ спорить въ Коронѣ Нектанебу. Сей новый Притязатель имѣлъ войско, состоящее во стѣ тысячахъ человѣкъ, коими онъ домогался своихъ требованій. Агезілай совѣтовалъ на нихъ ударить, прежде нежели еще они будутъ привычны и обучены. И подлинно, еслибъ по его совѣту поступлено было; тобъ не трудно побить людей набранныхъ съ поспѣшеніемъ, и не имѣющихъ ни какова искусства въ войнѣ. Но Нектанебъ взялъ въ голову, что Агезілай даетъ ему для того сей совѣтъ, чтобъ потомъ измѣнить, какъ то онъ измѣнилъ и Таху. Итакъ, далъ тотъ своему непріятелю время, обучить и привесть въ навыкъ свое войско, кое вскорѣ потомъ принудило его самого запереться въ городъ укрѣпленный добрыми стѣнами, и имѣющій превеликую окружность. Агезилаю нужно быть стало, слѣдовать за нимъ тудажъ. Государь Мендесскій тамъ ихъ осадилъ. Тогда Нектанебъ хотѣлъ ударить на непріятеля, прежде нежели начатая

чатая работа, чтобъ заперешь городъ, будетъ произведена, и понуждалъ Агезілая то учинить. Агезілай сперва отъ того отказался; а отказъ сей крайно умножилъ подозрѣнія на него. Наконецъ, когда сей увидѣлъ, что работа была довольно произведена, и что осталось земли между обоими концами линѣй столько, сколько могутъ занять городскіи полки, построенныи къ битвѣ, сказалъ Нектанебу, что теперь время нападать на непріятелей; что собственные тѣхъ линѣи будутъ имъ помѣшательствомъ къ обхваченію тѣхъ городскихъ; и что средина, бывши еще пуста, была точно то, чему надобно быть къ построенію войска такимъ способомъ, что можно ему будетъ дѣйствовать всему. Нападеніе совершено такъ, какъ Агезілай вымыслилъ. Осаждающіи побиты; а отъ того времени Агезілай былъ Предводителемъ при всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ съ толикимъ успѣхомъ, что онъ разбивалъ всегда непріязненнаго Государя, и наконецъ взялъ его самого въ плѣнъ.

Въ слѣдующую зиму, утвердивъ совершенно Нектанеба на Престолѣ, отправился онъ моремъ въ Лакедемонъ. Противныи вѣтры кинули его къ Африканскому берегу въ то мѣсто, которое называлось пристанищемъ Менелаевымъ, гдѣ заболѣлъ, и скончался, имѣя отъ рожденія больше осмидесяти четырехъ лѣтъ. Царствовалъ онъ сорокъ съ годомъ въ Спартѣ; а изъ сихъ сорока съ годомъ препроводилъ больше тритцати въ славѣ самаго великаго, и самаго сильнаго Человѣка изъ всѣхъ Грековъ, да и былъ почитаемъ за Главнаго и за Царя почти всей Греціи, даже до Левктрійскія битвы. Послѣднии его годы житія не совершенно сходствовали съ славою полученною имъ; да и находятъ, что Ксенофонтъ, въ похвалѣ написанной сему Государю, въ коей предпочитаетъ его всѣмъ другимъ Полководцамъ, преизлишно увеличилъ онаго добродѣтели, а скрылъ пороки. Л. М. 3643. Пр. Р. Х. 361.

Тѣло Агезілаево было привезено въ Спарту. Бывшіи при немъ, за недостаткомъ меда, коимъ Спартанцы имѣли обычай покрывать тѣла предлежащія имъ къ балсамированію, употребили вмѣсто онаго воскъ. Сынъ его Архідамъ былъ ему преемникомъ на Престолъ, который

пребылъ въ его родѣ до Агіса ; а сей былъ пятый Царь сего города отъ Агезілая.

При окончаніи Египетскія войны, восстали бунты во многихъ изъ областей покоренныхъ Персамъ.

Артаксерксъ Мнемонъ, и не желая того, подалъ къ тому причину. Сей Государь, самъ въ себѣ, былъ добръ, справедливъ, и благодѣтеленъ. Онъ любилъ свои народы, и самъ былъ отъ нихъ любимъ взаимно. Имѣлъ онъ великую тихость въ своемъ характерѣ : но тихость сія премѣнялась въ нѣгу, а особливо въ послѣдніи годы его жизни ; удаляла того отъ всякія прилѣжности и труда ; и чрезъ то дѣлала бесполезными добрыя свойства, бывшія въ немъ, равно какъ и добрыя онаго намѣренія. Сатрапы и Губернаторы областей, употребляя во зло его благость, и слабость старости его, раззоряли народы, поступали съ ними надменно и жестоко, отягощали ихъ налогами, и дѣлали все то, чемъ надобно было здѣлать иго Персідскаго Господствованія несноснымъ.

Неудовольствіе стало быть общее : а по долгомъ терпѣніи вспыхнуло оно почитай въ одно время со всѣхъ сторонъ. Малая Азія, Сирія, Финикія, и многіе другіе области восстали явно, и восприяли оружіе. Главныи начальствующія, приступившіи къ сему умышленію, были Аріобарзанъ Сатрапъ Фригійскій, Мавзолъ Царь Карійскій, Оронтъ Губернаторъ Місійскій, Афтофрадатъ Лидискій, Датамъ, коммандующій въ Каппадокіи, о которомъ уже говорено индѣ, тутъ же былъ съ ними. Чрезъ сіе вдругъ половина изъ источниковъ Государственнымъ доходамъ пресохла ; а другія половины не довольнобъ было на войну противъ взбунтовавшихъ, ежелибъ они дѣйствовали согласно. Но ихъ соединеніе недолговременное было : бывшіи изъ самыхъ первыхъ и изъ самыхъ ревнительныхъ къ сверженію ига, были онижъ сами первыи въ раскаяніи и въ измѣнѣ пользѣ другихъ, да и примирились съ Царемъ.

Области малыя Азіи, вышедши изъ послушанія Царю, соединились между собою, дабы лучше защищать себя отъ него. Выбрали они Оронта, Губернатора Місійскаго, въ Полководца союзникамъ. Намѣрились также взять двадцать тысячь человѣкъ иностраннаго войска, чтобъ

его

его соединить съ природнымъ; и сей же самый былъ Оронтъ, которому поручено набрать оное. Но когда онъ получилъ въ руки потребное число денегъ на наемъ войска, и на заплату ему за цѣлый годъ; то деньги сіи удержалъ у себя, а Царю выдалъ принесшихъ ему оные изъ провінцій возставшихъ на него.

Реомитръ, другой изъ Главныхъ въ малой Азіи, бывши посланъ въ Египетъ (*), для взятія тамъ помощныхъ денегъ, здѣлалъ вѣрности нарушеніе, и подобнуюжъ первому измѣну. И подлинно, привезши оттуду пять сотъ талантовъ *, и получивши пятьдесятъ военныхъ судовъ, созвалъ въ Левку, городъ малыя Азіи, главныхъ изъ бунтующихъ подъ такимъ видомъ, будтобъ онъ имъ хотѣлъ дать отчетъ въ своей поѣздкѣ, тамъ взялъ ихъ всѣхъ подъ караулъ, отдалъ Царю, дабы самому съ нимъ примириться, а деньги у себя удержалъ, кои привезъ изъ Египта для сообщниковъ. Такимъ образомъ страшный сей бунтъ, кой привелъ-было Персідскую державу на-два перста отъ паденія, разсыпался самъ собою, или, чтобъ сказать праведнѣе, остановился на нѣсколько времени.

* Три-ста Тысячъ рублей.

§ XI.

СМЯТЕНІЯ ПРИ АРТАКСЕРКСОВѢ ДВОРѢ ПО ПРИЧИНѢ ЕГО НАСЛѢДНИКА. СМЕРТЬ СЕГО ГОСУДАРЯ.

Конецъ Артаксерксова Царствованія исполненъ былъ ухищреній. Всѣ при его дворѣ приставали къ сторонѣ какова нибудь изъ его дѣтей, которыи желали быть ему Наслѣдниками. было у него ихъ сто пятьдесятъ отъ на ложницъ, коихъ числомъ находилось три-ста шестьдесятъ, да трое отъ Атоссы законныя его жены, а имянно, Дарій, Аріаспъ, и Охъ. Чтожъ бы остановить всѣ сіи движенія; то онъ назначилъ Дарія, кой былъ старшій всѣмъ, своимъ Наслѣдникомъ. А дабы отнять весь случай къ

Плутар. въ Артаксер. стр. 1024, 1027. Діод. кн. 15 стр. ан. 400 Юстин. кн. 10. гл. 1, 2.

(*) Діодоръ говоритъ, что онъ былъ посланъ къ Таху: но имовѣрнѣе, что то къ Нектанебу.

къ спору въ правѣ его по своей смерти; то позволилъ ему еще тогдажъ имѣть Царскую титлу, и носить Тіару (*) Царскую. Но сей Царевичъ желалъ еще большаго и вещественнѣйшаго. Съ другія стороны, отказъ учиненный ему Артаксерксомъ отъ требованныя имъ одноя изъ его наложницъ, досадилъ ему чувствительно; да и вдѣлалъ онъ умышленіе на животъ своего отца, къ коему пріобщилъ пятьдесятъ изъ своихъ братовъ.

Былъ то Тірібазъ, о коемъ говорено часто въ прошедшемъ Томѣ, который наибольшую подалъ тому причину, къ воспріятію толь противнаго естеству намѣренія; и то еще по причинѣ такова себѣ неудовольствія отъ отца, кой, давъ ему обѣщаніе выдать за него одну изъ своихъ дочерей, потомъ другую, не устоялъ въ своемъ словѣ при обоихъ случаяхъ, да и женился самъ на нихъ. Такія премерзскія кровосмѣшенія были тогда позволены въ Персідѣ; такъ что законъ, бывшій у нихъ, не вопіялъ противу.

Число злоумышленниковъ было ужé велико, и день назначенъ на исполненіе, когда одинъ изъ евнуховъ, вѣдая совершенно все, увѣдомилъ о томъ Царя. По силѣ сего доноса, Артаксерксъ разсудилъ, что былобъ то великое неблагоразуміе, ежелибъ презрѣть толь великое бѣдствіе, и не изслѣдовать доношенія; но моглобъ то быть и неблагоразумнѣе еще, когдабъ тому вѣрить безъ всякаго достовѣрнаго и не сомнительнаго доказательства. Удостовѣрился онъ о томъ собственными своими очами. Пущены умышленники даже до Царскаго покоя; потомъ всѣ пойманы. Даріи, и всѣ его сообщники, казнены такъ, какъ заслужили.

По смерти Даріевой, ухищренія начались паки. Трое изъ братовъ его взялись за дѣло: Аріаспъ, Охъ, и Арсамъ. Два первыи требовали себѣ Короны по праву рожденія

(*) Тіара сія была чалма, или нѣкоторый родъ шапки, у коея верьхъ былъ торикомъ, и съ чубомъ. Седмь человѣкъ изъ Совѣтниковъ имѣли также на чалмахъ нѣкоторый чубъ, но лежащій на передъ. У прочихъ всѣхъ оный висѣлъ назадъ.

нія, потому что они были дѣти Царицыны. Третій имѣлъ къ себѣ Царское благопріятство, отъ коего онъ былъ любимъ самою горячею любовію, хотя и рожденъ наложницею. Охъ, бывши снѣдаемъ честолюбіемъ, старался избыть обоихъ себѣ соперниковъ. И какъ сей былъ равно лютъ и хитръ; то употребилъ свою жестокость на Арсама, а хитрость и пронырство на Аріаспа. Вѣдая, что сей послѣдній былъ человѣкъ очень простъ и вѣроимчивъ, здѣлалъ ему, палатными евнухами подкупленными отъ себя, толь страшныя угроженія, какъ будто отъ Царя отца его, чтобъ онъ, ожидая себѣ ежечасно тогожъ, что здѣлано съ Даріемъ, умертвилъ самъ себя ядомъ, убѣгая отъ казни. Остался токмо по немъ одинъ Арсамъ, который ему былъ противенъ, потому что отецъ, и съ нимъ всѣ, почиталъ его достойнѣйшимъ Престола ради его искусства, и другихъ преизящныхъ свойствъ. Онъ его потребилъ убійствомъ чрезъ Гарпата сына Тірібазова,

Гибель сія, послѣдовавшая за первою очень скоро, и злость, коею обѣ тѣ произведены въ дѣло, привели престарѣлаго Царя въ смертельную болѣзнь. Неудивительно, что, въ имѣющемъ уже столь много лѣтъ, не нашлось довольно силы къ снесенію тягости отъ толикія печали. Она его преодолѣла, и низложила во гробъ, царствовавшаго сорокъ три года; а Царствованіе его моглобъ называться благополучнымъ, ежелибъ не-было въ немъ многихъ возмущеній. Слѣдующее Государствованіе не меньше будетъ замѣшательно.

§. XII.

ПРИЧИНЫ ВОССТАНІЙ И ВОЗМУЩЕНІЙ, СЛУЧАВШИХСЯ ТОЛЬ ЧАСТО ВЪ ПЕРСІДСКОЙ ДЕРЖАВѢ.

Было во мнѣ стараніе, предлагающемъ бунты, случившіися въ Персідской Імперіи, означать по временамъ непорядки, кои къ тѣмъ подавали причину. Но понеже сіи бунты чаще были въ послѣдніи годы, и будутъ они еще, а особливо въ слѣдующее Царствованіе; то я рассудилъ, что

Л.М. 3643
Пр. І. Х.
361.

что благопристойно быть имѣетъ, соединить здѣсь вкупѣ различные причины такихъ возстаній, которыя предвозвѣщаютъ Персідской Монархіи блиское паденіе.

I.

По Царствѣ Артаксеркса Долгія-руки, Персідскіи Цари попускались отчасу больше въ забаву сладострастія и роскоши, и въ сладость жизни нерадивыя и празныя. Заключаясь обыкновенно въ своихъ палатахъ съ женами, и съ премножествомъ придворныхъ ласкателей, довольствовались пользоваться, въ нѣгѣ и празности, пріятностію, что они были Господа всему; да и поставляли свою великость въ сіяніи богатства, и во многорасточительномъ великолѣпіи.

II.

Съ другой стороны, Государи сіи не имѣли большихъ талантовъ къ управленію дѣлъ, большія способности къ правленію, и также любви къ славѣ. Не чувствуя въ себѣ довольнаго разума къ ободренію всѣхъ частей тоя пространныя Імперіи, ни довольныя силы къ понесенію тягостей, полагались они на своихъ Начальствующихъ въ попеченіи о дѣлахъ, въ трудностяхъ комманды надъ армеями, и въ бѣдствіяхъ, неразлучныхъ отъ великихъ предпріятій; а честолюбіе ихъ заключало себя токмо въ сихъ предѣлахъ, именножъ, чтобъ называться имъ единственно Великимъ Царемъ, и Царемъ Царей.

III.

Первыи государственныи чины, правленія провінціями, комманды надъ армеями, даваны были обыкновенно людямъ незаслужившимъ и недостойнымъ. Всегда сила временщиковъ, тайныя отъ придворныхъ ухищренія и происки, прозьбы палатныхъ госпожъ, опредѣляли выборъ людей на самыя важныя мѣста въ Государствѣ, и подставляли своихъ наперсниковъ къ полученію награжденій должныхъ особамъ, служившимъ Государству самымъ полезнымъ способомъ.

IV.

IV.

Часто сіи придворныи, отъ подлыя зависти къ достоинству подозрительному имъ, и укаряющему ихъ въ неискусствѣ, отдаляли соперниковъ своихъ отъ дѣлъ, и дѣлали таланты ихъ неполезными Государству. Иногда, обносили они вѣрность ихъ, и приводили въ подозрѣніе ухищренными доносами; производили на нихъ судъ какъ на Государственныхъ преступниковъ: да и принуждали самыхъ вѣрныхъ Царскихъ слугъ защищать себя отъ клеветниковъ, искать себѣ безопасности въ бунтѣ, и обращать на своего Государя оружіе, которое ихъ толь часто дѣлало торжествующими въ славу ему, и въ пользу Государству. Фарнабазъ. Тірібазъ. Датамъ.

V.

Сіи Міністры, чтобъ имѣть Полководцовъ въ подчиненіи себѣ, утѣсняли ихъ ограниченными указами, кои приводили къ нуждѣ опускать случаи къ побѣдѣ, и не допускали, ожиданіемъ новыхъ указовъ, производить далѣе свои преимущества. Часто виноватыми ихъ дѣлали въ худыхъ окончаніяхъ, оставивши прежде во всякомъ недостаткѣ потребныхъ вещей къ полученію успѣха.

VI.

Персідскіи Цари совершенно отстали отъ Кіровы воздержности и древнихъ Персовъ, кои довольствовались кресъ-салатою въ пищѣ, а водою въ питіи. Вся знатность и дворянство подвержены стали быть язвѣ сего образца. Соблюдая одно токмо пированіе, преданное ихъ Предками, продолжали оное чрезъ весь день, и приводили къ ночи въ піянствѣ, чего не токмо они не стыдились, но еще тѣмъ и славились, какъ то явно отъ молодшаго Кіра.

VII.

Крайняя дальность провінцій, которая распростиралась отъ Каспійскаго моря и отъ Эвксінскаго Понта,

до Чермнаго и до Еѳіопіи, а отъ рѣкъ Инда и Гангеса до Эгейскаго, была великимъ препятствіемъ преданности и усердію народовъ, кои не имѣли никогда удовольствія, наслаждаться видѣніемъ и присутствіемъ своихъ Государей; кои знали оныхъ токмо по тягости налоговъ, по гордости и сребролюбію ихъ Сатраповъ; и кои, пріѣхавши и ко двору съ прошеніями и жалобами, не могли надѣяться, чтобъ сыскать доступъ къ тѣмъ своимъ Государямъ, которыи мнили, что то требовало Ихъ Величество, чтобъ имъ быть невидимымъ и неприступнымъ.

VIII.

Оное множество провінцій, подчиненныхъ Персамъ, не составляло единовидныя державы, ни правильнаго Государственнаго тѣла, коегобъ всѣ члены были соединены общими узами пользы, нравовъ, языка, и закона, которымибъ были всѣ оживотворены тѣмже духомъ правленія и поступокъ чрезъ сходственныи уставы. Былъ то больше смятный зборъ, неприбранный, замѣшательный, и еще присиленный изъ равныхъ народовъ, бывшихъ прежде того вольныхъ, и неподчиненныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыи, бывши отвлечены отъ своего отечества, и отъ гробовъ своихъ отцовъ, видѣли себя съ трудностію преведенныхъ въ незнаемые земли, или и непріятельскіе, въ коихъ они правили себя особливыми уставами, и собственнымъ имъ обыкновеніемъ. Сіи разныя племена [которыя не токмо жили не имѣя союза и сходства между собою, но и соблюдали разность употребленія и богослуженія, а часто еще и сопротивленіе характеровъ и склонностей] старались токмо о вольности, и о поселеніи своемъ паки въ отечествѣ. Итакъ, всѣмъ симъ народамъ не было нужды въ спасеніи Имперіи, которая и была препятствіемъ толь горячимъ и толь праведнымъ ихъ желаніямъ; да и не могли они усердствовать правленію, которое съ ними поступало всегда, какъ съ пришельцами и плѣнниками, и не давало имъ никогда участія ни въ своей власти, ни въ своихъ преимуществахъ.

IX.

IX.

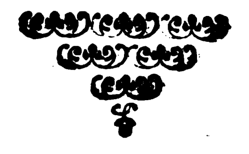
Просшранство Імперіи и удаленіе двора, принуждало давашь НамѢсшникамъ Царскимъ въ пограничныхъ провінціяхъ превеликую власть надъ всѢми часшями правленія, а именно, набирать и содержать армеи, налагать дани, судить ссоры между городами, областями, и Царями подчиненными, да и заключать союзы съ сосѢдними Государствами. Сила толь великая, и почитай неподчиненная, которую они имѢли чрезъ многіи годы безсмѢнно, а притомъ безъ таварыщей, и безъ совѢта, чтобъ рассуждать о дѢлахъ, приводила ихъ къ привычкѢ верьховнаго правленія и царствованія. Потомъ, весьма имъ было трудно, ежели ихъ смѢнять съ правительства; да и часто старались они въ томъ удержаться оружіемъ.

X.

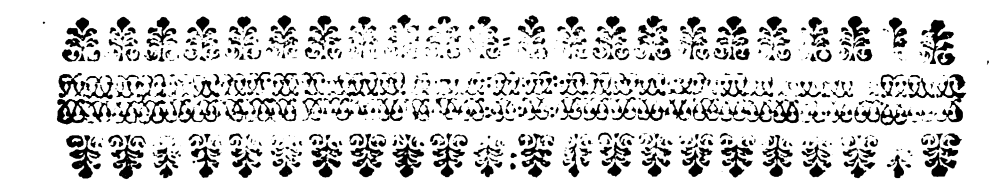
Правители областей, Полководцы армей, и всѢ другіи Начальствующіи и Міністры, ставили себѢ въ честь, чтобъ подобиться своимъ приборомъ, столомъ, домами, и одеждою, оказательству и сіянію придворному, въ чемъ они воспитаны. Чтожъ бы здержать оказаніе толь убыточное, и наполнять расходы превосходящіи состояніе и силы простыхъ людей; то принуждены они были раззорять подданныхъ ихъ правленію налогами самопроизвольными, грабленіями вопіющими, бесчесною торговлею, коею продавали на деньги мѢста́, должныя токмо достоинству. Все что тщеславіе оказывало, и что роскошь истощавала, награждаемо было хитростію и насильствомъ ненасытимаго сребролюбія и лихоимства.

Сіи излишества, и премногія еще другія, которыя были неисцѢльны, и безопасностію ежедневно умножаемы, наконецъ утрудили терпѢніе народовъ, и вложили въ сердца́ общее неудовольствіе, которымъ обыкновенно не за долго предваряется Государственное паденіе. Справедливые ихъ жалобы, долговременно презираемые, низвергли многихъ съ устремленіемъ въ явный бунтъ, и привели къ тому, чтобъ имъ дѢлать самимъ себѢ справедливость, ко-

ся имъ не чинено. Погрѣшали они тѣмъ противъ покоренія и вѣрности, которые должно имъ было имѣть къ своимъ Государямъ: но Язычество не возводило толь далеко своихъ очей, и не-было способно къ совершенству толь высокому, оставленному для Закона научающаго, что никакой предлогъ, никакая несправедливость, и никакая нападка, не долженствуютъ никогда быть причиною къ возстанію на своего Государя.



ГЛАВА



ГЛАВА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

§. I.

Охъ восходитъ на Персидскій престолъ. Лютости его. Бунты многихъ народовъ.

Коль больше память Артаксеркса Мнемона была чувствуема и почитаема во всей Имперіи; толь болѣе Охъ мнилъ имѣть причину къ боязни для себя самого, вѣдая что, при наслѣдствованіи тому, не найдетъ онъ расположеній тѣхъ благопріятныхъ ни въ народѣ, ни въ знатныхъ людяхъ, коимъ всѣмъ здѣлалъ себя страшилищемъ чрезъ умерщвленіе двухъ своихъ братовъ. Чтожъ бы не допустить сея ненависти къ отверженію себя, подкупилъ онъ евнуховъ, и другихъ, находящихся при особѣ Царской, да и утаилъ его смерть народу. Началъ вступать въ дѣла, давать указы, и крѣпить опредѣленія именемъ Артаксерксовымъ, будто какъ бы тотъ еще былъ живъ; а однимъ изъ тѣхъ установленій провозгласилъ себя Царемъ по всей Имперіи, всежъ то какъ по указу Артаксерксову. Правилъ такимъ образомъ нечитая съ десять мѣсяцовъ, и видя себя довольно утвердившагося, наконецъ обьявилъ смерть своего Отца, и воспшелъ на Престолъ, давъ себѣ имя Артаксерксомъ. Однако, Історія называетъ его больше и повсюднѣе Охомъ; симъ самымъ именемъ я буду его именовать обыкновенно во всемъ послѣдованіи сея Історіи.

Полїэн. страта. VII.

Л. М. 3644. Пр. Р. Х. 360.

Охъ былъ Государь самый жестокій, и презлый. Дѣлами своими тотчасъ онъ показалъ себя: въ самое краткое время наполнилъ Палату и всю Имперію убійствами.

Юстін. кн. 10. гл. 3.

 Чтожъ

Чтожъ бы отнять предлогъ, у возмутившихся провінцій, къ возведенію на Престолъ кого другаго изъ Царскія фамиліи, и збыть съ рукъ вдругъ всѣ трудности, кои могли ему дѣлать Князи и Княгини крови; то онъ сихъ всѣхъ умертвилъ, не взирая ни на женскій полъ, ни на лѣта, ни на родство. Погребъ живую родную свою сестру Оху, коея на дочери женился; а заключивъ одного изъ своихъ дядей, и съ нимъ сто его сыновъ и внуковъ въ нѣкоторый домъ, велѣлъ ихъ всѣхъ побить стрѣлами, особливо длятого, что сіи Князи были весьма любимы отъ Персовъ за правоту ихъ и мужество. Сей его дядя знатно есть отецъ Сізігамбісы, матери Дарія Кодомана. Ибо Квінтъ Курцій намъ объявляетъ, что Охъ умертвилъ восемдесятъ человѣкъ братовъ Сізігамбісиныхъ съ родителемъ ихъ, и въ одинъ день. Поступалъ онъ столькожъ по варварски и со всѣми въ Імперіи, кои ему были нѣсколько подозрительны, и не щадилъ никого и изъ знатныхъ, хотябъ котораго наималѣйше усмотрѣлъ быть недовольнымъ.

Валер. Макс. кн. 9. гл. 2.

Кв. Курц. кн. 10. гл. 5.

Л. М. 3648. Пр. І. Х. 356. Діод. кн. 16. стран. 433, 434.

Лютости, показываемые Охомъ, не избавили его всеконечнаго беспокойства. Артабазъ, правитель нѣкоторыя изъ Азіатіческихъ областей, привлекъ на свою сторону Хареса Аѳинянина, который коммандовалъ флотомъ и корпусомъ войска Греческаго въ тѣхъ мѣстахъ: и, при его вспоможеніи, разбилъ Царскую армею, состоявшую въ седмидесяти тысячахъ человѣкъ, посланныхъ къ усмиренію онаго. Артабазъ, въ награжденіе за толь великую услугу, далъ Харесу чемъ оплатить всѣ издержанныи расходы на воруженіе. Персідскій Царь разгнѣвался жестоко на сію съ собою поступку Аѳинянъ. было имъ тогда не досужно по причинѣ войны Союзническія. Царскіе грозы, что онъ пристанетъ къ тѣмъ съ превеликимъ флотомъ, принудили Аѳинянъ отозвать назадъ Хареса.

Л. М 3651 Пр. І. Х. 353.

Артабазъ, бывши отъ сихъ оставленъ, ухватился за Тебанцовъ, отъ которыхъ онъ получилъ 5000 человѣкъ, взятыхъ имъ на свое жалованье, съ Памменномъ коммандиромъ надъ ними. Сія помощь привела его въ состояніе, одержать еще двѣ великіе побѣды надъ Царскимъ войскомъ. Сіи два дѣйствія учинили великую честь Тебанцамъ, и

надъ

надъ ними коммандиру. Надобно, чтобъ Тебы весьма были сердиты на Персідскаго Царя, тѣмъ что они послали къ своимъ непріятелямъ толь сильную помощь въ такое время, когда сей городъ былъ упражненъ войною противъ Фоцеянъ. Можетъ быть, что сіе вымысломъ было Политики, дабы чрезъ то здѣлать себя страшнѣйшимъ, и продать дороже свой союзъ. Сіе впрочемъ извѣсно, что не много времени послѣ того Тебанцы съ Царемъ примирились, который имъ далъ три-ста талантовъ, тоесть, сто восемдесятъ тысячъ рублей. Артабазъ, не имѣя никакія помощи, наконецъ сталъ безсиленъ, и принужденъ былъ убѣжать къ Филиппу въ Македонію. Діод. стр. 438.

Охъ, избавившись толь отъ бѣдственнаго непріятеля, обратилъ всѣ свои мысли на Египетъ, который уже давно бунтовалъ. Въ тожъ время произошло въ Греціи нѣсколько приключеній довольнаго примѣчанія достойныхъ, которыя малое имѣютъ соединеніе съ Персідскими дѣлами. Я оныя вчесу сюда: послѣ чего возвращусь къ Охову царствованію, чтобъ не прервать порядка въ Исторіи объ немъ.

§. II.

ВОЙНА СОЮЗНИКОВЪ ПРОТИВЪ АѲИНЯНЪ.

Не много лѣтъ послѣ возмущеній малыя Азіи, о которыхъ я предложилъ, тоесть, въ третіе лѣто пятьдесятъ пятыя Олимпіады, Хій, Косъ, Родосъ, и Візантія восстали на Аѳины, отъ коихъ по то время тѣ зависѣли. Сей городъ употребилъ, дабы ихъ усмирить, какъ великіе силы, такъ и великихъ Полководцовъ, Хабрія, Ифікрата, Тимоѳея. Сіи (a), „были послѣдніи изъ военачальни-„ковъ Аѳинейскихъ, кои здѣлали честь своему Отечеству: „никто Л. М. 3646. Пр. І. Х. 358.

(a) Haec extrema fuit aetas Imperatorum Athenienſium, Iphicratis, Chabriae, Timothei: neque poſt illorum obitum quisquam Dux in illa vrbe fuit dignus memoria.

Corn. Nep. in Timoth. cap. 4.

„никто, по нихъ, не отмѣнилъ себя ни достоинствомъ,
„ни славою „.

Корн. Непот. въ Хабр. гл. 1

Хабрій заслужилъ уже себѣ великое имя, когда, будучи посланъ въ помощь Тебанцамъ, и видя себя оставленнаго въ сраженіи отъ союзниковъ, обратившихся въ бѣгство, выдержалъ онъ одинъ непріятельскій ударъ, для того что воины тогда, по его приказу, сомкнулись одинъ съ другимъ, стали однимъ колѣномъ на землю, покрылись своими щитами, и уставили впередъ свои копья; такъ что не могли они никакъ быть проломлены, и Агезилай, хотя и побѣдитель, принужденъ былъ отступить. Аѳиняне поставили статуу Хабрію въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ сражался.

Ліван въ Слов Демосѳ. на Мід. стра. 655.

Плутар. въ Апофѳ. страл. 87.

Іфікратъ былъ очень нискаго рода, имѣвъ себѣ отца сапожника. Но въ вольномъ городѣ, каковъ былъ Аѳины, одно достоинство подавало благородство гражданамъ. Можно сказать, что сей былъ подлинно сынъ своихъ дѣйствій. Прославившись въ морскомъ сраженіи, въ коемъ онъ былъ токмо простымъ воиномъ, употребленъ вскорѣ послѣ того съ отмѣною, и почтенъ коммандою. Въ нѣкоторой тяжбѣ, поднятой на него, когда челобитчикъ, будучи изъ потомковъ Гармодіевыхъ, и возвышая крайно имя своихъ предковъ, укорилъ его подлостію рожденія: Правда, отвѣчалъ онъ тому, благородство моея фамиліи начинается во мнѣ, а твое въ тебѣ оканчивается. Сочетался онъ бракомъ съ дочерью Котіса Царя Ѳракійскаго.

Діод. кн. 15. стран. 360. Корн. Непот. въ Іфікр. гл. 1.

„ (a) Сравниваютъ его съ самыми великими Греческими особами, а особливо въ томъ, что касается до „военнаго искусства и порядочнаго содержанія „. Здѣлалъ онъ

(a) Iphicrates atheniensis, non tam magnitudine rerum gestarum, quam disciplina militari nobilitatus est. Fuit enim talis dux, vt non solum aetatis suae cum primis compararetur, sed ne de maioribus natu quidem quisquam anteponeretur.

Corn. Nep.

онѣ многіе полезные премѣны въ воруженіи воиновъ. Прежде его, щиты были очень долги и тяжелы; симъ отягощали они и утруждали крайно: онъ ихъ здѣлалъ короче и легче, такъ что, не открывая тѣла, подавали они ему больше скорости и обратности. Напротивъ того, здѣлалъ долѣе копья и мечи, дабы можно было поражать непріятеля изъ бóльшія дальности. Перемѣнилъ также и брони; и вмѣсто того, что онѣ были прежде желѣзные, или мѣдные, онъ ихъ здѣлалъ льняные. Трудно понять, какъ такіе брони могли защищать воиновъ, и здѣлать въ безопасности отъ ударенiй на нихъ намѣряемыхъ. Но сей ленъ, бывши омоченъ въ соленый уксусъ, былъ такъ приготовленъ, что онъ ожестѣвалъ, и становился непроницаемъ желѣзу и несжигаемъ огнемъ. Употребленіе сіе было общее у многихъ народовъ.

Никогда никакое войско нé-было ни лучше обучено, ни порядочнѣе содержано, какъ Іфікратово. Онъ его всегда содержалъ въ трудахъ; а и въ мирное и покойное время, училъ оное надлежащимъ выметкамъ, или то для нападенія на непріятеля, или для защищенія себѣ, илижъ для того, какъ дѣлать обманы, или, какъ въ оныя не попадаться, или какъ хранить ряды во время погóни, еще и въ свое бѣжаніе, да и не попускаться въ жаръ, часто притомъ пагубный, или какъ благовременно соединяться по разрывѣ. Итакъ, когда надлежало вступить въ сраженіе, при первомъ данномъ знакѣ все войско было въ движеніи съ поспѣшностію и въ удивительномъ порядкѣ. Начальствующіи и воины сами собою строились, и въ сáмомъ кипѣніи дѣйствія все знали они сами дѣлать, такъ, какъ бы имъ могъ приказать преискусный Полководецъ. Достоинство сіе весьма рѣдкое, какъ то я слышу, но очень похвальное, которое способствуетъ больше, нежели можно чаять, къ одержанію побѣды, и объявляетъ въ Главномъ верьховность не обыкновенную разума.

Тімоѳей былъ сынъ Конона толь славнаго по своимъ дѣламъ, и по важнымъ услугамъ своему Отече-

ству. (a) „Онъ не помрачилъ славы своего родителя, какъ „въ рассужденіи военнаго мужества, такъ и что касается „до искусства въ правленіи: но присовокупилъ еще къ нѣмъ „хвалу, происходящую отъ Талантовъ разума, отмѣнившись особливо дарованіемъ Краснорѣчія и знаніемъ Наукъ„.

Плут. Сила. стран. 454.

Никакой Полководецъ не претерпѣлъ меньше его съ начала непостоянства въ щастіи оружія. Ему токмо надобно было начать для полученія успѣха: удача слѣдовала всегда за его намѣреніями и желаніями. Толь рѣдкое благополучіе не преминуло поднять на него зависть. Завистники его, какъ то уже я объявилъ, написали онаго на картинѣ спящаго, а фортуна, близко при немъ, брала городы въ сѣти. На сіе Тимоѳей отвѣтствовалъ съ холодностію: Понеже спящій беру я городы, то чего не могу здѣлать сортствующій? Потомъ принялъ онъ сіе не въ шутку, а негодуя на хотящихъ такимъ образомъ понизить славу его дѣйствіи, свидѣтельствовался всенародно, что онъ одолженъ прославленіемъ себѣ самому, а не фортунѣ. Богиня сія, говоритъ Плутархъ, раздражившись гордостію толь надменною и чрезвычайною, оставила его совершенно потомъ; такъ что не имѣлъ онъ больше никакова благополучнаго успѣха.

Діод. кн. 16. стран. 4 2. Корн. Неп. въ Хабр. гл. 4.

Зачинъ войны и похода здѣлался осадою Хія. Харесъ коммандовалъ сухопутною армеею, а Хабрій морскою. Всѣ союзники поспѣшали на помощь сему острову. Хабрій, одолѣвъ входъ въ пристань, вшелъ въ оную не смотря на непріятельское сопротивленіе. Другіе галеры не дерзнули за нимъ слѣдовать, и оставили его. Онъ былъ тотчасъ обхваченъ со всѣхъ сторонъ, а судно его все раздроблено. Онъ бы могъ спастись вплавь къ Аѳинейскому флоту, какъ то здѣлали его воины: но, для несмысленныя

(a) Hic a patre acceptam gloriam multis auxit virtutibus. Fuit enim disertus, impiger, laboriosus, rei militaris peritus, neque minus ciuitatis regendae.

Cor. Nep. cap. 1.

Timotheus Cononis filius, cum belli laude non inferior fuisset, quam pater, ad eam laudem doctrinae et ingenii gloriam adiecit.

Cic. lib. 1. de offic. n. 116.

сленныя славы, не рассудилъ за позволенное Полководцу оставить такимъ образомъ свое судно; да и предпочиталъ смерть, славную по мнѣнію его, бесчесному бѣгству.

Когда сіе первое предпріятіе худо удалось; то съ обѣихъ сторонъ показали новыя стремительства. Аѳиняне воружили флотъ въ шестьдесятъ галеръ, и назначили Хареса коммандиромъ: воружили они еще шестьдесятъ другихъ, и дали оные въ комманду Іфікрату и Тімоѳею. Флотъ союзниковъ состоялъ во стѣ судахъ. По разореніи многихъ островов, принадлежавшихъ Аѳинянамъ, и по взятіи великія добычи, пристали они къ осадѣ Самоса. Аѳиняне съ своей стороны, соединивши всѣ свои силы, осадили Візантію. Союзники прибѣжали тотчасъ на помощь сему городу. Когда оба флота стали другъ у-друга ввиду; то приготовились къ сраженію. Тогда вдругъ встала пресильная буря, на которую, не взирая, Харесъ хотѣлъ итти противъ непріятеля. Оба другія Главныи, бывши благоразумнѣе его и искуснѣе, не рассудили, чтобъ въ такомъ обстоятельствѣ должно было отважиться на сраженіе. Харесъ, огорчившись что не соглашаются съ его мнѣніемъ, засвидѣтельствовался воинами, что не отъ него дѣлается, чтобъ не бить на непріятеля. былъ онъ человѣкъ сприроды тщеславный, исполненный величавности, и самолюбія, который увеличивалъ свои услуги, презиралъ показанные отъ другихъ, и присвоялъ себѣ одному славу благополучныхъ успѣховъ. Писалъ въ Аѳины на обоихъ Таварыщей, взводя на нихъ трусость и измѣну. Послѣ сихъ жалобъ народъ, (а) „ который былъ лехкомысленъ, скоропоспѣшенъ, жарокъ, подозрителенъ, и „сприроды ненавидящій, ктобъ ни отмѣнялъ себя силою „и славнымъ достоинствомъ, призываетъ назадъ обоихъ тѣхъ „Главныхъ, и производитъ на нихъ судъ „.

(a) Populus acer, ſuſpicax, mobilis, aduerſarius, inuidus etiam potentiae domum reuocat.

Corn. Nep.

Харесова сторона, которая была очень сильна въ Аѳинахъ, когда объявила себя противъ Тімоѳея; то положенъ былъ на него штрафъ сто Талантовъ (*): достойное награжденіе за благородное бескорыствованіе, показанное имъ при другомъ случаѣ, когда привезъ въ Отечество корысть отнятую у непріятеля, состоящую въ тысячѣ двухъ стахъ Талантахъ, (*) не взявъ самому себѣ ничего. Не могъ онъ долѣе видѣть городъ неблагодарный, и бывъ въ несостояніи, по убожеству, заплатить толь великій штрафъ, отбылъ въ Халцїду. По смерти его, народъ, пришедъ въ раскаяніе, уменьшилъ штрафъ, и положилъ оный въ десять Талантовъ (*), которыи заплачены сыномъ его Конономъ на возобновленіе нѣкоторыя части стѣнъ. Итакъ, по случаю довольно дикому, сіи самые стѣны, кои дѣдъ перестроилъ изъ непріятельскихъ корыстей, внукъ починилъ частію изъ своего собственнаго имѣнія.

* 60000 рублей.

* 720000 рублей.

* 6000 рублей.

Арістот. Реторіч. кн. 2. гл. 23.

Іфікратъ также былъ призванъ стать къ суду. При семъ точно случаѣ Арістофонъ, другой Аѳинейскій Полководецъ, донесъ на него, что будто онъ предалъ и продалъ флотъ, коимъ коммандовалъ. Іфікратъ, съ надеждою влагаемою отъ твердыя славы, спросилъ у него: моглиль вы быть такимъ человѣкомъ, чтобъ здѣлать подобную измѣну? нѣтъ, отвѣтствовалъ Арістофонъ; я весьма честный и вѣрный человѣкъ. Какъ! предпріялъ тогда Іфікратъ, чего Арістофонъ бы не здѣлалъ, то могъ либо Іфікратъ дѣломъ исполнить?

Поліен. стратаг. кн. 3.

Не удоволился употребить въ свое защищеніе силу доказательствъ, онъ призвалъ еще въ помощь себѣ оружіе. Бывши наученъ худымъ успѣхомъ своего товарыща, видѣлъ, что не столько надлежало стараться о преклоненіи своихъ судей, сколько объ устрашеніи оныхъ. Поставилъ онъ кругъ того мѣста, на коемъ были они собраны, сонмицу молодыхъ людей, воруженныхъ кинжалами, кои они дѣлали быть видимыми по временамъ. Не могли тѣ противиться сему роду краснорѣчія понуждающему и побѣждающему; да и здѣлали его правымъ. Когда ему дѣланъ былъ выговоръ потомъ за наглую сію поступку: язъ былъ очень безуменъ, отвѣчалъ онъ, когдаъ, умѣя получать успѣхъ на войнѣ для Аѳинянъ, пренебрегъ получить оный для меня самого.

Харесъ

Харесъ, по отозвании назадъ обоихъ своихъ товарыщей, остался одинъ Военачальникомъ при всей армеѣ; да и былъ онъ въ состоянии произвесть сильно дѣла Аѳинянъ въ Геллеспонтѣ, естьлибъ умѣлъ защититься отъ великихъ Артабазовыхъ обѣщаний. Сей Сатрапъ, кой бунтовалъ въ малой Азїи противъ Персидскаго Царя Государя своего, бывши обхваченъ седмїодесятію тысячію человѣкъ, и близокъ къ паденію отъ неравности силъ своихъ, подкупилъ Хареса. Сей, стараясь токмо себя обогатить, отправился тотчасъ въ помощь Артабазу, выручилъ его, и получилъ равномѣрное награждение благодѣянію. Дѣйствїе Харесово почтено уголовнымъ преступленїемъ. Онъ не токмо оставилъ службу Республикѣ для чужестранныя войны, но и раздражилъ Персидскаго Царя, который чрезъ своихъ Пословъ грозилъ вооружить трй ста суденъ въ помощь островскимъ обывателямъ, восставшимъ на Аѳины, и соединившимся на сей городъ.

Сила Харесова спасла его и при семъ еще случаѣ, какъ то онъ спасался при многихъ другихъ подобныхъ. Аѳиняне, пришедши въ страхъ отъ Царскихъ грозъ, старались не играя предупредить исполненїе общимъ миромъ.

Къ сему самому, кромѣ оныхъ угроженїй, возбудилъ ихъ сильно Сократъ преизрядною рѣчію, намъ доставшеюся, въ коей онъ имъ подаетъ самыя хорошїи совѣты. Укаряетъ ихъ съ великою смѣлостію, какъ то дѣлаетъ Демостенъ почитай во всѣхъ своихъ словахъ, что они слѣпо отдались ласкательству Ораторовъ, льстящихъ страстямъ ихъ, и что въ тожъ самое время пренебрегаютъ подающихъ имъ самыя спасительныя совѣты. Старается онъ особливо обуздать въ нихъ наглое желанїе къ увеличенїю своея силы, и къ господствованію надъ Греческими народами, которое было источникомъ всѣхъ ихъ нещастїй. Приводитъ въ память имъ оное хорошее время, толь славное для Аѳинъ, въ кое ихъ Предки, отъ благороднаго и великодушнаго безкорыствованїя, отдаютъ все въ жертву, теряютъ всежъ для общїя вольности, и для спасенїя всея Грецїи; да и сравниваетъ то съ сими смертоносными временами, въ кои властолюбїе и надменїе Спартанское, потомъ и Аѳинейское, погрузило по- О мир

премѣнно оба сіи города въ самое крайнее зло. Представляетъ имъ, что твердая великость Государства не состоитъ въ увеличиваніи областей, ни въ распространеніи завоеваній, чему не можно почитай дѣлаться безъ наглостей и несправедливостей: но въ мудромъ правленіи подданными, и въ дѣланіи ихъ благополучными; въ защищеніи своихъ союзниковъ, въ приведеніи себя въ любовь и въ почтеніе сосѣдамъ, а въ страхъ непріятелямъ. „Государ„ство, говорилъ онъ имъ, не можетъ не получить вла„сти надъ всѣми сосѣдними областями, когда оно умѣетъ „соединить въ себѣ два великія свойства, именножъ, „Справедливость и Силу, которые подаютъ себѣ взаимную „помощь, и не долженствуютъ быть разлучены дружка „отъ дружки. Ибо Сила, не предводительствуе„мая правдою и разумомъ, несется къ крайнимъ насиліямъ „дабы задавить, попрать, и раздавить все себѣ противя„щееся: равно и Справедливость, ежели она безоружна „и безсильна находится, подвержена обидѣ, и внѣ состо„янія защищать сама собою, и покровительствовать дру„гихъ„. Заключеніе, производимое Ісократомъ изъ всѣхъ сихъ рассужденій, есть, чтобъ городу Аѳинамъ, буде онъ желаетъ быть благополученъ и спокоенъ, замкнуть свое владѣніе въ надлежащихъ предѣлахъ, не касаться хотящимъ имѣть власть на-морѣ чтобъ господствовать надъ всѣми другими, здѣлать миръ, да сей оставитъ каждый городъ, и каждый народъ въ пользованіи совершенною вольностію, и объявить себя непримирительнымъ врагомъ, ктобъ ни дерзнулъ помутить оный миръ, и опровергнуть тотъ порядокъ.

Подлинно, миръ заключенъ на сихъ договорахъ; и было опредѣлено, чтобъ Родосу, Візантія, Хію, и Косу
А М. 3648. Пр. І. Х. 356. пользоваться совершенною вольностію. Симъ образомъ окончилась союзническая война, продолжавшаяся три-года.

§. III

§ . III.

ДЕМОСТЕНЪ ОБОДРЯЕТЪ АѲИНЯНЪ, УЖАСШИХСЯ ОТЪ ВОЕННЫХЪ АРТАКСЕРКСОВЫХЪ ПРІУГОТОВЛЕНІЙ. ГОВОРИТЪ ОНЪ РѢЧЬ ЗА МЕГАЛОПОЛИТАНЦОВЪ, ПОТОМЪ ЗА РОДОСЦОВЪ. СМЕРТЬ МАВЗОЛОВА. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ПЕЧАЛЬ АРТЕМИЗІИ СУПРУГИ ЕГО.

Миръ сей не вывелъ изъ опасности Аѳинянъ отъ Персідскаго Царя. Великія его пріуготовленія приводили ихъ въ подозрѣніе и въ страхъ, чтобъ какъ намѣреніе страшнаго сего збора не-было такое, дабы напасть на Грецію, и чтобъ Египту не быть токмо подлогомъ, коимъ Царь укрывалъ прямое свое начинаніе.

По силѣ такова слуха, городъ Аѳины затревожился, а Ораторы умножали рѣчами своими страхъ въ народѣ, и понуждали оный воспріять немедлѣнно оружіе, предупредить Персідскаго Царя объявленіемъ ему прежде войны, и соединиться со всѣми Греческими народами на общаго непріятеля. Демостенъ явился тогда первократно народу, и восшелъ на канцель для объявленія своего мнѣнія. Имѣлъ онъ отъ рожденія двадцать восемь лѣтъ. Я отлагаю говорить объ немъ съ нѣкоторымъ пространствомъ при концѣ сего Тома. При семъ случаѣ, о коемъ теперь дѣло, будучи скромнѣе, нежели оныя скорохватные Ораторы, и помышляя, безъ сомнѣнія отъ того времени, готовить своей Республікѣ помощь отъ Персовъ противъ Філиппа, не дерзнулъ онъ подлинно сопротивляться прямо предложенному тогда мнѣнію, опасаясь здѣлать себя подозрительнымъ: но, положивъ сперва въ основаніе, что надлежало почитать Персідскаго Царя за всегдашняго Греческаго непріятеля, представилъ; что благоразуміе требуетъ, при дѣлѣ толикія важности, не торопиться ни въ чемъ съ устремительствомъ; что не надобно было, положеннымъ на мѣрѣ опредѣленіемъ въ скорости, по слуху недостовѣрному и глухому, и также поспѣшнымъ объявленіемъ войны, подать Государю, толь сильному, праведную причину къ обращенію его оружія на Грецію.

Л. М. 3649. Пр. I. Х. 355. Демост. въ слов. о флотахъ.

Грецію; что нужно есть для настоящаго времени стараться о воруженіи флота состоящаго въ трехъ стахъ судахъ, [да и предлагаетъ (*) подробно, какъ надобно за сію приняться] и о содержаніи готоваго войска, дабы въ состояніи быть, здѣлать доброе и сильное сопротивленіе, ежели случится на нихъ нападеніе; что тогда всѣ Греческіи народы, безъ всякаго призыва, восхотятъ сами добровольно, по общему бѣдствію, соединиться съ ними; и что одинъ слухъ сего воруженія, можетъ отнять у Царя Персідскаго охоту къ нападенію на Грецію, положивъ, что онъ воспріялъ къ тому намѣреніе.

Впротчемъ не мнитъ онъ, чтобъ, для иждивенія на сію войну, должно было дѣйствительно начать поборомъ по расчисленію каждаго имѣнія, который не здѣлаетъ большія суммы, и не будетъ его довольно на потребныи расходы. „Надобно, говоритъ онъ, положиться въ томъ „на ревность и щедрость нашихъ гражданъ. Можно сказать, что нашъ городъ есть почитай одинъ столько богатъ, сколько всѣ другіи городы въ Греціи совокупно. „[Объявилъ онъ прежде, что цѣна Аттіческихъ земель состоитъ въ шести тысячахъ талантовъ, тоесть, въ трехъ „милліонахъ въ шести стахъ тысячахъ рублей]. Когда „увидятъ бѣдство вещественное и близкое; то не будетъ „никого, который бы охотно не далъ на иждивеніе войны, „и который бы довольно былъ несмысленъ, чтобъ ему „лучше захотѣть погубить съ вольностію все свое имѣніе, нежелибъ лишиться изъ того части, дабы сохранить „свое Отечество, и спастибъ самого себя„.

„Да и не надлежитъ бояться, какъ то нѣкоторыи „вамъ внушаютъ, что великое богатство Персідскаго „Царя приводитъ въ состояніе, набрать противъ васъ премногое число помощнаго войска, которое здѣлаетъ армею его страшною. Наши Греки, когда надобно итти „на Египетъ, или противъ Оронта, и другихъ Варваровъ, „служатъ охотно Персамъ въ надеждѣ обогащенія себѣ: „но

(*) Отлагается предложеніе о сей подробности къ концу сего Тома. Она довольно любопытства достойна, и можетъ изъяснить, какъ Аѳиняне воружали и содержали свои флоты.

„но никто, смѣю удостовѣрить, никто не захочетъ никогда воспріять оружіе на Грецію,„.

Сія рѣчь получила весь себѣ успѣхъ. Способъ хитрый и нѣжный, какой употребленъ въ ней Ораторомъ, совѣтующимъ отложить расчисляемый поборъ, и попускающимъ видѣть, что тотъ упадетъ токмо на однихъ богатыхъ, коихъ онъ похваляетъ ревность, былъ весьма силенъ къ уничтоженію сего дѣла, котораго основаніе находилось только въ мечтаніи, разогрѣтомъ нѣкоторыми Ораторами, имѣющими, можетъ быть, нужду въ войнѣ, кою они совѣтовали.

Два - года спустя послѣ того, предпріятіе Лакедемонянъ на Мегалополь, городъ Аркадійскій, подало еще причину Демостену показать свою ревность, и краснорѣчіе. Сей городъ, построенный недавно Аркадянами, кои въ немъ поселили премногихъ взятыхъ изъ разныхъ городовъ, и который могъ имъ служить вмѣсто крѣпости и огражденія отъ Спарты, былъ причиною къ великому беспокойству Лакедемонянамъ, и приводилъ ихъ въ крайнюю опасность. Того ради, воспріяли они намѣреніе напасть на оный, и имъ завладѣть. Мегалополітанцы, которыи знатно отстали отъ Тебанцовъ, взялись за Аѳинянъ, и просили у нихъ защищенія: другіи народы, имѣвшіи въ томже нужду, также прислали къ нимъ своихъ Посланниковъ; а дѣло и было рассмотрѣно предъ народомъ. Л.М. 3651. Пр. I. X. 354. Діод. кн. 15. стр. 401.

Демостенъ съ начала самаго полагаетъ въ основаніе своей рѣчи, что великая въ томъ важность, не допустить, чтобъ ни Спартѣ ни Тебамъ не быть сильнымъ, и не приттибъ имъ въ состояніе налагать уставы на всю Грецію. Для сего нужно, приводить въ перевѣсъ ихъ силы, и хранить всегда равновѣсіе между ними. Но ясно, что ежели оставится Мегалополь Лакедемонянамъ; то они тотчасъ завладѣютъ Мессеною, а оба сіи города сосѣдніи и сильныи, которыи содержатъ Спарту въ опасности, и служатъ ей вмѣсто обузданія. Итакъ союзъ, кой мы учинимъ съ Аркадянами, объявляя себя стоящими за Мегалополь, есть самое достовѣрное средство къ соблюденію равновѣсія, толь необходимаго между Спартою и Тебами, дляттого что, хотябъ какъ ни могло случиться, ни тотъ ни другой городъ не можетъ намъ вредить, Слов. за Мегалопол.

коль долго Аркадяне пребудуть съ нами въ союзѣ, коихъ сила, соединенная съ нашею, преможетъ всегда оную въ каждомъ изъ двухъ народовъ.

Сильная причина противилась мнѣнію Демостенову, а именно: Союзъ пребывающій дѣйствительно съ Лакедемонянами. Ибо, говорили Ораторы противящіися Демостену, какая мысль будетъ объ Аѳинахъ, ежели сей городъ станетъ такимъ образомъ перемѣняться, смотря по временамъ? да и справедливость позволяетъ ли почитать ни за-что святость союзовъ? „Надлежитъ, отвѣтствовалъ „Демостенъ, коего слова почитаю я за должное внесть „сюда, „ (a) надлежитъ всегда хранить справедливость, „и воспріимать ея за правило своихъ поступокъ: но дол„жножъ совокупно, чтобъ справедливость находилась соеди„нена съ добромъ и пользою Государственною „. Наше основаніе всегда было такое, чтобъ помогать утѣсненнымъ и обидимымъ [приводитъ онъ въ примѣръ самихъ Лакедемонянъ, Тебанцовъ, Эвбейцовъ]. Мы всегда были неизмѣнны въ семъ основаніи. Чего ради, не на насъ долженствуетъ упасть укоризна за премѣну, но на тѣхъ, которыи своею несправедливостію и похищеніемъ принуждаютъ насъ быть противъ нихъ.

Я удивляюсь языку Политиковъ. буде ихъ слушать; то всегда дѣльность, всегда самая чистая правота тѣхъ предводительствуетъ: еслижъ смотрѣть на ихъ дѣла, то ясно, что одна польза, или честолюбіе есть имъ правило и предводитель. Сей языкъ происходитъ отъ оставшагося почтенія, какое Природа впечатлѣла въ сердца всѣхъ человѣковъ къ Справедливости. Весьма мало такихъ, кои дерзаютъ не признавать сего чувствія своими словами, и перекаютъ оному явно: но не много также и такихъ, которыи тому слѣдуютъ вѣрно и постоянно своими дѣлами. Никогда не бывало въ Греціи столько союзныхъ договоровъ, сколько въ сіе время, о коемъ мы говоримъ; да никогдажъ и не были они въ меньшемъ почтеніи.

Сіе

(a) Δεῖ σκοπεῖν μὲν ἀεὶ καὶ πράττειν τα δίκαια· συμπαρατηρεῖν δὲ, εἴπως ἅμα καὶ συμφέροντα ἔσονται ταῦτα.

Сіе презрѣніе къ святости присягъ въ Государствахъ, есть доказательствомъ, что оныя ослабѣваютъ, и часто знакомъ и причиною блискаго ихъ паденія.

Аѳиняне, пришедъ въ подвижность краснорѣчивымъ Демостеновымъ Словомъ, послали въ помощь Мегалополитанамъ три тысячи человѣкъ пѣхоты, да три-ста конницы подъ коммандою у Паммена (*). Мегалополь возстановленъ въ первое свое состояніе; а обыватели, вышедшіи изъ него въ свои отечества, принуждены были туда возвратиться. Діод. стр. 402.

Миръ, окончавшій союзническую войну, не всѣмъ имъ подалъ спокойствіе, какова они ожидали. Родосцы, и Косцы, объявленныи вольными чрезъ сей договоръ, перемѣнили только себѣ Господина. Мавзолъ, Карійскій Царь, помогшій имъ свергнуть Аѳинейское иго, наложилъ на нихъ собственное свое. Объявивъ себя въ явнаго защитника богатымъ и сильнымъ, поработилъ народъ, и былъ имъ причиною къ великому претерпѣнію. Скончался онъ на другомъ годѣ послѣ мирнаго договора, царствовавъ двадцать четыре года. Артемізія, супруга его, настала ему преемницею: и какъ она была подкрѣпляема всею силою Персідскаго Царя; то удержала свое обладаніе и надъ островами новоподчиненными. Л. М. 3650. Пр. І. Х. 354. Діод. кн. 16 стр. 435.

Говоря здѣсь объ Артемізіи, долженствую я увѣдомить, что не надлежитъ ея сливать съ другою Артемізіею, которая жила больше нежели за-сто за тритцать лѣтъ при Ксерксѣ, и отмѣнила себя весьма храбростію своею и благоразуміемъ на морскомъ Саламинскомъ сраженіи. Въ сію погрѣшность упали, не осмотрившись, многіи изъ славныхъ писателей.

Сія, о которой предлагаю, прославила себя бессмертно честію, отданною памяти Мавзола своего супруга. Построила она ему въ Галікарнассѣ великолѣпную гробницу, названную Мавзолей, коея красота включила ея въ седмь Диковинокъ * Свѣта, и дала имя всему, что дѣлается въ семъ родѣ великаго и велелѣпнаго. Плин. кн. 36. гл. 5

* чудесъ

З з 2 Она

(*) Сей Памменъ есть не тотъ, что Тебанскій, о которомъ говорено выше.

Авл. Гелл. кн. 18. гл. 10. Плут. въ Ісократ. стр. 838.

Она постаралась здѣлать вѣчнымъ имя Мавволово другими достопамятными дѣлами, которыя почитала долгобытнѣйшими мармора и мѣди, но которыя часто не больше жъ сопротивляются обидѣ времен: Я говорю о трудахъ производимыхъ разумомъ. Повелѣла она сочинить преизрядныи Панегіріки [похвальныя слова] въ честь своему супругу, и обѣщала дать превеликое награжденіе, кто лучше сочинитъ изъ всѣхъ. Славный Ісократъ, и Теопомпъ, его ученикъ, явились къ сочиненію со многими другими.

Евсев. пред-уготовл. Евангел. кн. 10. гл. 3. Суідъ.

Теопомпъ преодолѣлъ всѣхъ, и показалъ толикую слабость и тщеславіе, что онъ хвастался всенародно преобореніемъ своего учителя, предпочитая, какъ то превесьма бываетъ обыкновенно, славу краснаго разума славѣ добраго сердца. Представилъ онъ въ своей Історіи Мавзола какъ Государя любящаго бездѣльное лихоимство и корысть, и для котораго всякій способъ былъ добръ къ набранію себѣ денегъ. Безъ сомнѣнія, онъ его описалъ другими красками въ своемъ Панегірікѣ, который, безъ сего, не могъ бы угоденъ быть Царицѣ.

Циц. Туск. Квест. кн. 3. числ. 75. Вал. Макс. кн. 4. гл. 6

Сія знаменитая вдова пріуготовила Мавзолу другую гробницу сверьхъ оныя, о которой предложено. Собравши его пепелъ, и истолкши его кости, полагала она ежедневно сего порошку въ свое питіе, пока она его весь въ питіи употребила, желая чрезъ то учинить въ тѣлѣ своемъ гробъ своему супругу. Жила она послѣ его токмо два года; а болѣзнь ея по немъ, окончилась ежъ самыя жизнію.

Демост. о вольности Родійск. стр. 145.

Витрув. объ Архітект. кн. 2. гл. 8.

Вмѣсто слезъ, въ которые многіе изъ писателей погружаютъ Артемизію во время ея вдовства, находятся и такіи, кои приписываютъ ей завоеванія очень знатныя. Видно изъ нѣкотораго Демостенова Слова, что въ Аѳинахъ не почитаема она была за осиротѣлую вдовицу, котораябъ не радѣла о дѣлахъ своего Государства. Но мы имѣемъ о семъ нѣчто обстоятельнѣйшее. Витрувій намъ объявляетъ, что, по смерти Мавзоловѣ, Родосцы, негодуя что женщина властвуетъ въ Каріи, предпріяли низложить ея съ престола. Итакъ, пошли они изъ Родоса съ своимъ флотомъ, и вошли въ большую Галікарнасскую гавень. Царица увѣдомившись объ ихъ намѣреніи, повелѣла обыва-

телямъ

телямъ быть на стѣнахъ, и, когда непріятели прибудутъ, показать имъ своимъ крикомъ и плесканіемъ рукъ, что они готовы отдать имъ городъ. Родяне сошли всѣ съ своихъ судовъ, прибыли въ скорости на́-площадь, и оставили свой флотъ пустъ. Въ то са́мое время, Артемізія вывела свои галеры изъ малыя гавени нѣкоторымъ каналомъ, здѣланнымъ на то нарочно, вошла въ большую гавень, взяла непріятельскій флотъ, бывшій безъ защиты; а посадивши на оный своихъ воиновъ и гребцовъ, отправилась въ море. Родяне, не видѣвшіи себѣ къ спасенію дороги, были всѣ на́-голову побиты. Между тѣмъ Царица приближилась къ Родосу. Когда жители увидѣли издали свои суда украшенныя лавровыми вѣнцами, подняли великое восклицаніе, и приняли съ показаніемъ чрезвычайныя радости побѣдоносный и торжествующій флотъ. Оный былъ подлинно такимъ; но въ другомъ разумѣ, а не въ которомъ они мнили. Артемізія, не нашедши себѣ сопротивленія, взяла городъ, и умертвила Главныхъ изъ обывателей. Поставила она тамъ Трофей въ знакъ своея побѣды, да двѣ мѣдные статуи, изъ которыхъ одна представляла городъ Родосъ, а другая Артемізію клеймящую оный раскаленнымъ желѣзомъ. Вітрувій прибавляетъ, что Родосцы не смѣли никогда снять съ мѣста сей Трофей, потому что сіе дѣлать запрещалъ законъ; но только оградили они тотъ зданіемъ, чтобъ его не видно было.

Все сіе, какъ то объявляетъ бейль въ своемъ Лексіконѣ или Дікціонаріи (*), не показываетъ вдовицы горюющія и неутѣшимыя, которой бы токмо стенать и воздыхать. Но сіежъ са́мое и приводитъ его въ сомнѣніе, что все Чудесное предлагаемое объ Артемізіиной печали, могло сперва написано быть безъ основанія и на удачу нѣкоторымъ однимъ писателемъ, а потóмъ списано всѣми другими.

Ябъ лучше желалъ, для Артемізіиной чести, говоритъ, да и нѣтъ тому препоны вѣрить, что, по силѣ и по великодушію, коему Полъ ея подаетъ премногіи примѣры,

(*) Сей Дікціонарій, тоесть Словарь или Реченникъ, содержитъ въ себѣ много ученыхъ и мудрыхъ начертаній; но притомъ не мало въ немъ основаній весьма бѣдственныхъ.

Она умѣла соединить горькую вдовію болѣзнь, съ дѣйствительною храбростію Царицыною, и что „ дѣла ей были „вмѣсто утѣшенія „. Negotia pro solatiis accipiens.

Тацит.

А. М. 3653. Пр. Г. Х. 351.

Демосѳ. о Родоск. вольност.

Родяне, бывши отъ Артемізіи утѣснены такимъ образомъ, какъ я предложилъ, и не имѣя силы претерпѣвать больше сіе жестокое и бесчесное порабощеніе, взялись за Аѳинянъ, и просили у нихъ покорно себѣ защиты. Здѣлали они себя совершенно недостойными оныя своимъ на нихъ восстаніемъ. Однако, Демосѳенъ говорилъ за нихъ народу. Сперва онъ описываетъ ясно и обстоятельно все ихъ погрѣшеніе: увеличиваетъ несправедливость оныхъ и нарушеніе вѣрности; показываетъ себя вшедшимъ въ праведное чувствованіе гнѣва, и негодованія народнаго; да и сказалъ бы всякъ, что онъ себя объявитъ прямо и сильно противъ Родянъ. Но все сіе было токмо хитростію Ораторовою, который старался внѣдриться въ сердце своихъ слушателей, и возбудить въ немъ чувственность благости и сожалѣнія о народѣ, признавающемъ свое погрѣшеніе, також неукрывающемъ своея недостойности, а однако пришедшемъ просить покорно милости и защищенія. Предъизъявляетъ великія основанія, которыя во всѣ времена были славою Аѳинянъ, а именно, забвеніе обидъ, прощеніе отступившимъ, и защищеніе неблагополучнымъ. Къ побужденіямъ славы присовокупляетъ онъ пользу, показывая, коль велика есть важность въ томъ, чтобъ стать за такой городъ, который благопріятствуетъ Демократіи, и не оставить непріятелямъ острова толь сильнаго, коль есть Родосъ. Сіе есть содержаніемъ Демосѳеновы рѣчи, названныя, за вольность Родянъ.

Страбон. кн. 14. стр. 656.

Смерть Артемізіина, случившаяся въ сей самый годъ, знатно восставила Родянъ, и отдала имъ вольность. Преемникомъ ей былъ братъ ея Идріей, который сочетался съ родною своею сестрою Адою, какъ то и Мавзолъ былъ женатъ на Артемізіи. Такое было обыкновеніе въ Каріи, чтобъ Царямъ жениться на собственныхъ своихъ сестрахъ, и чтобъ вдовамъ быть наслѣдницами по смерти своихъ супруговъ, а не братамъ ихъ, еще и ни дѣтямъ умершаго Царя.

§. IV.

§. IV.

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ ОХОВЪ ПОХОДЪ НА ФИНИКІЮ, НА КИПРЪ, И ПОТОМЪ НА ЕГИПЕТЪ.

Охъ думалъ прямо привесть въ должность Египетъ, который уже давно старался содержать себя въ неподчиненіи. Когда онъ дѣлалъ большія приуготовленія къ важному сему походу; тогда былъ увѣдомленъ и о возстаніи Финикіи. Народы, утѣсненныи тѣми, коихъ Царь Персідскій посылалъ ими править, намѣрились свергнуть толь жестокое иго, и соединились съ Нектанебомъ Царемъ Египетскимъ, на коего шла уже Персідская Армея. И какъ не было другія дороги на сіе нападеніе кромѣ Финикіи; то возмущеніе Финикійское здѣлалось очень благовременно для Нектанеба. Чегоради, чтобъ подкрѣпить сихъ бунтовщиковъ, послалъ онъ Ментора Родійскаго къ нимъ на помощь, а съ нимъ четыре тысячи Греческаго войска. Чрезъ сіе хотѣлъ себѣ здѣлать Финикію загражденіемъ, и удержать тамъ Персовъ. Финикіане, съ сею подсадою, вышли въ поле, побили правителей Сірійскихъ и Кілікійскихъ, посланныхъ на нихъ, и выгнали совершенно Персовъ изъ Финикіи. Л. М. 3653. Пр. Г. Х. 351. Діод. кн. 16. стран. 439.

Кіпряне, съ коими не лучшіе были поступки, какъ и съ Финикіанами, видя благополучный успѣхъ, каковъ получило сіе возмущеніе, слѣдовали сему примѣру, и вступили въ соединеніе съ Египтомъ. Охъ послалъ указъ къ Ідріею Карійскому Царю, итти на нихъ войною. Сей тотчасъ воружилъ флотъ, и отправилъ оный съ осмью тысячами Грековъ, подъ коммандою Фоціона Аѳинянина, и Эвагора, о коемъ мнятъ, что онъ сынъ Нікоклевъ. Вѣроятно, что былъ выгнанъ Протагоромъ дядею своимъ, и что онъ ухватился съ радостію за сей случай, дабы ему паки взойти на престолъ. Знаніе, какое имѣлъ о той странѣ, и въ ней притомъ людей усердствующихъ ему, могли его выбрать очень благоразумно для Персідскаго Царя, чтобъ ему коммандовать въ семъ походѣ. И такъ, сошли съ судовъ на островъ: армея ихъ еще вдвое умножилась подсадами, пришедшими къ нимъ изъ Сіріи и Діод. кн. 16. стран. 440, 441.

изъ

изъ Кілікіи. Надежда къ обсгащенію себя корыстію того острова, который былъ очень богатъ, привлекла туда много войска; да и осажденъ Саламінъ моремъ и землею. Островъ Кіпръ имѣлъ въ то время девять городовъ такъ знатныхъ, что въ каждомъ изъ нихъ былъ свой Царь. Однако всѣ сіи Цари были подданными Персідѣ. При семъ случаѣ, они всѣ соединились, дабы свергнуть съ себя иго, и здѣлаться неподчиненными.

Охъ, примѣтивъ, что Египетская война всегда была неблагополучна отъ худыхъ поступокъ Полководцовъ посылаемыхъ туда, намѣрился самъ пойти своею особою. Но прежде объявилъ онъ еще Греческимъ народамъ, чтобъ имъ прекратить свои несогласія, и перестать воевать однимъ на другихъ.

Удивительно, да и не безъ основанія, видѣть дворъ Персідскій убѣждающій толь сильно, и толико кратъ, Греческіи народы жить въ спокойствіи, и держаться свято статей Анталцідскаго мира, коего главное намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ быть между ними твердому согласію. Прежде сего, Персіда употребляла Політіку противную сей. Послѣ неблагополучнаго успѣха въ предпріятіи своемъ на Грецію при Ксерксѣ, рассуждая, что золото и серебро могло способнѣе преодолѣть Грецію, нежели желѣзо, не нападала уже больше на оную явною силою, но пронырственными и закрытыми ухищреніями. Рассыпала она въ ней тайнымъ образомъ знатные суммы денегъ, на подкупленіе имѣющихъ великую силу въ большихъ городахъ. Прилѣжала непрестанно вооружать ихъ однихъ на другихъ, дабы отнять у нихъ время и средство къ нападенію не нея самую. Крайнее ея попеченіе особливо состояло въ томъ, чтобъ стоять то за тѣхъ, то за другихъ, и симъ бы держать между ними нѣкоторый родъ равновѣсія, которомубъ каждую изъ ихъ Республікъ приводить въ несостояніе, увеличивать себя преизбыточно, и быть чрезъ то страшною самой Персідѣ.

Здѣсь она поступаетъ тому противно, запрещая войну Греческимъ народамъ, и повелѣвая всѣмъ пребывать въ мирѣ, подъ наказаніемъ, преступникамъ, гнѣва ея и оружія. Безъ сомнѣнія, Персіда не воспріяла сего намѣренія

ренія на удачу; но и имѣла она свои причины, дѣлать такимъ образомъ въ разсужденіи Греціи.

Намѣреніе ея могло состоять въ томъ, чтобъ отъ мала-по-малу изнѣжишь ихъ сердца, отнятіемъ изъ ихъ рукъ оружія; притупить оную остроту храбрости, коя ихъ непрестанно подстрекала благороднымъ ревнованіемъ, погасить въ нихъ всякое желаніе къ славѣ, и къ завоеваніямъ; да и умертвить долговременнымъ бездѣйствіемъ, и принужденною праздностію оную обратность и живность, которая имъ была природна: наконецъ, привесть ихъ въ число такихъ народовъ, у коихъ жизнь спокойная и тихая отъемлетъ всю крѣпость, и военную горячесть, сраженіями и самыми бѣдствіями обыкновенно распаляемую.

Персідскій Царь, державствовавшій тогда, имѣлъ собственную свою нужду, какъ то была она и его Предварившему, налагать сей уставъ на Греческіи народы. Египетъ уже отъ давняго времени свергъ съ себя иго, и приводилъ въ праведное беспокойство Имперію. Охъ воспріялъ намѣреніе пойти самъ, и укротить сихъ отступниковъ. Сей походъ былъ крайно ему у сердца; да и не опускалъ онъ ничего, что могло тому подать успѣхъ. Славное Отшествіе десяти тысячъ Грековъ, не упоминая о многихъ другихъ дѣйствіяхъ сего рода, оставило въ Персідѣ великое мнѣніе о Греческомъ мужествѣ. Сей Государь надѣялся несравненно болѣе на небольшой корпусъ Греческаго войска, которое имѣть бы ему въ своей службѣ, нежели на цѣлую армею своихъ Персовъ, сколькобъ ихъ число ни велико было; да и чувствовалъ, что междоусобныя несогласія въ Греціи, привелибъ въ несостояніе городы, поставить ему число воиновъ, въ коихъ онъ имѣлъ нужду.

Наконецъ, какъ добрый Политикъ, не долженствовалъ онъ далеко зайти въ Египетъ, прежде нежели примирить все, что останется назади; особливожъ Іонію, и другіе ближніе области. Но самое извѣстное средство, удержать ихъ въ должности, состояло въ томъ, чтобъ

отнять у нихъ всю надежду къ полученію помощи отъ Грековъ, кои были имъ обыкновенным прибѣжищемъ во времена возмущеній, безъ чего не-были они въ состояніи къ великимъ предпріятіямъ.

Діод. кн. 16. стран. 441, 443.

Когда Охъ воспріялъ всѣ свои мѣры, и пріуготовилъ все; то прибылъ на границы Финікійскіе, гдѣ нашелъ армею состоящую въ трехъ стахъ тысячахъ человѣкъ пѣхоты, да въ тритцати тысячахъ конницы, коею онъ самъ началъ коммандовать. Менторъ былъ въ Сідонѣ съ Греческимъ войскомъ.

Голова у сего закрутилась, видя приближеніе толь великія армеи. Послалъ онъ тайно, договариваться съ Охомъ; да и обѣщалъ ему не токмо отдать Сідонъ, но и служить еще въ Египтѣ, котораго зналъ совершенно земли и страну, и гдѣ ему могъ быть весьма полезенъ. Охъ подтвердилъ все его хотѣніе; а потомъ притомъ уговорилъ и Тенна, Сідонскаго Царя, вступить въ тужъ измѣну. Итакъ, отдали они оба съ согласія городъ Оху.

Сідоняне зажгли всѣ свои суда, какъ скоро они увидѣли Царское войско, дабы привесть всѣхъ къ необходимости защищать себя сильно, отъемля чрезъ то всякую другую надежду къ спасенію. Когдажъ усмотрѣли, что они были преданы, что непріятель завладѣлъ городомъ, и что не-было никакова средства спасаться ни моремъ ни землею; то, въ крайнемъ отчаяніи, заперлись въ своихъ домахъ, и зажгли оныя. Сорокъ тысячъ человѣкъ, не считая женъ и дѣтей, погибло симъ образомъ. Участь Тенну, Царю ихъ, не лучшая была. Охъ, видя себя Господиномъ Сідону, и не имѣя больше въ томъ Царѣ нужды, умертвилъ его. Достойное воздаяніе за измѣну, и ясное доказательство, что Охъ не уступалъ ему въ нарушеніи вѣрности. Было въ Сідонѣ, когда сіе нещастіе случилось, пребезмѣрное богатство. Когдажъ огонь растопилъ золото и серебро; то Охъ продалъ пепелъ, за который онъ получилъ знатную сумму.

Страшное разрушеніе сего города, привело въ превеликій страхъ всю прочую Финікію; такъ что она покорилась, и получила отъ Царя хорошіе себѣ легости. Охъ же показывалъ великаго затрудненія на ихъ требованія,

для-

далятого что не хотѣлъ тутъ терять время, въ коемъ ему была нужда на исполненіе своихъ намѣреній противъ Египта.

Прежде нежели туда пошелъ, прибылъ къ нему еще корпусъ, состоящій въ десяти тысячахъ Греческаго воинства. При началѣ сего похода требовалъ онъ войска изъ Греціи. Аѳиняне и Лакедемоняне извинились тогда невозможностію, дать ему оное, коль ни хотѣли они, какъ то говорили, содержать согласіе съ Царемъ. Тебанцы прислали къ нему тысячу человѣкъ, коими коммандовалъ Лахарь: Аргівцы три тысячи, подъ коммандою у Нікострата. Прочее войско пришло изъ Азіатіческихъ городовъ. Сіе соединилось съ нимъ тотчасъ послѣ взятья Сідона.

Надобно, чтобъ Іудеи были учасны сей Фінікійской войнѣ на Персіду. Ибо какъ скоро взятъ былъ Сідонъ; то Охъ вступилъ въ Іудею, и взялъ силою городъ Іеріхонъ. Сверьхъ того, кажется что онъ привелъ премножество Іудеевъ плѣнныхъ въ Египетъ, и отослалъ премножествожъ изъ нихъ въ Гірканію, гдѣ ихъ поселилъ вдоль по Каспійскому морю. Солін. гл. 35. Евсев. въ Хрон. и проч.

Охъ окончилъ тогдажъ и Кіпрскую войну. Египетская одна стала ему такъ нужна, что, дабы ничему его отъ нея не отвратить, восхотѣлъ примириться съ девятью Кіпрскими Царями, поддавшимися ему на нѣкоторыхъ договорахъ; да и были они всѣ оставлены въ своихъ небольшихъ областяхъ. Эвагоръ требовалъ быть посажденъ паки на Саламінское Царство. Изобличенъ онъ, въ вопіющихъ тамъ своихъ несправедливостяхъ; да и доказали, что не несправедливо былъ сверженъ съ престола. Итакъ, подтверждено Саламінское царствованіе Протагору; а Персідскій Царь далъ Эвагору правленіе въ другомъ мѣстѣ. Не лучшежъ онъ тутъ поступалъ; да и привелъ себя къ изгнанію и оттуду. Возвратился въ Саламінъ; тамъ былъ взятъ подъ караулъ, и умерщвленъ. Что за разность между Нікокломъ, и сыномъ его Эвагоромъ! Діод. кн. 16. стран. 443, 444.

По укрощеніи острова Кіпра и Фінікіи, наконецъ Охъ двигнулся къ Египту. Діод. стр. 444, 450.

Когда туда прибылъ; то сталъ лагеремъ предъ Пелузіемъ. Изъ сего лагеря отправилъ онъ три отряда.

 Далъ

далъ каждому одного Грека, и одного Перса въ Коммандира. Первый былъ Лахарь Тебанецъ, и Розакъ правитель Лідійскій и Іоніческій. Вторый, Нікостратъ Аргосскій, и Арістазанъ изъ первыхъ начальствующихъ въ Государствѣ. При третіемъ отрядѣ опредѣленъ коммандіромъ Менторъ родійскій, и багой Оховъ Евнухъ. Каждый отрядъ имѣлъ себѣ свои особливыи наказы. Царь остался съ валовою армеею въ лагерѣ, который сперва выбралъ, чтобъ ему тамъ ожидать приключеній, и быть въ способности къ подані помощи другимъ войскамъ въ случаѣ нещастія, или употребить въ пользу преимущество, какое онъ имѣть будетъ.

Нектанебъ давно ужé ожидалъ сего нашествія, коего пріуготовленія довольно были слышны. Онъ имѣлъ сто тысячь человѣкъ въ готовности, изъ которыхъ дватцать тысячь было Грековъ, двашцать тысячь Лівійцовъ, а прочіи всѣ Егіптяне. Часть изъ нихъ посадилъ онъ въ пограничныхъ городахъ; но съ прочими засѣлъ въ проходахъ, дабы не пустить непріятеля въ Егіпетъ.

Первый Оховъ отрядъ сталъ подъ Пелузіемъ, въ коемъ было пять тысячь человѣкъ Греческаго Гарнізона: Лахарь, городъ оный осадилъ. Нікостратовъ отрядъ сѣвъ на восемдесять судовъ изъ Персідскаго флота, вплылъ междутѣмъ въ одно изъ Ніловыхъ устій, и вѣхалъ въ сáмую Егіпетскую средину, гдѣ онъ сшелъ съ судовъ, и укрѣпился лагеремъ, коего положеніе было весьма удобное. Все Егіпетское войско, бывшее въ тѣхъ мѣстахъ, тотчасъ собралось подъ комманду къ Клінію, Греку съ óстрова Коса, и начало прогонять непріятеля. было тутъ сáмое жаркое дѣйствіе, на коемъ Кліній убитъ, и съ нимъ пять тысячь человѣкъ; а прочіи всѣ были сломлены и разогнаны.

Дѣйствіе сіе опредѣлило весь успѣхъ сея войны. Нектанебъ, боясь, чтобъ послѣ сея побѣды Нікостратъ не пошелъ вверхъ Ніломъ, и не взялъ бы Мемфіса столичнаго гóрода въ Царствѣ, прибѣжалъ съ поспѣшеніемъ на защиту ему, и оставилъ проходы, которыи необходимо надлежало хранить, чтобъ запереть входъ непріятелю. Когда Греки, защищавшіи Пелузій, увѣдомились о семъ устремительномъ отшествіи, то положили, что все ужé погибло

гибло; да и начали переписываться съ Лахаремъ на такомъ договорѣ, чтобъ имъ быть отпущеннымъ въ Грецію со всѣмъ, что ихъ было, и чтобъ не поступить съ ними отнюдь худымъ и мучительнымъ образомъ.

Менторъ, коммандовавшій третіимъ отрядомъ, нашедъ проходы отверсты и безъ защитниковъ, вшелъ внутрь земли, и завладѣлъ ею безъ всякаго сопротивленія. Ибо, разгласивъ по всему своему стану, что Охъ повелѣлъ поступать милостиво со всѣми, кои ему поддадутся, а истреблять сопротивляющихся такъ, какъ Сідонянъ, далъ волю всѣмъ плѣнникамъ, дабы они увѣдомили о семъ всю страну лежащую кругомъ. Сіи бѣдныя люди разгласили по городамъ своимъ и по селамъ все, что они слышали въ непріятельскомъ лагерѣ. Звѣрство Охово было причиною, что тому вѣрили; а страхъ сталъ быть толь великъ, что Гарнізоны изъ всѣхъ городовъ прибѣгали наперехватъ, другъ предъ другомъ, и покарялись, Греки равно какъ и Египтяне.

Нектанебъ, отчаявшись себя защитить, собралъ лучшее свое имѣніе, и ушелъ съ сокровищемъ своимъ въ Еѳіопію; откуду не возвратился уже онъ никогда. Сей былъ послѣдній Царь въ Египтѣ изъ Египетскаго рода. Потомъ всегда сія страна была обладаема чужестранными, такъ какъ прорекъ Іезекіиль. Л.М. 3654. Пр. І. Х. 350. Іезекіл. гл. 29. стіх. 14, 15.

Охъ, завоевавъ такимъ образомъ совершенно Египетъ, разорилъ въ немъ городы, разграбилъ храмы, и возвратился въ торжествѣ въ Вавілонъ, обогащенный корыстьми Египетскими, а особливо золотомъ и серебромъ, коихъ онъ взялъ пребесчисленное множество. Оставилъ въ немъ правителемъ Ферендата, Персянина самаго знатнаго.

Въ семъ мѣстѣ Манетонъ оканчиваетъ свои Извѣстія, или Історію свою Египетскую. Онъ былъ жрецъ въ Геліополѣ Египетскомъ, и написалъ по Гречески Історію о различныхъ Дінастіяхъ отъ начала сего Царства, до временъ нами описываемыхъ. Історія его часто приводится отъ Іосифа, Евсевія, Плутарха, Порфірія и отъ другихъ. Сінцел. стр. 256. Восц. объ Історіи Греч. кн. 1. гл. 14.

Сей Історікъ жилъ при Птолемеѣ Філаделфѣ Царѣ Египетскомъ: ибо ему приписанъ его трудъ. Сінцеллъ (*) соблюлъ для насъ изъ него сокращеніе.

Нектанебъ лишился престола отъ хорошаго мнѣнія о себѣ самомъ. Возведенъ онъ на престолъ Агезілаемъ; а утвердился на немъ потомъ благоразуміемъ Діофанта Аѳинянина и Лемія Лакедемонянина, которые, пока имѣли комманду надъ его армеями, и военное правленіе, дѣлали его оружіе побѣдоноснымъ противъ Персовъ, во всѣхъ предпріятіяхъ бывшихъ на него. Печально, что мы не вѣдаемъ тому подробности, и что Діодоръ не-далъ намъ о томъ никакова извѣстія. Сей Государь, бывши надменъ толь многими успѣхами, вздумалъ потомъ, что онъ былъ въ состояніи править одинъ своими дѣлами, да и отослалъ отъ себя тѣхъ, коимъ одолженъ былъ всѣми успѣхами. Онъ имѣлъ много времени къ раскаянію о томъ и къ признанію, что имя Царское не подаетъ Царскаго достоинства.

А.М. 3655. Пр. І. Х. 349. Охъ наградилъ весьма щедро за услуги, показанные ему отъ Ментора Родійскаго, приведеніемъ въ должность Финикіи, и завоеваніемъ Египта. Онъ уже отпустилъ другихъ Грековъ, обогащенныхъ дарами, прежде нежели вышелъ еще изъ Египта. Чтожъ до Ментора; то, понеже сему особливо одолженъ былъ успѣхомъ всего похода, не токмо подарилъ ему деньгами сто * талантовъ, сверьхъ многихъ алмазныхъ вещей великія цѣны, но еще опредѣлилъ его Правителемъ всего Азіатическаго кряжа, поручилъ ему войну на нѣкоторые возмутившіеся области въ началѣ своего Царствованія, и объявилъ его главнымъ Военачальникомъ надъ всѣмъ войскомъ того края.

* 60000 рублей

Менторъ употребилъ его милость на то, что онъ примирилъ съ нимъ брата его Мемнона, и Артабаза, сочетавшагося съ ихъ сестрою. Оба сіи воевали на Оха. Видѣли уже мы бунтъ Артабазовъ, и одержанные имъ побѣды

(*) Называютъ такъ Георгія монаха Константінопольскаго, который былъ Сінцелломъ, тоесть Намѣсникомъ Патріарху Тарасію, при концѣ девятаго вѣка.

бѣды надъ Царскимъ войскомъ. Впрочемъ наконецъ стало ему тяжко, и принужденъ онъ былъ убѣжать къ Филиппу Македонскому Царю; да и Мемнонъ, который былъ участникомъ въ его войнѣ, имѣлъ также участіе и въ его изгнаніи. Послѣ его примиренія, показали они Оху, и его Преемникамъ, знатные услуги: а особливо Мемнонъ, который былъ самый мужественный человѣкъ въ то время, и искусный попремногу въ военномъ дѣлѣ. Менторъ не измѣнился ничемъ, и соотвѣтствовалъ поступками своими совершенно надѣянію, кое Царь на него имѣлъ. Ибо, едва токмо утвердился онъ въ своемъ правленіи, какъ возобновилъ повсюду Царскую власть, и привелъ въ покореніе всѣхъ бунтующихся въ своемъ сосѣдствѣ. Однихъ покорилъ искусствомъ и стратагемами*, а другихъ силою. Словомъ, онъ умѣлъ употребить всѣ свои преимущества такъ, что наконецъ всѣхъ привелъ подъ иго, и возставилъ Царскія дѣла во всѣхъ тѣхъ областяхъ.

* Хитростію.

Въ первое лѣто CVIII. Олимпіады скончался Платонъ, славный Аѳинейскій Философъ. Я отложилъ говорить объ немъ индѣ, чтобъ не прервать порядка въ Исторіи. Л. М. 3656. Пр. I. X. 348.

§. V.

СМЕРТЬ ОХОВА. АРСЕСЪ БЫЛЪ ЕМУ ПРЕЕМНИКОМЪ; А СЕМУ ДАРІЙ КОДОМАНЪ.

Охъ, по завоеваніи Египта, и по укрощеніи возмутившихся областей въ его Имперіи, попустился въ забавы и въ нѣгу, и препроводилъ въ сихъ всю свою оставшуюся жизнь, отдавъ всеконечное стараніе о дѣлахъ своимъ Министрамъ. Два изъ сихъ самыи главныи были, Евнухъ Багой, временщикъ Государевъ, и Менторъ Родянинъ, кои раздѣлили себѣ на-двое силу; такъ что, первый имѣлъ всѣ области верьхнія Азіи, а послѣдній всѣжъ нижнія. Діод. кн. 16. стр. 490.

По царствованіи дватцати трехъ лѣтъ, Охъ умеръ отъ отравы, данныя ему Багоемъ, его любимцомъ. Сей Евнухъ, бывъ рожденъ въ Египтѣ, соблюдалъ всегда любовь къ своему Отечеству, и ревность къ тамошнему Л. М. 3666. Пр. I. X. 338.

закону. Когдажъ Государь его завоевалъ оный; то онъ льстилъ себя, что можетъ облегчить злую участь одного, а другой сохранить отъ наруганія. Но не могъ удержать звѣрства въ семъ Государѣ; да и было въ рассужденіи перваго и другаго премного того, что сей Евнухъ видѣлъ съ крайнимъ соболѣзнованіемъ, и за что превеликій гнѣвъ пребывалъ всегда въ его сердцѣ.

Охъ, не удоволившись раззореніемъ городовъ, и грабленіемъ домовъ и капищъ, какъ то ужé сказано, еще похитилъ всѣ Архївы, хранимые свято въ капищахъ Египетскихъ; а чтобъ поругаться надъ ихъ закономъ, повелѣлъ онъ убить бога ихъ Апіса, тоесть, священнаго Вола, покланяемаго подъ симъ именемъ. Къ послѣднему сему дѣйствію слѣдующее подало причину, а именно, что понеже Охъ былъ столькожъ лѣнивъ и неповоротливъ, сколько и лютъ; то Египтяне, ради послѣдняго сего свóйства, прозвали его въ ругательство несмысленною скотиною, коей онъ, по ихъ, былъ подобенъ. Разгнѣвавшись на толикое бесчестіе, сказалъ, что дастъ знать, коль онъ не Оселъ, но Левъ; и какъ сей Оселъ, коего они презираютъ столько, съѣстъ ихъ Вола. Итакъ повелѣлъ извлещи бога ихъ Апіса изъ храма, принесъ его въ жертву Ослу, и потóмъ велѣлъ егожъ приготовить своему повару, и поставить въ кушаніе Начальствующимъ своего двора. Сіе привело багоя въ превеликую ярость. Чтожъ до Архївъ; то потóмъ онъ ихъ выкупилъ и отослалъ назадъ въ тѣ мѣстá, гдѣ онѣ обыкновенно хранимы были. Но бесчестіе, учиненное закону его, не могло быть возвращено; да и думаютъ, что сіе точно подало ему причину лишить живота своего Государя.

Эліан. кн. 4 гл. 8.

Плут. объ Ізід. и Озирід. стран. 363.

Мщеніе его не осталось притомъ. Погрéбъ онъ другое тѣло въ землю вмѣсто Царскаго; а чтобъ отмстить за то, что сей велѣлъ съѣсть Апіса своимъ предстоящимъ, отдалъ на съѣденіе трупъ его Кошкамъ, коимъ давалъ тотъ ѣсть изсѣченный въ сáмые мѣлкіе части: чтожъ до костей, то велѣлъ изъ нихъ подѣлать черены къ ножамъ и къ мечамъ; природ-

Эліан. кн. 6. гл. 8.

ныя

ныя знаменованія лютости его! Знатно, что нѣкоторые новые причины возбудили въ сердцѣ сего чудовища старый его гнѣвъ; безъ чего не понятно, чтобъ онъ могъ произвесть толь далеко варварство, въ рассужденіи своего Государя и благодѣтеля.

По Оховѣ смерти, Багой, у коего въ рукахъ была тогда вся сила, возвелъ на Престолъ Арсеса, самаго молодшаго изъ дѣтей умершаго Царя; а прочихъ всѣхъ умертвилъ, дабы пользоваться безопаснѣе и безъ соперника похищенною властію. Называлъ онъ Арсеса Царемъ токмо, длятого что хранилъ для себя всю силу въ правленіи. Но усмотрѣвая, что сей молодый Государь началъ видѣть его злодѣянія, и восприималъ ужé мѣры, чтобъ его за то казнить, предупредилъ того самъ; такъ что онаго потребилъ, и искоренилъ всю его съ нимъ фамілію.

Багой, здѣлавъ Престолъ празнымъ чрезъ потребленіе Арсеса, возвелъ на оный Дарія, третіяго по имени царствовавшаго въ Персідѣ. Прямое его имя было Кодоманъ. Много будетъ о немъ повѣствованія въ послѣдованіи.

Ясно видимы здѣсь, смертоносныя дѣйствія худыя Політіки Царей Персідскихъ, которыи, чтобъ облехчиться отъ тягости дѣлъ, оставляли всю свою власть нѣкоему Евнуху. Багой могъ имѣть больше искусства и благоразумія предъ другими, и чрезъ то удостоиться нѣкоторыя отмѣны: долженъ просвѣщенный Государь отмѣнять достоинство. Но просвѣщенный Государь долженствуетъ всегдажъ пребывать полнымъ Господиномъ, Судіею, и Властелиномъ надъ всѣмъ. Государь, какъ Охъ, коему самыя великія злодѣянія служили степенями къ восшествію на Престолъ, и который держался наономъ такимижъ средствіями, заслужилъ имѣть такова Міністра, каковъ былъ Багой, который не уступалъ своему Государю въ нарушеніи вѣрности и въ лютости. Охъ почувствовалъ того самъ первый дѣйствія. Когдажъ онъ хотѣлъ его не боятся; то не надлежало быть и неблагоразумну, чтобъ здѣлать его страшнымъ, дѣлая могущимъ все.

§ VI.

СОКРАЩЕНІЕ ЖИТІЯ ДЕМОСТЕНОВА ДО ВРЕМЕНИ, ВЪ КОЕ НАЧАЛЪ ОНЪ ЯВЛЯТЬСЯ ДОСТОСЛАВНО НА КАНЦЕЛѢ ПРОТИВЪ ФІЛІППА МАКЕДОНСКАГО ЦАРЯ.

Понеже Демостенъ представитъ великое дѣйствіе въ Исторіи о Філіппѣ и Александрѣ, которая будетъ матеріею слѣдующаго Тома; то потребно дать напредь нѣкоторое о немъ понятіе Читателямъ, и имъ показать, какими средствіями онъ учредилъ, и до какія степени совершенства произвелъ талантъ Краснорѣчія, которое здѣлало его страшнѣйшимъ Філіппу и Александру, и привело въ состояніе, показать бóльшіе услуги Отечеству, нежелибъ могла здѣлать вся военная Храбрость.

Д. М. 3623. Пр. І. Х. 381. Сей Ораторъ, родившись два (*) года спустя послѣ Філіппа, а за двѣсти за восемдесятъ лѣтъ прежде Цицерона, имѣлъ себѣ родителя не кузнеца закопченаго дымомъ и замаранаго сажею, какъ то кажется, что „ (a) „ Ювеналъ хочетъ дать знать „, да человѣка довольно богатаго, который имѣлъ заводъ кузнечный. Но сáмая нискiя порода не можетъ здѣлать вредъ славѣ Демостеновой. Дѣлá его и сочиненія находятся тѣлою благородія вышшаго всего того, что Свѣтъ имѣетъ сáмое блистательное. Демостенъ обьявляетъ намъ самъ, что отецъ его употреблялъ въ своихъ кузницахъ тритцать человѣкъ невольниковъ, изъ которыхъ каждый стóилъ цѣною въ три мíны, то есть, въ тритцать рублей, кромѣ двухъ, кои были безъ сомнѣнія искуснѣйшіи, и управляли всю работу: цѣна имъ была каждому шесть мíнъ, тоесть шестьдесятъ рублей. Извѣсно, что невольники были частію имѣнія

Плутар. въ Демост. страниц. 847, 849.

Въ слов. I. противъ Афоб. стр. 896.

(*) Въ четвертое лѣто восемдесятъ девятыя Олімпіады.

(a) Quem pater ardentis massae fuligine lippus,
A carbone, et forcipibus, gladiosque parante
Incude, et luteo Vulcano ad Rhetora misit.

тоесть:

Котораго Отецъ, съ тарбовъ къ слѣпцу подхожъ,
Отъ углей, отъ клещей, отъ наковальни тожъ,
И отъ дѣльца мечей Вулкана, сажей гнусна,
Къ Словеснику послалъ, въ немъ рѣчь былабъ искусна.

Ювенал. Кн. IV. Сатір. 10.

нія у древнихъ. Сіи кузницы, за всѣмъ-про-все, приносили на каждый годъ тритцать мінъ, то есть, три ста рублей. Сверьхъ сего перваго завода, опредѣленнаго на дѣланіе мечей, и другихъ подобныхъ оружій, имѣлъ онъ еще другой, въ коемъ дѣланы были кравати и столы деревянныи рѣткіи или изъ слоновыя кости; а приносили ему они въ годъ по двенатцати мінъ, тоесть по-сту по дватцати рублей. Въ сихъ трудились дватцать человѣкъ токмо невольниковъ; имъ каждому цѣна была двѣ міны, тоесть, дватцать рублей.

Отецъ Демостеновъ оставилъ по своей смерти четырнатцать Талантовъ *. Сыну его было тогда только седмь лѣтъ. Имѣлъ сей нещастіе попасть въ руки Опекунамъ корыстующимся и сребролюбивымъ, которыи старались употребить въ свою пользу его имѣніе. Произвели они бездѣльное свое сребролюбіе даже до того, что отказали заплатить Учителямъ своего сироты должное имъ за ученіе его. Итакъ, не-былъ онъ воспитанъ съ толикимъ попеченіемъ, коликаго требовала природа толь превосходная, коль его была: сверьхъ того что слабость его состоянія, и худое здравіе, соединенныя съ безмѣрною горячестію матери, любящія его единственно, не позволяли Учителямъ понуждать его попремногу къ ученію.

* 8400 рублей.

Ісократово училище, изъ (a) „котораго вышло „толь много великихъ людей, было тогда въ Афинахъ са„мое славное „. Но, или то сребролюбіе и скупость Опекуновъ не позволяли ему получать успѣхъ отъ наставленій Учителя, который бралъ плату очень * дорогую, или Краснорѣчіе Ісократово сладкое и тихое не показалось ему еще тогда къ, обучался онъ у Ізея, коего характеръ былъ сила и зѣльность. Однако нашелъ способъ, имѣть наставленія ретoріческія, коимъ научалъ оный первый. Платонъ, говоря свойственно, поспѣшествовалъ наибольше къ наученію Демостена: сей читалъ съ великимъ прилѣжаніемъ

* 10 мінъ. сто рубл.

(a) Isocrates . . . cuius e ludo, tamquam ex equo Troiano, innumeri principes exierunt.

De Orat.. 94.

ніемъ того дѣла, и еще слушателемъ былъ его ученія;
„ (a) да и способно можно признать въ сочиненіяхъ учени-
„ковыхъ стиль благородный и высокій Учителевъ.„

Авл. Гелл. кн. 3. гл. 13. Но вскорѣ онъ оставилъ Іссеево и Платоново училище, дабы ему перейти въ другое, въ которое первыя приводили его, тоесть, въ самыя судныя мѣста: а вотъ что и подало ему къ тому причину. Ораторъ Каллістратъ долженствовалъ говорить въ полномъ Собраніи о дѣлѣ города Оропы, стоящаго между Беотіею и Аттікою. Хабрій когда возбудилъ Аѳинянъ итти на помощь Тебанцамъ, которымъ въ томъ великая была нужда; то они туда побѣжали, и ихъ избавили. Тебанцы, позабывши сію великую услугу, отняли у Аѳинянъ Оропу, который былъ на ихъ границахъ. Упало еще нѣкоторое другое подозрѣніе и на Хабрія; да и доносимо было на сего Полководца въ измѣнѣ. Демосѳ. въ Мид. стр. 61. 3. Каллістратъ былъ выбранъ говорить противъ него. Слава Ораторова, и важность дѣла, возбудили любопытство, и здѣлали великое разглашеніе по всему городу. Л. М. 3639. Пр. І. Х. 365. Демосѳенъ, имѣя тогда отъ рожденія шеснатцать лѣтъ, просилъ самымъ сильнымъ образомъ своихъ Учителей, чтобъ его повесть съ собою въ судебное мѣсто, дабы и ему быть и слышать тамъ славную рѣчь. Ораторъ былъ слушаемъ съ великимъ вниманіемъ; а получивъ чрезвычайный успѣхъ, препровожденъ въ свой домъ съ церемоніею, и премножествомъ знаменитыхъ гражданъ, которыи старались непрерывъ другъ предъ другомъ приписывать ему похвалы, и засвидѣтельствовать плесканія. Молодый человѣкъ былъ чрезвычайно пораженъ честію отдаемою Оратору, и еще больше верьховною силою, какову Краснорѣчіе имѣетъ надъ сердцами, коими оно располагаетъ какъ Самодержавный Властелинъ. Почувствовалъ онъ

(a) Lectauisse Platonem studiose; audiuisse etiam Demosthenes dicitur: idque adparet ex genere et granditate sermonis.

Cic. in Brut. n. 121.

Illud iusiurandum per caesos in Marathone ac Salamine propugnatores Reipublicae, satis manifesto docet praeceptorem eius Platonem fuisse.

Quintil. lib. 12. cap. 10.

онъ въ себѣ то, и не могъ больше противиться сладости того. Чего ради, отдался оному совершенно отъ самаго того времени, да и оставилъ всякое другое ученіе, и всякое увеселеніе другое: а коль долго Каллістратъ пребылъ въ Аѳинахъ; онъ былъ всегда неотступенъ отъ него, и употребилъ въ свою пользу его совѣты.

Первый опытъ, который онъ учинилъ своему Краснорѣчію, былъ на Опекуновъ, коихъ принудилъ отдать себѣ часть своего имѣнія. Ободренъ бывши симъ благополучнымъ успѣхомъ, отважился говорить предъ Народомъ. Не удалось ему тутъ нимало. Онъ имѣлъ голосъ слабый, языкъ несвободный, и духъ очень короткій; а однако Періоды его были толь долги, что находился часто принужденъ ихъ прерывать для отдохновенія. Итакъ, былъ засвистанъ всѣми слушателями; да и возвратился лишившійся совершенно бодрости, и намѣрившійся отстать на вѣки отъ такія должности, къ которой думалъ себя быть неспособнымъ. Одинъ нѣкто изъ его слушателей, который сквозь оныя его пороки усмотрѣлъ въ немъ преизрядную способность, и Краснорѣчіе много подобное Періклову, ободрилъ его льстивною Ідеею толь славнаго подобія, и спасительными совѣтами данными ему.

Итакъ, явился онъ вторично предъ Народъ; однако не былъ принятъ лучше прежняго. И какъ онъ возвращался домой потупившись, и преисполненъ стыда; тогда нѣкто изъ самыхъ лучшихъ Театральныхъ Игроковъ того времени, который былъ ему пріятель, имеуемъ Сатірусъ, встрѣтился съ нимъ, а увѣдомився отъ него о причинѣ его печали, далъ ему знать, что сіе зло было не безъ лѣкарства, и что все то не толь есть отчаянно, коль онъ думалъ. Пожелалъ сей только, чтобъ Демостенъ предъ нимъ прочелъ нѣсколько стиховъ Эвріпідовыхъ, или Софокловыхъ: сіе онъ учинилъ въ тожъ самое время. Но когда Сатірусъ ихъ сталъ говорить, то имъ далъ весьма иную пріятность голосомъ, движеніемъ, и живностію, съ какою ихъ читалъ; такъ что Демостенъ самъ нашелъ ихъ иными. Почувствовалъ онъ, чего ему не доставало; да и началъ прилѣжать къ пріобрѣтенію того.

Стремительства, какія онъ показалъ, чтобъ исправить недостатокъ природный языка, и чтобъ получить совершенство въ произношеніи, коего пріятель его изъяснилъ всю драгость, почитай кажутся быть невѣроятными, и показываютъ, что неусыпный трудъ все преодолѣваетъ. Онъ шепелилъ языкомъ такъ, что не могъ выговорить нѣкоторыхъ літеръ, между прочимижъ оную букву, которою начинается имя его художества, * коему онъ учился: да и духъ у него былъ толь коротокъ, что не могъ произнесть цѣлаго Періода не остановившись. Преодолѣлъ онъ всѣ сіи препятія, полагая въ уста небольшіи кремешки, и произнося такимъ образомъ премногіе сряду строки громко, не отдыхая, и еще ходя, и восходя на горы высокіе, и трудные: такъ что, потомъ никакое письмя не запинало его, и самыи долгіи Періоды не истощавали въ немъ духа. Здѣлалъ онъ еще того больше. Ходилъ на морскій берегъ, и въ то время, какъ море волновалось самымъ сильнымъ образомъ, произносилъ рѣчь, дабы привыкнуть отъ глухаго шума волнъ къ народному шумѣнію, и къ мятежному воплю Собраній.

Цц. кн. 3. объ орат. числ. 260, 261.

* Реторіка.

Квінтіл. кн. 11. гл. 3.

Демостенъ не меньше старался о движеніи тѣла, коль и о голосѣ. Имѣлъ онъ у себя большое зеркало, которое было ему учителемъ движенія тѣлеснаго, и предъ которымъ говорилъ прежде нежели явится всенародно. Чтожъ бы исправить недостатокъ, какой онъ получилъ отъ худаго обыкновенія, именножъ, подымать непрестанно свои плеча; то обучался стоя въ нѣкоторомъ родѣ Катедры очень ускія, гдѣ висѣло сверху копье, дабы, ежели въ горячести дѣйствія здѣлаетъ онъ то движеніе, острота копейная служила ему исправительницею, и совокупно наказаніемъ за то.

Онжекн. 11. гл. 3.

Награжденъ онъ съ лихвою за всѣ свои труды, для того что симъ точно способомъ произвелъ науку Витійства до самыя высокія степени совершенства, до какія можно ей было дойти: ибо зналъ въ ней всю

дра-

драгость и важность. Чего ради, когда (a) „ его спрашивали притратно, Какое свойство разсуждалъ бы онъ „быть самое нужное Оратору; то не сказывалъ другаго, кромѣ что Произношенїе, желая внушить „симъ отвѣтомъ, повтореннымъ трижды, что сїе свойство есть такое, коего недостатокъ можетъ меньше „всѣхъ быть укрытъ, а само оно могло закрывать всѣ „прочїи пороки, и что Произношенїе одно токмо можетъ „крайнюю похвалу заслужить Оратору, еще и посредственному, а безъ него и самый искусный не можетъ „надѣяться ни малаго себѣ никогда успѣха„. Надобно, чтобъ онъ Выговоръ ставилъ въ велико, для того что, дабы въ немъ получить совершенство, и наставленїе отъ Неоптолема, самаго тогда искуснаго комедїанта, далъ ему десять тысячъ драхмъ, (*) хотя самъ и не былъ богатъ.

* 1000 рублей.

Прилѣжанїе его къ наукѣ не меньше было удивительно. Чтобъ ему быть удалену отъ шума, и имѣть меньше помѣшательствъ; то здѣлалъ себѣ кабїнетъ подземный, который пребывалъ еще въ цѣлости въ Плутархово время, и въ кой онъ запирался иногда на цѣлыи мѣсяцы, обривая себѣ нарочно половину головы, чтобъ ему нельзя было вонъ выттти. Въ немъ то, при свѣтѣ отъ одноя токмо лампадки, сочинилъ онъ удивительные оные рѣчи, о которыхъ зависники его говорили, что онѣ пахли масломъ, означая, что работаны были съ крайнимъ прилѣжанїемъ. „Видно, говорилъ онъ имъ впреки, что ваши не становились вамъ толь въ великїй „трудъ„. (b)„ Вставалъ онъ очень рано, и обыкновенно „говаривалъ, что ему было печально, когда какой худо-„жникъ

(a) Actio in dicendo vna dominatur. Sine hac summus Orator esse in numero nullo potest: mediocris, hac instructus, summos saepe superare. Huic primas dedisse Demosthenes dicitur, cum rogaretu quid in dicendo esset primum; huic secundas, huic tertias.

Cic. de orat. lib 3. n. 213.

(b) Cui non sunt auditae Demosthenis vigiliae? qui dolere se aiebat, si quando opificum antelucana victus esset industria.

Tuscul. quaest. l. 4. n. 44

„жникъ ранѣе его встанетъ„. Можно разсуждать о старанiи, дабы ему получить совершенство во всякомъ родѣ, по труду, приложенному отъ него въ списыванiи собственную своею рукою осмь кратъ Туцiдiдову Iсторiю; сiежъ для того, чтобъ привыкнуть ему къ стилю сего великаго человѣка.

Лукiан. против. неуч стр. 639.

Демостенъ, показавъ свой талантъ въ Добровѣщанiю въ нѣкоторыхъ простыхъ дѣлахъ, произвелъ себя въ Свѣтъ и явился на Канцелѣ, чтобъ говорить съ онаго о всенародныхъ дѣлахъ. Послѣдованiе намъ покажетъ, съ какимъ успѣхомъ онъ то здѣлалъ. (a)„ По Цiцеронову разсужде„нiю, сей успѣхъ толь былъ великъ, что сбѣжались изъ „всея Грецiи въ Аѳины, дабы слышать вѣщающаго Демо„стена: да и присовокупляетъ, что съ такимъ до„стоинствомъ, каково было Демостеново, быть тому „инако и не возможно было„. Я не рассматриваю здѣсь характера въ его Краснорѣчiи: сiе учинено мною индѣ съ довольнымъ пространствомъ; я здѣсь только разсуждаю объ удивительномъ онаго дѣйствiи.

Способъ какъ учить Том. 2.

Ежели вѣрить Фiлiппу, а въ семъ онъ по истиннѣ свидѣтель достойный вѣроятiя, и не можно его не принять; то Краснорѣчiе Демостеново дѣлало ему, одно только, больше вреда, нежели всѣ войска, и всѣ флоты Аѳинскiи. Рѣчи его, говорилъ онъ, были какъ военныя орудiя, и раскаты здѣланныи издалека на него, коими онъ опровергалъ всѣ того намѣренiя, и въ ничто обращалъ всѣ предпрiятiя; такъ что не возможно было удержать ихъ дѣйствiя. Ибо я самъ [такъ Фiлiппъ говорилъ] ежелибъ присутствовалъ въ Собранiи, и слышалъ вѣщающаго того вѣльнаго Оратора; тобъ первый изъ всѣхъ заключилъ, что надлежало объявить мнѣ войну. Никакой городъ не казался сему Государю не могущимъ быть взятъ, толькобъ онъ могъ туда впустить Осла обремененнаго золо-

Лукiан. въ похвалѣ Демост. страницы 940, 941.

(a) Ne illud quidem intelligunt, non modo ita memoriae proditum esse, sed ita necesse fuisse cum Demosthenes dicturus esset, vt concursus, audiendi caussa, ex tota Graecia fierent.

In Brut. n. 289.

золотомъ: Но съ болѣзнію онъ признавалъ, что симъ способомъ Демостенъ былъ непобѣдимъ, и что находилъ его всегда неприступнымъ съ своими подарками. По Херонейской битвѣ, Филиппъ, хотя и побѣдитель, трепеталъ еще съ страха, видя крайнее бѣдствіе, которому сей Ораторъ, сильнымъ соединеніемъ, въ коемъ былъ душа и жизнь, подвергъ его самого и государство.

Антипатеръ говорилъ объ немъ также. Я не почитаю ни за-что ни Пірей, ни галеры, ни Аѳинскіе армеи. Да и чего намъ бояться отъ народа непрестано упражняющагося въ играхъ, въ пированіяхъ, и въ празднованіяхъ Бахху? Одинъ Демостенъ насъ страшитъ. Безъ него Аѳиняне не будутъ разниться ничемъ отъ греческихъ самыхъ неславныхъ народовъ. Онъ одинъ ихъ возбуждаетъ, оживляетъ, сонъ ихъ отъ нихъ отганяетъ и спячку, подаетъ имъ оружіе и весла въ руки почитай нехотящимъ; а непрестанно имъ представляя славные битвы Маратонскую и Саламінскую, преображаетъ ихъ въ другихъ людей воспламененными своими рѣчами, и вдыхаетъ въ нихъ бодрость и невѣроятную смѣлость. Ничто не уходитъ отъ свѣтлозрящихъ его очей, ни украдывается отъ его благоразумія. Онъ предусматриваетъ всѣ наши намѣренія; онъ раскрываетъ всѣ подкопы; онъ опровергаетъ всѣ начинанія наши: и ежелибъ Аѳины вѣрили ему во всемъ, и слѣдовали его совѣтамъ; тобъ мы всѣ уже погибли безъ остатка. Ничто не можетъ ни провесть ни привесть въ слабость любви его къ Отечеству. Все Філиппово золото не находитъ слѣдовъ къ нему; такъ какъ Персідское прежде сего не имѣло входа къ Арістиду. Луціанъ въ похвалѣ Демостеновой стр. 934, 939.

Сіе есть славное засвидѣтельствованіе, кое необходимость къ праведному защищенію себя, принудила его вдѣлать самому себѣ, въ прекрасной рѣчи на Эсхіна доносителя своего, и явнаго врага. „Въ то время, какъ всѣ „Ораторы попускали быть себѣ подкупаемымъ подарками „Філипповыми и Александровыми, извѣсно всѣмъ, говорилъ „онъ, что ни нѣжные окресности, ни ласковыя слова, ни „великолѣпныя обѣщанія, ни надежда, ни страхъ, ни бла„гопріятство, и ниже что другое въ Свѣтѣ, никогда не „могло меня привесть къ тому, чтобъ я опустилъ наи-

„малѣйше почитаемое мною полезнымъ, какъ праву, такъ „и преимуществамъ Отечества.„ Присовокупляетъ онъ, какъ вмѣсто того, что наемныи, предлагая свои мнѣнія, становились всегда за давшаго имъ больше, подобясь въ семъ вѣсамъ, у которыхъ опускается всегда та чашка на низъ, которая больше въ себя клади получаетъ, онъ, въ данныхъ имъ совѣтахъ, не смотрѣлъ никогда ни на что другое, какъ токмо на пользу и на славу Отечества, и былъ всегда непобѣдимымъ и нельстящимся на Македонское золото. Послѣдованіе намъ покажетъ, здержитсяль онъ до конца въ сей твердости.

Таковъ то былъ Ораторъ, который отнынѣ станетъ всходить на Канцель, съ коего говоримы были рѣчи, или лучше, таковъ то Государственный человѣкъ, кой вступитъ въ правленіе всенародными дѣлами, и будетъ душею и жизнію всѣхъ великихъ начинаній, кои городъ Аѳины предвоспріиметъ на Филиппа.

§. VII.

ОТСТУПЛЕНІЕ О ВОРУЖЕНІИ ГАЛЕРЪ ВЪ АѲИНАХЪ; ТАКЖЕ О ПРЕИМУЩЕСТВАХЪ, И О ДРУГИХЪ ЗНАКАХЪ ЧЕСТИ, КОИМИ СЕЙ ГОРОДЪ ПОЧИТАЛЪ ПОКАЗАВШИХЪ ЕМУ ВЕЛИКІЕ УСЛУГИ.

Матерія сего Отступленія долженствовала быть вмѣщена прилично въ томъ мѣстѣ прошедшаго Тома, гдѣ я предлагалъ о правленіи и о морскомъ Аѳинскомъ ополченіи. Но тогда не вздумалъ о словахъ Демостеновыхъ, въ коихъ о семъ говорится. Сія матерія есть приставка, пресѣкающая порядокъ Історіи; но впрочемъ, способно Читатель можетъ ея преминуть.

Τριήραρχες. Слово Тріирархи, значитъ само по себѣ токмо командующихъ галерами. Но они называли Тріирархами гражданъ, на коихъ положено было вооружать военные галеры, и снабдѣвать оные всѣми потребностями, или, по малой мѣрѣ, частію оныхъ.

Выбираемы они были изъ самыхъ богатыхъ людей. Числа имъ опредѣленнаго не было. Иногда, при вооруженіи

нии и на вооруженіе судна, находилось два Тріирарха, иногда три; а иногда было ихъ и десять.

Наконецъ, положено число Тріирархамъ вобще въ тысячу въ двѣсти человѣкъ: но вотъ и способъ, какимъ оное здѣлано. Городъ Аѳины состоялъ изъ десяти поколѣній. Во всякомъ поколѣніи назначали, для надлежащаго иждивенія на вооруженіе, сто двадцать человѣкъ гражданъ самыхъ богатыхъ. И такимъ образомъ, понеже каждое изъ десяти поколѣній давало сто двадцать человѣкъ, число Тріирарховъ пришло въ тысячу двѣсти. Улпіан. въ Олинѳ. 2. стран. 33.

Раздѣлили еще оную тысячу двѣсти человѣкъ на двѣ половины, изъ которыхъ каждая состояла въ шести стахъ человѣкахъ: каждая половина раздѣлялась еще на двѣ равные части по три-ста человѣкъ. Первыи три ста человѣкъ были выбраны изъ самыхъ богатыхъ. Сіи давали напредь деньги въ самый нужный случай, и прибѣгали въ томъ къ другимъ тремъ стамъ, кои не столь были богаты; а сіи платили смотря по тому, какъ имъ состояніе ихъ дѣлъ позволяло.

Потомъ здѣланъ уставъ, который раздѣлялъ оную тысячу двѣсти человѣкъ на разные станицы, изъ которыхъ каждая состояла въ шеснатцати человѣкъ гражданъ, кои складывались на вооруженіе галеры. Сей уставъ былъ очень тягостенъ гражданамъ не весьма заводнымъ; да и въ самой вещи весьма несправедливъ, тѣмъ что повелѣвалъ выбирать оное число-шеснатцати человѣкъ смотря на ихъ лѣта, а не на количество имѣнія. Ибо оный гласилъ, чтобъ каждому гражданину, отъ дватцати пяти лѣтъ, до-сорока, быть включену въ одну изъ тѣхъ станицъ, и давать шеснатцатую долю; такъ что, по силѣ того устава, граждане посредственно имущіи, давали столькожъ, сколько и самыи богатыи, и что часто еще тѣ находились въ невозможности, дать на иждивеніе, кое было сверьхъ ихъ силъ. Отъ сего дѣлалось, что суда не-были вооружаемы ко времени, или были оныя весьма худо снабдѣваемы; а по сей причинѣ, Аѳины теряли самыи благовременныи случаи къ дѣйствію.

Демостенъ, всегда старающійся о всенародной пользѣ, дабы поправить такую неудобность, предложилъ уставъ, Демосѳ. въ слов. о флотахъ.

который уничтожалъ оный, о коемъ мы говорили. Его гласилъ, чтобъ Тріерархамъ выбираемымъ быть впредь не по числу лѣтъ, но по числу имѣнія. Что каждый гражданинъ, у коего есть имѣнія на-десять талантовъ *, долженъ будетъ вооружить своимъ иждивеніемъ одну галеру: а тотъ вооружитъ двѣ, у котораго пожитковъ на-двадцать талантовъ *; симъ образомъ и прочіи всѣ по равномѣрности. Но у коихъ имѣніе находится ниже десяти талантовъ; изъ тѣхъ бы многимъ соединяться, пока число надлежащее наполнится, и вооружать галеру.

* 6000 рублей.

* 12000 рублей.

Сего Демостенова устава ничто не можетъ быть основательнѣе: онъ поправлялъ всѣ неудобности въ первомъ ономъ. Симъ способомъ, суда вооружались къ точному времени, и были снабдѣны всѣми потребностями: бѣдныи стали облехчены крайно; только что одни богатыи отъ того претерпѣвали. Ибо, вмѣсто что кто ни будь изъ богатыхъ долженствовалъ, по силѣ перваго устава, давать только шеснатцатую долю на вооруженіе галеры, тотъ былъ принужденъ уже иногда, по силѣ втораго, вооружить одинъ токмо цѣлую галеру, иногда двѣ, или еще и больше, ежели у него было на столько имѣнія.

Чего ради богатыи очень были недовольны Демостеномъ за сіе его поправленіе; да и надлежало, безъ сомнѣнія, имѣть великую бодрость, чтобъ не смотрѣть на такіе ихъ жалобы, и отважиться здѣлать себѣ столько непріятелей, сколько было сильныхъ гражданъ въ городѣ. Надобно послушать его самого. „Видя, говорилъ онъ „предлагая Аѳинянамъ, что ваша мореходная служба про„падала, что богатыи были въ увольненіи, откупленномъ „самою малою цѣною, что посредственныи граждане, и „самыи бѣдныи отягощены и изнурены налогами, и „что республика, при толикомъ непорядкѣ, предвосприи„мала всегда дѣла послѣ прошествія времени, дерзнулъ я „утвердить такой уставъ, коимъ привелъ богатыхъ къ „ихъ должности, бѣдныхъ отвелъ отъ утѣсненія, и, въ „чемъ состоитъ самая крайняя важность, промыслилъ рес„публикѣ средствія къ заблаговременнымъ военнымъ пріуго„товленіямъ„. Къ сему присовокупляетъ, что богатыи всебъ ему дать могли, чтобъ удержать его отъ предложенія.

Демост. за Ктезифон. стр. 489.

ложенія такова устава, илибъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ отложить онаго исполненіе: но онъ не поползнулся ни на ихъ обѣщанія, ни убоялся ихъ угроженій, а пребылъ непоколебимъ, въ рассужденіи общія пользы.

Не возмогши поколебнуть его постоянство, взялись они за нѣкоторую окружность и проискъ, чтобъ здѣлать тотъ уставъ бесполезнымъ. Ибо, безъ сомнѣнія было то по ихъ подущенію, нѣкто простый человѣкъ, именемъ Патроклъ, позвалъ Демостена въ судъ, и обличалъ его тамъ, какъ нарушителя отечественныхъ уставовъ. Когдажъ доноситель не получилъ себѣ пятыя части голосовъ; то былъ обвиненъ, по обыкновенію, и положенъ на него штрафъ пяти сотъ драхмъ, * а Демостенъ оправданъ. * 50 рубл.

Я весьма сомнѣваюсь, чтобъ въ Римѣ, особливо въ послѣднія времена, дѣлу сему окончиться такимъ образомъ. Ибо мы видимъ, что, сколькобъ о томъ ни старались народныи Трибуны, и къ какой бы крайности ни приведена была такая ссора, никакъ было не возможно преклонить богатыхъ, кои были сильняе и смѣляе Аѳинейскихъ, отказаться отъ владѣнія земель захваченныхъ неправдою, и явнымъ нарушеніемъ государственныхъ узаконеній. Демостеновъ уставъ былъ одобренъ, и подтвержденъ Сенатомъ и Народомъ.

Явно есть изъ предложеннаго, что Тріирархи воружали галеры своимъ собственнымъ иждивеніемъ, и давали на всѣ надлежащіе имъ потребности. Государство платило мореходцамъ и воинамъ, обычайножъ по три Обола на-день, тоесть, по пяти копеекъ, какъ то я объявилъ инде. Плата Начальствующимъ была больше.

Тріирархъ коммандовалъ судномъ, и отдавалъ приказы всѣмъ находящимся на немъ служителямъ. Когдажъ ихъ было двое; то каждый былъ коммандиромъ чрезъ шесть мѣсяцовъ.

Когда ихъ комманда окончавалась; то надлежало имъ дать отчетъ въ своемъ правленіи. Экстріирархъ * здавалъ припасы или своему преемнику, или Республикѣ; а преемникъ тотчасъ долженъ былъ вступить въ должность: будежъ не вступитъ въ назначенное время; то полагаемъ былъ штрафъ на него.

* Бывшій, или смѣненый Тріирархъ.

Впрочемъ, понеже чинъ Тріирарха обязывалъ къ великому расходу; то позволено было назначеннымъ указать на кого другаго богатѣйшаго ихъ, и требовать, чтобъ его опредѣлить на ихъ мѣсто, только чтобъ имъ быть готовымъ перемѣниться имѣніемъ съ нимъ, и отправлять Тріирархіческую должность послѣ сея перемѣны. Сей уставъ былъ Солоновъ, и назывался, уставъ перемѣнъ.

Сверьхъ воруженія галеръ, которое становилось въ великіе деньги, богатыи долженствовали еще несть другую тягость въ военное время, а именно чрезвычайныя положенія на доходы обывательскіи, съ коихъ имана была сотая, пятдесятая, а иногда и двенатцатая доля, смотря по разнымъ государственнымъ нуждамъ.

Демост. противъ Лептін. стран. 5,5

Никто въ Аѳинахъ, для какіябъ то причины быть ни могло, не могъ быть выключенъ изъ оныхъ обѣихъ должностей, кромѣ Новемвіровъ, тоесть, кромѣ девяти человѣкъ Архонтовъ, которыи не обязаны были воружать галеры. Явно есть, что безъ судовъ и безъ денегъ, Республика не была въ состояніи выдержать войну, и себя защищать.

были другія исключенія и увольненія, позволяемыя показавшимъ великіе услуги Республикѣ, а иногда и всѣмъ ихъ потомкамъ; какъ то отъ снабдѣнія училищныхъ мѣстъ всѣмъ потребнымъ для обучающихся въ нихъ, отъ учрежденія всенароднаго пира одному изъ десяти поколѣній, отъ даванія доли на потѣхи и зрѣлища: все сіе становилось во многіе деньги.

Сіи Увольненія были, какъ то я ужé объявилъ, знаки чести, и награжденія за услуги показанные Государству; равно какъ и Статуи ставимые въ честь великимъ людямъ, Право гражданства даемое пришельцамъ, и Прівилегія, быть питаему въ Прітанеѣ коштомъ общенароднымъ. Намѣреніе Аѳинейское, сими почетными отмѣнами, продолжаемыми иногда фамиліямъ, состояло въ томъ, чтобъ изъявить, что Народъ есть благодаренъ, и чтобъ совокупно разжечь въ сердцѣ гражданъ благородное желаніе къ славѣ, и гарячую любовь къ Отечеству.

Сверьхъ Статуй, поставленныхъ отъ сего Народа Гармодію и Арістогітону избавителямъ его, онъ уволь-

нилъ еще на вѣки ихъ потомковъ отъ всѣхъ всенародныхъ службъ: Они пользовались симъ чеснымъ преимущесшвомъ чрезъ многіи потомъ вѣки.

И какъ Арістідъ умеръ безъ имѣнія, и не оставилъ сыну своему Лісімаху другаго наслѣдія, кромѣ собственныя славы и убожества; то республіка дала сему въ Эвбеѣ сто десятинъ земли насажденныя деревами, и столькожъ пахатныя, сверьхъ ста мінъ * денегъ въ одинъ разъ со-отпенныхъ, да четырехъ драхмъ, тоесть, сорока копеекъ на каждый день. Демосш. въ слов. на Лептін. стран. 558.

* 1000 руб.

Городъ Аөины, въ службѣ показанной ему, почиталъ еще больше усердіе, нежели самые услуги. Нѣкто изъ Ціремы, именемъ Эпіцердъ, который былъ въ Сиракузахъ во время разбитія Аөинянъ, пришедъ въ сожалѣніе по бѣдныхъ плѣнникахъ разсѣянныхъ по Сіціліи, и умирающихъ съ голода, раздалъ имъ сто мінъ, тоесть тысячу рублей. Аөиняне приняли его въ число своихъ гражданъ, и пожаловали всѣми увольненіями, о коихъ предложено выше. Не много времени спустя послѣ того, во время войны противъ тритцати Тірановъ, тотъ же Эпіцердъ далъ сему городу цѣлый талантъ. * Не велико сіе дѣло, при томъ и другомъ случаѣ, въ рассужденіи величія и силы Аөинейскія: но городъ сей былъ безмѣрно чувствителенъ къ доброусердію чужестранцову, который безъ всякія себѣ корысти, и въ бѣдственное время, истощавался нѣкоторымъ образомъ, чтобъ помочь людямъ, съ коими онъ не имѣлъ никакова соединенія, и отъ которыхъ не могъ ничего ожидать. Тамже стр. 757.

* 600 рубл.

Тотъ же городъ Аөины далъ Прівілегію на гражданство, и увольненіе отъ пошлинъ съ привоза, Левкону царствовавшему въ Босфорѣ, и его дѣтямъ, длятого что городъ получалъ съ земель сего Государя знатное число пшеницы, въ коей крайняя нужда ему была, содержащемуся только тѣмъ, что приходило отъинуду. Левконъ съ своей стороны, желая быть также щедрымъ, увольнилъ Аөинейскихъ купцовъ отъ тритцатыя доли, положенныя на вывозный отъ него хлѣбъ, и далъ имъ Прівілегію брать у себя хлѣбъ прежде другихъ. Но сіе увольненіе стоило знатныя суммы. Ибо получали они изъ той одной земли четы- Тамже страниц. 545, 546.

четыресота тысячъ четвертей хлѣба; а тритцатая доля была больше нежели въ тринатцать тысячъ четвертей.

Пожаловано также Конону и Хабрію, и ихъ дѣтямъ, увольненіе отъ всенародныхъ должностей. Имя токмо одно сихъ обоихъ знаменитыхъ Полководцовъ, одобряетъ довольно щедрость народа Аѳинейскаго. Однако нѣкто простый человѣкъ, именемъ Лептинъ, возбужденъ бывъ несмысленною ревностію къ общей пользѣ, предложилъ уничтожить новымъ уставомъ всѣ позволенія сего рода, которыя уже пожалованы отъ давнихъ временъ, выключая токмо данныя Гармодію и Арістогітону; да и узаконить, чтобъ впредь Аѳинейскому народу не вольно было жаловать такимъ образомъ.

Демостенъ воспротивился сильно сему уставу, однако не касаясь почитай ни чемъ до предложившаго оный, похваляя доброе его намѣреніе, и говоря объ немъ съ почтеніемъ; способъ отраженія самый дѣйствительный, нежели оные наглые нападки, коихъ острый и гарячій Стіль способенъ токмо къ отвращенію сердецъ, и къ приведенію въ подозрѣніе Оратора, оглашающаго самимъ собою свое дѣло, и показывающаго въ немъ слабость, употребленіемъ брани вмѣсто доказательствъ, кои одни токмо могутъ преклонить.

Показавъ прежде, что сіе ненависное поправленіе не приноситъ почитай никакія пользы Республікѣ, для того что число увольненныхъ есть не велико, предлагаетъ онъ безгодія, и изъясняетъ ихъ обстоятельно.

„ Чрезъ сіе вопервыхъ, говоритъ онъ, здѣлается обида „памяти оныхъ великихъ людей, коимъ благоволено тѣми „увольненіями возблагодарить и наградить за ихъ услугу. „Чрезъ сіе, нѣкакъ, приведутся подъ сомнѣніе „заслуги показанные ими Отечеству. Чрезъ сіе покроют„ся и преизящныя ихъ дѣйствія нѣкоторымъ и подозрѣніемъ, „могущимъ помрачить славу. Но ежелибъ они еще были въ „живыхъ, и предстоялибъ въ семъ Собраніи; то дерз„нулъ либъ кто нибудь изъ насъ учинить имъ такое безче„стіе.? Итакъ, почтеніе, какое мы обязаны отда„вать ихъ памяти, не долженствуетъ ли представлять „ихъ намъ всегда живущими, и очевидно присутствующими?

„И буде

„ И буде ихъ польза намъ не весьма есть нужна, „то можемъ ли мы быть нечувствительны къ нашей собст„венной? Сверьхъ того, что уничтоженіе толь древняго „устава, есть осужденіе поступкамъ нашихъ Предковъ, „въ коликій еще стыдъ мы себя чрезъ то приводимъ? „и коего вреда не дѣлаемъ нашей чести? Слава Аѳинъ, „и всякія Области преизрядно учрежденныя, состоитъ въ „томъ, чтобъ показывать возблагодареніе, хранить свято „свое слово, и быть постоянну въ договорахъ. Хулимъ и „проклинаемъ бываетъ простый человѣкъ, который дер„заетъ то преступать, и не боится укоризны за небла„годарствіе: а вы хотите, чтобъ Республика, уничтоженіемъ устава, запечатлѣннаго знаменемъ всенародныя власти, „и посвященнаго нѣкакъ употребленіемъ многихъ ужé вѣ„ковъ, была повинна толь въ бесчесномъ преступленіи? „Мы запрещаемъ подъ жестокимъ наказаніемъ ложь и на са„мыхъ торжищахъ, и хотимъ, чтобъ добрая вѣрность тамъ „была хранима: а какъ же мы нарушимъ ея сами, от„нятіемъ милости, пожалованныя торжественно, и на ко„торую простыи обыватели имѣютъ право надѣяться?

„ Сею поступкою погасится въ сердцѣ нашихъ гра„данъ всякое ревнованіе къ славѣ, всякое желаніе къ от„мѣненію себя славными дѣлами, и всякая ревность къ поль„зѣ и чести Отечества, которое все есть крѣпкою пружи„ною, и сильнымъ побужденіемъ почитай всѣхъ дѣлъ въ „жизни. Втуне предлагается намъ образецъ Спарты и Тебъ, „гдѣ нѣтъ пожалованія подобными увольненіями. Или мы „раскаяваемся, что имъ неподобны во многомъ? И „есть ли такой мудрый человѣкъ, который бы намъ пред„ложилъ въ примѣръ не добродѣтели ихъ, но пороки „?

Впрочемъ, Демостенъ, требуя чтобъ уставъ жалующій увольненія былъ сохраненъ въ своей цѣлости, позволяетъ, и еще проситъ, лишить сея милости пользующихся ею не законно, и потому изслѣдовать о такихъ накрѣпко.

Всякъ видитъ довольно, что я не могъ сюда выписать, кромѣ самыя малыя части изъ весьма долгія рѣчи, и что мое намѣреніе было токмо, представить частію духъ сего слова и мысли, не держась нимало за реченія и изображенія.

Лептінъ былъ малодушенъ и подлъ, что хотѣлъ промыслить Республикѣ толь малое облехченіе, пресѣченіемъ посредственныхъ расходовъ, кои ей были въ честь, и не были тягосны ни мало, понеже находились другія непорядки весьма большія важности, требующія поправленія.

Сіи благодарности знаки, продолжаемыи фамиліямъ, продолжаютъ также въ Государствѣ горячую ревность къ Отечеству, и живое желаніе къ отмѣнѣ себя славными дѣйствіями. Я имѣю нѣкоторую трудность видѣть, что и у насъ отъемлется часть Прівілегій, пожалованныхъ фамиліи такъ называемыя Орлеанскія дѣвицы *. Карлъ Седмый далъ ей благородіе, ей самой, ея отцу, тремъ ея братамъ, и всѣмъ потомкамъ, еще и съ женскія стороны. Но въ 1714 годѣ, по представленію Генерала-Прокурора, уничтоженъ пунктъ благородства по женскому Колѣну.

Мезерей.

* Сіе касается не до древнія, но до Францусскія Історія.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.